

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

С.В.Цыб

ДРЕВНЕРУССКОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ

в “Повести временных лет”

**Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул — 1995**

Рецензенты:

кафедра вспомогательных исторических дисциплин
историко-архивного института
Российского гуманитарного государственного университета (Москва);
кандидат исторических наук доцент А.В.Старцев

Ц 93 Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в "Повести временных лет":
Монография. Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 1995. 147 с.

В монографии рассматриваются проблемы древнерусского времяисчисления (XI – начало XII в.), отразившегося на страницах древнейшей русской летописи – "Повести временных лет". Реконструкция времяисчислительных систем, применявшихся жителями Киевской Руси, позволяет произвести оценку достоверности хронологической информации различных летописных памятников и установить точные даты событий русской истории доудельного периода. Историко-хронологические выводы позволяют также уточнить историю сложения текста "Повести временных лет". Книга рассчитана на ученых-историков, историков литературы и культуры Древней Руси, а также на студентов.

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже более двухсот лет науке известно одно из древнейших русских летописных произведений — «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), или Начальная летопись, сохранившаяся во множестве поздних списков и сама вобравшая в себя еще более архаичные письменные памятники Древней Руси. С XVIII в. ПВЛ была объектом постоянного внимания историков, филологов, лингвистов, текстологов, достигших в деле ее изучения значительных успехов. В начале нашего столетия известный русский историк В.О. Ключевский писал: «В библиотеках не спрашивайте Начальной летописи — вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?»¹. Сейчас же мы можем взять в руки академическое издание ПВЛ, которое является не простым обобщением всех ее копий, но результатом

многолетней и кропотливой исследовательской работы ученых различных специальностей².

Для историков ПВЛ — особый источник, хотя бы потому, что большинство сведений об отечественной истории IX–XI вв. они черпают именно из него. Однако получилось так, что из всех задач, стоящих перед исторической наукой (Что? Почему? Где и когда происходило?) и связанных с ПВЛ, меньше всего определенных ответов было дано на последний вопрос. Хронология русской истории периода Киевской Руси до сих пор остается во многом загадочной и приблизительной, хотя, думается, не следует долго объяснять, что точность во времени должна быть одним из главнейших качеств историков.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

В XVIII столетии по мере европеизации в России стали возникать и развиваться новые отрасли научного исторического знания: генеалогия, метрология, нумизматика и, наконец, хронология. Различные списки ПВЛ сразу же попали в сферу внимания доморожденных хронологов и многократно использовались ими для написания сочинений, подражавших популярным в то время западно-европейским книгам. Большой научной пользы от этого, однако, не было, так как хронологи XVIII–начала XIX в. главные свои усилия направляли на пересчет (редукцию) летописных датировок с эры от Сотворения Мира (далее — С.М.) на эру от Рождества Христова (далее — Р.Х.), которая к моменту своего утверждения в России (1700 г.) являлась уже универсальной летосчислительной шкалой для историков многих европейских стран. По итогам такого пересчета составлялись книги хронологических таблиц. В этом не было бы ничего плохого, если бы первые русские хронологи вооружились знанием об особенностях старинного времяисчисления и на этой основе разрабатывали правила редукции. Таких знаний, однако, у них не было, и поэтому перевод древнерусских дат на современное летосчисление они осуществляли механически: от летописного номера года всегда высчитывалась цифра 5508 (по православной версии, твердо установившейся в России в XVI–XVII вв., именно столько лет прошло от С.М. до Р.Х.). Полученный результат считался точным и несомненным. В механико-хронологических расчетах, не требовавших сложной работы мысли, практиковались многие известные личности того времени (императрица Екатерина II, известные преподаватели Московского университета — правовед Ф.-Г. Дильтей и математик П.А. Афанасьев, грозный борец с имущественными злоупотреблениями юрист И.Д. Мокеев, скандально знаменитый изда-

тель Е.И. Ольдекоп и др.), но самые первые сочинения по систематической обработке датирующих показаний ПВЛ еще в начале XVIII в. вышли из под пера митрополита Ростовского Димитрия (Д. Туптало), а наиболее полные таблицы были составлены столетие спустя князем А.И. Голицыным³.

Хронологи-механисты, кроме того, совершенно не обращали внимания на то, что в разных списках Начальной летописи одни и те же события могли датироваться различно, поэтому их редукционные расчеты противоречили друг другу. Так, к примеру, тот же князь А.И. Голицин призывание варягов относил к 861 г. от Р.Х., а его «коллеги» — к 862 г. или 867 г.⁴ и при этом оставалось совершенно непонятным, кто же из них был более точным.

«Отец русской истории» В.Н. Татищев также не утруждал себя размышлениями над точным переводом датировок Начальной летописи, а если даже и делал это, то не с позиций научной критики, а с точки зрения здравого смысла, который, однако, не всегда является гарантом верности ученых выводов. Тем не менее, он попытался представить схему развития русского времяисчисления в допетровское время, позаимствовав ее из современной ему церковно-служебной практики, где различались начало нового года от С.М. (1.03) и начало нового церковного года-индикта (1.09). Искусственно увязывая эту схему с показаниями летописных источников, В.Н. Татищев пробовал доказать, что до середины XIV в. в русской средневековой письменности применялся мартовский счет, ведущийся с 1.03.5508 г. до н.э., а с 1348 г. по инициативе митрополита Феоноста был совершен переход к году сентябрьскому (с 1.09.5509 г. до н.э.)⁵. Это мнение затем настолько прочно утвердилось в умах исследователей, что в принципе сохранялось до начала XX в.

Последователь первого нашего историка, князь М.М. Щербатов, хотя и отметил, что в источниках нет на этот счет никаких “точных положений”, тем не менее присоединился к татищевскому мнению⁶. Согласился с этим и непримиримый критик В.Н. Татищева и М.М. Щербатова историк-генерал И.Н. Болтин⁷. Поздние продолжатели компилятивно-повествовательного исторического жанра, Н.М. Карамзин и Н.С. Арцыбашев, отрицая вывод В.Н. Татищева о перемене времяисчисления в середине XIV в., считали все же, что она приходилась на окончание XV в., и связывали ее с Московским церковным собором 1492 г.⁸

Впрочем, к заслугам В.Н. Татищева в области исторической хронологии следует отнести разработку двух методов, позволяющих осуществить безусловно точную редукцию древнерусских датировок. Первый из них условно можно назвать “календарно-недельным”. Он основывается на том, что каждый из 28 юлианских годов имеет особый порядок сочетания календарных чисел и дней недели. Зафиксировав в летописных годах от С.М. какой-то порядок этого сочетания и высчитав его для лет от Р.Х., что делается довольно просто, исследователь может точно синхронизировать летописные годы с соответствующими годами христовой эры, помня при этом, что разница между ними близка к цифре 5508 лет. Второй татищевский метод — “астрометрический”: суть его в том, что с помощью астрономических знаний и математических расчетов можно с точностью до дней и часов определить даты различных астрономических явлений (солнечные и лунные затмения, появления комет) по эре от Р.Х.; сопоставив эти расчеты с летописными известиями о тех же явлениях и учитывая ту же самую приблизительную разницу в 5508 лет, возможно также достигнуть синхронизации двух видов годов — от С.М. и от Р.Х. Оба этих метода до сих пор остаются, кстати, действенным средством анализа хронологических показаний ПВЛ.

Итак, к началу XIX в., когда в России стал формироваться широкий общественный интерес к отечественной истории, каких-либо крупных достижений в области изучения хронологии Начальной летописи не отмечалось. Их появление было связано с возникновением научной школы “критическая хронология”.

Ее идейным вдохновителем был российский академик, проживавший в Гёттингене, знаменитый в европейском мире ученый А.-Л. Шлёцер. Непродолжительный, но весьма продуктивный опыт знакомства со списками ПВЛ (все это были поздние ее переработки) убедил его в том, что летописи представляли собой весьма сложную форму письменного соединения разновременных материалов. Разобраться в этих хитросплетениях можно было, по мнению А.-Л. Шлёцера, только с помощью перекрестного сопоставления летописных сведений с показаниями иностранных, в первую очередь, византийских источников. Как это делается, А.-Л. Шлёцер показал в своей книге “Нестор”, где с помощью датировок византийских хроник он попробовал расшифровать несколько “темных” хронологических мест Несторовой летописи⁹.

Идею А.-Л. Шлёцера подхватил его соотечественник, тоже российский академик, живший и трудившийся в России Иоган-Филипп Круг (1764–

1844 гг.)¹⁰. Именно его и можно считать основателем критической школы, где перекрестно-сравнительные идеи А.-Л. Шлёцера соединились с методами В.Н. Татищева. И.-Ф. Круг первоначально поставил перед собой громадную задачу — критически исследовать русскую домонгольскую хронологию, но реализовать этот замысел ему не удалось. В ходе работы выяснилось, что только немногие известия ПВЛ, рассказывающие о событиях IX–X вв., могут быть проверены показаниями греческих хроник. Кроме того, и сами византийские авторы нередко друг другу противоречили, и поэтому требовали внимательного к себе отношения. Все это увело И.-Ф. Круга в сторону от намеченной цели, и вышло так, что главным трудом его жизни стало сочинение по византийской хронологии с 842 по 991 гг., которое, правда, помогло объяснить особенности некоторых датировок Начальной летописи¹¹. По мнению И.-Ф. Круга, выявление в летописном тексте опорных точек, выверенных по византийской хронологии, давало возможность производить корректировку всех прилегающих к ним датировок: так, к примеру, установленная им ошибка в начальной дате ПВЛ (6360 г. от С.М. = 852 г. от Р.Х. — начало правления византийского императора Михаила III — вместо правильного 842 г.) позволяла удревнить на 10 лет все летописные датировки до 6374 г. включительно¹².

Наиболее заметными из последователей И.-Ф. Круга в середине XIX в. стали видные историки-академики М.П. Погодин и А.А. Куник. Они в полной мере восприняли и творчески развили идею перекрестно-сравнительного анализа летописных хронологических показаний. При этом А.А. Куник был более привержен шлёцеровским традициям, ориентируясь на сравнение с иностранными источниками и добываясь в этой работе большей, нежели у его предшественников, последовательности и пунктуальности¹³. М.П. Погодин же, не обладавший характерными для немецких ученых эрудицией и основательностью, осуществлял перекрестную проверку различных списков Начальной летописи и добился здесь, благодаря неплохому их знанию, определенных успехов¹⁴. С легкой руки двух академиков критический метод перекрестного сравнения датирующих показаний завоевал большую популярность и отразился в ряде специальных сочинений, посвященных отдельным сюжетам ПВЛ¹⁵.

Более того, в эти же годы Академия наук по инициативе А.А. Куника стала поощрять составление так называемых хронографий, обобщающих все известные в иностранных источниках датировки событий, так или иначе связанных с русской историей. Эти компиляции должны были стать сырьевым материалом для дальнейшего критико-хронологического изучения Начальной летописи и ее продолжений. Идею создания таких сводов А.А. Куник позаимствовал у И.-Ф. Круга, который видел в них важное подспорье трудным и часто мелочным хронологическим розысканиям¹⁶. Наиболее удачными и полными были признаны две “хронографии”, касающиеся русско-византийской и русско-ливонской хронологии¹⁷.

В середине XIX в. в критико-хронологических исследованиях появились новые методы, которые не были известны И.-Ф. Кругу. Так, к примеру, с 40-х гг. в арсенал критической хронологии вошел

метод “годовых границ”, суть которого такова: очередность следования календарных дат или сезонов в пределах одной летописной статьи, а также конкретные указания летописцев на начало или окончание летописного года позволяют определить границы года (от марта до следующего марта или от сентября до сентября). К отдельным статьям ПВЛ этот метод первым применил еще Н.М. Карамзин, затем И.Д. Беляев опробовал его на большем количестве материала¹⁸, после чего он был принят на вооружение многими хронологами, так как являлся весьма простым в употреблении.

Другим важным новшеством этого времени стало широкое внедрение в историко-хронологические исследования достижений православной пасхальной науки. Научные, точнее, наукообразные описания Пасхалии греко-русской церкви стали появляться в России еще с конца XVIII в.¹⁹, но долгое время они не использовались при изучении хронологии русской истории. Соединение пасхальной науки с исторической хронологией осуществил сначала московский чиновник-юрист, страстный любитель хронологии Петр Васильевич Хавский (1783–1876 гг.)²⁰, после чего это новшество широко внедрилось в критическое изучение древнерусского времяисчисления.

Но, пожалуй, самым важным достижением критической научной школы во второй половине прошлого столетия явилось установление связи между хронологическими и источниковедческими проблемами. По этому поводу А.А. Куник писал в 1848 г.: “В наше время хронологические исследования... могут идти с надлежащей твердостью только тогда, когда обстоятельно будет исследовано самое событие или ряд событий, — так, чтобы хронологическое исследование было при этом не столько само по себе целью, сколько средством для цели. От этого соединения хронологических изысканий с другими моментами исторического исследования произойдет значительная выгода и для самих хронологических соображений: от того, что источники, на которых должно основываться хронологическое вычисление, наперед уже будут оценены историческою критикою, в рассуждении их происхождения и достоверности. На эти два требования критики хронологи прочих поколений мало обращали внимания, и сам Круг... почти совсем обошел их”²¹. Совсем не случайно, например, проходившая в 80-е гг. XIX в. хронологическая дискуссия о времени крещения Руси по ходу дела превратилась в научную полемику о достоверности источников, содержавших информацию об этом событии²².

Годы расцвета критической хронологии совпали, однако, с появлением кризисных моментов в ее развитии. Особенно ярко это проявилось в ходе научных дискуссий по различным проблемам хронологии русской истории IX–XIII вв., на которые так богата была вторая половина прошлого столетия.

Одна из них, имевшая непосредственное отношение к ПВЛ, вызвала большой общественный резонанс и даже вмешательство официальных властей. Поводом к ее началу послужило издание в 1848 г. одной из малоизвестных хронологических работ покойного академика И.-Ф. Круга, написанной еще в 1812 г.²³ В начале 1852 г. в одном из столичных

журналов появилась анонимная статья, где наступивший год провозглашался годом 1000-летнего юбилея образования российской государственности, так как из выводов И.-Ф. Круга следовало, что Начальная летопись ошибочно отнесла призвание варягов к 862 г. вместо верного 852 г.²⁴ Падкие на сенсации московские журналисты перепечатали эту статью, после чего в салонах обеих столиц началось бурное обсуждение вопроса о том, надо или нет праздновать в этом году юбилей. Приняли в нем участие и историки. М.П. Погодину и А.А. Кунику, двум противникам преждевременного юбилея, поневоле пришлось опровергать мнение своего наставника: они возражали против привязки всех начальных датировок ПВЛ к исходной дате, которая действительно была ошибочной, и считали, что номер года для каждой летописной статьи древний сводчик-хронолог получал в результате сложных операций с показаниями нескольких источников²⁵. Их оппонентом выступил молодой профессор Московского университета С.М. Соловьев, который, не очень-то и настаивая на скорейшем праздновании 1000-летия, пробовал обосновать мнение о том, что в хронологических расчетах древнего летописца присутствовала какая-то систематическая последовательность, и поэтому ставил перед всеми исследователями такую задачу: “Нельзя ли из самой летописи открыть, как летописец устанавливает свою хронологию?”²⁶.

Эта важная идея не получила, однако, дальнейшего развития, так как юбилейная дискуссия была внезапно прервана вмешательством государственной власти. Слухи о предстоящем, якобы, юбилее, будоражившие Санкт-Петербург и Москву, встревожили, наконец, Зимний Дворец, откуда последовало распоряжение министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову разобраться в существе вопроса. Министр обратился к мнению “известных историков” (Я.И. Березников и Н.Г. Устрялов), которые высказались в поддержку М.П. Погодина и А.А. Куника, после чего представил 19 августа 1852 г. на высочайшее имя “всепопавший о сем доклад”. После двухдневного раздумья Николай I начертил на докладе венценосной рукой весьма глубокомысленное заключение: “Того мнения и я, ибо так учен был в свою молодость, и слишком стар, чтоб верить другому”²⁷. Этот веский аргумент стал основой для появления царского указа, где предписывалось хронологические выводы академика И.-Ф. Круга “считать произвольными”, “держаться строго летосчисления преподобного Нестора и руководствоваться оным в точности во всех учебных заведениях”²⁸. На этом дискуссия и закончилась, принесла следующие результаты: Николай I и князь П.А. Ширинский-Шихматов добровольно вычеркнули себя из списка юбиляров, так как ни тот, ни другой не дожили до 1862 г., а весьма важная идея С.М. Соловьева, которая могла открыть новое направление в изучении отечественной исторической хронологии, оказалась забытой на несколько десятилетий.

Причиной начала другого историко-хронологического спора, связанного с изучением Начальной летописи и длившегося, ни много-ни мало, почти четыре десятилетия, стало покушение на авторитетное мнение об этапной смене мартовского календарного стиля сентябрьским (см. выше). Возмутителем

спокойствия стал в 40-е гг. уже упоминавшийся здесь П.В. Хавский, считавший, что со времен Нестора на Руси оба стиля использовались параллельно и при этом мартовский год начинался на 6 месяцев раньше сентябрьского, т.е. с 1.03.5509 г. до н.э. Это мнение он излагал в своих многочисленных газетно-журнальных статьях и книгах²⁹. Для своих научных построений П.В. Хавский, однако, не мог или не умел найти в источниках достаточного количества датирующих показаний и поэтому в споре со своими противниками полагался, главным образом, на упрямое повторение своего мнения и агрессивную манеру ведения дискуссии. Впрочем, одно соображение придавало устойчивость его позиции: лишь с учетом старшинства мартовского года над сентябрьским и январским годами правило определения юлианского високоса (366-й день, 29.02, добавляется к году, номер которого без остатка делится на 4) синхронно действует во всех трех видах годов.

Многочисленных оппонентов П.В. Хавского эти блеклые аргументы не заставляли, однако, отказываться от татищевско-карамзинской схемы развития русского времяисчисления. Используя методы критической хронологии, они отыскивали в древнерусских источниках, в том числе и в ПВЛ, конкретные примеры, подтверждавшие эту схему. При этом им часто попадались и свидетельства, опровергавшие мнение В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина, но с ними они поступали довольно просто, объявляя их ошибочными. В такой борьбе с П.В. Хавским участвовали как маститые ученые и признанные любители истории, так и никому не ведомые новоявленные хронологи и журналисты-рецензенты³⁰.

Таким образом получалось, что обе стороны вели спор на разных языках и поэтому не могли оценить рациональных моментов в рассуждениях противников. П.В. Хавскому для этого не хватало, просто-напросто, научных знаний и культуры ведения дискуссии. Его же оппоненты были скованы в своих выводах рамками традиционной критико-хронологической методики, не позволявшей им перешагнуть через авторитет предшественников и признать, что в источниках отмечается переменное положение мартовского года по отношению к году сентябрьскому — и с полугодовым его опережением, и с отставанием на такой же срок.

Одним словом, и эта дискуссия ничего не проявила в хронологии Начальной летописи, хотя к началу XX в. у исследователей почему-то сложилось мнение о том, что “возражение... Хавского можно считать отвергнутым”³¹. Такой вывод возник, наверное, потому, что П.В. Хавский, в одиночку сражаясь с превосходящими силами противников и пережив на протяжении своей без малого 100-летней жизни многих из них, тем не менее, ушел в мир иной, так и не обретя широкого круга единомышленников и оставив солировать на дискуссионной сцене сторонников схемы В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина³².

Хронологические дискуссии XIX в. наглядно показали, что критическое направление в изучении хронологии ПВЛ могло рассчитывать только на достижение частных успехов. Действительно, последователи академика И.-Ф. Круга добивались более-менее убедительной редукции небольшого числа датирующих показаний Начальной летописи. Удавалось им также прийти к удачному объяснению

отдельных летописных дат и ошибок, допущенных летописцами в своих расчетах. Вся же основная громада датирующих сведений ПВЛ так и оставалась загадочной, и время от времени сторонники критической школы вынуждены были признавать свое бессилие в расшифровке этой хронологической криптограммы³³. Для того, чтобы подобрать к ней ключ, нужно было, в первую очередь, установить главный принцип и конкретные правила, в соответствии с которыми производилось кодирование хронологической информации, т.е. необходимо было представлять, чем руководствовались древнерусские “книжники”, ведя счет годам, месяцам и дням и датируя с их помощью исторические события.

Критико-хронологической школе такая задача оказалась непосильной. Все ее методы были предначинаны только для разработки правил редукции древнерусских датировок, но никак не для реконструкции времяисчислительных правил, используемых составителями ПВЛ. Так, метод перекрестной проверки давал в ряде случаев весьма точные результаты, но область его применения была ограничена лишь анализом противоречивых датирующих показаний. Абсолютизация этого метода привела к тому, что в сочинениях наиболее последовательных комбинаторов-критиков, таких, как М.П. Погодин, он был доведен до абсурда и принял форму поиска некоего среднеарифметического значения противоречивых дат или, иначе, вид карточного пасьянса. Другой метод — годовых границ — мог довольно точно указать на момент начала и окончания года, но не давал никаких оснований для определения исходной точки отсчета подобных лет; кроме того, он предполагал множественное толкование полученных наблюдений, в связи с чем еще в середине XIX в. было замечено: “Если б кто вздумал доказать, что было когда-то на Руси счисление годов с декабря, то нельзя ручаться, чтоб такой доводчик не набрал во всех наших хрониках довольно числа... показаний, справедливость которых возможна только при декабрьском годе”³⁴.

Кроме того, даже такие знатоки старинных текстов, как М.П. Погодин и А.А. Куник, ограничивались в хронологических исследованиях, как правило, неглубокими текстологическими наблюдениями, что не позволяло им отделять более ранние хронологические элементы ПВЛ от поздних и определять степень редакторского искажения первоначальных датирующих показаний. Так, к примеру, М.П. Погодин почти все даты ПВЛ до 1113 г. приписывал Нестору и лишь в дублировках и в нарушении последовательности событий усматривал руку Василия и Сильвестра, позднейших переписчиков несторовского сочинения.

Итак, можно сказать, что критическая хронология, сделав полезное дело в изучении времяисчисления ПВЛ, к концу XIX в. исчерпала свои возможности главным образом потому, что она не смогла окончательно порвать с традициями механистического редукционизма XVIII–начала XIX в. Может не случайно поэтому в сочинениях самого И.-Ф. Круга и его последователей важное место занимали хронологические таблицы, принципиально схожие с таблицами Димитрия Ростовского и князя А.И. Голицина³⁵. Вместо того, чтобы открывать новые горизонты в исследовании древнейшей русской летописи, критическая хронология должна

была, словами А.А. Куника, “приземлять” историка, “сдерживать его фантазию”.

Но уже тогда же, на границе двух веков, сложились новые идеи в изучении ПВЛ и ее хронологии. Сравнительно-текстологические исследования А.А. Шахматова, вобравшие в себя все лучшие достижения предшествующих лет в деле исследования русского летописания, показали возможность проникновения современного ученого в тайны сложения текста ПВЛ и стимулировали изучение различных вопросов, связанных с летописанием XI–XII вв. Большое воздействие они оказали и на исследование летописной хронологии, и поэтому мы не раз еще будем обращаться к ним на страницах этой книги. Сам А.А. Шахматов, хотя и обладал в совершенстве методикой хронологического анализа, тем не менее не вдавался детально в изучение древнерусского времяисчисления; эти проблемы интересовали его, главным образом, в связи с реконструкцией древнейших редакций ПВЛ и ее источников³⁶. Может быть поэтому древнерусское времяисчисление виделось ему весьма незамысловатым³⁷, а в составленной им по итогам изучения ПВЛ хронологической таблице мы наблюдаем однообразную и малообъяснимую вереницу сентябрьских лет до крещения Руси и мартовских — после этого события³⁸.

Преодолеть недостатки критико-хронологической методики удалось другому выдающемуся исследователю начала XX в., Николаю Васильевичу Степанову (1857–1914 гг.)³⁹. Он решительно отказался от упрощенной редукционной задачи в изучении древнерусской хронологии и от переноса времяисчислительных правил XVII–XIX вв. на эпоху Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Как бы вспомнив забытую идею С.М. Соловьева, он поставил перед собой задачу реконструировать древнерусские (до XIII в.) способы учета времени на основании обобщения разрозненной и на первый взгляд малопонятной информации источников. Вместо замысловатой казуистики перекрестного сравнения и подгонки сведений источников под правила современного церковного времяисчисления Н.В. Степанов занимался аналитическим исследованием датирующих показаний летописцев, их осмыслением (когда надо и исправлением), выявлением их особенностей и общих черт и, наконец, синтетическим построением выводов о нормах счисления времени, применявшихся на Руси в эпоху создания ПВЛ⁴⁰.

Результаты применения этой методики были впечатляющими. Н.В. Степанову удалось не только разрешить старый спор о календарных стилях, доказав, что в XI–XII вв. на Руси мартовский год применялся как с опозданием от сентябрьского на 6 месяцев, так и с полугодишным его опережением (такой год он назвал ультрамартовским), но и открыть никем не замеченные ранее детали древнерусского времяисчисления: непостоянное начало нового года, особый отсчет пасхальных седмиц, совмещение в одной летописи или даже в одной летописной статье различных способов времяисчисления и пр. Может быть, не всегда его выводы подкреплялись должным текстологическим анализом источников, но все его исследования несомненно указывали на то, что в разное время в различных районах Древней Руси применялись самые разнообразные способы учета времени и поэтому все летописные памятники,

в том числе и ПВЛ, представляли собой сложное соединение разнородных и разновременных хронологических элементов. Самому Н.В. Степанову не под силу было распутать все хронологические хитросплетения летописей; работа по выделению и системному описанию древнерусских способов учета времени должна была стать уделом последующих поколений исследователей.

Однако в советское время системное направление исторической хронологии, основанное Н.В. Степановым, не получило, к сожалению, должного развития. Главные свои усилия историки направляли в сравнительно-критическое исследование отдельных датировок ПВЛ, другими словами, они шли по пути, проторенному еще в начале XIX в. И.-Ф. Кругом, не замечая более верной дороги. Критико-хронологические исследования составляли, чаще всего, побочные сюжеты в специальных исторических сочинениях и поэтому не могли претендовать на глубокое проникновение в тайны древнерусского времяисчисления⁴¹. Мало того, отсутствие аналитических историко-хронологических разработок привело к тому, что многие современные историки прекрасно освоили “метод” хронологических манипуляций, при котором датирующие показания источников подчинялись априорным исследовательским установкам и произвольным умозрительным реконструкциям, нередко стоящим на грани науки и фантазии. Привычным делом стало объявлять даты ПВЛ дефектными либо совершенно неточными и взамен им предлагать собственные датировки, не имеющие никаких текстологических или хронологических оснований и вытекающие из длинной цепи предположений, допущений и общеисторических соображений.

Важным этапом в деле изучения древнерусской хронологии считается выход в 1963 г. фундаментальной книги Н.Г. Бережкова⁴². Действительно, в ней текстологические методы А.А. Шахматова соединились с хронологическими идеями Н.В. Степанова. Не может не поражать объем хронологических сведений, охваченных исследованием Н.Г. Бережкова, детальность и пунктуальность его сравнительно-аналитических операций, точность многих наблюдений, касающихся восстановления первоначального вида датирующих летописных записей и т.д. Нельзя, однако, сказать, что автор книги явился в полной мере продолжателем системного направления. Из всех идей и выводов Н.В. Степанова исследователь усвоил только мысль о сочетании мартовского и ультрамартовского годов в древнерусском времяисчислении и поставил перед собой задачу тщательного выявления их в летописных текстах. Все его исследовательские приемы поэтому свелись к однообразной и почти механической фиксации в летописях смены мартовских годов ультрамартовскими и наоборот. Забыв о том, что его предшественник призывал к выявлению неизвестных еще особенностей древнерусского времяисчисления, к выделению различных систем учета времени в источниках и к выяснению их локально-генетических изменений, все случаи, не соответствовавшие мартовско-ультрамартвской схеме, Н.Г. Бережков объявлял ошибочными.

Удивительно также и то, что все годы ПВЛ Н.Г. Бережков бездоказательно объявил мартовскими и по этой причине вынес их за рамки своего

исследования, ограничившись только анализом заключительных статей нашего источника⁴³. Этот поспешный вывод оказал влияние на последующие изыскания. Так, к примеру, М.Х. Алешковский писал: "В летописях нередко разница и в два, три и четыре года, что может объясняться и совмещением летописей с одним летосчислением [?! — С.Ц.]. Таково, в частности, и положение с ПВЛ, которая знает только мартовское счисление"⁴⁴.

Полнее всего системный подход в исследовании хронологии ПВЛ проявился в трудах А.Г. Кузьмина, который выявил в этом летописном своде соединение нескольких календарных систем и эр летосчисления и попробовал определить время их попадания в русское летописание, сопоставляя хронологические выводы с текстологическими наблюдениями⁴⁵. Его реконструкции, однако, нельзя признать полными и исчерпывающими и главным образом потому, что они не сопровождались тщательным историко-хронологическим анализом летописных датированных записей и, кроме того, нередко подчинялись весьма спорным текстологическим и идеологическим соображениям. Эти недостатки дали повод критически оценивать "методику Кузьмина", противопоставлять ее "методике Бережкова" и объявлять

ее всего лишь "беглой разведкой" летописной хронологии⁴⁶, что, конечно же, было несправедливым. Несмотря ни на что, можно сказать, что исследования А.Г. Кузьмина являются попыткой наиболее полного раскрытия тайн древнерусского времяисчисления, и поэтому мы не раз еще на страницах этой книги будем подтверждать или опровергать его выводы.

По всей видимости, одной из главных причин неудовлетворительного состояния современной отечественной историко-хронологической мысли было невнимание к предшествующим этапам ее развития. Историографические опыты в этой области не отличались полнотой, кроме того, они страдали описательностью и отсутствием каких-либо аналитических мотивов⁴⁷, что не позволяло их авторам прийти к осознанию правильной постановки задач в дальнейшем изучении русского средневекового времяисчисления. Тем не менее, о недостатках и перспективах нынешнего историко-хронологического знания уже вполне определенно заявил И.Н. Данилевский, который специально указал на необходимость исследования истории систем времяисчисления, бытовавших на Руси⁴⁸.

2. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Итак, все сказанное ранее убедило нас в том, что главной задачей настоящего исследования должна стать **реконструкция древнерусских времяисчислительных систем, отразившихся на страницах ПВЛ**. Под "системой учета времени" следует понимать абстрактные человеческие представления о трех группах единиц времяисчисления: 1) единицы летосчисления; 2) единицы календарного учета дней в пределах года; 3) единицы учета часов, минут и прочих отрезков времени, входящих в пределы суток⁴⁹. Каждая из этих групп относительно самостоятельна и имеет свою структуру элементов, но, вместе с тем, все они занимают определенное место в составе единой времяисчислительной системы и образуют системные связи. Пространственно-генетические изменения всей системы влияют и на характеристику входящих в ее состав единиц учета времени, и, наоборот, трансформации элементов каждой отдельной группы в своей сумме приводят к модификации системы целиком.

Древнерусские системы учета времени существовали в форме абстрактных представлений средневековых писателей, пытавшихся понять, каким образом "господь въѣкъ человека... раздѣли... на времена и лѣта, на мѣсяци и дни, и часы, да размышляеть человекъ времяъ премѣну" /СДЯ, II, 292а; СДЯ, III, 356а/⁵⁰. Узнавая о различных исторических событиях, древнерусские "книжники" мысленно совмещали их со "шкалой" своих времяисчислительных систем, результатом чего было появление представлений о времени свершения этих событий или, иначе, возникновение "хронологических образов". Письменная фиксация образов приводила к появлению датированных записей об исторических событиях, т.е. к созданию "хронологических фактов". В руки современных исследователей хро-

нологические факты редко попадают в своем первоначальном виде: в процессе многократной переписки письменных памятников они подвергались сокращениям или дополнениям, более или менее значительным приспособлениям к времяисчислительным знаниям каждого очередного редактора и т.д., что дает нам основание называть дошедшие до нас датированные записи "хронологическими артефактами"⁵¹.

Восстановить древнерусские времяисчислительные системы эпохи создания ПВЛ, чтобы выявить затем достоверность историко-хронологической информации этого источника, можно только единственным путем, направив исследовательский поиск в обратном направлении описанной цепочки, т.е. от хронологического артефакта к абстрактным представлениям русских летописцев XI–XII вв. о счете времени. Таким образом, **поиск хронологических артефактов** явился начальным этапом нашего исследования. Он проводился во всех опубликованных списках летописного памятника с привлечением всех доступных сведений о неопубликованных экземплярах его текста; в качестве вспомогательных привлекались и артефакты из прочих древнерусских памятников XI–XII вв. или их более поздних списков, а также артефакты из сочинений XIII–XV вв. При этом в качестве хронологических артефактов воспринимались несколько разновидностей датированных записей:

1. Конкретные хронологические артефакты

1. Абсолютные обозначения лет ("в лѣто 6360", "в лѣто 6361" и т.д.).

2. Относительные обозначения лет (“а от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя, лѣт 29”, “а Ярополкъ княжи лѣт 8”, “и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28”, “а на 2-е лѣто” /**I, 17, 18, 142, 273**/).

3. Контекстовые обозначения лет (“в то же лѣто”, “в се же лѣто”, “томъ же лѣтѣ” и т.д.).

4. Обозначения сезонов года (“и приспѣ осень”, “зимѣ сущи велицѣ”, “и наставши веснѣ”, “Переяславлю пришедъ на лѣто” /**I, 54, 166, 250, 267**/).

5. Точные обозначения месяцев (“бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь”, “преставися митрополитъ в Киевѣ Никифоръ мѣсяца априля” /**I, 260–261; II, 286**/).

6. Относительные обозначения месяцев (“и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ” /**I, 142**/).

7. Контекстовые обозначения месяцев (“того же мѣсяца на исходе”, “того же мѣсяца въ 18 день” /**I, 275, 280**/).

8. Точные обозначения дней юлианского календаря (“мѣсяца мая въ 7 день”, “мѣсяца августа в 12”, “а февраля 5” /**I, 281–282**/); М.П. Погодин считал, что эта разновидность артефактов отличается безусловной достоверностью, но он сам же отмечал их искажения в ходе позднейшей редакционной обработки текста⁵².

9. Точные обозначения дней святочного календаря (“в день бо Въздвиженья”, “въ святою мученику Бориса и Глѣба”, “на Успенье святыя Богородица” /**I, 172, 222, 282**/)⁵³; необходимо помнить, что состав древнерусских святцев существенно отличался от современного святочного календаря русской православной церкви, и это создает определенные сложности при использовании данного вида хронологических артефактов⁵⁴.

10. Точные обозначения дней пасхального календаря (“до Мясопуста”, “и минувшую Велику дни, прешедши Празднѣи недѣли, в день Антипаскы”, “и наста Федорова недѣля поста”, “посем же приходящю Велику дни” /**I, 215, 217, 238–239, 267**/); как и в предыдущем случае, следует учесть, что структура древнерусского пасхального календаря могла отличаться от современной.

11. Точные (“вечеру сущю тогда суботному”, “приде Бонякъ с половици къ Киеву в недѣлю от вечера”, “и в пяток приде Олегъ”, “Володимерь Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю” /**I, 227, 231, 239; II, 276**/) и относительные (“и стояша около града недѣль 9” /**I, 221**/) обозначения седмичных дней.

12. Смешанные точные обозначения дней, представляющие собой различные варианты соединения артефактов NN 8–11 (“14 день <апреля>, недѣли сущи тогда страстнѣи и дни сущю четвертку”, “въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26”, “назавтра яже, въ 24 <июля>, въ святою мученику Бориса и Глѣба” /**I, 216, 221, 222**/).

13. Относительные обозначения дней (“иде Волховъ вспать дний 5”, “и пребысть за 7 дний”, “урекъ смерть до дне семаго”, “приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши ноци,... бежа из Бѣлгорода Полотъску; завтра же видѣвши людье князя бѣжавша, възвратиса къ Киеву”, “и стояше около града дний 30 и 3”, “таиша ѿ 3 дни и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи” /**I, 163, 164, 166, 173, 230, 272**/).

14. Точные обозначения индиктов.

15. Точные обозначения пасхальных терминов (Круги Луны и Солнца).

16. Точные указания летописцев на момент начала или окончания годов (“в лѣто 6479,... и зимава Святославъ ту; веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480”, “сего же лѣта исходяща”, “се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полъ” /**I, 74, 229, 240**/).

II. Косвенные хронологические артефакты

1. Описания природных явлений, имеющих точную привязку к сезонам года; так, например, ясно, что описанная в 6524 г. ПВЛ Любечская битва происходила в конце осени — начале зимы, так как, излагая этот сюжет, летописец сделал в тексте ремарку: “Бѣ бо уже в заморозъ” /**I, 142**/.

2. Описания практических действий людей, имеющих точную привязку к сезонам года. Так, если в источнике говорится о том, что русские князья отправились в военный поход в ладьях, понятно, что это происходило не глубокой зимой.

3. Описания церковных ритуалов, имеющих привязку к конкретным дням года. Так, к примеру, поставление церковных иерархов по чину восточнохристианской церкви всегда осуществлялась в воскресный день недели, а церемония закладки новых культовых сооружений начиналась либо на воскресный день, либо на день памяти святого, чье имя предполагалось присвоить построенному храму.

4. Сезонная или календарная последовательность расположения событий на ограниченных участках текста источника. Так, к примеру, если в летописной статье 6623 г. ПВЛ все события расположены в строгой календарной последовательности (1.05 и 2.05 — перенос мощей Бориса и Глеба, 23.07 — солнечное затмение, 1.08 и 2.08 — смерть и погребение Олега Святославича), то ясно, что заключительное недатированное событие этого года (построение моста через Днепр) составитель статьи полагал позже начала августа /**II, 282**/.

Поиск хронологических артефактов — дело относительно простое, требующее от исследователя лишь усидчивости и элементарного внимания. Куда сложнее была работа по **восстановлению первоначального вида датирующих записей** (или хронологических фактов) **и их расслоению** (т.е. их идентификации с той или иной времяисчислительной системой). Кроме обыкновенных методов анализа источника по текстологическим, лингвистическим и идеологическим признакам, на этом этапе применялись две группы историко-хронологических приемов исследования:

I. Комплексный анализ хронологических артефактов

Подобно тому, как в археологии большое значение имеет не только обнаружение той или иной находки, но и ситуационные условия ее открытия, расположение хронологических артефактов в комплексе с другими артефактами являлось важным моментом для их характеристики. Исследование хро-

нологических комплексов велось по четырем направлениям:

1. Формальный анализ комплексов подразумевал изучение последовательности расположения артефактов на ограниченных отрезках текста источника (расположение сезонных или календарно-недельных дат в пределах одной летописной статьи, расположение годовых дат в пределах нескольких летописных статей и т.д.). Все случаи нарушения или соблюдения верного расположения артефактов получали соответствующее историко-хронологическое толкование.

2. Содержательный анализ комплексов подразумевал исследование согласованности входящих в них артефактов с точки зрения математико-хронологической (согласование календарно-недельных дат с номерами лет, согласование индиктовых обозначений с годовыми номерами и т.д.).

3. Исторический анализ комплексов предназначался для оценки верности их построения с точки зрения естественного хода событий. Например, если в начале какой-то летописной статьи рассказывалось о смерти какого-то князя, а в ее заключении говорилось о его женитьбе, ясно, что данный хронологический комплекс содержал грубую ошибку, причина появления которой нуждалась в специальном изучении.

4. Изобразительный анализ комплексов подразумевал изучение форм записи составляющих их артефактов.

II. Перекрестно-сравнительный анализ хронологических артефактов

Как уже говорилось, метод перекрестного сравнения стал применяться в историко-хронологических исследованиях с начала XIX в., но в нем отмечалось несколько недостатков. Во-первых, ранее он ограничивался только годовыми показаниями источников, тогда как на самом деле он может дать значительные результаты и при исследовании прочих артефактов, например, календарно-недельных. Во-вторых, он довольно редко подкреплялся должными текстологическими исследованиями, что существенно снижало значимость полученных выводов. Наконец, ошибочным было и представление о том, что сопоставление разнотипных датирующих показаний не способно выявить оригинальные древнерусские времяисчислительные системы; наиболее откровенно этот недостаток сказался в привлечении астрометрических сведений, с помощью которых только подтверждалось существование уже известных способов учета времени, но не делалось предположений по поводу открытия оригинальных систем⁵⁵.

С учетом всех этих моментов перекрестно-сравнительное исследование артефактов проводилось по нескольким направлениям: сравнивались хронологические артефакты (или комплексы артефактов) одного списка, различных списков источника или разных письменных памятников, отражающие датировки одних и тех же исторических событий; кроме того, артефакты письменных памятников сравнивались с результатами астрономо-математических расчетов.

Комплексное и перекрестно-сравнительное исследование хронологических артефактов подо-

бно типолого-классификационным археологическим операциям, учитывающим и стратиграфическое расположение различных типов находок. Результатом этого этапа историко-хронологического исследования ПВЛ было выделение нескольких хронологических слоев, каждый из которых обладал особым набором элементов и, следовательно, принадлежал отдельной времяисчислительной системе. Понятно, что появление каждого из этих слоев (систем) в ПВЛ отражало отдельные этапы формирования текста летописного источника, поэтому для определения их "стратиграфии" (относительной древности или молодости) решающее значение имели текстологические наблюдения. Не всегда, однако, результаты историко-хронологического расслоения ПВЛ совпадали с существующими уже выводами о сложении ее текста; такие ситуации давали возможность уточнять и даже исправлять некоторые из устоявшихся и, казалось бы, привычных взглядов на историю формирования текста Начальной летописи. В самом деле, простое рассуждение заставляло нас отдавать предпочтение историко-хронологическим выводам в случае их несовпадения с текстологическими: один и тот же автор-летописец в различные периоды своей творческой жизни вполне мог придерживаться различных литературных стилей и политических симпатий, но весьма трудно представить, что один и тот же человек мог считать время двумя или тремя не похожими друг на друга способами.

Заключительным этапом нашего исследования было **обобщенное описание древнерусских систем XI - начала XII в. и реконструкция конкретной истории их пространственно-генетического развития**. Для построения выводов здесь использовались несколько положений:

1. Компактность расположения специфичных хронологических артефактов в тексте источника. Конечно же, можно предполагать, что элементы какой-то системы первоначально располагались в тексте протографа цельной и обособленной группой, но затем оказались рассеянными в поздних списках, однако самым надежным аргументом в пользу их общей системной принадлежности для нас являлось все же их относительно плотное и обособленное размещение на страницах летописного произведения.

2. Определенная географическая атрибутика различных хронологических слоев. В этом смысле полностью прав был А.Г. Кузьмин, пришедший к выводу о том, что времяисчислительные особенности каждого летописца зависели от места его работы и его принадлежности к той или иной "школе" летописания⁵⁶.

3. Определенная политическая "окраска" хронологических слоев. Этому моменту мы придавали меньшее значение, нежели предыдущему, поскольку политические пристрастия во все времена отличались неустойчивостью и, кроме того, именно они являлись главным объектом внимания позднейших редакторов.

4. Определенная сословная "окраска" хронологических слоев. Проще говоря, характер датирующих элементов, степень точности датирования событий и форма записи использовались для определения светского или церковного происхождения времяисчислительных систем.

Как видно, в нашей методике изучения древнерусской хронологии практически нет каких-то совершенно новых приемов, не известных предшествующим поколениям исследователей. Принципиально новыми, однако, являются стратегические цели исследования: все перечисленные выше конкретные приемы изучения датирующих показаний ПВЛ должны были способствовать выявлению и реконструкции самых разнообразных систем учета времени, применявшихся в Древней Руси в XI–XII вв. Еще в начале XX в. Н.В. Степанов писал: “Я не сочувствую идее объяснять ошибками летописцев всякое недоумение, вызываемое несогласием между нашими априорными утверждениями и фактами летописей”⁵⁷; в законченной форме эту мысль выразил А.Г. Кузьмин: “В летописях, безусловно, есть хронологические ошибки, но прежде чем отнести ту или иную датировку к ошибкам, необходимо убедиться, что она не отражает особой системы счета”⁵⁸. Найти, распознать и отделить друг от друга в тексте источника элементы этих систем, реконструировать в общем и в деталях их структуру и конкретно-историческое развитие, — в этом и заключается главная задача исторической хронологии как вспомогательной исторической дисциплины. Что же касается проблемы редукции древнерусских датировок, то ее должны решать историки, но прежде хронологи обязаны снабдить их надежным инструментом для ее осуществления.

* * *

Работа над этой книгой проходила, большей частью, вдали от крупнейших научных центров нашей страны, поэтому особую благодарность автора заслуживают сотрудники библиотек (библиотеки РАН в Санкт-Петербурге, Алтайской краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова и библиотеки Алтайского госуниверситета в Барнауле), которые помогли преодолеть эту объективно сложившуюся трудность. Не меньшую признательность автор выражает и сотруднику кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского госуниверситета Д.В. Колдакову, способствовавшему воплощению текста в компьютерном наборе. Наконец, появление этой книги было бы невозможным без благожелательного внимания и поддержки автора коллективом кафедры вспомогательных исторических дисциплин историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, без ценных замечаний и советов доктора исторических наук, профессора историко-архивного института Е.И. Каменцевой и кандидата исторических наук, доцента Московского педагогического университета И.Н. Данилевского, а также без практического содействия многих других людей, перечислить которых поименно автор не имеет возможности, но каждому из которых он хочет выразить свою искреннюю благодарность.

АНАЛИЗ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАНИЙ ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЕЙ 6615–6633 ГГ. “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ”

Известный исследователь ПВЛ М.Х. Алешковский писал в свое время: “Работа над текстами “Повести временных лет” во многом схожа с археологической методикой полевых исследований и прежде всего тем, что она должна двигаться в глубь текстов, от более поздних к более ранним, от существующего редакторского текста к источнику — к авторскому тексту и далее к предшественникам автора”¹. В этой идее, созвучной нашим сопоставлениям хронологии с археологической наукой, важной является мысль о конъектуральной критике источника, берущей начало в поздних “пластах” текста и с помощью их анализа восстанавливающей более раннюю “стратиграфию”. Понятно, что в историко-хронологическом исследовании недостаточ-

но ограничиться только соображениями об относительной молодости текстового слоя; он должен обладать также довольно полным и ярким набором хронологических артефактов, принадлежащих как поздним, так и ранним времяисчислительным системам. Такое смешение различных текстовых и хронологических пластов полнее всего наблюдается в летописной статье 6615 г. ПВЛ. Достаточно сказать, что она содержит почти все разновидности артефактов, встречаемых на страницах летописи. Кроме того, как выяснится позже, эта статья была своеобразной границей, обозначающей начало сплошного наслоения хронологического “рисунка” ипатьевской редакции ПВЛ на “доипатьевские” слои.

1.1. РАССЛОЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬИ 6615 Г.

Учитывая важность этой статьи для всего нашего дальнейшего исследования, приведем ее текст полностью, взяв за основу, как это традиционно и делается, список Л. и указав все значимые различия других списков:

“В лѣто 6615, индикта, Кругъ Луны 4 лѣто, а солнечнаго Круга² 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеръ мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца³ воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтѣ⁴ приде Бонякъ, и Шаруканъ старей, и инии князи мнози и стаща около Лубына. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не возмогша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватяюще кони, а друзии пѣши побѣгоша. Наши же почаша сѣчи, женуца ѣ, а другыѣ руками имати, и гнали ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Побѣгоша же товара своего, еже взяша рускийи вои мѣсяца августа въ 12 и възвратишася всвои с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша ѣ с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша молитвами святыя Богородица и святого отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну или инамо, оли поклонився у гроба Феодосиева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день⁵. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же⁶ иде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ къ Аепѣ и ко другому Аепѣ и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дочь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дочь, Гиргеневу внуку, мѣсяца

генваря 12 день. А февраля 5 трясется земля пред зорями в нощи⁶” /I, 281–283; II, 258–259/.

Анализ артефактов, содержащихся в комплексе летописной статьи 6615 г., мы осуществляем с помощью перекрестного сравнения сведений нашего основного источника с показаниями ПВМ и НПЛ.

Среди многих сложных проблем, возникающих в связи с уникальным древнерусским произведением, ПВМ, исследователями отмечалось и непонятное, по сравнению с летописями, нарушение последовательности описываемых автором событий. Наиболее полно эта проблема была отмечена еще в XIX в. М.П. Погодиным, который провел достаточно детальное сопоставление абсолютных годовых датировок ПВЛ и относительных хронологических показаний ПВМ и выявил многие их совпадения и противоречия⁷.

Сразу заметим, что все рассуждения об ошибочности хронологических показаний ПВМ основывались на мысли о соблюдении строгой последовательности событий в ПВЛ. Сейчас, однако, нам понятно, что очередность летописных известий является своеобразной “маскировкой” совмещения различных источников, и поэтому она может оцениваться как весьма условная. Вполне логично, в таком случае, отказаться от примерки сведений ПВМ к хронологической шкале летописей и, даже наоборот, использовать их для расшифровки запутанных летописных показаний. Конечно же, можно предполагать, что автор ПВМ ошибался в описании каких-то перепетий своего жизненного пути; он также мог упустить или намеренно опустить некоторые детали событий, но трудно подозревать его в желании сознательно и кардинально изменить порядок следования сюжетов автобиографии, тем более, что все они были связаны с описанием его личных воинских доблестей. Цель написания произведения и

жанровые каноны тоже не могли побудить сочинителя к намеренным хронологическим искажениям, хотя и не обязывали к предельной точности.

Прочитируем фрагмент ПВМ, совпадающий с летописной статьей 6615 г.: “И на зиму Смоленску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох. И Гюргева мати умре. Переяславлю пришедь на лѣто, собрах братью. И Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полькы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии. И по Рожествѣ створихом миръ съ А<е>пою, и поимъ у него дочь, идохом Смоленску. И потом идох Ростову. Пришедь из Ростова, паки идох на Половци на Урубѣ с Святополком, и Богъ ны поможе. И потомъ паки на Боняка к Лубну, и Богъ ны поможе. И потомъ ходихом в войну с Святополком” /I, 250/.

По летописным показаниям, крайними хронологическими ориентирами этого фрагмента являются зима 6614 г. — весна 6615 г. (перед смертью мономаховской жены 7.05.6615 г.) и совместный поход автора ПВМ с двоюродным братом Святополком Изяславичем к Воиню весной 6618 г. Сразу же бросается в глаза, что в 6615–6618 гг. летописи отсутствует поход вместе с тем же Святополком “на Половци на Урубѣ”, который должен был происходить, самое раннее, в конце 6615 г. — начале 6616 г., т.е. после заключения мира с ханом Аепю (в летописи — 12.01.6615 г.). Собственное существительное “Уруба” означает, без сомнения, имя половецкого хана, который в ПВЛ именуется Урусобой (точно так же летописного хана Аепу Мономах называет “Апой”). В летописи он упоминается в 6611 г. и как раз в связи с военной экспедицией объединенных сил русских князей, в том числе Владимира и Святополка, к Сутени, где 4.04 “велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику” /I, 278–279/. Конечно, можно было бы предполагать, что источники рассказывают о двух разных столкновениях русских с Урубой (Урусобой), происходивших в 6611 г. и, примерно, в конце 6615 г. — начале 6616 г., но такой вариант объяснения недопустим: ПВЛ вполне определенно сообщает, что в Сутеньской битве в 6611 г. опытный и осторожный Урусоба, предвидевший печальный исход сражения, желавший заключения мира и пошедший-таки на поводу у “унейших” соплеменников, погиб⁸. Очевидно, в таком случае, что битва на Сутени, происшедшая 4.04.1107 г. от Р.Х., в двух рассматриваемых источниках датируется разными системами времяисчисления: в ПВМ она включена в общую ультрамартовскую схему, так как выпадает на апрель 6616 г. (1107 г. + 5509 лет), а в летописи обозначающий ее 6611 г. является результатом применения особой эры летосчисления, ведущей отсчет лет от С.М., которое предполагалось в 5505 г. или 5504 г. до н.э.

К вопросу об этой эре летосчисления мы вернемся позже (см. 2.1 и 4.1), а пока отметим второе существенное противоречие наших источников: Лубненская битва русских дружин с Боняком в летописи включена в события 6615 г., тогда как, по данным ПВМ, должна быть, как минимум, годом позже, поскольку она происходила весной-летом после мира с Аепю (12.01.6615 г.) и еще до похода к Воиню (весна 6618 г.). Последовательность событий ПВМ

показывает также, что в летописи рассказ о первом нападении Боняка, о переправе объединенных русских сил через пограничную реку и затем об их победе над половцами 12.08.6615 г. представлял первоначально единое повествование, как это и есть в ПВМ, а затем был нарушен вставкой лубненского известия; более того, обстоятельства первого сражения каким-то летописцем-компилятором были приписаны Лубненской битве, а датировка второй битвы (май) была перенесена на переяславо-засульский поход и для правдоподобности связана с известием о смерти мономаховской супруги словами “того же мѣсяца”.

Очевидно, что летописцу-редактору объединить под единым годом два одновременных нападения Боняка позволило то обстоятельство, что в его источниках они оба были датированы 6615 г. В одном из них, однако, 6615 г. был ультрамартовским (03.1106 г. — 02.1107 г.), и отсюда сводчик позаимствовал дату (12.08) и описание засульского похода; в другом случае 6615 г. являлся сентябрьским (09.1106 г. — 08.1107 г.) или мартовским (03.1107 г. — 02.1108 г.), и здесь кратко говорилось о лубненских событиях, происходивших в мае.

Итак, первая линия сопоставления позволила нам выделить в летописной статье 6615 г. два хронологических слоя — ультрамартовский и сентябрьско-мартовский.

Второе направление перекрестного сравнения ведет нас к НПЛ. В этом памятнике в статьях 6605–6624 гг. отмечается последовательное использование византийского сентябрьского года, совмещенного с другими хронологическими элементами. Отметим, что в XIX и XX вв. все без исключения исследователи НПЛ единогласно признавали систематическое и ничем не нарушаемое употребление весенних (ультрамартовского и мартовского) календарных стилей в этом памятнике⁹. Однако даже поверхностное рассмотрение хронологических артефактов НПЛ за конец XI — начало XII в. заставляет усомниться в правомерности этих выводов.

Уже самая первая из относительно информативных годовых статей старшего извода НПЛ, относящихся к концу XI в. (6605 г.), имеет признаки сентябрьского счета. Сначала в ней говорится об ослеплении князя Василья Ростиславича (по ПВЛ, это происходило в ноябре), затем следует краткое известие о военной победе новгородского князя Мстислава Владимировича над Олегом Святославичем в битве у Кулачки “зиме,... Великое говение”, что всегда приходилось на конец зимы — начало весны и, наконец, кратко упоминается новгородский пожар, состоявшийся “на весну” /НПЛ, 19, 202/¹⁰. Как видно, годовая граница минует рубеж между зимним и весенним сезонами, но ограничена с одной стороны осенью, из-за чего 6605 г. НПЛ можно признать сентябрьским (09.1096 г. — 08.1097 г.).

В 6613 г. НПЛ говорится о поставлении трех епископов — Лазаря, Мины и Амфилохия /НПЛ, 19, 202/. Эти же церемонии описаны в 6613 г. ПВЛ с уточнением, что Амфилохий стал владимирским епископом 27.08, Лазарь — переяславским 12.11, а Мина — полоцким 13.12 /I, 280–281; II, 257/. Если приспособить эти даты к порядку перечисления святителей, изложенному в НПЛ

(12.11, 13.12, 27.08), то получится, что они соответствуют границам сентябрьского года (09.1104 г. — 08.1105 г.). Понятно, что либо в НПЛ, либо в ПВЛ допущена ошибка, когда события двух разных лет были связаны в одну годичную статью (см. об этом 2.1 и 5.1), но признаки сентябрьского года, тем не менее, в НПЛ безусловны.

6616 г. НПЛ тоже являлся сентябрьским (09.1107 г. — 08.1108 г.), так как и здесь годовая граница минует весну: “Преставися архиепископ новгородский Никита месяца генваря в 30, а на весну почаша псыати святую Софию” /НПЛ, 19, 203/¹¹.

Следующий сентябрьский год в НПЛ — 6617 (09.1108 г. — 08.1109 г.) /НПЛ, 19, 203/. Во-первых, здесь отмечается иной, по сравнению с ПВЛ, порядок событий, что повторяет ситуацию 6613 г. Во-вторых, на сентябрьский год НПЛ указывает то, что в ПВЛ закладка церкви св. Михаила князем Святополком датирована 11.07.6616 г. /I, 283; II, 259–260/. А.А. Шахматов считал эту дату ошибочной, так как в мартовском 6616 году (03.1108 г. — 02.1109 г.) этот день не был воскресным, когда и совершались подобные церемонии¹². Однако, если совместить годичное показание НПЛ с календарным числом ПВЛ, тогда выйдет, что в 6617 сентябрьском году 11.07 как раз и будет воскресением!

В статьях 6621 и 6622 гг. НПЛ влияние сентябрьского счета проявилось в том, что весенне-летние события (поход Ярослава Святополчича на ятвягов и его последующая женитьба, смерть Давида Игоревича; все они в ПВЛ датированы маем — июнем 6620 г.) отделены в один год от события зимнего (поставление Феоктиста черниговским епископом; в ПВЛ — январь 6620 г. /II, 273–274/), т.е. границей двух годов НПЛ является осень /НПЛ, 20, 203/.

Наконец, сентябрьская принадлежность двух известий 6624 г. НПЛ (строительство князя Мстислава в Новгороде и посадника Павла в Ладоге) /НПЛ, 20, 204/ выявится позже (см. 1.3).

Итак, с 6605 г. по 6624 г. в НПЛ просматриваются сентябрьские хронологические артефакты. В таком случае получается, что летописные памятники суздальской группы (Л., Р., МАк. и др.) в передаче некоторых событий 6616–6623 гг. либо повторяют годовые даты НПЛ, либо отстают от них в нумерации на единицу. Таких случаев, правда, немного (табл. I), но объясняется это краткостью текста НПЛ. Лишь два известия этого отрезка текста, указанные как в НПЛ, так и в Л., Р. и МАк., нарушают такое соотношение датировок¹³. Поскольку в статьях 6617–6618 гг. Л. и родственные списки неуклонно ориентируются на весеннее новогодие¹⁴, получается, что здесь применялся мартовский год. Подтверждение тому находится в распределении событий 6621–6622 гг. в НПЛ и в суздальской группе списков: весеннее событие (поход Ярослава на ятвягов) НПЛ датирует 6621 г., а зимнее (поставление Феоктиста) — 6622 г., тогда как все суздальские списки относят оба события к 6621 г.

Однако Ип.-Хл., описывая те же события и также, используя весеннее новогодие¹⁵, с 6618 г. отстают в их нумерации от мартовского года суздальских летописей на одно показание (табл. I). Н.В. Степанов и Н.Г. Бережков усматривали в этом

факте разницу между мартовским, якобы, годом Ип. и ультрамартовским Л., причем Н.Г. Бережкову для этого пришлось объявить ультрамартовскими или ошибочными соответствующие даты НПЛ¹⁶. Такая версия противоречит, однако, описанному только что соотношению годичных показаний НПЛ и суздальской группы списков, поэтому нам остается единственно возможным объяснением: в заключительной части ПВЛ (по тексту ипатьевской редакции), начиная, как минимум, с 6618 г., применялся годичный счет, имевший весеннее новогодие и опаздывавший в учете лет на 12 месяцев от константинопольского мартовского счета, т.е. берущий начало с 03.5507 г. до н.э. Далее мы предлагаем именовать его “постмартовским”.

Посмотрим, как же выглядят после обнаружения постмартовского счета некоторые хронологические артефакты интересующей нас летописной статьи 6615 г. ПВЛ и, прежде всего, те, что проставлены в самом ее начале: “В лѣто 6615, индикта, Кругъ Луны 4 лѣто, а солнечнаго Круга 8 лѣто”. Уже давно было замечено, что с точки зрения православных пасхальных норм здесь допущена ошибка. Действительно, по правилам греко-русской Пасхалии, 6615 году соответствуют 3 номер Круга Луны и 7 Круг Солнца, а фиксируемые в летописи показания должны сопутствовать, по идее, 6616 году. Именно с таких позиций оценивали статью 6615 г. ПВЛ почти все исследователи, чье внимание привлекли ее начальные хронологические артефакты. И.Д. Беляев и М.П. Погодин обвинили в ошибке Нестора, не вдаваясь, впрочем, в детальное рассмотрение датирующих элементов¹⁷. А.А. Шахматов виновником недоразумения посчитал составителя редакции ПВЛ 1116 г. игумена Сильвестра, который зачем-то сократил рассказ Нестора об основании в Киеве князем Святополком церкви св. Михаила в 6616 г., а затем непонятно почему перенес его хронологические элементы (Круги Луны и Солнца) на год раньше¹⁸. Очевидно, что эти объяснения выглядят неудовлетворительными, потому что, во-первых, не указывают причин ошибки и, во-вторых, за образец пасхальных расчетов здесь принимается канон XVI–XX вв., согласно которому термины высчитывались с 1.03 и связывались с константинопольскими мартовскими годами, т.е. с годами, исчисляемыми с 03.5508 г. до н.э. (табл. II–1). Вполне возможно, однако, что в летописи был указан не мартовский, а какой-то иной год; нельзя также исключить и того, что в Древней Руси пасхальные правила Никейского собора могли трактоваться несколько иначе, чем в XVI–XX вв., в частности, и в определении начала отсчета Кругов Луны и Солнца.

Все это пробовал учесть Н.В. Степанов, пытавшийся объяснить хронологические элементы статьи 6615 г. ПВЛ особым порядком отсчета пасхальных терминов в Древней Руси. Основываясь на сведениях Кирика, он пришел к выводу о том, что в XI–XII вв. Круги Луны начинались 1.01, а Круги Солнца 1.10¹⁹; именно этим он и объяснял появление “нестандартных” терминов в статье 6615 г.²⁰

Действительно, УЧ информирует нас о том, что во времена Кирика Круги Луны отсчитывались с 1.01, а Круги Солнца — с 1.10 (см. 4.4). Кирик написал свое сочинение в 6644 сентябрьском году; как ясно из его же рассуждений, пасхальные терми-

ны этого года (Круг Луны 13, Круг Солнца 8) начались соответственно на 2 и 5 месяцев раньше мартовского новогодия, так как они использовались в расчетах Пасхи 6644 г. (табл. II-2). По аналогии с этой схемой, в 6615 мартовском году четвертый Круг Луны и восьмой Круг Солнца совмещались только с двумя последними месяцами этого года (январь и февраль) и поэтому их появление в начале летописной статьи остается загадочным (табл. II-3), а предположение Н.В. Степанова может быть признано неубедительным.

Остается единственное — предполагать, что Круг Луны и Круг Солнца совмещены в ПВЛ с годом, который совпадал своими реальными границами с 6616 мартовским годом, но имел, тем не менее, 6615 номер (табл. II-4). Это и был тот самый постмартовский год, о котором мы уже упоминали выше. Только с учетом этого обстоятельства все начальные хронологические артефакты статьи 6615 г. согласуются между собой.

Еще одно наблюдение заставляет нас поверить в то, что в данной статье ПВЛ не случайно и не ошибочно использовался постмартовский счет. Оно касается известия о землетрясении, содержащегося в 6615 г. Р., МАк. и Ип. Если считать, что в тексте Ип. пропущенным месяцем этого известия был февраль, как в Р. и МАк., тогда мы имеем две противоречивые датировки события — 5.02 (Р., МАк.) и 15.02 (Ип.). Объяснить это противоречие возможно только таким образом: природная стихия заявила о себе в последнем зимнем месяце в ночь с понедельника на вторник и в первоначальной записи была датирована с помощью пасхально-седмичных элементов, т.е. примерно так: *“В лето 6615, во вторник седмицы о блудном сыне, перед зорями в ночи”*²¹. Составитель того летописного текста, что отразился в Ип., принял 6615 год этой записи за постмартовский (03.1108 г. — 02.1109 г.), в котором вторник седмицы о блудном сыне приходился на 16.02.1109 г.; он также обратил внимание на то, что “трус” предшествовал рассвету (“перед зорями в ночи”) и, поскольку новый день на Руси начинался только с восходом солнца, отнес событие к окончанию понедельника, т.е. к 15.02. В измененном виде запись о землетрясении стала выглядеть так: *“В лето 6615, месяца февраля в 15 день, во вторник седмицы о блудном сыне, перед зорями в ночи”* (табл. III-1). В тексте Р. и МАк., т.е. в тексте Переяславо-Суздальского свода начала XIII в., отразилась иная, “ультрамартовская” трактовка пасхально-седмичной даты: в 6615 ультрамартовском году (03.1106 г. — 02.1107 г.) вторник этой седмицы выпадал на 5.02.1107 г. Такой же результат мог получиться и при датировке 6615 сентябрьским годом.

Разночтения списков ПВЛ нам объяснить удалось, но возникает другой вопрос: когда же на самом деле случилось землетрясение, 5.02.1107 г. или 15.02.1109 г.? Иначе, какую систему учета времени подразумевал 6615 год первоначальной записи об этом событии — ультрамартовскую (сентябрьскую) или постмартовскую? Ответ возможен в том случае, если мы определим, какой из двух вариантов датировки первичен. Вспомним, что вслед за А.А. Шахматовым²² исследователи относили сведение о землетрясении к дополнениям редакции ПВЛ 1118 г., так как оно есть в Ип. и отсутствует в Л. и,

кроме того, повторяется в НПЛ, где безусловным было влияние ипатьевской редакции ПВЛ. Эти рассуждения, однако, сами по себе еще не выглядят убедительными: во-первых, потому что в Р. и МАк. известие читается полностью, тогда как в Ип. оно носит следы дефектности, что и побудило, видимо, составителя Хл. отказаться от его копирования из текста протографа; во-вторых, мы можем предполагать, что оригинальные известия ПВЛ из Р.-МАк. в сравнении с ПВЛ “лаврентьевского” образца могут быть объяснены не только редакторской работой переяславо-суздальского сводчика начала XIII в., но и более “чистым” видом редакции ПВЛ 1116 г., попавшей к нему в руки, что, собственно, и выяснится позже (см. 2.1); наконец, очевидно, что в новгородское летописание это известие попало из источника, не зависевшего от ипатьевской редакции ПВЛ и восходившего, скорее, к ПВЛ “радзивиловского” образца, так как здесь указана дата 5.02, а не 15.02 /НПЛ, 19, 203; IV, 140/. Все это подталкивает нас к мысли о том, что ультрамартовское (или сентябрьское) показание Р.-МАк. являлось первичным по отношению к постмартовской дате Ип., тем более, что нам уже известно о присутствии в летописной статье 6615 г. относительно древнего ультрамартовского хронологического слоя. Казалось бы, окончательно поверить этому нас заставляет Лаврашевское Евангелие-апракос (начало XIV в.), где содержится более подробное сообщение о землетрясении (“памятѣ> труса у Русѣй земли бывша при княжѣньи Святополчи, и Володимѣри, и Давыдѣ, и Олговѣ в лѣтѣ<о> 6615 въ 3 час ночи”) и помещено оно не под каким-нибудь другим юлианским числом, а именно под датой 5.02²³.

И все же, более древней и первичной следует признать постмартовскую дату Ип., а показание Р.-МАк. — результатом редакторской работы переяславо-суздальского летописца начала XIII в., отразившейся затем в НПЛ и НЧЛ (суздальский пласт XIII в. в летописании Новгорода отмечался многими исследователями), а также в записи Лаврашевского Евангелия (“3 час ночи” могли быть вычислены его переписчиком как эквивалент предрассветному времени, а имена князей и даты он мог узнать из летописи, которая, без сомнения, была в его распоряжении). Отдать предпочтение постмартовскому варианту нас заставляет сведение НВЛ: “В лѣто 6617. Стрясся земля мѣсяца февраля в 2”, причем, в этом сложном и запутанном памятнике интересующее нас известие входит в “блок” последовательных сентябрьских сообщений, выписанных, судя по всему, из древнего несохранившегося текста²⁴. Становится ясно, что даты Ип. и НВЛ — две самостоятельные древние записи о землетрясении февраля 1109 г., они не могут быть выведены одна из другой, что и подтверждает их первичность; первая была обозначена 6615 постмартовским годом (03.1108 г. — 02.1109 г.), другая — 6617 сентябрьским (09.1108 г. — 08.1109 г.), но в обоих случаях речь шла об одном и том же событии (табл. III-2). Разница их календарных показаний (15.02 или 16.02 и 2.02) может быть объяснена тем, что один из переписчиков древнего новгородского источника НВЛ написанные слитно цифры ·E· (15) или ·S· (16) принял за ·B· (2).

Подводя итог перекрестно-сравнительному анализу этой годичной статьи ПВЛ, мы можем конста-

тировать в ее составе наличие, как минимум, четырех систем учета времени: древней ультрамартовской (поход русских за Сулой и битва 12.08), сентябрьской или мартовской (нападение Боняка на Лубны в мае), постмартовской (пасхальные термины, землетрясение 15.02) и поздней ультрамартовской (землетрясение 5.02), которая не относится к ПВЛ и поэтому не будет далее нас интересовать²⁵. Учитывая то, что сентябрьско-мартовское известие нарушает последовательность первоначального летописного повествования, подтверждаемую ПВМ, мы можем, во-первых, считать ультрамартовскими также и известия о смерти жены Владимира Мономаха 7.05 и о заключении мира с половцами 12.01 и, во-вторых, весь ультрамартовский хронологический слой воспринимать как более древний, нежели два других. Интересно при этом отметить, что в наиболее чистом виде ультрамартовская система проявилась в Р. и МАк.

Два известия, помещенные в середине летописной статьи 6615 г. (о визите Святополка в Киево-Печерский монастырь в день Успения св. Богородицы и о смерти его матери 4.01), можно считать относящимися к одному из двух поздних хронологических пластов, но только не к ультрамартовскому. На это указывает искусственный

характер их соединения с окружающими ультрамартовскими известиями. Так, например, весьма сомнительно, что уже утром третьего дня (Успение Богородицы — 15.08) после битвы, происходившей в степях за Сулой 12.08 и закончившейся долгим преследованием половцев и захватом их обоза, Святополк мог посетить монастырскую обитель в Киеве. К тому же рассказ об этом имеет смысловое противоречие: с одной стороны, визит князя представляется как благочестивое выражение признательности за божественную помощь в победе, но, с другой, летописец замечает, что у Святополка вошло в “обычай” приезжать в монастырь накануне военных походов. Смерть вдовы князя Изяслава с последующим за ним ультрамартовским известием соединяется словами “мѣсяца того же”, которые, как говорилось раньше, в начале статьи используются для связи ультрамартовского и сентябрьско-мартовского известий о нападении Боняка; уместно считать, что и в данном случае это контекстовое датирующее показание указывает на совмещение разновременных летописных текстов, тем более, что этого известия и связующих слов нет в Р.-МАк., где, как мы знаем, полнее всего отразилась ультрамартовская хронологическая система.

1.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ 6616–6620 ГГ.

Ориентиры, полученные в результате анализа артефактов 6615 г., значительно облегчают дальнейший исследовательский поиск, который мы направим здесь к окончанию ПВЛ (6616–6618 гг. всех списков, 6619–6633 гг. списков Ип. и Хл.).

До летописной статьи 6621 г. основной характеристикой хронологических комплексов нашего источника является преобладание постмартовских артефактов. Это ясно, во-первых, из того, что целый ряд известий Ип.-Хл. имеет годичную нумерацию на одно обозначение меньше, нежели продолжение ПВЛ по суздальским летописям, где преобладают мартовские артефакты и, кроме того, на два номера меньше сентябрьских годов НПЛ (табл. I). В соответствии с этим мы можем считать несомненно постмартовскими следующие известия ПВЛ (Ип.-Хл.), относящиеся к 6620 г.: поход на ятвягов и свадьба владими́ро-волынско́го князя Ярослава Святополчи́ча (май-июнь), смерть Давыда Игоревича (25.05), смерть Янки Всеволодовны (3.11), поставление Феоктиста черниговским епископом (12.01), выборы Прохора киево-печерским игуменом (9.02), причем, для двух последних известий можно указать дополнительные аргументы в пользу их постмартовской принадлежности.

Посвящение киево-печерского игумена Феоктиста в сан черниговского епископа в ПВЛ (Ип.-Хл.) датировано 12.01.6620 г., но в суздальских списках иначе: Л. — 11.01.6621 г., Р.-МАк. — 12.01.6621 г. /II, 274; I, 289/. В наличии таких противоречий мы усматриваем первоначальную святочную датировку события: “В лето 6620, в неделю (т.е. в воскресный день) по Богоявлению (Крещению) Господнему (6.01)”²⁶. В постмартовском вари-

анте эта дата стала выглядеть так: “В лето 6620 (03.1113 г. — 02.1114 г.), *месяца января в 12-й день*”. Хотя по юлианскому календарю в январе 1114 г. первое воскресенье после празднования Богоявления приходится на 11.01, однако для летописца, считавшего постмартовскими годами, оно все же соответствовало 12.01 и вот почему: 6620 номер года без остатка делился на 4 и, следовательно, по правилу определения юлианского високоса, должен состоять не из 365, а из 366 суток. Этим дополнительным днем в христианских юлианских годах всегда был день 29.02. Если учесть, что и в феврале 1114 г. было 29 дней, тогда получится, что второе воскресенье января 1114 г. (“неделя по Богоявлению”) выпадало на 12.01. Именно такое сочетание артефактов (6620 постмартовский год и 12.01) отразилось в ипатьевской редакции ПВЛ.

Суздальские списки передают поздние трансформации этой даты, так как они в этой части своего текста основывались на ПВЛ ипатьевской редакции. Этот безусловный факт дает нам возможность отметить одну особенность редакционной работы, проделанной, скорее всего, составителем 1-го Владимиро-Суздальского свода (конец XII в.), к которому восходят Л., Р. и МАк.: под влиянием дополнительного источника годичные даты ПВЛ механически увеличивались на одну единицу, вследствие чего постмартовские даты модифицировались в мартовские. Следы именно такой редакционной правки очевидны в начальном известии 6621 г. Л., Р. и МАк., которое так передает соответствующее известие 6620 г. ПВЛ: “Ходи Ярославъ, сынъ Святополчъ, на Ятвягы *второе* и победи я [курсив мой. — С.Ц.]” /I, 289/; ни в этих, ни

в каких других летописях нет, однако, какого-либо упоминания о первом походе Ярослава на ятвягов. Очевидно, что составитель 1-го Владимир-Суздальского свода имел перед собой две противоречивые датировки одного события и воспринял их как сообщения о разных происшествиях; отдав предпочтение мартовскому 6621 г., он, тем не менее, учел и дату 6620 г., которая была постмартовской.

По тем же самым соображениям 6620 постмартовский год в дате поставления Феоктиста был увеличен владими́ро-суздальским летописцем на одну цифру. Но как получилось, что Р.-МАк. в точности передал календарное число ПВЛ (12.01), тогда как в Л. встречается 11.01? Объяснить это можно только тем, что в тексте ПВЛ, попавшем в конце XII в. в руки владими́ро-суздальского редактора, святочное обозначение (*“в неделю по Богоявлению”*) не было еще оторвано от юлианской даты (12.01); именно так, в смешанной святочно-юлианской форме датировал поставление Феоктиста и 1-й Владимир-Суздальский свод. Позже, когда этот свод в начале XIII в. редактировался переяславо-суздальским летописцем, составителем протографа Р. и МАк., святочная часть даты была сокращена, а юлианское число оставлено без изменений. В ходе редактирования смешанной даты в другой, ростовской линии суздальского летописания XIII в. кем-то из редакторов было замечено, что в мартовском невисокосном 6621 г. *“неделя по Богоявлению”* должна быть не 12.01, а 11.01 и поэтому была проделана соответствующая корректировка хронологического показания с попутным сокращением его церковных элементов²⁷.

Не менее сложным, но и не менее убедительным является подтверждение постмартовской принадлежности другого известия 6620 г. ПВЛ (избравшие Прохора киево-печерским игуменом). Вот как датируют это событие Ип. и Хл. (в суздальских летописях его нет): *“В лѣто 6620... Исходящу же сему лѣту, ... и поставлен бысть недѣлѣ Масленѣ в четвергъ, мѣсяца февраля въ 9 день, и тако выидоша в постъ братья и со игуменомъ”* /II, 273–274/. Давно уже было отмечено, что чтение *“недѣлѣ Масленѣ в четвергъ, мѣсяца февраля въ 9 день”* является дефектным, так как такое сочетание пасхально-юлианских элементов было только в 1111 г. эры от Р.Х., а этот год никак не увязывается с окончанием летописного 6620 г., какие бы древнерусские времяисчислительные системы здесь ни предполагать. Все исследователи поэтому в один голос утверждали, что 6620 г. ПВЛ — мартовский (03.1112 г. — 02.1113 г.), а значит уместной должна быть такая конъектура текста: *“В неделю (т.е. в воскресенье) Масленной седмицы, месяца февраля в 9-й день”*²⁸. Действительно, в 1113 г. день 9.02 был воскресением, но — в чем и ошибались все предшественники! — не на Масленной (или Сыропустной) седмице, а на предшествовавшей ей Мясопустной седмице, тогда как Сыропустная неделя в том году была 16.02. Однако то, что поставление Прохора игуменом было все же в Сыропустное воскресение, сомнений не вызывает, поскольку сразу вслед за ним в летописи идет речь о начале Великого поста, а такое возможно было только в 6620 постмартовском году (03.1113 г. — 02.1114 г.); с учетом того, что он был високосным (см. описан-

ную выше дату поставления Феоктиста), получается, что 9.02.1114 г. было в пасхальном году воскресением Сыропустной седмицы.

Итак, очевидно, что большинство известий 6620 г. ПВЛ датировано постмартовскими хронологическими элементами. Учитывая то, что все эти известия представляют собой однотипные краткие погодные записи²⁹, а также то, что в данной статье соблюдается строгая последовательность календарных дат (12.05, 29.06, 25.05³⁰, 29.05, 3.11, 12.01, 19.01, 9.02)³¹, мы можем считать 6620 г. ПВЛ (Ип.-Хл.) цельным и ненарушенным постмартовским комплексом.

Таких комплексов в этой части ПВЛ больше нет, но очевидные следы постмартовского времяисчисления обнаруживаются и в других статьях. Так, мы уже писали о том, что закладка Киевской церкви св. Михаила в НПЛ датируется 6617 сентябрьским годом (см. 1.1); в таком случае дата этого же события в ПВЛ (11.07.6616 г.) — постмартовская, так как только в 6616 постмартовском году (03.1109 г. — 02.1110 г.) день 11.07 был воскресением³². По аналогии с этим два других известия 6616 г. ПВЛ (*“великая вода”* и сооружение трапезницы в Киево-Печерском монастыре), которые НПЛ датирует 6617 г. (табл. I), также можно считать постмартовскими³³.

В этой же статье ПВЛ постмартовским является и известие о смерти княгини Екатерины Всеволодовны 24.07 /II, 260/, которое в Л. имеет дату 11.07, причем здесь календарное число нарушает последовательность событий /I, 283/. В этом разночтении усматривается первоначальная запись с использованием смешанного пасхально-юлианского обозначения, аналогично тому, что мы уже отмечали в случае с датой землетрясения в 6615 г. Поясним только, что постмартовская смешанная пасхально-юлианская дата ПВЛ (*“в лето 6616, в 6-ю субботу по Пятидесятнице, месяца июля в 24-й день”*) была ошибочно истолкована позднейшим владими́ро-суздальским редактором: во-первых, он не увеличил номер года ПВЛ на одно показание, как это сделал в случае с 6620 г.; во-вторых, приняв 6616 номер года за мартовский (03.1108 г. — 02.1109 г.), он вместо шестой субботы после праздника Пятидесятницы (4.07. 1108 г.) вычислил седьмую (11.07; о причинах этой “ошибки” см. 4.5). Составитель протографа Р.-МАк. имел дело, видимо, с обеими противоречивыми датами и поэтому вообще решил отказаться от копирования сомнительного, с его точки зрения, известия.

Разночтения между различными редакциями ПВЛ прослеживаются и в датировке известия о смерти и похоронах Евпраксии Всеволодовны: Л., Р. и МАк. — 10.07.6617 г., Ип.-Хл. — 9.07.6617 г. /I, 283; II, 260/. Этот случай также дает возможность выявить первоначальную постмартовскую святочно-юлианскую дату (*“в лето 6617, во 2-ю субботу по памяти святых безмездников Космы и Дамиана, месяца июля в 9-й день”* или *“во 2-ю субботу по положению честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне”*³⁴). Заметим, что составитель 1-го Владимир-Суздальского свода, как и в предыдущем случае, избежал увеличения годичного номера ПВЛ на единицу, но воспринял 6617 номер года как мартовский, в соответствии с чем и сделал пересчет святочно-юлианской даты с 9.07 на 10.07.

Итак, все описанные выше случаи показывают, что в тексте ПВЛ ипатьевской редакции безусловно преобладали постмартовские хронологические элементы, чаще всего выраженные пасхально-или святочно-юлианскими календарными обозначениями. Их трансформация в мартовские показания суздальских списков объяснялась редакционной работой летописцев конца XII — начала XIII в., имевших в своем распоряжении в качестве одного из источников текст ипатьевской редакции ПВЛ. При этом выясняется, что в некоторых случаях (6616, 6617 гг.) они копировали без изменения годовые номера ПВЛ, ограничиваясь пересчетом календарных дат на мартовский стиль, в других (6620 г.) — увеличивали их на одно показание и производили такой же пересчет календарных показаний. Очевидно, что разница в приемах хронологического редактирования объяснялась тем, что до 6618 г. включительно суздальские летописцы использовали еще один источник, принципиально схожий с ипатьевской редакцией ПВЛ, т.е. летопись, содержащую ПВЛ в редакции игумена Сильвестра; это обстоятельство давало им основания полагаться на датировки ипатьевской редакции, которые они, правда, не воспринимали как постмартовские. Однако начиная с 6619 г. второй источник (т.е. продолжение “сильвестровской” ПВЛ) стал существенно расходиться с ПВЛ ипатьевского образца, что побудило суздальских сводчиков отдать предпочтение его хронологическим показаниям и увеличивать постмартовские даты на одно обозначение. Впрочем, мы не настаиваем на том, что подобная редакторская работа была проделана кем-то из суздальских летописцев конца XII — начала XIII в.; вполне возможно, что ее осуществил в общих чертах составитель какого-то летописного памятника XII в., предшествовавшего 1-у Владимиро-Суздальскому своду. Для нас важно другое: мартовский хронологический пласт, фиксируемый в списках лаврентьевской редакции ПВЛ и в ее продолжении (даты 11.07.6616 г., 10.07.6617 г., все известия 6621 г.), являлся более молодым в сравнении с постмартовскими показаниями списков ипатьевской редакции.

Однако здесь же, в этой части летописных текстов (6618 и 6619 гг. Ип.-Хл., 6618–6620 гг. суздальских списков), мы можем выделить еще один времяисчислительный слой. Его характеристика связана с анализом летописных сообщений о половецком походе русских князей.

Указанные выше особенности хронологического редактирования суздальских летописцев привели к тому, что в Л., Р. и МАк. дважды говорится об одном походе объединенных русских сил в половецкие степи: сначала в 6618 г., синхронно показанию списков ипатьевской редакции ПВЛ, а затем в 6619 г., полученным от того же “ипатьевского” известия, но уже с увеличением годового числа на одно показание. Этот повтор Л., Р. и МАк. уже неоднократно отмечался исследователями летописей³⁵. В этом случае следует признать, что и 6620 г. суздальских списков описывал поход 6619 г. Ип.-Хл., а это значит, что расположение датирующих артефактов в ипатьевской редакции ПВЛ являлось первичным.

Подробный же рассказ Ип.-Хл. о походе 6619 г. /II, 266–269/ выбивается из общего контекста не только своей типовой оригинальностью

(он явно контрастирует с окружающими его краткими погодными записями и отделяется от них словом “аминь”), но и сентябрьско-мартовскими календарно-недельными элементами (битва на Дегее — пятница, 24.03; битва на Сальнице — понедельник, 27.03; все прочие элементы — недельные, святочные и пасхальные — строго увязаны с этими ориентирами)³⁶, входящими в противоречие с установленным нами ранее преобладанием постмартовских показаний.

Становится ясно, что на самом деле в это время была только одна военная экспедиция в половецкие степи — в феврале-марте 1111 г., но в летописях она отразилась в разных системах времяисчисления: в постмартовской (6618 г. всех списков), в сентябрьской или мартовской (вставной рассказ 6619 г. Ип.-Хл. и 6619 г. Л., полученный от 6618 г. Ип.-Хл. прибавлением одного номера³⁷) и, наконец, в ультрамартовской (6620 г. суздальских списков, полученный от 6619 г. Ип.-Хл.).

Как видно, основных начальных версий рассказа о половецком походе было две: одна, датированная сентябрьским или мартовским годом, принадлежала, видимо, очевидцу событий или хорошо информированному о них человеку; другая, обозначенная постмартовским счетом, была изложена малосведущим летописцем, для которого за Воинем была уже неведомая половецкая земля и которому весь путь русских дружин от устья Сулы к Дону, а потом в Киев представлялся лишь возвращением домой. Трудно сказать, какая из этих версий появилась и была записана раньше, но несомненно, что в летописный текст сначала было внесено краткое постмартовское сообщение и лишь потом туда же попал подробный мартовский рассказ.

Приведем свидетельства, которые противоречат нашим выводам. Так, Вск. в 6618 г. уточняет, что возвращение русских князей произошло по причине морозов и падежа коней³⁸; это делает весьма правдоподобной версию о двух походах, состоявшихся с интервалом в год. По всей видимости, стремление позднейшего редактора к правдоподобности как раз и объясняет появление такого уточнения. Он имел перед собой два различно датированных рассказа об одном событии (6618 и 6619 гг.) и, дабы объяснить этот казус, придумал объективные причины для неудачи, якобы, закончившегося похода 6618 г., что давало возможность рассказать затем о “втором” походе. Отметим, что в летописных текстах, родственных Вск., “морозы” и “кони” отсутствуют.

Другое возражение представляет нам ПБМ, где Владимир Мономах вроде бы подтверждает летописную последовательность событий: “И потомь ходихом в войну с Святополком, и потомь паки на Донь идохом с Святополком и Давыдомъ, и Богъ ны поможе” /I, 250/. Даже если оригинальное чтение “в войну” принимать за название географического пункта (“к Воиню”, как считают современные издатели ПБМ), мы, все же, можем усомниться в точности показаний князя-писателя, поскольку процитированные слова ПБМ допускают отнюдь не однозначную трактовку их содержания. В отличие от летописца, Владимир Мономах не припоминает возвращения от Воиня назад и поэтому возможно допустить, что речь идет о череде связанных событий: к пограничному городу Владимир двинулся вместе

со Святополком (так и в летописи: инициаторами похода называются только два этих князя); здесь, в устье Сулы, к ним присоединился Давыд Святославич, подошедший из Чернигова, после чего путь объединенной русской дружины пролегал на восток к Дону. Слова “потомъ паки”, разделяющие (или связывающие?) походы к Воиню и на Дои, могут восприниматься в данном случае как характерный для автора ПВМ литературный прием соединения последовательных событий; в таком значении они неоднократно употреблялись Владимиром Мономахом и раньше. Помимо того, здесь они лишены какого-либо смысла, так как ни одного более раннего совместного похода Владимира и Святополка к Дону ни ПВМ, ни летопись не упоминают.

1.3. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ИСТОЧНИКА (6621–6633 ГГ.)

Уже самая первая годичная статья этой части ПВЛ (6621 г.) в полном объеме представляет нам сложную картину совмещения различных хронологических артефактов, характерную для окончания исследуемого источника. Этот год ПВЛ многими исследователями считался мартовским (ОЗ.1113 г. — ОЗ.1114 г.). Поводом к тому было первое известие данной статьи о солнечном затмении 19.ОЗ, которое, по точным астрометрическим расчетам, действительно случилось 19.ОЗ.1113 г.⁴⁰ Однако ясно, что относить и все прочие известия этой летописной статьи к мартовскому году неверно. Если же рассматривать известие о затмении отдельно от других, тогда следует уточнить, что оно может относиться не только к мартовскому, но и к сентябрьскому 6621 г. (ОЗ.1112 г. — ОЗ.1113 г.)⁴¹.

Одно из наших предыдущих соображений более определенно указывает на хронологическую неоднородность статьи 6621 г. ПВЛ. Действительно, если киевский князь Святополк Изяславич умер после этого затмения, т.е. 16.ОЗ.1113 г., как и сообщает ПВЛ, он не мог участвовать в утверждении Прохора киево-печерским игуменом (9.ОЗ.1114 г.), о чем говорится в 6620 г. того же источника (см. 1.2). Очевидно, что известие о солнечном затмении, датированное 6621 мартовским (сентябрьским) годом, соединено здесь с событиями 6621 (ОЗ.1114 г. — ОЗ.1115 г.) постмартовского года (смерть Святополка 16.ОЗ.1114 г., начало княжения в Киеве Владимира Мономаха в “недѣлю”, т.е. 19.ОЗ.1114 г. и его первые деяния). В связи с этим уместно вспомнить, что некоторые чтения из перечня русских князей в софийско-новгородских летописях, восходившие, очевидно, к ипатьевской редакции ПВЛ, позволили А.А. Шахматову отнести появление Мономаха на киевском столе как раз к 1114 г.⁴², тогда как общепризнанная дата этого события (1113 г.) никогда не подтверждалась серьезным анализом хронологических артефактов. Наконец, только с признанием 1114 г. началом мономаховского княжения обретает смысл одно из показаний хронологического перечня ПВЛ: “А от смерти Ярослави [1054 г. — С.Ц.] до смерти Святополчи лѣтъ 60” /I, 18/.

Подводя итог характеристике хронологических артефактов 6616–6620 гг. ПВЛ, мы можем констатировать здесь наличие трех времяисчислительных систем: постмартовской, являющейся на этом отрезке текста самой архаичной и полнее всего представленной в списках ипатьевской редакции; сентябрьской или мартовской (рассказ Ип.-Хл. о военном походе в 6619 г.), более поздней по отношению к первой и соединившейся с ней в списках ипатьевской редакции; мартовской (в отдельных случаях, ультрамартовской), представленной в суздальских списках, являющейся результатом механической переделки двух первых систем и не относящейся ко времени составления исследуемого нами источника³⁹.

Кажется, мы можем указать в тексте статьи 6621 г. ПВЛ и конкретное место “сшивки” сентябрьско-мартовского и постмартовского слоев. В Ип. сразу после датировки солнечного затмения (“мѣсяца марта въ 19 день”) следует дополнение “а Луны въ 29”, причем, последняя цифра написана необычно “ѢК.” /II, 274/. Удовлетворительного объяснения этой дополнительной дате не встречается ни в поздних летописных текстах, ни в научных трудах⁴³. Мы предлагаем свое объяснение этому малопонятному показанию, и это объяснение, кроме текстологической аргументации, имеет и весьма убедительные историко-хронологические основания.

Первоначальный вид второй даты сохранился в Хл. (9.ОЗ)⁴⁴, но переписчику Ип. эта датировка не понравилась, так как ранее в статье уже встречалось 19.ОЗ; чтобы соблюсти хронологическую последовательность событий, вторую дату он очень неумело перевел в 29.ОЗ, приписав вслед за Ѣ (9) цифру Ѣ (20). Другими словами, в протографе Ип. и Хл. предполагается такой текст: “В лето 6621, было затмение в Солнце в 1 час дня, месяца марта в 19-й день, а Луны в 9”.

Понятно, однако, что 9.ОЗ никак не должно было относиться к лунному затмению, поскольку ни в одном из ближайших годов такого астрономического явления в этот день не случалось. Что же в таком случае обозначало это число? Д.О. Святский вообще посчитал его не календарной датой, а обозначением номера Круга Луны этого года⁴⁵, основываясь, вероятно, на очевидной вторичной его форме в Ерм.: “А Кругъ Луны во 9” /II, прил., 22/. На это А.А. Шахматов вполне резонно заметил, что Круги Луны в русских летописях (добавим, и в других видах исторической письменности) никогда не указывались отдельно от Кругов Солнца⁴⁶.

Здесь уместно немного отвлечься от даты 9.ОЗ.6621 г. и заметить, что описание предшествующего ей “знаменья въ Солнцѣ” вполне может относиться не только к полному (таковым и было затмение 19.ОЗ.1113 г.), но и к частичному затмению: “Остася Солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогама” /II, 274/⁴⁷. Это тем более интересно, что в марте 1114 г. было частичное солнечное затмение

и случилось оно 8.03 (почти 9.03!). Мы неоднократно уже убеждались в том, что расхождения в одни сутки, отмечаемые между календарными датами различных списков этой части ПВЛ, объясняются тем, что первоначальная датировка событий производилась смешанными святочно-юлианскими элементами постмартовской системы, вслед за чем редакторы-хронологи переводили их на мартовский счет, одновременно сокращая святочные обозначения (см. 1.1, 2). Так же, вероятно, произошло и в данном случае. В тексте ипатьевской редакции ПВЛ были соединены в одной летописной статье известие о полном солнечном затмении 19.03.1113 г., датированное 6621 сентябрьским или мартовским годом и постмартовское известие о частичном солнечном затмении, которое выглядело примерно так: *“В лето 6621 (03.1114 г. — 02.1115 г.), месяца марта в 8-й день, в неделю по страсти 42-х мучеников в Амморее (6.03)”*. Оба известия имели одинаковый номер года и поэтому летописец-компилятор объединил их в одну годичную статью. При этом он, однако, не удержался от редакторской правки: так, дату первого воскресения по поминовению амморейских страдальцев он пересчитал для мартовского (сентябрьского) 6621 года (получилось 9.03) и, рассудив, что в одном месяце не могло быть сразу двух солнечных затмений, перевел второе из них в статус лунного.

Напомним, что ранее мы уже отмечали совмещение постмартовских и сентябрьско-мартовских элементов в этой части ПВЛ, причем случай с 6619 г. показал нам относительную древность первых. Сейчас же мы установили, что сам момент совмещения двух указанных систем совпадал с моментом создания ипатьевской редакции ПВЛ, поскольку “совмещенные” комплексы 6619 и 6621 гг. Ип.-Хл. были основой для появления вторичного текста статей 6619–6620 и 6622 гг. суздальских списков ПВЛ. При этом ясно, что сводчику двух систем более понятными были сентябрьско-мартовские элементы, под которые он приспособлял инородные датирующие показания, а отсюда следует, что постмартовская система учета времени была не только более древней, но и независимой от ПВЛ или, по крайней мере, от ипатьевской ее редакции в том виде, в котором она дошла до нас.

Этим, однако, не исчерпывается анализ хронологических артефактов 6621 г. ПВЛ. Мы выяснили, что после мартовского известия о солнечном затмении следует цепь связанных постмартовских сведений. Последним из них можно считать сообщение о смерти игумены Лазарева монастыря 14.09, так как далее отмечается нарушение календарного порядка (после даты 14.09 говорится о свадьбе Романа Владимировича 11.09), указывающее на еще одну вставку в текст ПВЛ /II, 276–277/.

Впервые эту вставку отметил М.Х. Алешковский, затем А.Г. Кузьмин отнес к ней три последовательных известия Ип.-Хл.: свадьба Романа 11.09, закладка церкви св. Николы в Новгороде Мстиславом Владимировичем и вокняжение Ярополка Владимировича в Переяславле-Русском⁴⁸. Эти текстологические наблюдения могут быть признаны верными, потому что данные известия не проявились в статье 6622 г. Л., Р. и МАк. (Владимирские своды конца XII - начала XIII в.),

полученной от 6621 г. ПВЛ увеличением годового числа на единицу /I, 289–290/.

Все перечисленные известия попали в протограф Ип.-Хл. на каком-то этапе развития южнорусского летописания из источника, соединившегося с ипатьевской редакцией ПВЛ. При этом логика соединения двух источников была, вероятно, следующей (табл. IV): в тексте ПВЛ, взятом за основу, сводчик увидел сообщение о браке Романа, помещенное вслед за постмартовскими известиями и не имевшее, очевидно, точной календарной даты; в другом источнике свадебное известие было датировано конкретнее и поэтому оно и попало на место первого. Вслед за тем летописец-компилятор приписал еще два сведения из дополнительного источника (закладка церкви и вокняжение Ярополка) и затем, видимо, исчерпав его, вновь обратился к ПВЛ и заключил сводную статью двумя ее известиями (поставление епископов Даниила и Никиты). Только так можно объяснить появление двух хронологических противоречий в протографе Ип. и Хл.: одно мы уже отмечали — нарушение порядка следования сентябрьских календарных дат (14.09, 11.09)⁴⁹; второе — в статью 6621 г. явно не на свое место попало известие о вокняжении Ярополка в Переяславле, так как это событие могло случиться только после смерти его брата Святослава, княжившего здесь ранее. О том, что Святослав был посажен в Переяславле, ПВЛ сообщает ранее в 6621 г., о том, что умер 16.03 — в 6622 г., причем, обе даты постмартовские; значит, смерть Святослава произошла 16.03.1115 г. (см. ниже) и только после того в Переяславле-Русском появился Ярополк, что никак не уязвляется с 6621 г.

Итак, если признать, что три названных известия попали в текст Ип.-Хл. из источника, не зависимо от ПВЛ, и что там они входили в одну летописную статью (иначе почему в момент вставки все они были отнесены к одному году?), то можно сделать два важных вывода. Во-первых, в дополнительном источнике использовался сентябрьский счет, на что указывает календарная последовательность заимствованных из него известий: свадьба Романа — 11.09, закладка церкви св. Николы — 6.12 или 9.05⁵⁰, вокняжение Ярополка в Переяславле — после 16.03 (т.е. возможно после 9.05). Сентябрьская летописная статья с этими сведениями должна была иметь 6623 номер года (09.1114 г. — 08.1115 г.), т.е. она в начальной своей половине (09.1114 г. — 02.1115 г.) описывала те же события, что и заключительная часть постмартовской статьи 6621 г. ПВЛ (03.1114 г. — 02.1115 г.). Какой-то весьма внимательный компилятор заметил, что 6621 г. ПВЛ и 6623 г. дополнительного источника описывали синхронные отрезки времени и на этом основании объединил информацию обоих письменных памятников. Отметим, что ранее в тексте ПВЛ нам не встречался такой способ хронологического редактирования (по синхронности событий), потому что там использовался иной принцип компиляции (по тождеству числовых обозначений лет).

Итак, этот пример показывает, что текст ПВЛ, в котором уже были соединены сентябрьско-мартовские и постмартовские хронологические элементы, подвергся влиянию сентябрьского времяисчисления. Это соединение трех систем учета времени отразилось в ипатьевской линии развития летописных тек-

стов, тогда как суздальские летописи в качестве одного из источников использовали ПВЛ ипатьевской редакции, которая еще не была искажена воздействием сентябрьских элементов.

Подобное совмещение хронологических артефактов отмечается в ПВЛ (Ип.-Хл.-Пог.) и далее до 6632 г. включительно. Мы продолжаем, во-первых, фиксировать там постмартовские артефакты. В 6622 г. это — известие о смерти Святослава Владимировича 16.03, что определяется по суточному отставанию этого числа от даты Л. /**I, 290; II, 277**/⁵¹. В 6623 г. постмартовским является, вероятно, сообщение о построении моста через Днепр⁵² и, несомненно, подробное известие о смерти 1.08 и погребении 2.08 черниговского князя Олега Святославича /**II, 282**/, что опять же устанавливается по его несовпадению с соответствующим показанием суздальских списков⁵³. Следующим постмартовским известием является сообщение о смерти Христины, жены князя Мстислава. Этот факт устанавливается не только из наличия суточной разницы между постмартовской датой Ип. (17.01.6629 г. /**II, 286**/) и мартовской Л., Р. и МАк. (18.01.6630 г. /**I, 292**/)⁵⁴, но еще и из контекстового расположения данного известия во всех летописях явно не на своем месте, сразу же вошед за описанием солнечного и лунного затмений 10.03 и 24.03.1122 г.⁵⁵; на самом же деле смерть княгини случилась на 10 месяцев позже этих астрономических явлений, но в летописных текстах она, тем не менее, опережает многие события второй половины 1122 г.

Еще одно проявление постмартовской системы учета времени мы неожиданно обнаруживаем не в заключении ПВЛ по Ип.-Хл.(Пог.), а в 6631 г. Л.; в этом, впрочем, нет ничего удивительного, так как мы знаем уже о том, что после 6621 г. суздальские списки точнее передают состав “чистой” ипатьевской редакции, поскольку не подверглись влиянию “сентябрьского” источника. Это — известие о падении церкви св. Михаила в Переяславле-Русском в субботу 10.05, что могло быть только в постмартовском 6631 г. (03.1124 г. — 02.1125 г.) /**I, 293**/. В Ип.-Хл. оно датировано 6632 мартовским годом.

Рядом с постмартовскими элементами продолжают соседствовать сентябрьско-мартовские (табл.V⁵⁶). Анализируя расположение известий этого хронологического слоя в статьях 6623–6633 гг. Ип.-Хл.(Пог.), мы можем уточнить его характеристику: если ранее мы называли его сентябрьско-мартовским (имелось в виду то, что датирующие показания выпадали на вторую половину сентябрьских лет, которая соответствовала первой половине мартовских годов с тем же номером), то теперь вполне определенно можно признать, что этот хронологический пласт, отмечаемый еще с 6615 г. ПВЛ, был именно мартовским. Так, относящееся к нему известие о смерти переяславского епископа Лазаря, в Л. датируемое 6626 ультрамартовским годом (6625 г. ПВЛ + 1 год, механически добавленный владимиро-суздальским летописцем), в Ип.-Хл. относится к 6625 г., хотя смерть произошла в сентябре, когда уже начался отсчет 6626 сентябрьского года. Точно так же можно трактовать и следующие известия: смерть Романа Владимировича 6.01.1119 г. (6626 г. Ип.-Хл.)⁵⁷, смерть Глеба Всеславича 13.09.1119(6627) г., приход на Русь митрополита

Никиты, смерть епископа Амфилохия, землетрясение и захват Володаря Ростиславича поляками — все события происходили после 24.03.1122 (6630) г. и до 17.01.1123 (6630) г. (табл.V–10, 15, 16, 22, 23).

Наконец, в этих же статьях ПВЛ, как и в 6621 г., отчетливо просматривается влияние сентябрьского календарного стиля. Оно проявляется в трех формах. Во-первых, так же, как и в летописной статье 6621 г., в виде включения в мартовско-постмартовские статьи сентябрьских дополнений; для сводчика, соединявшего ПВЛ с “сентябрьским” источником, пример 6621 г. стал, видимо, своеобразным ориентиром для дальнейших редакторских операций (год ПВЛ + год дополнительного источника, превышающий первый двумя единицами). Раньше, в случае с 6621 г., такое соединение было, в целом, обоснованным и привело лишь к частным хронологическим ошибкам, поскольку там сентябрьские показания накладывались на постмартовскую основу. Однако в дальнейших статьях ПВЛ постмартовских известий было значительно меньше, чем в 6621 г., и поэтому сентябрьские показания стали совмещаться с мартовскими, что приводило к появлению крупных хронологических ошибок, к искажениям в очередности описания событий и к появлению в летописном тексте “лжепостмартовских” показаний. “Лжепостмартовскими” мы именуем их для различения от типичных постмартовских датировок, относящихся к начальному этапу формирования ипатьевской редакции. Наглядной в этом отношении является статья 6622 г. Ип.-Хл., где вслед за первым постмартовским известием (смерть князя Святослава) помещены сообщения о строительстве в Новгороде и Ладоге /**II, 277**/. В Л., Р. и МАк. этих “строительных” сведений нет, т.е. не было их первоначально и в тексте ПВЛ ипатьевской редакции, куда они попали потом из 6624 г. источника с сентябрьским летосчислением. В том, что это было именно так, убеждает размещение этих событий в 6624 г. НПЛ, НВЛ и Вл. /**НПЛ, 20, 204; XXX, 57, 192**/, причем в тех частях их текста, где отражился сентябрьский стиль (см. прим. 24)⁵⁸. Таким же образом попали в Ип.-Хл. и другие “лжепостмартовские” известия: вокняжение Романа во Владимире-Волынском в 03–08.1118 (6625) г., смерть византийского императора Алексея Комнина 15.08.1118 (6625) г., вокняжение Андрея во Владимире после 13.09.1119 (6626) г. и солнечное и лунное затмения 10.03 и 24.03.1122 (6629) г. (табл.V–13, 14, 17, 21). Можно предполагать, что и прочие избыточные, по сравнению с суздальскими летописями, сведения Ип.-Хл.(Пог.) за 6623–6633 гг. первоначально были датированы сентябрьскими хронологическими элементами, а в “ипатьевской модификации” получили “лжепостмартовскую” принадлежность.

Второй формой проявления сентябрьских признаков в этой части нашего источника является оригинальное, по сравнению с Л., Р. и МАк., проведение годовых границ между летними и зимними событиями. Так, поход Владимира Мономаха с союзниками на Минск, начавшийся 28.01 и окончившийся в Великий пост (14.02–31.03) 1116 г., суздальские летописцы поместили в 6623 мартовский год (03.1115 г. — 02.1116 г.), тогда как в ПВЛ, в полном соответствии с нормами сентябрьского счета, он датирован 6624 г. (09.

1115 г. — 08.1116 г.) /I, 290–291; II, 282–283/⁵⁹. Аналогичные случаи отмечаются и далее: бегство торков и берендеев из Руси случилось, вероятно, после 1.09.1120 г., так как в Л., Р. и МАк. заключает статью 6628 г., а в Ип.-Хл. открывает 6629 г. /I, 292; II, 286/; в суздальских списках смерть митрополита Никифора (апрель 1121 г.) датируется 6629 г. и отделена от мартовских затмений 1122 (6630) г., тогда как в Ип.-Хл. эти события соседствуют в пределах 6629 г., что, конечно, ошибочно, но указывает, тем не менее, на влияние сентябрьского года /I, 292; II, 286/⁶⁰; наконец, смерть вдовы Святополка 28.02.1125 г. в Л. датирована мартовским 6632 г., в Ип.-Пог. — сентябрьским 6633 г. /I, 293–294; II, 289/⁶¹ (табл.V–4, 19, 20, 31).

Наконец, прямое влияние сентябрьского счета усматривается в датировке вышгородской канонической церемонии восьмым индиктом (09.1114 г. — 08.1115 г.) в 6623 г. ПВЛ. Интересно, что и в НПЛ, где также сказалось “сентябрьское” влияние, в дате этого события присутствует индикт, но в Л., Р. и МАк. его нет /I, 290; II, 280; НПЛ, 20, 204/.

Все сказанное решительно убеждает нас в том, что с 6621 г. в мартовско-постмартовскую хронологическую структуру ПВЛ вторгается сентябрьское времяисчисление, принимающее в летописном тексте форму прямых датирующих показаний либо вид “лжепостмартовских” элементов. Сентябрьский хронологический пласт был инородным и поздним по отношению к первоначальной “ипатьевской” линии видоизменения ПВЛ, так как суздальские летописцы конца XII — начала XIII в. использовали в качестве источника один из списков этой редакции, еще не искаженный сентябрьской хронологией. Текст Ип.-Хл.(Пог.) за 6621–6633 гг. в сравнении с па-

раллельными суздальскими текстами содержит явные следы редактирования и вторичности (есть, конечно, и исключения): так, при общем количественном преобладании известий в Ип.-Хл.(Пог.) (более 80 против, примерно, 50 в суздальских списках), конкретно датированными из них являются лишь 24, т.е. около 30%, тогда как в Л., Р. и МАк. таких известий 25 (около 50%), причем, в предшествующей части Ип.-Хл. (6615–6620 гг.) этот показатель намного выше (примерно 75%).

Можно отметить еще одну деталь: летописец, соединявший мартовско-постмартовский слой с сентябрьским, старался сохранить весеннее новогодие; именно этим и объясняется появление “лжепостмартовских” хронологических показаний, когда мартовский год совмещался не только с синхронной ему первой половиной следующего по номеру сентябрьского года, но и со второй его частью (табл. VI).

Довольно точно устанавливается и верхняя граница такого “рисунка” хронологических напластований. С 6634 г. в Ип.-Хл. отмечается устойчивое применение ультрамартовского счета, который вполне определенно выявляется в сравнении с годичной шкалой суздальской группы списков. Последние же согласно друг другу с 6633 г. начинают показывать мартовские хронологические элементы с сильным влиянием сентябрьского счета: так, к примеру, в начале 6633 г. здесь неожиданно появляется обозначение индикта (последний раз перед этим индикт указывался в авторской приписке Сильвестра), граница между 6633 и 6634 гг. проходит в промежутке между 20.05 и 4.10, в 6634 г. календарная последовательность событий — сентябрьская (4.10, 9.03, 11.06, 1.08) и т.д.⁶²

1.4. ФОРМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ 6615–6633 ГГ.

Форма записи хронологических артефактов может являться одним из самых характерных признаков их системной принадлежности и, одновременно, самым надежным аргументом в пользу того или иного хронологико-текстологического расслоения летописных известий. Ранее исследователи довольно редко использовали возможности формального анализа датирующих записей; впервые его попробовал осуществить Б.А. Рыбаков при изучении текста Ип. за XII в.⁶³, однако и он не учел всех сложностей такой работы. Главная из них заключается в том, что практически нелегко отличить первоначальную форму датирующих записей (т.е. хронологический факт) от позднейших редакторских искажений. Понятно, что в такой ситуации формальному хронологическому анализу должна предшествовать тщательная текстологическая реконструкция оригинального вида записей; у Б.А. Рыбакова же все календарные даты и контекстовые показания Ип. считались безусловно первоначальными, тогда как их следовало сравнить хотя бы с соответствующими показаниями Хл., Пог. и других списков Ипатьевской летописи.

Самое интересное в нашем случае то, что результаты формального анализа хронологических ар-

тефактов ПВЛ из статей 6615–6633 гг. полностью совпадают с итогами применения традиционной историко-хронологической методики. Начнем с того, что с 6621 г. в Ип. отмечается применение необычной формы изображения юлианских календарных дат, когда в числах единицы отделяются от десятков, и при этом и те, и другие часто обозначаются не цифрами, а словами: 6621 г. — “въ семы на 10 день”, “мѣсяца сентябрю въ 4 на десять день”, “мѣсяца сентябрю в 1 на десять день”; 6625 г. — “сентябрю въ двадесать шестый”; 6629 г. — “мѣсяца генваря въ смый на десять”; 6632 г. — “мая въ десятый”, “августа въ 1 на десять день”; 6634 г. — “мая въ девятый на десять”; 6635 г. — “мѣсяца июля въ первый на десять” /II, 275, 276, 285, 288–290/; подобная форма записи содержится и в показаниях летописного переложения Иоанна Малалы в статье 6622 г. Ип. — “семь тысящ и 400 и семьдесят дний, яко быти лѣтома двемадесятьма”, “двою бо на десять мѣсяцю” /II, 279/. Такой вид записей хронологических показаний, являвшийся остаточным проявлением древнегреческого счета дней по декадам и хорошо известный по многим другим древнерусским памятникам, в ПВЛ

фиксируется только здесь. Правда, ни в Хл., ни в других списках ипатьевской редакции ничего подобного не наблюдается, но все же мы не склонны относить появление этой формы ко времени составления Ип. по следующим причинам. Во-первых, традиционная юлианская форма датировок Хл. и Пог. выглядит вторичной по отношению к датирующим записям Ип.: на это указывает хотя бы то, что в статье 6621 г. две “необычные” ипатьевские записи передаются в Хл. и Пог. юлианскими числами (17.04 и 14.09), а третья просто-напросто выпущена, причем пробел является очевидным: “Мѣсяца сѣмьѣбря въ [?] день” /II, 275–31, 276–70, 74/. Во-вторых, размещение “декадной” формы календарных дат в Ип. носит совсем не случайный характер: ее применение начинается с 6621 г. и прекращается в 6636 г. (“мѣсяца августа въ первый на десять” /II, 292/), т.е. совпадает с тем отрезком летописного текста, где мы отметили ранее использование сентябрьских хронологических элементов (6621–6633 гг.; см. 1.3).

Итак, несомненно, что особая форма записи календарных дат была внесена в текст ПВЛ на позднем этапе ее редактирования (не ранее 1127 г., что определяется по времени окончания в тексте сентябрьских артефактов, но и не многим позже этого года), когда производилось совмещение древней летописной основы с сентябрьским источником. Совсем не случайно, все летописные статьи Ип., где зафиксирована “декадная” календарная форма, содержат признаки включения сентябрьского счета, но лишь один раз (6626 г. — смерть Романа Владимировича) она совмещается с очевидным мартовским известием и однажды — с постмартовским (6621 г. — смерть Святополка и вокняжение Владимира), что объясняется редактированием текста. Вероятно, следует считать, что эта форма записей была одним из элементов литературного этикета летописца-редактора, работавшего около 1127 г., но не заимствовалась им из “сентябрьского” источника: на это указывают те же самые случаи “декадной” обработки мартовских и постмартовских дат, а также то, что многие несомненно сентябрьские (или “лжепостмартовские”) известия записаны в иной форме.

Поскольку “декадные” календарные записи в тексте ПВЛ чаще всего коррелируют с особым контекстовым обозначением лет (6621, 6625, 6626 и 6635 гг. — “в се же лѣто”, “у се же лѣто”, лишь однажды в 6632 г. “томъ же лѣтѣ”), его мы также можем приписать редактору последней четверти 20-х гг. XII в., что, кстати, подтверждается записями тех известий, которые ранее были определены нами как сентябрьские или “лжепостмартовские”: 6621 г. — свадьба Романа и закладка церкви св. Николы сопровождалась словами “в се же лѣто”; 6622 г. — строительство в Новгороде и Ладоге, в обоих случаях использовано “в се же лѣто”. Вероятно, и прочие известия 6621–6633 гг., сопровождаемые подобными словами, тоже можно считать либо сентябрьскими, либо прошедшими “сентябрьское” редактирование, что особенно важно для трактовки многочисленных дополнительных сведений Ип.-Хл.(Пог.) в сравнении с суздальскими летописями. Показательно, что в списках ипатьевской редакции это годичное контекстовое обозначение располагается в тех же границах, что и “де-

кадные” календарные записи Ип.: в 6618–6620 гг. его нет, в 6621 г. употребляется впервые, а после 6633 г. оно постепенно сменяется сезонными показаниями типа “того же лѣта”, “тое же зимы” и т.д. В суздальских списках его нет, что вполне объяснимо, так как они не отразили редакцию ПВЛ конца 20-х гг. XII в.

Кроме того, теперь нам становятся понятными два календарных разночтения суздальских и ипатьевских списков. В 6626 г. Л. смерть переяславского епископа Лазаря датирована 16.09, но в Ип.-Хл. в 6625 г. стоит дата 6.09, причем, она сопровождается характерным для редактора 1127 г. обозначением “сѣмь же лѣтѣ” /I, 291; II, 285/; отсюда можно заключить, что первоначально ипатьевская дата не противоречила показанию Л. и выглядела примерно так: “*Мѣсяца сѣнтября в 6-й на десять день*”, но при позднейшей переписке ее последняя часть была утеряна. Также объясняется и разночтение в датах смерти Романа Владимировича (Л. — 6627 г., “мѣсяца генваря въ 15 день”; Ип. — 6626 г., “у се же лѣто, ... генваря въ шестый” /I, 292; II, 285/), только здесь сказались еще и отличие “постмартовской” (15.01) и “мартовской” (16.01) модификаций первоначального святочного календарного показания примерно такого содержания: “*В лето 6626, в четверг по отданию Богоявления (14.01)*”⁶⁴.

Главный вывод из сказанного заключается в том, что у нас появляются вполне обоснованные сомнения в существовании редакции ПВЛ 1118–1119 гг., по крайней мере в том ее виде, что был реконструирован А.А. Шахматовым и уточнен другими исследователями⁶⁵. Действительно, рассказ о путешествии в Ладогу и связанные с ним хронографические сюжеты (именно на этих сообщениях А.А. Шахматов основывал датировку редакции) принадлежали, как теперь выяснилось, редактору последней четверти 20-х гг. XII в., который соединил мартовско-постмартовскую статью 6622 г. с сентябрьским известием 6624 г. о строительстве посадника Павла в Ладоге (см. 1.3) и в связи с упоминанием знакомого ему названия решил подменить собственными географо-этнографическими воспоминаниями; таким образом, фраза “преже сих 4 лѣт” из “югорской” вставки в статью 6604 г., если даже и принадлежала тому же автору, что поведал о своем ладожском путешествии в 6622 г., указывает не на 1118 г. или 1119 г., а, примерно, на вторую треть 20-х гг. XII в. Так же неприемлем и другой аргумент А.А. Шахматова и его последователей: статья 6625 г. Ип.-Хл. не представляла собой конечной границы текста ипатьевской редакции ПВЛ, так как ее последние известия (вокняжение Романа во Владимире-Волынском и смерть Алексея Комнина) были не приписками к окончанию древнего свода, а “лжепостмартовскими” известиями, ошибочная хронология которых появилась под влиянием “сентябрьского” редактирования; такие же известия встречаются в летописном тексте и ранее “границы” (6622 г.) и после нее (табл. V–17, 21, 24).

“Отсеивание” из текста 6621–6633 гг. известий, относящихся к концу 20-х гг. XII в., позволяет нам полнее представить особенности артефактов постмартовского и мартовского слоев. Нетрудно заметить, что основной формой записи годичных контекстовых показаний тех известий, которые не

связаны с поздним “сентябрьским” редактированием, являлись слова “того же лѢта”, “том же лѢтѣ” или “в то же лѢто”, а записи календарных дат осуществлялись в двух вариантах: в краткой форме, без употребления слова “день” после юлианского числа (например, в 6619 г.: “Мѣсяца ноября въ 23” /II, 273/) или же в полной форме (6621 г.: “Мѣсяца марта въ 19 день” /II, 274/). Краткая форма календарных записей относится, видимо, к постмартовской времяисчислительной системе: так, например, в целомном постмартовском комплексе летописной статьи 6620 г. Ип.-Хл. таким образом передаются 5 конкретных календарных датировок из 8; подобный облик имеют и другие несомненно постмартовские даты (6616 г. — “мѣсяца июля въ 24” означена смерть Екатерины Всеволодовны, причем, даже в Л., где почти всегда употребляется полная форма записей, в этом известии слово “день” отсутствует /I, 283; II, 260/; 6622 г. — смерть Святослава в Ип.-Хл. датируется полной формой, но Л., опять отступая от своего стандарта, дает сокращенную запись /I, 290; II, 277/; описание похода на Минск в 6624 г. Ип.-Хл. искажено “сентябрьским” редактированием и не содержит точных дат, но в Л. находится конкретная и первичная запись “генваря въ 28” /I, 291; II, 282–283/ и т.д.). Позже мы убедимся, что краткая форма календарных записей сопровождает следы “постмартовского” редактирования и в предшествующих статьях ПВЛ. В таком случае ясно, что полная форма использовалась редактором-летописцем с мартовской системой учета времени, что и подтверждается ее двойным употреблением в несомненном мартовском рассказе 6619 г. о походе на половцев (“мѣсяца марта в 24 день”, “мѣсяца марта въ 27 день” /II, 266, 268/).

Расположение в летописном тексте артефактов различных систем учета времени (табл. VII), выявленных нами в заключительной части ПВЛ (6615–6633 гг.), позволяет сделать определенные выводы относительно времени и путей их попадания в источник (исключение — ультрамартовская система, зафиксированная лишь однажды в 6615 г.). Учитывая предыдущие выводы о стратификации хронологических систем (самая древняя — постмартовская, далее — мартовская, самая молодая — сентябрьская), можно считать, что первоначально они применялись независимо друг от друга различными летописцами и были зафиксированы в разных письменных памятниках. Постмартовские известия выглядят в этом случае как непосредственное продолжение древней основы ПВЛ (табл. VII–1), как ее частичное изменение и дополнение. Стоит обратить внимание на то, что в тексте ПВЛ артефакты этой

системы следуют до статьи 6631 (1124) г. включительно, что, несомненно, указывает на особый этап формирования летописи, который, однако, ни в коем случае нельзя связывать с окончательным оформлением так называемой ипатьевской редакции ПВЛ.

Соединение постмартовских и мартовских (табл. VII–2) хронологических артефактов на страницах ПВЛ явилось следствием редактирования первых каким-то летописцем, который придерживался иных времяисчислительных правил. Это редактирование происходило примерно в 1122–1124 гг., так как последнее очевидное мартовское известие в Ип.-Хл. относится к 6630 г., а в Л. — к 6632 г. Этим же временем оканчивается, кстати, и употребление постмартовской системы (6631 г. в Л.). “Мартовское” редактирование выглядело как дополнение постмартовских известий, изредка как переделка их календарных дат, но никогда как их принципиальное исправление. Редактор, видимо, не понимал разницы в хронологии своих источников и соединял их показания механически, руководствуясь сходством номеров лет и попутно подправляя те хронологические сведения, которые не соответствовали его представлениям о счете времени. Обращает на себя внимание и трехлетний пробел в расположении мартовских артефактов (6616–6618 гг.), совпадающий как раз с началом сплошного применения постмартовских датирующих элементов; не исключено, что этот пробел указывает на неоднократное употребление мартовской системы (точнее, систем) в формировании хронологической структуры ПВЛ.

Наконец, сентябрьский хронологический пласт (табл. VII–3) наложился на два предыдущих в конце 20-х гг. XII в. Эта система была заимствована из летописного источника, имевшего избыточную, по сравнению с ПВЛ, информацию о событиях второго и третьего десятилетий XII в., которая и стала не только дополнением, но и поводом к исправлению текста ПВЛ редакции 1122–1124 гг. При этом, однако, сам редактор конца 20-х гг. не был приверженцем сентябрьского времяисчисления и поэтому перерабатывал, не всегда умело, сентябрьский счет под правила весеннего календарного стиля, а точнее, под правила мартовского счета, который фактически был постмартовско-мартовским. Соединение “сентябрьского” источника с ПВЛ происходило уже после того, как от текста редакции 1122–1124 гг. отпочковались две ветви развития русского летописания: южнорусская (праипатьевская), составившая основу позднейшего галицко-волынского летописания, именно она и подверглась “сентябрьской” обработке в конце 20-х гг. XII в.; прасуздальская, ведущая к владимирским летописным сводам конца XII – начала XIII в. и не затронутая “сентябрьским” редактированием на исходе третьего десятилетия XII столетия.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ” (6562–6614 ГГ.)

В 6562 г. ПВЛ сообщает о смерти киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого, употребляя при этом точные календарные обозначения. Это известие открывает ту часть Начальной летописи, где содержатся конкретные календарные датировки, что свидетельствует о современности записей описы-

ваемым событиям. Календарные даты, правда, встречаются и в предыдущих статьях ПВЛ, но в большинстве своем они имели позднее происхождение (см. 3.3). Именно поэтому 6562–6614 гг. станут следующим этапом нашего исследования.

2.1. РАССЛОЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ 6607–6614 ГГ.

Для изучения этих летописных статей важное значение имеет учет пропусков Р.-МАк. в сравнении с другими списками ПВЛ. Их количественное увеличение в заключительной части ПВЛ по редакции 1116 г. все исследователи объясняли редакторской работой составителя Переяславо-Суздальского свода начала XIII в. (протограф Р. и МАк.), однако анализ этих сокращений за 6609–6614 гг. выявляет более сложную причину их появления. Вполне возможно, что они восходили еще ко 2-у Владимиро-Суздальскому своду начала XIII в. (главный источник Переяславского свода) и были связаны с соединением текстов двух редакций ПВЛ (силвестровской и ипатьевской); так, например, в тех случаях, когда даты Л. противоречат датировкам Ип.-Хл., Р.-МАк. их выпускают или же вообще сокращают эти известия¹.

Более того, очевидно, что в Р.-МАк. с ипатьевской редакцией соединялся не только текст, близкий к лаврентьевскому образцу ПВЛ (т.е. редакция 1116 г., уже испытавшая влияние ипатьевской редакции через 1-й Владимирский свод), но и более ранний вариант силвестровской редакции ПВЛ. Отдавая в целом предпочтение тексту 1-го Владимирского свода, суздальский летописец начала XIII в. тщательно сверял его с “чистым” вариантом редакции 1116 г. и “отсеивал” из его состава все то, что не находило подтверждения во втором источнике; ипатьевский же образец текста использовался им в качестве дополнения или корректировки первых двух летописей, но только тогда, когда он совпадал с 1-м Владимирским сводом. Именно поэтому в 6609–6615 гг. различных списков ПВЛ мы наблюдаем следующую картину: в Ип.-Хл. присутствуют комплексы дополнительных известий, часть их повторяется в Л. (как следствие совмещения двух редакций ПВЛ в 1-м Владимирском своде), но в Р.-МАк. эти комплексы либо отсутствуют полностью (под влиянием “чистого” текста игумена Сильвестра), либо даются в измененном, по сравнению с Л., виде (следствие корректировки по ипатьевской редакции). Такое соотношение списков мы наблюдаем на примере 6610 г. (табл. IX), 6614 г.² и 6615 г. (см. 1.1).

Наиболее же наглядно этот вывод подтверждается окончанием летописной статьи 6611 г.; в Л. и Ип.-Хл. она завершается известием о битве Ярослава Святополчища с мордвою 4.03 и его поражении /I, 280; II, 255/, а в Р.-МАк. это известие

повторяется дважды, причем одними и теми же словами, но первый раз без даты, а второй — с той же датой 4.03 (в МАк. явно ошибочно вместо “марта” указано “мая” /I, 280–32, 33/). Очевидно, что недатированное сообщение о битве попало во 2-й Владимирский свод из первоначального текста силвестровской редакции ПВЛ, тогда как известие с календарной датой было позаимствовано из списка той же редакции, но уже сверенного с ипатьевским образцом летописи.

Все эти текстологические наблюдения интересны нам потому, что они дают возможность рассматривать оригинальные лаврентьевско-радзивиловские известия отдельно от ипатьевско-лаврентьевских, причем, вторую группу летописных сообщений мы можем уверенно считать относительно молодыми, так как их появление в тексте ПВЛ было связано с этапами ее формирования после 1116 г.

Среди этих поздних записей мы можем отметить те же самые хронологические слои, что и в 6615 г. ПВЛ (см. 1.1). Во-первых, это — постмартовский слой. К нему относится дата смерти Всеслава Брячиславича в Ип. (“в лѣто 6609, ... мѣсяца априля в 9 день, въ среду” /II, 250/). Как будет сказано дальше, в первоначальном виде это датированное показание зафиксировано в Л., а в Ип. мы имеем дело с его поздней редакционной переработкой, которая до сих пор считалась ошибочной³, однако в 6609 постмартовском году (03.1102 г. — 02.1103 г.) день 9.04 как раз будет средой. Второе очевидное постмартовское известие — мистическое описание солнечного “знамения” 4–6.02.6612 г., которое также раньше признавалось выдумкой летописца⁴, но на самом деле подразумевало частичное солнечное затмение начала февраля 1106 г., что и соответствовало 6612 постмартовскому году (03.1105 г. — 02.1106 г.). К этому астрономическому сообщению примыкает в тексте также постмартовское, вероятно, известие о рождении Брячислава Святополчища, так как оба они расположены в самом конце летописной статьи 6612 г. после описания похода на Минск “сего же лѣта исходяща” /I, 280; II, 256/. Предположительно к этому же слою можно отнести и два известия 6614 г. ПВЛ: сообщение о смерти и погребении 24.06 Яна Вышатица, имеющее киево-печерское происхождение (см. 5.1) и, кроме того, в Р.-МАк. читающееся без даты; известие о пострижении Евпраксии Всеволодовны 6.12, так как ее смерть в 6617 г. была дати-

рована как раз постмартовскими элементами (см. 1.2) /I, 281; II, 257–258/. Кстати, оба этих известия записаны в краткой календарной форме (“мѣсяца иуна въ 24”, “мѣсяца декабря въ 6”), которая и характерна для постмартовских записей в составе ПВЛ (см. 1.4).

Еще одно постмартовское известие находится в статье 6614 г. ПВЛ (пострижение Святослава Давыдовича 17.02). Оно отсутствует в Р.-МАк., что указывает на его относительную молодость. В Ерл. это сообщение датировано 6613 г., в Холм. оно дублировано в 6613 и 6614 гг., а в П., кроме того, указано и иное календарное число — 18.02.6613 г. /XXIII, 29; XXXIII, 40; XXXIV, 71–72/. Эти варианты выявляют древнюю сентябрьскую запись, которая имела примерно такой вид: “В лето 6614 (09.1105 г. — 08.1106 г.), в неделю (воскресение) по дню мученика Памфила пресвитера (16.02)⁵, месяца февраля в 18-й день”, которая затем совершенно верно была переведена на мартовский счет (18.02.6613 г.) и ошибочно на постмартовский: из сентябрьской даты “постмартовский” редактор позаимствовал номер года, а из мартовской — календарное показание, которое, видимо, еще не утратило святочно-недельный элемент, но пересчитал его для 6613 постмартовского года (03.1106 г. — 02.1107 г.), когда неделя по дню Памфила была 17.02⁶. Необычная дата этого события встречается в СПЛ (6615 г. /V, 156/), ее можно признать ультрамартовской.

Второй хронологический слой поздних известий этой части ПВЛ — мартовский. К нему относятся, во-первых, сообщение 6613 г. (03.1105 г. — 02.1106 г.) Ип.-Хл. о “звезде с хвостом”, которое подразумевало комету февраля 1106 г.⁷ Несомненно мартовским было также оригинальное сообщение Ип.-Хл. о солнечном затмении в августе 6614 г. (03.1106 г. — 02.1107 г.), так как здесь имелось в виду полное затмение 1.08.1106 г.⁸

В летописной статье 6610 г. граница между текстом редакции 1116 г. и “ипатевскими” дополнениями проходит после известий о солнечном и лунном затмениях (табл. IX); первое же дополнительное известие (смерть польского князя Владислава Германа) было мартовским, так как из польских источников известно, что князь умер 4.06.1102 г.⁹ Два последующих сообщения Ип.-Хл. (смерть князя Ярослава Ярополчича 11.08 и свадьба польского короля Болеслава III 16.11) тоже; без сомнения, были датированы мартовской системой, так как образовывали с предыдущим хронологический комплекс, уместающийся в пределы 6610 мартовского года (03.1102 г. — 02.1103 г.).

Наконец, здесь же отмечаются и ультрамартовские артефакты, что выявляется при сравнении показаний ПВМ и летописи (табл. VIII). Поскольку мы установили ранее, что смерть жены, описанная Владимиром Мономахом (“и Гюргева мати умре”), синхронизируется с началом 6615 ультрамартовского года (см. 1.1), становится ясно, что известия о нападении половцев на Заречск (полнее всего оно читается в Ип. /I, 281; II, 257–258/) и о зимнем нападении Боняка на Заруб (оно есть только в Ип.-Хл. /II, 257/) относятся соответственно к началу 6614 и к окончанию 6613 ультрамартовских годов, так как события эти происходили весной-летом 1105 г. и зимой 1104–1105 гг. К этому же хроно-

логическому слою принадлежит и сведение о рождении младшего мономаховского сына Андрея, заключающее комплекс избыточных известий 6610 г. Ип.-Хл. (табл. IX). В самих этих списках, правда, оно приводится без каких-либо датирующих элементов, позволяющих определить его хронологическую принадлежность, но этот недостаток компенсируется показанием 6610 г. Тв.: “Родися Володимеру Манамаху сынъ Андрей, августа 11; даша ему имя въ 18 августа, Андрей Стратилать” /XV, 188/¹⁰. День мученика Андрея Стратилата ныне празднуется, однако, не 18.08, а 19.08; это же место он занимал и в святцах XI–XII вв. /Биларский, 134; Срезневский, 1863, 19/. “Неточность” в показаниях Тв. ценна для нас тем, что указывает на первоначальную ультрамартовскую датировку этого события, имевшую, кроме того, святочно-седмичную форму, т.е. примерно такую: “В лето 6610, в понедельник на Андрея Стратилата”, что было совершенно верно, так как в 6610 ультрамартовском году (03.1101 г. — 02.1102 г.) день этого мученика приходился как раз на понедельник. Позже ростовский редактор XII–XIII вв., плохо знакомый со святочным календарем, эту дату пересчитал для 6610 мартовского года (03.1102 г. — 02.1103 г.), третий августовский понедельник которого выпадал на 18 число месяца. Ультрамартовское происхождение известия о рождении Андрея подтверждается еще и тем, что оно явно нарушает мартовский комплекс избыточных известий 6610 г. Ип.-Хл. (табл. IX)¹¹.

Итак, в той части текста 6607–6614 гг. ПВЛ, которая была связана с формированием ипатьевской редакции, фиксируются артефакты постмартовской, мартовской и ультрамартовской систем, что вполне согласуется с нашими предыдущими выводами относительно статей 6615–6620 гг. Кроме того, в основе постмартовских артефактов нами были выявлены древние сентябрьские элементы. Приступая к историко-хронологической характеристике известий, восходивших, по нашему мнению, к “доипатьевским” этапам формирования ПВЛ, отметим, прежде всего, их текстологическую первичность. Так, например, смерть Всеслава в 6609 г. Л. датируется подробно, с указанием часа, тогда как в Ип.-Хл. эта деталь опущена /I, 274; II, 250/. В следующей статье Л., Р. и МАк. приход Мстислава Владимировича на переговоры в Киев датирован 20.12 /I, 275/, что очевидно вернее даты 20.10 Ип.-Хл., так как предыдущее известие относится к концу октября /II, 251/¹². В статье 6612 г. Л. смерть князя Вячеслава и поставление на митрополию Никифора датированы 13.12 и 18.12 соответственно /I, 280/, тогда как в Ип.-Хл. они сопровождаются явными дефектами переписки: “Преставися Вячеславъ Ярополчичъ въ 13 день [?]. Никифоръ митрополитъ посаженъ на столѣ” /II, 256/. Все это лишний раз убеждает нас в правильности выводов о текстологическом расслоении этой части текста ПВЛ.

Среди относительно древних известий 6607–6614 гг. выделяются, во-первых, мартовские артефакты. Так, поставление митрополита Никифора, датированное в Л., Р. и МАк. 18.12.6612 г., произошло на воскресный день только в мартовском году (03.1104 г. — 02.1105 г.). Единный мартовский комплекс образуют с ним предыдущие (свадьба

дочери Володаря 20.07, свадьба Предславы 21.08, приход Никифора на Русь 6.12, смерть Вячеслава 13.12) и последующее (поход на Минск) известия, так как все они отделены словами “сего же лѣта исходяща” от двух последних постмартовских известий этой статьи (см. выше) и, кроме того, соответствуют границам весеннего года. Также мартовским являлось и упоминавшееся уже сообщение 6611 г. о поражении Ярослава в битве с мордвой, так как только в этом случае событие, происшедшее 4.03, можно было поместить в окончание 6611 мартовского года (03.1103 г. — 02.1104 г.) с учетом того, что он начинался с Великого поста (о “великопостном” новогодии см. 4.3)¹³.

Кроме мартовских здесь фиксируются и ультрамартовские артефакты. Так, по синхронизации с относительными показаниями ПВМ (табл. VIII), ультрамартовскими можно считать даты княжеского съезда в Уветичах в 6608 г. и заключения мира с половцами 15.09.6609 г.¹⁴ Без сомнения, ультрамартовским являлся и лаврентьевско-радзивиловский комплекс известий 6610 г., отличный от дополнительных мартовских известий Ип.¹Хл. (см. выше и табл. IX). Действительно, совершенно ясно, что пленение князя Ярослава (конец октября) и его смерть (11.08) не могли происходить в одном весеннем году (то, что данная статья первоначально представляла собой весенний год, выясняется по ее первичному виду в Р.-МАК., где она оканчивается февралем)¹⁵, и если это все же прослеживается в тексте ПВЛ, значит здесь были совмещены мартовский и ультрамартовский годы с одинаковым 6610 номером¹⁶. Мартовские артефакты, как мы уже знаем, появились здесь на “ипатьевском” этапе формирования текста, следовательно, ультрамартовские им предшествовали.

А.Г. Кузьмин совершенно справедливо заметил в известиях 6609–6610 гг. ПВЛ признаки сентябрьского времяисчисления¹⁷. В самом деле, здесь относительно цельный рассказ о злоключениях брестского князя Ярослава Ярополчиича имеет сентябрьские границы: первое его пленение, случившееся еще до заключения Саковского мира 15.09 (скорее всего, еще и до 1.09), отнесено к 6609 г., тогда как его бегство из Киева и повторный плен, датируемые октябрём, принадлежат уже началу 6610 г. (табл. IX). А.Г. Кузьмин посчитал, правда, сентябрьские элементы относительно поздним включением в весеннюю летосчислительную шкалу этой части ПВЛ, однако, очевидно, что порядок наложения хронологических артефактов в данном случае был обратным. То обстоятельство, что сюжеты, связанные с именем Ярослава, одинаково расположены во всех списках летописи, доказывает их принадлежность еще “доипатьевскому” этапу формирования ее текста, т.е. редакции 1116 г. В первоначальном же тексте этой редакции сообщения о распре брестского князя с киевскими Изяславичами уже входили, как это явствует из Р.-МАК. и как уже было нами отмечено, в ультрамартовский комплекс, искусственно образованный с помощью включения ультрамартовского известия о мире с половцами в окончание 6609 г. и с помощью ограничения 6610 г. двумя февральскими сообщениями о лунном и солнечном затмениях. Другими словами, получается, что сентябрьские хронологические артефакты в статьях 6609 и 6610 гг. были первичными для формирования

относительно поздних ультрамартовских элементов.

Древнейший сентябрьский слой выявляется и в статье 6613 г., где помещены три сообщения о поставлении русских епископов; они, без сомнения, восходят к тексту редакции 1116 г., так как присутствуют во всех списках (табл. X). Порядок календарных дат, приведенных в Л. и в списках ипатьевской редакции (27.08, 12.11¹⁸ и 13.12¹⁹), указывает, вроде бы, на мартовское расположение событий, так как только в этом случае все юлианские числа будут соответствовать воскресным дням, когда и происходило поставление церковных иерархов. Обращает на себя внимание, однако, отсутствие юлианских дат в Р.-МАК., что можно истолковать в контексте всего сказанного об этих списках ранее как показатель первичности. Даты отсутствуют и в соответствующих известиях НПЛ и, кроме того, тут же отмечается еще и сентябрьское расположение событий (см. табл. X и 1.1), однако его нельзя все же признать первичным, поскольку юлианские числа поставления Лазаря и Мины (12.11 и 10.12) не будут воскресными днями в 6613 сентябрьском году (09.1104 г. — 08.1105 г.). Проблему разрешает Вл., сохранивший архаичное и совершенно безукоризненное сентябрьское расположение известий: поставление Амфилохия здесь отнесено к окончанию 6613 г., а Лазаря и Мины — к началу 6614 г. /XXX, 56/²⁰. Можно восстановить и первоначальную форму этих древних сентябрьских записей, объясняющую, кстати, отсутствие дат в Р.-МАК.: в “Истории российской” В.Н. Татищева поставление Мины отнесено к 18.12²¹, и если мы сравним эту дату с показанием Ник. (10.12), то убедимся, что в основе того и другого юлианского числа была первоначальная пасхальная дата (“в неделю 28-ю по Пятидесятнице”), только в татищевской версии она была пересчитана на дни 6613 сентябрьского года (09.1104 г. — 08.1105 г.; тот же ошибочный сентябрьский расчет, который отразился и в НПЛ), а в Ник. она сохранила исходную форму 6614 сентябрьского года (09.1105 г. — 08.1106 г.). Итак, первоначальные записи о поставлении трех епископов были датированы 6613 и 6614 сентябрьскими годами и, кроме того, пасхально-юлианскими хронологическими элементами; позже эти записи подверглись “мартовскому” редактированию.

Искусственность и вторичность ультрамартовского комплекса 6609–6610 гг. силвестровской редакции ПВЛ подтверждается еще и тем, что в его формировании была использована византийско-болгарская эра летосчисления (от С.М. до Р.Х. 5505 лет; см. 4.1). Речь идет о солнечном “знамении” 7.02.6610 г.; его замысловатое описание летописцем послужило поводом для Д.О. Святского отнести это астрономическое явление к северному сиянию²², однако расчеты показывают, что в данном случае подразумевалось частичное солнечное затмение начала февраля 1106 г., датированное в ПВЛ 6610 византийско-болгарским годом (09.1105 г. — 08.1106 г.); это же затмение, кстати, в ПВЛ упоминалось еще раз в 6612 постмартовском году (см. выше). Это предположение подтверждается и тем, что в СПЛ вместо 6610 г. указан 6606 г. /V, 156/, т.е. в данном случае мы имеем дело с антиохийской датой солнечного затмения (кстати, вместо 6611 г. в той же СПЛ указан 6607 г.). Правомер-

ность выделения византийско-болгарского хронологического слоя в этой части нашего источника подтверждается тем, что ранее (см. 1.1) мы уже отметили его проявление в описании Сутеньской битвы в 6611 г., причем, оба известия, относящиеся к этому слою, тесно связаны друг с другом в тексте. Заканчивая описание солнечного затмения в 6610 г., летописец характеризовал его как предвестие “добрых” событий, а далее указал, что “на придушее лѣто вложи богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ”; как и следовало ожидать, следующий год описывал поход в половецкие степи и начало этого описания стилистически продолжало тематику рассуждений о знамениях “на добро”: “Богъ вложи в сердце княземъ рускимъ Святополку и Володимеру...” и т.д. /I, 276; II, 252/.

В датировках известий редакции 1116 г. кроме перечисленных выделяется еще один хронологический пласт — антиохийский (от С.М. до Р.Х. 5500 лет; см. 4.1). Именно антиохийскими артефактами датирована смерть полоцкого князя Всеслава в 6609 г. Л.: “Мѣсяца априля въ 14 день,... въ среду” /I, 274/. Каких только мнений по поводу этой даты не высказывалось раньше, так как ее календарно-недельные элементы не соответствовали константинопольскому образцу²³; наконец, Н.В. Степанов сделал верную догадку о том, что эти артефакты принадлежали 6609 антиохийскому году²⁴. К этому следует только добавить, что в ПВЛ был использован не сентябрьский, а ультрамартовский 6609 антиохийский год (ОЗ.1109 г. — ОЗ.1110 г.).

А.Г. Кузьмин пробовал отыскать в этой части ПВЛ другие признаки проявления антиохийского времяисчисления, которые бы подтвердили догадку Н.В. Степанова, однако его наблюдения на этот счет нельзя признать удачными²⁵. Тем не менее, следы этой системы учета времени здесь присутствуют. Они проявляются в известии об основании Владимиром Мономахом церкви св. Богородицы в Смоленске в 6609 г. ПВЛ. В дошедших до нас списках оно сохранилось только в Ил.-Хл. в окончании данной статьи /II, 250/, что, вроде бы, заставляет считать его дополнением ипатьевской редакции; очевидно, однако, что первоначально это сообщение присутствовало и в тексте редакции 1116 г., о чем говорит его нахождение в Ник. /IX, 135/, куда оно попало из Московского свода конца XV в.²⁶ В Ник. постройка смоленской церкви помещена сразу же вслед за антиохийским известием о смерти Всеслава и датирована 2.05. А.А. Шахматов считал эту дату сомнительной, так как по константинопольской схеме счета она не выпадала на воскресный день²⁷, но в антиохийском ультрамартовском 6609 году (ОЗ.1109 г. — ОЗ.1110 г.) второй майский день был неделей²⁸.

Еще одно проявление антиохийского времяисчисления усматривается в сходстве литературного описания двух княжеских съездов накануне походов 6611 и 6619 гг. Считается, что рассказ о Долобском съезде в 6611 г. послужил основой для составления повествования 6619 г.²⁹, а это значит, что в руках одного из составителей ипатьевской редакции кроме подробного мартовского и краткого постмартовского описаний похода 1111 г. (см. 1.2) было еще и описание предшествовавшего ему Долобского

съезда, датированное 6611 ультрамартовским антиохийским годом (ОЗ.1111 г. — ОЗ.1112 г.). Зная о том, что съезд был накануне похода к Дону, летописец соединил антиохийский сюжет с мартовским 6619 г. Этим же сюжетом он предварил и византийско-болгарский рассказ о Сутеньской битве (см. 1.1); к этому его подтолкнуло сходство годичной нумерации византийско-болгарского и антиохийского известий. Таким образом, получается, что к сложности текста ПВЛ источники с антиохийским счетом привлекались, как минимум, дважды: сначала при составлении редакции 1116 г. (известия о смерти Всеслава и о закладке Смоленской св. Богородицы), а затем в процессе формирования ипатьевского текста (известие о Долобском съезде), причем в обоих случаях этот способ времяисчисления был представлен не “классической” сентябрьской, а ультрамартовской формой.

Итак, в тексте ПВЛ, восходящем к редакции 1116 г., мы обнаружили древнюю сентябрьскую хронологическую основу, на которой формировался константинопольский ультрамартовский хронологический пласт, включавший в себя, помимо того, еще и ультрамартовские антиохийские и сентябрьские (?) византийско-болгарские артефакты. Кроме них здесь же присутствовали и мартовские датирующие элементы, которые, как выяснится позже, были моложе всех перечисленных уже слоев.

Представив в общих чертах хронологическую “стратиграфию” статей 6607–6614 гг., мы можем теперь обратиться к разбору летописного сюжета, в котором отмечается весьма сложное переплетение разнотипных хронологических элементов. Это — рассказ о княжеском съезде в Уветичах, в датировке которого русские летописи проявляют удивительное разнообразие: в Ил.-Хл. говорится о двух княжеских съездах 14.08 и 30.08.6607 г. /II, 248–249/³⁰; в Р.-МАк. — 10.08 и 30.08.6608 г.; в Л. — те же числа, но первое из них сопровождается непонятным уточнением “том же мѣсяци”, хотя предыдущее известие датировано 10.06 /I, 273–11/; в Тр. — 30.06 /Тр., 195–3/; в Ник. — 30.06 и 2.07.6608 г. /IX, 136–137/; в Вск. — 30.07 (в Карамзинском списке — 30.06) и 30.08.6608 г. /VII, 17–“ж”/. Противоречия в календарных датах можно объяснить тем, что первоначальная запись о съезде была сделана с помощью святочно-юлианских обозначений (“во 2-ю среду по изнесению Животворящего Креста Господня”), что в 6608 ультрамартовском году приходилось на 10.08. Эта дата, появившаяся еще до создания редакции ПВЛ 1116 г., была затем приспособлена игуменом Сильвестром для 6608 мартовского года: оставив в неприкосновенности юлианскую часть даты, выдубицкий летописец отбросил ее святочную половину, так как для мартовского года она оказалась ошибочной, а вместо нее вставил пасхальное обозначение дня 10.08 (“в 10-ю пятницу по Пятидесятнице”). Обе датировки — и первоначальная святочно-юлианская, и сильвестровская пасхально-юлианская — попали затем к одному из составителей ипатьевского текста ПВЛ, считавшего постмартовскими годами, и оказались преобразованными в 14.08 и 30.08, так как в 6608 постмартовском году именно на эти юлианские числа приходились вторая среда по изнесению Креста и десятая после Троицы пятница; посчитав, что съездов было два,

“ипатьевский” летописец вторую дату присоединил к первой контекстным обозначением “того же месяца”. Именно это удвоение календарных показаний отразилось в Ип.-Хл. и повлияло на дальнейшие модификации датировок.

В конце XII в. в 1-м Владимиро-Суздальском своде было проведено механическое соединение датировок сильвестровской и ипатьевской редакций ПВЛ, при этом было отдано предпочтение датам 10.08 и 30.08. Обе они в первоначальном виде ориентировались на праздник Пятидесятницы, и поэтому владимирский летописец ошибочно приписал к числу 10.08 слова “в том же месяце”, сопровождавшие пасхальное обозначение дня 30.08 в ипатьевском тексте. Составитель 2-го Владимирского свода отбросил эту несуслазницу, так как он сверялся с “чистым” текстом редакции 1116 г., но в ростовской линии развития летописания ошибка сводчика конца XII в. продолжала копироваться и, наконец, попала в свод 1305 г. и из него в Л. Ее заметил и постарался устранить московский редактор свода 1305 г., но поступил он при этом так же неуклюже, как и его владимирский коллега-предшественник: обратив внимание на то, что в протографе перед словами “*в том же месяце, августа в 10-й день*” расположено сообщение с датой 10.06 (бегство князя Мстислава за море), он вознамерился августовскую дату “первого” съезда перевести в июньскую; при этом он постарался сохранить последовательное расположение датировок внутри летописной статьи и, чтобы не размещать в тексте одну за другой две даты 10.06, он сделал июньской дату

“второго” княжеского съезда, в результате чего и появилось показание 30.06. Такое расположение артефактов зафиксировали Тр. и Ник.³¹, а составитель Вск. по созвучию в названии месяцев июньскую дату представил июльской.

Итак, за цепью разнообразных хронологических домыслов и ошибок, отразившихся в русских летописях XII–XVI вв., скрывалась первоначальная ультрамартовская святочно-юлианская дата княжеского съезда в Уветичах, начавшегося 10.08.1099 г. Вспомним, что по сведениям ПВМ, 6608 г., как год проведения съезда, тоже получается ультрамартовским (табл. VIII). Напомним также, что еще С.М. Соловьев высказывал сомнение в возможности проведения одного за другим в течение месяца двух княжеских съездов, правда, при этом он приводил совсем иные аргументы³². В таком случае получается, что появление 6607 номера года Ип.-Хл. в дате Уветичевского съезда было результатом позднего “мартовского” редактирования, осуществленного на одном из этапов сложения текста ипатьевской редакции ПВЛ³³.

Историко-хронологический анализ 6608 г. ПВЛ позволил нам еще раз убедиться в верности предыдущих выводов о порядке наслоения различных хронологических артефактов в статьях 6607–6614 гг. и, кроме того, уточнить возраст мартовских элементов в известиях редакции 1116 г.: как выяснилось, они были самыми молодыми среди хронологических слоев, вошедших в состав свода игумена Сильвестра, т.е. они принадлежали самому составителю редакции 1116 г.

2.2. “ДОИПАТЬЕВСКИЕ” ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АРТЕФАКТЫ 6601–6607 ГГ. И ИХ ПОЗДНЕЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

В этой части Начальная летопись имеет вид развернутых эпических повествований, каждое из которых своей пунктуальностью и осведомленностью выдает перо очевидцев описываемых событий, но, вместе с тем, обилием хронологических несуслазок свидетельствует о неоднократном редактировании текста.

В летописных статьях 6601–6607 гг. находится относительно немного тех известий, которые могут быть без сомнения отнесены к “ипатьевским” этапам формирования текста источника. Это, прежде всего, избыточные сведения Ип.-Хл. в 6606–6607 гг., одно из которых (основание Владимиром Мономахом церкви св. Богородицы в Переяславле-Русском) было ультрамартовским, так как его дата (28.02.1098 г.), установленная нами ранее (см. прим. 28), относится к 6606 ультрамартовскому году (03.1097 г. – 02.1098 г.). Вероятно, поздними хронологическими элементами можно считать и те юлианские датировки, которые записаны в типичной постмартовской форме (см. 1.4), тем более, что для такого вывода имеются дополнительные аргументы. Так, например, в 6601 г. после цельного и подробного рассказа о смерти Всеволода и половецком нашествии (как выяснится далее, он был датирован мартовскими элементами) следует явно приписанный позже краткий сюжет о смерти и погребении Ростислава Мстиславича, отделенный

от основного повествования эмоциональным авторским отступлением; одна из дат этого дополнения записана в сокращенной форме (“погребень бысть ноябрю в 16” /I, 225; II, 216/) ³⁴, что заставляет считать ее постмартовской. Дважды (в 6602 и 6603 гг.) повторяется известие о саранче, причем оба раза его сопровождает сокращенная календарная форма, в чем опять усматривается позднее “постмартовское” редактирование; в этом случае постмартовским мы считаем 6602 г., а 6603 г. – мартовским³⁵. Рука “постмартовского” редактора прослеживается и в календарных датах, несомненно принадлежащих другим хронологическим слоям (о них см. далее): 6601 г. – “мѣсяца мая в 26”, “мѣсяца июля в 23”; 6604 г. – “мѣсяца мая 31” /I, 221, 222, 231–31; II, 211, 212, 221/. К “ипатьевским” модификациям текста ПВЛ мы можем отнести, наконец, и иное, отличное от Р.-МАК., расположение западно-русских сюжетов в 6605 г. в Ип., Хл. и Л. /I, 268–“е”, “ж”, 269–3, “а”, “в”, 271–“е”; II, 244–246/ и текстологическую первичность Ип.-Хл., по сравнению с другими списками, в их описании.

В остальных же случаях мы наблюдаем полную идентичность Ип.-Хл. с суздальскими списками или даже проявление в них признаков вторичности. Так, в Ип.-Хл. неоднократно отмечаются подновления первоначальных хронологических элемен-

тов, отражающие их редакторское осмысление: в 6601 г. в date погребения Всеволода четверг Страстной недели (Л., Р. и МАК.) поименован более красочно Великим четвергом /*I, 216; II, 207*/;³⁶ в 6603 г. в date смерти Итлара опущено, по сравнению с Л., юлианское число, так как в сочетании датирующих элементов здесь присутствовала несогласованность (см. об этом далее); в 6604 г. в повествовании о ростовской усобице следующая за четвергом пятница названа “завтрашним” днем, чего нет в списках силвестровской редакции /*I, 239; II, 229*/; примерно так же в 6605 г. в рассказе о казни Василия и Лазаря, состоявшейся, по Л., Р. и МАК., “завтра” после “недѣли” (воскресения), в Ип.-Хл. добавлено “в понедѣльник” /*I, 268; II, 243*/. Кроме того, списки ипатьевской редакции ПВЛ в этих статьях имеют и важные содержательные искажения вторичного характера: в 6603 г. в рассказе об осаде Юрьева говорится о том, что “половѣ же приидоша за Рось” /*II, 219*/, хотя из контекста ясно, что вернее чтение суздальских списков “половци же не идоша за Рось” /*I, 229*/, так как после заключения перемирия кочевники не только не покинули левый берег пограничной реки, но еще и сожгли осаждаемый город; в 6604 г. в сообщении о Кулачской битве упущены важные детали, касающиеся расположения полков, а также географическое уточнение о том, что в Муром и Рязань Олег Святославич бежал по Волге /*I, 239–240; II, 229–230*/; в 6605 г. ослепление Василька Ростиславича происходит в Звенигороде, хотя в Л., Р. и МАК. указан Белгород /*I, 260; II, 234*/ и пр. Таким образом, становится понятно, что абсолютное большинство известий 6601–6607 гг. и их датирующие элементы восходят к “доипатьевским” этапам формирования летописи.

Большинство известий 6601 г. датированы мартовскими элементами (ОЗ. 1093 г. — ОЗ.1094 г.), что подтверждается, во-первых, весенним началом года (первое известие — смерть Всеволода 13.04), пасхально-юлианскими датами (“14 день <апреля>, недѣли сущи тогда Страстѣи и дни сущи четвертку”³⁷, “в день Антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день” /*I, 216, 218; II, 207, 208*/), первым номером индикта³⁸ и, наконец, прочной относительной связью всех событий (от смерти Всеволода до ухода половцев)³⁹.

Статья 6602 г.⁴⁰, продолжая половецкую тему, сообщала о заключении мира между Святополком и Тугорканем и затем об изгнании Олегом Святославичем Владимира Мономаха из Чернигова. Очевидно, что речь здесь идет о тех же самых событиях лета 1093 г., отмеченного массовым нашествием половцев на Русь, о котором говорилось и в 6601 г.: заключение невыгодного мира с половцами было вполне логичным после поражения киевского князя в битве у Треполья (23.07.6601 или 1093 г.); к этому же лету относится и уход Владимира Мономаха из Чернигова, так как после поражения Святополка, спешившего, вероятно, на помощь осажденным черниговцам, Владимир уже не имел возможности оборонять город от Олега и половцев. Не случайно же календарная дата ухода Владимира из Чернигова в Переяславль-Русский, приводимая в ПБМ (“на святаго Бориса день” /*I, 249*/), предельно точно соотносится с началом “плача великого” в Киеве после получения вести о трепольском пора-

жении Святополка (“въ 24 <июля>, въ святою мученику Бориса и Глеба” /*I, 222; II, 212–213*/)⁴¹. Выходит, таким образом, что 6602 номер года в ПВЛ — ультрамартовский. Такой вывод подтверждается и Ник., где события 6601 и 6602 гг. ПВЛ помещены в пределы 6602 ультрамартовского года, правда, их последовательность остается такой же, как в ПВЛ /*IX, 118–124*/.⁴²

6603 г. начинался подробным рассказом о приезде в Переяславль-Русский половецкого посольства и его избиении “в недѣлю Сыропустную, ...мѣсяца февраля въ 24 день” /*I, 228*/.⁴³ Уже у составителей Р.-МАК. и Ип.-Хл. эта дата вызвала непонимание, и они постарались, каждый на свой манер, придать ей “благочисленный” вид, сократив либо пасхальную, либо юлианскую ее часть /*I, 228–53; II, 218–219*/. Сомнения летописцев разделили и исследователи древнерусской хронологии, уделившие этой дате большое внимание⁴⁴. Повод для сомнений в данном случае действительно имелся: день 24.02 был воскресением (неделей) на Сыропустной седмице в високосном 1096 г., который вроде бы совпадал с окончанием мартовского 6603 г. (ОЗ.1095 г. — ОЗ.1096 г.), но, во-первых, сам летописец не мог посчитать 6603 г. високосным, так как его номер не делился на 4, и, во-вторых, он должен был поставить эту дату не в начале, а в конце годичной статьи. Здесь возможно единственное объяснение: первоначальная пасхально-юлианская дата смерти Итлара была высчитана для 6604 сентябрьского года, как это вообще и делалось на Руси при расчете пасхально-седмичных показаний и високосов (см. 4.4)⁴⁵. Затем сентябрьская дата была помещена в мартовский 6603 г.; такая ее характеристика доказывается еще и тем, что последние события рассказа об Итларе, происходившие, видимо, еще в феврале (сборы Святополка и Владимира в поход и отказ Олега их сопровождать), увязываются с начальными весенними известиями 6604 г. (Святополк и Владимир наказывают Олега за непослушание), имевшими несомненные мартовские признаки.

Неправильное расположение сюжета об избиении половцев в начале 6603 г. случилось потому, что летописец-компилятор, считавший время мартовскими годами, приписал к его окончанию еще несколько инородных в хронологическом смысле известий (осада половцами Юрьева, построение города Святополча, уход Давыда из Новгорода в Смоленск и приход на его место Мстислава). Последнее известие содержит явные признаки окончания вставки, сделанной редактором-приверженцем мартовского счета, так как оно сопровождалось словами “сего же лѣта исходяща” /*I, 229; II, 219*/. Казалось бы, это известие противоречит показаниям НПЛ, где, во-первых, сообщалось о переводе Святополком и Владимиром Давыда Святославича со смоленского княжения в Новгород в 6603 г. и, кроме того, в перечнях новгородских князей говорилось об изгнании Давыда новгородцами “по двою лѣту” /*НПЛ, 19, 161, 202, 470*/. Никакого противоречия между источниками, все же, нет: начало княжения Давыда приходилось на 6603 ультрамартовский год (ОЗ.1094 г. — ОЗ.1095 г.), как и сообщает НПЛ, изгнан он был летом 1095 г. (или в конце сентябрьского 6603 г., как в ПВЛ, но, по новгородскому ультрамартовскому счету, уже в

6604 г., т.е. прокняжив два года — 6603 и половину 6604), а осенью 1095 г. он уже встречал в Смоленске брата Олега и снаряжал его в поход на Мономаховичей (об этом говорится в ультрамартовском рассказе 6604 г. ПВЛ; см. об этом ниже)⁴⁶. Все это означает, что вслед за “мартовской” переработкой известий, относившихся первоначально к первой половине сентябрьского 6604 г. (09.1095 г. — 02.1096 г.), летописец поместил в статью 6603 г. ПВЛ сообщения последней половины сентябрьского 6603 г. (03–08.1095 г.).

Заключается статья 6603 г. двумя мартовскими известиями: сообщение о саранче мы уже рассматривали, а приход Изяслава Владимировича в Муром мы относим к весне-лету 1095 г. потому, что осенью того же года он, как явствует из ультрамартовского рассказа 6604 г., уже погиб.

Разнообразным и противоречивым хронологическим артефактам 6604 г. ПВЛ также была посвящена богатая научная литература⁴⁷. Начинается эта статья цельным и последовательным рассказом о распри Святополка и Владимира с Олегом; его мартовская принадлежность устанавливается по календарно-недельной дате бегства Олега из Чернигова (“мѣсяца мая въ 3 день, в субботу” /I, 230; II, 220/). В заключительной своей части, перед описанием ухода Олега в Рязань, этот рассказ прерван двумя явно вставными сообщениями (нападение половецких ханов Боняка на Киев в “недѣлю” и Кури на Переяславль 24.05), которые нарушают не только смысловой ряд событий княжеской усьобицы, но и хронологическую последовательность известий (так, осада Стародуба, длившаяся “дний 30 и 3”, закончилась в начале июня, а описанный после нее приход Кури был в конце мая). Очевидно, что поводом для соединения здесь разновременных известий послужило тождество их годовичных показаний, и, поскольку основной рассказ датирован мартовскими элементами, вставные известия мы можем считать ультрамартовскими. Интересно в связи с этим то, что далее в статье 6604 г. содержится подробный рассказ о “втором”, якобы, нападении Боняка на Киев с несомненной ультрамартовской датой — 20.07, пятница; если “мартовский” летописец ставил перед собой задачу перевести эту дату на свою времяисчислительную шкалу, тогда у него и должна была получиться “неделя” (в 6604 мартовском году 20.07.1096 г. — воскресенье), как это и фиксируется в ПВЛ при описании “первого” нападения Боняка. Другими словами, в начальной части 6604 г. ПВЛ мы наблюдаем попытку “плавного”, но не совсем удачного соединения древних ультрамартовских артефактов с более поздними мартовскими.

Вслед за уходом Олега в Рязань статья 6604 г. описывает приход Тугорканя к Переяславлю 31.05⁴⁸, выступление Святополка и Владимира к Зарубу, разгром половцев и смерть Тугорканя 19.07. Вряд ли можно допустить, что в одном году было два половецких нападения на Переяславскую землю с интервалом в неделю (Кура 24.05 и Тугоркань 31.05), поэтому рассказ о Трубежской битве с Тугорканем можно считать продолжением мартовского повествования; действительно, закончив осаду Стародуба в начале июня, двоюродные братья-князья получили возможность организовать отпор половецкой орде, которая с конца мая разоряла окрестности Переяславля.

Далее, однако, к окончанию мартовских сюжетов приписано подробное свидетельство очевидца нападения половцев на Киево-Печерский монастырь, причем, в отличие от начальной части статьи 6604 г., здесь не делалось никакой попытки адаптировать ультрамартовскую календарно-недельную дату нападения (“въ 20 того же мѣсяца [т.е. в июле, когда был убит Тугоркань. — С.Ц.], в пятокъ” /I, 232; II, 222/)⁴⁹. Следующий подробный рассказ этой статьи (ростовская усьобица) также содержал безусловное ультрамартовское показание (“се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы” /I, 240; II, 230/) и тоже довольно неумело и грубо соединялся с предыдущими мартовскими известиями: появление Олега в Смоленске, начинающее ростовскую усьобицу, летописец-редактор пробовал связать с окончанием мартовского рассказа об осаде Стародуба (Олег из Стародуба направляется в Смоленск и здесь готовится ко вторжению в Суздальскую землю), не заметив того, что в основном тексте говорилось: “Не приша его [т.е. Олега. — С.Ц.] смоляне, и иде к Рязаню” /I, 232; II, 222/, а ультрамартовское дополнение начиналось совершенно иначе: “Олегъ... пришедъ Смолинску и, поим вои, поиде к Мурому” /I, 236; II, 226/. По нашим расчетам получается, что нападение Олега на Ростовскую землю, где княжил Изяслав Владимирович, было осенью 1095 г., а изгнание Олега из Чернигова и Стародуба — весной и в начале лета 1096 г. Такую последовательность событий подтверждает и послание Владимира Мономаха к Олегу, входящее в состав ПВМ: перечисляя взаимные обиды, Мономах сначала упоминал здесь захват Олегом Мурома, гибель своего сына Изяслава и лишь потом осаду Стародуба /I, 253–254/ (о датирующих показаниях рассказа о суздальской усьобице см. также 5.2)⁵⁰.

Итак, в 6604 г. ПВЛ мы фиксируем совмещение следующих хронологических слоев: относительно древним являлся мартовский слой, адаптировавший отдельные ультрамартовские элементы, по всей видимости, еще более древние или первоначально не зависящие от него (пример 6603 г. показал, кроме того, что мартовский слой сам базировался на архаичных сентябрьских показаниях); более молодым был “чистый” ультрамартовский слой, соединенный с предыдущим без должного смыслового и хронологического согласования.

Представляя в общих чертах хронологическую стратиграфию 6601–6604 гг. летописи, мы можем приступить теперь к анализу весьма сложной по составу статьи 6605 г. и связанных с ней статей 6606 и 6607 гг. Подробное и драматическое повествование 6605 г. приписывается летописцу Василию, очевидцу ослепления князя Василька Ростиславича. Несомненно, однако, и то, что на содержании этой статьи сказались и правка редактора, соединившего рассказ Василия с текстом ПВЛ⁵¹. Это, кстати, подтверждается и наблюдением за формой записи хронологических артефактов. Так, в первых сюжетах 6605 г., которые, несомненно, принадлежали Василию (арест и ослепление Василька, сложение антикиевской княжеской коалиции и заключение Городецкого мира, владимирское заточение Василька и его освобождение), мы отмечаем следующие характерные особенности:

1) четкая ориентация на весенне-пасхальное новогодие ("яко приближися постъ Великий", "посем же приходящю Велику дни" /I, 265, 267; II, 239, 241/);

2) особая форма записи юлианских дат, когда число предшествует названию месяца и не употребляется слово "день" ("въ 4 ноябрь", "въ 5-й ноябрь" /I, 258, 259; II, 232, 233/); такая форма встречается в ПВЛ, кроме этого случая, еще однажды (см. 2.3);

3) кроме юлианской используется святочная форма календарного датирования ("от именинь моих", "на святокъ" /I, 258, 259; II, 232, 233/, т.е. имелся в виду день св. Михаила);

4) "конечная" форма относительного датирования ("и придоша с ним Володимерю въ 6 день" /I, 261; II, 236/);

5) наряду с обыкновенным значением слова "ночь" ("и приставиши к нему сторожѣ на ночь; наутрия же Святополкъ созва боляръ" /I, 259; II, 233/) использовалось другое значение в смысле "однажды", "в один день" ("и на ту ночь ведоша ѿ Бѣлугороду", "въ едину ноцѣ присла по мя князь Давыдъ", "се молвилъ Василько си ночи" /I, 269, 265; II, 234, 239/)⁵²;

6) в значении "завтра" употреблялось слово "наутрие" ("и наутрия же бывшию, присла Святополкъ", "наутрия же Святополкъ созва боляръ", "наутрия же хотящим чресъ Днѣпръ на Святополка" /I, 258, 259, 264; II, 232, 233, 238/);

7) употребление нецерковных простонародных форм датирования ("мѣсяць грудень, рекше ноябрь" /I, 260; II, 236/; кроме того, четырежды в качестве относительной хронологической связи употреблялось слово "посем").

Иные формы хронологических элементов мы наблюдаем в заключительных сюжетах 6605 г., рассказывающих о событиях на юго-западе Руси:

1) единственная юлианская дата записана иначе ("августа въ 5 день" /I, 272; II, 248/);

2) использовалась также пасхальная форма календарного датирования ("вниде в градъ в Великую субботу" /I, 269; II, 244/);

3) "протяженная" форма относительного датирования ("и стоя Святополкъ около града 7 недѣль", "и гнаша по них 2 дни", "и тайша ѿ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи" /I, 269, 271, 272; II, 243, 246, 248/);

4) слово "ночь" имеет обыкновенное значение ("сташа ночлѣгу и яко бысть полунощи", "и на ту ноцѣ умре" /I, 271, 272; II, 246, 248/);

5) кроме "наутрия" употребляется и "завтра" ("повѣда ны есть на угры завтра; и наутрия Бонякъ исполни вои своѣ" /I, 271; II, 246/)⁵³.

Первая группа форм имеет сходство с древним ультрамартовским слоем ПВЛ (см. 2.3, 5.3, 4), вторая — с описанным нами ранее мартовским слоем 6601–6604 гг.⁵⁴ Таким образом, мы, во-первых, еще раз убеждаемся в том, что компилятор рассказа Василия, составитель редакции ПВЛ 1116 г. игумен Киево-Выдубицкого монастыря Сильвестр придерживался мартовского времяисчисления⁵⁵ и, во-вторых, отмечаем, что в статье 6605 г. ПВЛ происходило такое же совмещение мартовских и ультрамартовских элементов, что и в предыдущих летописных статьях. Описав Любечский княжеский съезд и датировав его 6605 мартовским годом, Сильвестр вставил

затем в летопись известия 6606 ультрамартовского года из летописного произведения Василия, так как знал, что ослепление тербовальского князя произошло после этого съезда (из Любеча Василек Ростиславич приехал в Киев и посетил Выдубицкий монастырь св. Михаила, о чем не мог не знать игумен этой обители), а затем продолжил повествование мартовскими известиями о юго-западных событиях; местом "сшивки" рассказов Василия и Сильвестра был сюжет об осаде Ростиславичами Всеволожска и Владимира-Волынского, где, с одной стороны, проявляется характерное для Василия указание на весну как начало года ("и наставши веснѣ"), а, с другой, — отмечается несвойственное ему слово "завтра" ("завутрия по зори повѣсиша Василя и Лазаря" /I, 267, 268; II, 241, 243/).

В дошедшем до нас виде статья 6605 г. представляет собой соединение событий нескольких лет, что ясно хотя бы из того, что здесь неоднократно упоминается весеннее время (поход Давыда на Бужск — "приходящю Велику дни"; ответное нападение Ростиславичей — "наставши веснѣ", т.е. уже через год; осада Святополком Владимира-Волынского, длившаяся 7 недель, завершилась "в Великую субботу", т.е. началась еще в конце зимы). Интересно, что в СПЛ и в протографе Московского свода 1479 г. и Ерл. бужский поход Давыда относился уже не к 6605 г., а к 6606 г., как это, в общем-то, и должно быть по правилам мартовского счисления, а с момента нападения Ростиславичей начинался уже следующий 6607 г., что опять же вернее с историко-хронологической точки зрения⁵⁶ (табл. XI); 6607 г., открывающийся западным походом Святополка, выделен и в Ник. /IX, 134/. Напомним, что в Р.-МАк. в этих же частях текста 6605 г. отмечаются особая группировка и даже пропуски некоторых известий в сравнении с Л., Ип. и Хл. Все это, видимо, указывает на то, что в первоначальном варианте редакции 1116 г. существовала такая или примерно такая разбивка текста на годичные статьи, которая присутствует в СПЛ и соответствует правилам мартовского счисления. Кстати, последняя фраза статьи 6605 г. ПВЛ подтверждает то, что первоначально она располагалась в 6607 г.: здесь говорится о том, что "на 2-е лѣто" (в Р.-МАк. "на другое лѣто" /I, 273–1; II, 248/) князья дали Давыду Игоревичу Дорогобуж (решение об этом было принято на Увечитическом съезде в 6608 г.). Затем, однако, при повторном включении сведений Василия в ПВЛ (объяснение см. 5.4, 5) было проведено редактирование, придавшее тексту современный вид; летописцу-редактору объединить под одним номером 6605 и 6606 мартовские годы позволило то, что второй из них также имел 6605 номер (табл. XI), а это значит, что окончательное редактирование исследуемого текста было осуществлено уже на этапе формирования ипатьевской редакции ПВЛ, когда в летопись вносились постмартовские хронологические элементы.

Итак, позднее "постмартовское" редактирование привело к "спрессовке" 6605–6607 гг. текста сильвестровской редакции в одну летописную статью. Однако, как видно из текста ПВЛ, освободившиеся от информации статьи 6606 и 6607 гг. "постмартовский" редактор заполнил краткими сообщениями о тех же самых событиях, что подробно излагались в "сводной" статье 6605 г. Сопоставляя эти

краткие сообщениями с мартовской шкалой СПЛ, Ерл. и Ник. (табл. XI), нетрудно убедиться в том, что они располагаются по правилам сентябрьского времяисчисления. Действительно, Городецкий мир, заключенный в конце осени — зимой (после ослепления Василька в ноябре, но еще до его освобождения в марте)⁵⁷, в подробном рассказе ПВЛ, а также в СПЛ, Ерл. и Ник. датирован 6605 г., но в краткой записи ПВЛ он отнесен к 6606 г., а это значит, что мир был заключен в конце 1097 г. — начале 1098 г. и в первом случае выражен мартовским счетом, а во втором — сентябрьским. Календарная последовательность известий, вошедших в состав кратких записей 6607 г., также указывает на их сентябрьскую принадлежность: “Изиде Святополкъ на Давыда к Володимеру и прогна Давыда в Ляхы” — начало этого сюжета подразумевает зимнее время, так как перед изгнанием Давыда (9.04), киевский князь 7 недель осаждал его в городе, а перед тем вел в Бресте дипломатические переговоры с поляками; “в се же лѣто побьени угри у Перемышля” — имелся в виду разгром венгерского короля Кальмана русско-половецкой дружиной в битве на Вагре, которая, по сведениям 6605 г., была после захвата Святополком Владимира-Волынского (9.04), но еще до начала июньских сражений за этот город; “в се же лѣто убьень Мстиславъ... мѣсяца июня въ 12 день” /I, 273; II, 248/.

Теперь нам становится окончательно ясной причина, заставившая “постмартовского” редактора переменить номер мартовской статьи 6607 г. текста игумена Сильвестра и включить ее в состав “сводного” 6605 г. Дело в том, что в начальной своей части (03 — 08.1099 г.) мартовский 6607 г. совпадал с последней половиной сентябрьского 6607 г., а тот, в свою очередь, первой половиной (09.1098 г. — 02.1099 г.) был синхронен окончанию 6605 постмартовского года (табл. XI); установив соотношение своего постмартовского года с 6607 сентябрьским, этот редактор ошибочно посчитал, что оно распространяется и на мартовский год с тем же 6607 номером. Другими словами, он произвольно расширил верхнюю границу 6605 постмартовского года еще на 6 месяцев, и этот новоявленный “год” (величиной в 18 месяцев) поглотил известия 6606 и 6607 мартовских лет сочинения игумена Сильвестра (похожую ошибку мы уже встречали у компутистов начала XII в.; см. табл. VI). Получается, что в распоряжении “постмартовского”

летописца кроме текста редакции 1116 г. находились и какие-то древние сентябрьские летописные записи, которые и явились основой для формирования постмартовских элементов.

Предложенная нами схема датировки событий 1097–1099 гг. (табл. XI) нуждается в двух уточнениях. Два сюжета, помещенные отдельно друг от друга в 6605 г. ПВЛ (осада Владимира-Волынского Ростиславичами “наставши веснѣ” и осада того же города Святополком весной накануне Пасхи), подразумевали одно и то же событие, происшедшее весной 1099 г. и описанное двумя разными авторами. Вспомним, что именно здесь, на стыке этих сюжетов, мы уже отметили смешение формально-хронологических признаков двух летописцев (Василия и Сильвестра). Кроме того, только при таком допущении становится понятным неожиданное нападение киевского князя на Галицкую землю после взятия Владимира-Волынского, хотя, вроде бы, для защиты галицких владений Святополк и предпринял длительную юго-западную экспедицию: осаду Владимира-Волынского Святополк начал совместно с перемышльским и теребовльским князьями, но затем Ростиславичи, удовлетворившись выдачей и казнью клеветников, ушли от стен города, оставив киевского князя сражаться с Давыдом в одиночку.

Согласно нашим выводам (табл. XI), даты последних события в борьбе за владими́ро-во́лынское княжение (Святослав и Путята изгоняют Давыда Игоревича 5.08.1099 г., Давыд бежит в половецкие степи, а затем при помощи Боняка возвращается во Владимир) “нахлестываются” на дату начала Уветичевского съезда (10.08.1099 г.; см. 2.1), где, как мы знаем, присутствовал тот же самый Давыд Игоревич. В совмещении датировок нет ничего удивительного, так как из описания съезда понятно, что Давыд прибыл к месту сбора позже других князей (см. прим. 31), а по его вызывающему и самоуверенному поведению ясно, что к тому времени он уже решил владими́ро-во́лынскую проблему военным путем и не нуждался в помощи “братьев”, которые собрались здесь по его же просьбе. Об этом же свидетельствует и решение Уветичевского съезда, не оставившее за Давыдом Владимир-Волынскую землю, из чего следует, что захватил он ее совсем недавно и еще не успел закрепить свое владение какими-то военно-дипломатическими средствами.

2.3. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОИ ИЗВЕСТИЙ ЭПОХИ ЯРОСЛАВИЧЕЙ (6562–6600 ГГ.)

Исследуя этот отрезок текста нашего источника, мы получаем подтверждение тем выводам, что были намечены нами ранее. Признаки древнейшего сентябрьского слоя проявляются уже со статьи 6562 г., где приводится дата смерти Ярослава Мудрого. Многие исследователи считали верным тот ее вариант, что был указан в суздальских списках ПВЛ (“в лѣто 6562, ... в субботу 1 поста святого Феодора” /I, 162/); эта дата, по их мнению, подразумевала день 19.02.1054 г., который и был первой субботой Великого поста, называемой Федоровой в честь ве-

ликомученика Феодора Тирона. Сторонникам этой точки зрения не удалось, однако, объяснить, почему дата 19.02.1054 г. оказалась в пределах 6562 мартовского года (03.1054 г. — 02.1055 г.)⁵⁸. А.А. Куник и Н.В. Шляков, пытавшиеся отнести смерть Ярослава на конец 6562 г., т.е. на февраль 1055 г., тоже попадали в тупик, так как в 1055 г. Федорова суббота была 4.03, а это никак не согласовывалось с датой Ип.-Хл. (“мѣсяца февраля въ 20, в субботу 1 недѣли поста, въ святого Федора день” /II, 150/) и, кроме того, такая дата отно-

силась уже к 6563 мартовскому году⁵⁹. Всякое противоречие снимается, если признать, что 6562 г. ПВЛ — сентябрьский (09.1053 г. — 08.1054 г.), что и сделал Н.В. Степанов, а вслед за ним и другие исследователи⁶⁰. Совершенно очевидно также и то, что дата суздальских списков точнее передавала первоначальную пасхально-календарную летописную запись о смерти Ярослава; это подтверждается, например, тем, что у польского хрониста XV в. Яна Длугоша, располагавшего весьма древними русскими летописными источниками, не было сведений о юлианской дате этого события, что заставило его фантазировать на этот счет⁶¹; по этой же причине во многих поздних русских летописях Федорова суббота была принята за святочный день памяти Феодора Тирона (17.02)⁶². Юлианское же число (20.02) было соединено с пасхальной записью позже, в момент формирования ипатьевского текста ПВЛ; оно восходило к самостоятельной, не зависевшей от ПВЛ, записи о смерти Ярослава, автор которой посчитал, что киевский князь умер не ночью 19.02.1054 г., а ранним утром следующего дня, поскольку “уже бо Солнце заиде и врѣмя скончася” /СДЯ, III, 3066/⁶³. Вторичный смешанный пасхально-юлианский вид даты отразился не только в Ип.-Хл., но и в ряде других летописных памятников.

Кстати, включение в текст редакции ПВЛ 1116 г. юлианского числа не является единственным признаком ипатьевского редактирования этой статьи. Зимний поход Всеволода Ярославича на торков, в суздальских списках датированный 6562 г., в Ип.-Хл. отнесен к 6563 г. /I, 162; II, 151/. Несомненно, что этот поход был как раз тогда, когда в Киеве проходила траурная церемония погребения Ярослава; не случайно, в ЖФП главные погребальные хлопоты приписаны Изяславу, а в ПВЛ сведения о присутствии в эти дни в Киеве Всеволода имеют очевидную вставную форму. Таким образом получается, что поход, происходивший в февралемарте 1054 г., в Ип.-Хл. датирован 6563 ультрамартовским годом (03.1054 г. — 02.1055 г.), который был внесен в текст летописи одновременно с юлианской датой смерти Ярослава на “ипатьевском” этапе ее редактирования, и сделано это было летописцем, симпатизировавшим Всеволоду или его потомкам. Подобные ультрамартовские дополнения мы уже отмечали в тексте ипатьевской редакции ПВЛ (см. 2.1, 2).

Сентябрьская принадлежность 6564–6570 гг. ПВЛ доказывается тем, что в этом интервале Тр. в датировке нескольких событий систематически отстает от прочих списков на одно годичное показание, но в других случаях полностью с ними согласуется /Тр., 141, 142–2/. Это объясняется тем, что в сохранившихся списках ПВЛ отразилась древняя сентябрьская хронологическая основа, а в Тр. — ее поздняя “мартовская” переработка (табл. XII–I, 1–4); такое же отставание мы наблюдаем и в 6564–6570 гг. Ник. /IX, 91–92/, а во Вл. оно начинается еще со смерти Ярослава, которая отнесена здесь к 6561 г. /XXX, 46–47/.

Сентябрьские признаки мы продолжаем встречать и далее, до 6575 г. включительно, но прежде, чем описать их, отметим первичность датировок Р.-МАк. на этом отрезке: в 6571 г. после описания “знамения” в Новгороде летописец заметил, что “се-

же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ” /I, 163; II, 152–57, 58/; четвертым же годом от 6571 г., по правилам “включающего” древнерусского относительного счета, должен быть 6574 г., к которому и относится нападение Всеслава Брючиславича на Новгород в Р.-МАк., тогда как в других списках оно датировано 6575 г. /I, 166–43; II, 156/. Первой календарной датой 6574 г. Р.-МАк. является 10.03, которой датирована битва Ярославичей со Всеславом на Немизе⁶⁴, но совершенно ясно, что события, предшествовавшие битве и включенные в тот же самый год, никак не могли уместиться в первые 10 дней марта и происходили задолго до Немизского сражения (взятие Всеславом Новгорода, сбор Ярославичей для похода на полоцкого смутьяна “зимѣ суци велицѣ”, осада Минска и продвижение противников к Немизе), тем более, что предыдущая статья (6573 г.) заканчивается датой 3.02 (смерть Ростислава в Тмутаракани)⁶⁵. Ясно, что нижней границей статьи 6574 г. Р.-МАк. должен считаться сентябрь⁶⁶. Наш вывод подтверждается тем, что следующий 6575 г. Р.-МАк. начинается с описания сентябрьских событий (нашествие половцев, распря Ярославичей, восстание в Киеве 15.09).

Здесь же мы обнаруживаем и следы неоднократного хронологического редактирования древней сентябрьской основы ПВЛ. Несомненно, что первоначальным этапом ее изменения было наложение древних ультрамартовских артефактов, которые отчетливо прослеживаются на границе 6575 и 6576 гг. Р.-МАк. (в прочих списках 6576 и 6577 гг.). Летописная статья 6575 г. заканчивается известием о том, что “Всеслав же сѣде Киевѣ мѣсяць 7” /I, 173; II, 162/, т.е. окончание его киевского княжения должно было приходиться на апрель 1067 г. и относиться к тому же 6575 сентябрьскому году (09.1066 г. — 08.1067 г.), что и Киевское восстание. Однако 6576 г. начинается с описания всех обстоятельств возвращения в Киев Изяслава, т.е. с апрельско-майских событий, из чего следует вывод, что это годичное число подразумевало ультрамартовские границы (03.1067 г. — 02.1068 г.).

Попутно с ультрамартовскими элементами в сентябрьский летописный сюжет о киевских событиях осени 1066 г. — весны 1067 г. были внесены признаки еще одной времяисчислительной системы, содержащиеся в рассказе о битве Святослава с половцами у Сновска 1.11.6575 (6576) г. Этот рассказ, очевидно, являлся вставным, так как разрывал на две части повествование о Киевском восстании⁶⁷. Очевидно также, что эта вставка хорошо увязывается с отмечаемым в этой части ПВЛ редактированием, цель которого заключалась в превознесении заслуг князя Святослава Ярославича⁶⁸. В связи с этим интересно, что в разных редакциях “Истории российской” В.Н. Татищев дважды упоминал ноябрьскую битву русских с половцами у Сновска: во второй редакции в 6576 г., что повторяет версию ПВЛ (с годичной датой Ип., Хл. и Л.); в первой редакции было то же самое сообщение, но, кроме того, о битве говорилось и в 6572 г., причем, здесь сновская победа приписывалась старшему из братьев, Изяславу⁶⁹. Становится ясно, что Сновская битва на самом деле происходила 1.11.1067 г. и в древнейшей летописной версии была датирована 6572 византийско-болгарским годом (09.1067 г. —

08.1068 г.); затем эта версия подверглась просвятославской обработке, и битва была помещена в пределы 6575 г., так как новая дата была, во-первых, ближе к "правильной" константинопольской датировке и, во-вторых, помогала "отнять" заслугу победы у Изяслава, поскольку в этом году он находился в бегах и, следовательно, не мог претендовать на лавры победителя. Напомним, что и ранее мы отмечали связь византийско-болгарских элементов с древним ультрамартовским слоем ПВЛ (6610 г.), теперь же мы можем уточнить, что оба этих слоя были внесены в летопись из какого-то просвятославовского источника.

Дополнительным аргументом для выделения в этой части ПВЛ византийско-болгарского хронологического слоя является разница между показаниями списков о количестве лет заточения Судислава Владимировича: Р.-МАк., в отличие от сведений других списков ("сидѣ бо лѣтъ 20 и 4"), приводят дату 28 лет /*I, 162–53; II, 151*/. Это разночтение можно понять, если считать, что Р.-МАк. в расчете лет учитывали византийско-болгарскую и константинопольскую начальную и конечную даты заточения, а прочие списки ориентировались только на константинопольские летописные датировки.

Древние ультрамартовские элементы принципиально отличаются от аналогичных артефактов более позднего происхождения, сопровождающих известия провсволодовской ориентации (6563 г. Ип.-Хл., ростовский сюжет 6604 г. и др.), в чем мы убеждаемся на примере исследуемых здесь летописных статей (табл. XII–I, 5–11). В первоначальный текст 6572 г. ПВЛ (Р.-МАк.) был вставлен 6573 номер года, что привело к смещению на одно показание годовых номеров 6573–6577 гг. Ип.-Хл. и Л. (в Р.-МАк. 6572–6576 гг.)⁷⁰. Это полностью повторяет ситуацию с ультрамартовской провсволодовской вставкой 6563 г. (см. выше), причем, поздний возраст этого ультрамартовского слоя по сравнению с более ранним отчетливо виден на примере 6576 г., который, как уже говорилось, в Р.-МАк. являлся ультрамартовским дополнением древней сентябрьской основы, но в Ип.-Хл. и Л. все равно оказался увеличенным на одно цифровое обозначение. Кстати, другой сопроводительный признак молодых ультрамартовских артефактов — провсволодовское редактирование — также отмечается в этих статьях, например, искусственно превозносится роль Всеволода в примирении киевлян с князем Изяславом в 6577 г.⁷¹

Астрономический комплекс известий 6572 (6573) г. принадлежал, видимо, древним этапам сложения текста ПВЛ, так как он насыщен характерными для них относительными хронологическими показаниями типа "в си же времена", "пред симь же временем", "посемь" (так, византийско-болгарский рассказ о Сновской битве, прошедший древнюю "ультрамартговскую" обработку, также начинается со слов "посемь же"); в этом случае получается, что отнесение солнечного затмения 19.04.1064 г.⁷² к 6572 г. имело в виду сентябрьскую или, что менее вероятно, мартговскую датировку и восходило к древней основе ПВЛ. Не удастся, правда, объяснить отнесение к этому же году кометы Галлея (март-апрель 1066 г.)⁷³, что, впрочем, не должно удивлять, так как понятно, что в астрономическом комплексе статьи 6572 г. летописцем были собраны

разновременные события. Точно так же можно охарактеризовать и статью 6579 г., где отмечается обилие аморфных хронологических показаний ("в си же времена", "в се же время", "в си бо времена", "в лѣта си") /*I, 174, 175, 179; II, 164, 168*/, в чем угадывается архаичная форма летосчисления⁷⁴.

Следуя далее по тексту ПВЛ, мы находим такое же соотношение хронологических слоев, как и в статьях 6562–6577 гг. Дата перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь, содержащаяся в Ип.-Хл. (20.05.6580 г. /*II, 172*/)⁷⁵, вполне может считаться сентябрьской (09.1071 г. — 08.1072 г.), так как 20.05.1072 г. было воскресным днем. В 6582 г. сентябрьская (или мартговская) дата смерти Феодосия ("въ 2-ю субботу по Пасхѣ, ... мѣсяца мая въ 3 день" /*I, 188; II, 178*/) совмещается с ультрамартовским 11 номером индикта, вторичность появления которого в летописном тексте подтверждается тем, что он отсутствовал в сентябрьско-мартговской дате ЖФП ("въ лѣто 6000 и 582, мѣсяца майя въ 3, въ субботу" /*ПДР XI–XII, 390*/)⁷⁶. Наконец, статья 6583 г. еще раз показывает нам соотношение тех хронологических слоев, что напластовались на древнюю сентябрьскую основу. Здесь списки ПВЛ существенно расходятся в датировке окончания строительства Киево-Печерской церкви: Л. — 11.07, Р.-МАк. — 3.07, Ип.-Хл. — 1.07 /*I, 198; II, 189*/. Строго говоря, все эти даты относятся не к данному году, а к 6585 г., так как сопровождают известие о том, что церковь "кончана бысть на третье лѣто" после ее основания в 6583 г. В этом случае получается, что первоначальный вариант записи этого известия сохранился в Л. и он подразумевал 6585 византийско-болгарский год (09.1080 г. — 08.1081 г.) и пасхально-юлианскую дату примерно такого вида: "В 7-ю неделю по Пятидесятнице, месяца июля в 11-й день" (день 11.07.1081 г. был седьмым воскресением после Троицы 23.05). В Р.-МАк. отразилось древнее ультрамартовское "осмысление" этой даты, приспособленной для 6585 г. (03.1076 г. — 02.1077 г.), когда седьмая неделя (воскресение) после Пятидесятницы выпадала на 3.07; однако, "ультрамартговский" редактор пасхальную часть даты поменял на святочную и к юлианскому числу приписал примерно такое обозначение: "В неделю по дню апостолов Петра и Павла (29.06)"⁷⁷. Еще более поздний "постмартговский" редактор приспособил его для своего 6585 г. (03.1078 г. — 02.1079 г.), в результате чего в ипатьевском тексте ПВЛ появилось юлианское число 1.07⁷⁸.

Охарактеризовать артефакты 6584–6586 гг. ПВЛ нам позволяют сведения ПВМ. В начальной части автобиографии князя-писателя несколько событий (от польского похода до битвы с Борисом и Олегом за Чернигов) следуют плотной чередой, перемежаясь многочисленными сезонными датировками /*I, 247–248*/. Сезонные обозначения ПВМ с несомненной точностью показывают, что эти события происходили в течение пяти лет (1075–1079 гг.; табл. XIII), тогда как в летописи они оказались "спрессованными" в три летописные статьи (6584–6586 гг.). За этим легко рассмотреть применение в этой части ПВЛ нескольких хронологических слоев: ультрамартовско-сентябрьского (польский поход Владимира Мономаха и Олега Святославича и ро-

ждение Мстислава Владимировича в 6584 г., причем, второе известие, судя по тому, что оно есть только в Ип.-Хл., можно считать поздним провсеволодовским дополнением), мартовского (смерть Святослава 27.12.6584 г. и вокняжение в Киеве Всеволода 1.01 того же года, смерть Глеба Святославича и вокняжение Святополка в Новгороде в 6586 г.) и постмартовского (приход из Польши Изяслава, заключение между ним и Всеволодом Волынского мира, по условиям которого старший брат получил Киев, а младший — Чернигов, приход Олега в Чернигов — все это события 6585 г., бегство Олега в Тмутаракань 10.04, приход его вместе с Борисом и половцами, битвы на Сажице 25.08 и на Нежатиной ниве 3.10, смерть и похороны Изяслава, второе вокняжение в Киеве Всеволода — 6586 г.). Такое расположение событий позволяет, кстати, лучше понять их причинно-следственную связь: так, например, ясно, почему после окончания полоцкого похода (по данным ПВМ, он проходил зимой 1077 г. — весной 1078 г.) один из его участников, Святополк Изяславич, направился в Новгород, так как с 30.05.1078 г. новгородский стол стал вакантным по причине гибели Глеба Святославича в Заволочье⁷⁹; не вызывает удивления теперь и появление в Чернигове, в стане своих фамильных врагов Всеволодовичей, в июле 1078 г. Олега Святославича, что было описано как в ПВМ, так и в ПВЛ, поскольку ясно, что он прибыл сюда для участия в погребальной церемонии в родовой усыпальнице Спаского собора, куда с севера была доставлена рака с телом его брата Глеба.

Из всех сообщений 6584–6586 гг. ПВЛ для нас остается неясной только датировка краткого княжения в Чернигове Бориса Вячеславича в 6585 г. Сразу заметно, что это известие нарушает цельный постмартовский рассказ этой статьи о приходе из Польши Изяслава и о заключении Волынского мира, что особенно рельефно просматривается в Ип.-Хл.: “Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему и бывшу Всеволод [?]. Сѣде Борис в Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутараканю к Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу...” и т.д. /II, 190/. В связи с этим создается впечатление, что черниговское известие было соединено с польско-волынским по синхронности годичного показания, а это значит, что восьмидневное княжение Бориса было 4–11.05.1078 г., т.е. тогда, когда Изяслав уже выступил к западным русским границам, но еще до того, как был заключен его мир со Всеволодом (15.07.1078 г.). Объяснение скорому бегству незадачливого черниговского князя мы находим в ПВМ: весной 1078 г. Владимир Мономах, возвратившийся из полоцкого похода, двинулся “с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову” /I, 247/ (табл. XIII); приближение грозного и воинственного конкурента, судя по всему, и напугало Бориса.

Преобладание в статьях 6585–6586 гг. постмартовских артефактов совсем не означает того, что эти годы были вставлены в текст лишь на одном из поздних этапов сложения текста ПВЛ. Это ясно хотя бы из того, что ряд чтений Ип.-Хл. имеет очевидные признаки вторичности по сравнению с суздальскими списками (хотя есть и редкие обратные примеры)⁸⁰. Более того, сопоставление этих известий

с соответствующими показаниями софийско-новгородских летописных сводов показывает, что первоначально в ПВЛ эти две статьи были обозначены вообще другими годичными номерами. СПЛ в статьях 6585–6598 гг. постоянно ссылается на “Киевский летописец”, причем понятно, что этот источник содержал годичные показания на одно обозначение меньше “некиевских”. Так, передавая ультрамартовское сообщение о смерти Глеба в 6587 г. (см. прим. 79), СПЛ замечает: “Убиение Глѣбово писано въ Киевскомъ въ <лѣто 6580 и> шестое”; далее, приводя 6589 номер года, составитель летописи опять делает ссылку “ищи въ Киевскомъ”, заодно пометая, что в другом его источнике “въ десятое [т.е. в 6590 г. — С.Ц.] писано”; 6590 номер года был выбран из новгородского источника, но Карамзинский список СПЛ сохранил намек и на синхронный ему “киевский” 6589 г. — в цифре года между Ф (500) и Ч (90) стоит число П (80), что соответствует следующей далее пометке “въ Киевскомъ ищи” и т.д. /V, 147, 148–“в”/. Этот южнорусский источник с мартовским летосчислением имел весьма древнее происхождение, так как повлиять еще на протограф НЧЛ–СПЛ⁸¹. Приход Изяслава из Польши СПЛ датирует, как и ПВЛ, 6585 г., но при этом опять же упоминает “Киевский летописец” с намеком на его особое показание: “Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ с Ляхы. А писано въ Киевскомъ... [сравни с известием о смерти Глеба. — С.Ц.]” /V, 147/; Академический и Голлицинский списки НЧЛ поясняют нам недосказанность СПЛ, помещая события 6585 г. в статью 6586 г. /IV, 133–45, 47, 134/. Из этого следует, что “Киевский летописец” содержал архаичную мартовскую датировку событий 1075–1079 гг. (смерть Глеба и приход Изяслава в 6486 г.), которые в своде 1448 г. соединились с ультрамартовскими новгородскими (смерть Глеба и вокняжение в Новгороде Святополка в 6587 г.) и постмартовскими (приход Изяслава в 6585 г., бегство Олега из Чернигова в 6586 г.) датами (табл. XIV).

Скорее всего, в южнорусской летописной традиции, предшествовавшей созданию ипатьевского вида ПВЛ, эти события первоначально располагались в мартовской годичной сетке с включением отдельных ультрамартовских известий (такое положение сохранилось в 6584 г. ПВЛ и в НЧЛ–СПЛ); затем, однако, в процессе редактирования нумерация лет была изменена на одно показание, вследствие чего мартовские даты стали постмартовскими, а ультрамартовские — мартовскими. Кстати, в Архангелогородском варианте Уст. смерть Изяслава отнесена к 6588 г., что представляет собой остаточное проявление древней ультрамартовской даты⁸².

Все то, что нам известно о постмартовской системе времяисчисления (см. 5.1), не позволяет предполагать существование архаичных постмартовских летописных записей, относящихся ко второй половине XI в. Скорее всего, включение постмартовских артефактов в мартовско-ультрамартговскую основу 6584–6586 гг. ПВЛ было результатом относительных хронологических расчетов летописца начала XII в. В данном случае, основанием для хронологического редактирования было, видимо, сведение 6601 г. ПВЛ, утверждающее, что Всеволод до своей кончины 15 лет княжил в Киеве /I, 217; II, 207/. Совершенно правильно уловив, что речь идет о втором киевском княжении Всеволода

(первое длилось 1,5 года от смерти Святослава 27.12.1076 г. до возвращения из Польши Изяслава 15.07.1078 г.), "постмартовский" редактор летописи неправильно определил его начальный год как 6586 г. (6601 г. - 15 лет = 6586 г.), тогда как, по правилам "включающего" счета, здесь предполагался 6587 мартовский год; эта ошибка и привела к изменениям в годичной нумерации прилегающих летописных статей. Следы "постмартовского" редактирования в этой части ПВЛ обнаруживаются, кстати, еще и в особой форме записи юлианских дат, которую мы встречали уже в тех статьях (6616–6624 гг.), что относились ко времени внедрения этой системы в летописный текст (см. 1.4): 6580 г. — "мѣсяца мая в 20"; 6581 г. — "мѣсяца марта 22"; 6584 г. — "мѣсяца декабря 27"; 6586 г. — "мѣсяца априля 10", "мѣсяца августа въ 25"; 6601 г. — "мѣсяца мая въ 26", "мѣсяца нуля въ 23", "ноября въ 16" /I, 182, 199, 200, 221, 222, 225; II, 172, 190, 211, 212/. Еще один такой след доносит до нас и П., где смерть Святослава в 6584 г. датирована не 27.12, а 26.12 /XXXIV, 69/: первоначальное мартовское обозначение этого события ("в лето 6584 (ОЗ.1076 г. — ОЗ.1077 г.), во вторник по Р.Х., месяца декабря в 27-й день") в постмартовском 6584 г. (ОЗ.1077 г. — ОЗ.1078 г.) преобразилось в другую юлианскую дату.

Описанное выше совмещение хронологических элементов в софийско-новгородских летописях привело к тому, что ультрамартовское известие о смерти Глеба совместились в НПЛ, НЧЛ и СПЛ в статье 6587 г. с мартовским известием о вокняжении Всеволода в Киеве (в ПВЛ 6586 г.) и с постмартовскими сообщениями о смерти Романа и пленении Олега (в ПВЛ 6587 г.) (табл. XIV). Принадлежность последнего известия к 6587 постмартовскому году (ОЗ.1080 г. — ОЗ.1081 г.) подтверждается сообщением ХИД о том, что в греческом плену Олег пребывал "2 лѣтъ и 2 зимы" /ПЛДР XII, 30/, а дата возвращения Олега в Тмутаракань (6591 г. ПВЛ) может быть признана ультрамартовской (ОЗ.1082 г. — ОЗ.1083 г.)⁸³.

Статьи 6592–6594 гг., повествующие о сложных взаимоотношениях владимиرو-волынского князя Ярополка Изяславича с киевскими Всеволодовичами, не содержат, на первый взгляд, каких-либо ярких артефактов, позволяющих дать их несомненную историко-хронологическую характеристику. Единственное, что сразу же обращает на себя внимание, это — литературное сходство погребального панегирика в честь Ярополка (6594 г.) с аналогичной похвалой его отцу (6586 г.), которая, как мы выяснили раньше, первоначально входила в 6587 мартовский год. Мартовскую принадлежность этих сюжетов косвенно подтверждает и начальное известие 6592 г. (приход Ярополка в Киев), ориентированное на "Великъ день".

Впрочем, это предположение подтверждается следующими соображениями. В этой части текста мы наблюдаем примерно ту же самую ситуацию, что и в 6562–6563 и 6572–6573 гг. ПВЛ: в мартовскую статью 6593 г. в тексте ипатьевской редакции вставлен ультрамартовский 6594 г. с дополнительными известиями про всеволодовского содержания (табл. XII–II, 12), из-за чего первоначальная нумерация 6594 г. (Л., Р. и МАк.) оказалась измененной на 6595 г. (Ип.-Хл.)⁸⁴, а 6597 г. (Л., Р., МАк.) был

разъединен на два года — 6597 и 6598 гг. (Ип.-Хл.) (табл. XII–II, 13–17). Вторичность хронологической схемы списков ипатьевской редакции подтверждается тем, что в 6597 г. всех списков дочь Всеволода Янка (Анна) называется "преждереченой", но в суздальских списках о ней нет упоминаний, тогда как в Ип.-Хл. она фигурирует как раз в тех самых дополнительных известиях 6594 г., которые нарушают первоначальную хронологическую шкалу /I, 206–"z", 208; II, 197, 200/.

Окончательное подтверждение выводам по поводу статей 6592–6598 гг. мы получаем, анализируя противоречия в календарной дате смерти Ярополка Изяславича: Л. — 22.11.6594 г., Р.-МАк. — 28.11.6594 г., Ип.-Хл. — 22.11.6595 г., П. — 21.11.6595 г. /I, 206–37; II, 198; XXXIV, 70/. Вывести эти даты одну из другой можно только с допущением того, что первоначальная запись была датирована 6594 мартовским годом (ОЗ.1086 г. — ОЗ.1087 г.) и святочно-юлианским обозначением "в неделю по Введению во храм Пресвятой Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии"⁸⁵, месяца ноября в 22-й день; лучше всего эта дата сохранилась в Л., и это — тот самый редкий случай, когда данный список передает первоначальные хронологические элементы. Дальнейшая трансформация даты проходила по двум направлениям: в приложении к постмартовскому 6594 г. (ОЗ.1087 г. — ОЗ.1088 г.), когда день Введения во храм (21.11) сам приходился на воскресенье, неделя после него получила юлианское выражение 28.11; в другой линии эволюции произошло механическое соединение первоначальных мартовских элементов (22.11) с 6595 ультрамартовским номером года (этот вариант отразили Ип.-Хл., т.е. он был итоговым для ипатьевского текста ПВЛ). Позже, при составлении 1-го или 2-го Владимирско-Суздальских сводов, постмартовская и смешанная мартовско-ультрамартковская даты вновь были объединены, причем, 6595 номер года был воспринят компилятором как мартовский, а приняв во внимание известие о "неделе", он перенес дату с 22.11 на 21.11, которое и было воскресением (такая дата в П.). Составитель Переяславо-Суздальского свода (протограф Р. и МАк.), знакомый с постмартовской и владимирской датами, предпочел все же первую из них, так как в 6595 мартовском году (номер он взял из Владимирского свода) неделя после Введения во храм (это показание было найдено им в "постмартовском" источнике) была не 21.11, а 28.11 (по ошибке, правда, вместе с юлианским числом из "постмартовского" источника был скопирован и номер года).

Уточнить характеристику артефактов 6597 г. (6597–6598 гг. в Ип.-Хл.) ПВЛ нам помогают показания новгородских летописных памятников. Дело в том, что все они согласно друг с другом относят освящение Киево-Печерской церкви св. Богородицы и смерть митрополита Иоанна "книжника", как и ПВЛ, к 6597 г.; поскольку в СПЛ эти известия сопровождаются уточнением "ищи в Киевскомъ", мы подтверждаем еще раз их мартовскую принадлежность (о мартовском счете в киевском источнике свода 1448 г. см. выше) (табл. XIV)⁸⁶. Однако в изложении дальнейших событий (путешествие Янки в Константинополь за новым митрополитом и ее возвращение с Иоанном-скопцом) новгородские ле-

тописи заметно путаются. Так, в своде 1448 г. об этом сначала говорится в статье 6596 г. (с пометкой в СПЛ: "Ищи въ Киевскомъ, се писано въ <лѣто 6590 и> 7 въ Киевскомъ о Янке"), затем делается намек на смерть Иоанна-скопца в 6597 г., так как, придя на Русь в 6596 г., он "пребывъ до года... и умре", а после того в СПЛ вновь рассказывается о походе Янки в Византию в 6598 г. и смерти нового митрополита в 6599 г. Различные хронологические версии настолько запутали новгородских летописцев, что они допустили здесь ужасающие несуразности: так, по НЧЛ и СПЛ, Иоанн-скопца пришел на Русь еще за год до смерти своего предшественника, затем он приходил сюда вторично и, кроме того, дважды умирал; в младшем изводе НПЛ окончательно сбившийся летописец даже похоронил в 6597 г. вместо митрополита саму Янку Всеволодовну, чтобы затем "воскресить" ее в следующем же году /НПЛ, 18, 202; IV, 134-135; V, 148-149/. Все эти ошибки объяснялись тем, что в древнем протографе новгородских летописей были совмещены сразу три даты похода Янки в Константинополь и появления нового киевского митрополита (табл. XIV): ультрамартовская (6598 г., она восходила, скорее всего, к местной хронологической традиции), мартовская (6597 г., заимствована из южнорусского источника) и постмартовская (6596 г., о постмартовском времяисчислении в Новгороде см. 5.2)⁸⁷. Все это подтверждает вывод о том, что расположение событий в 6597 г. Л., Р. и МАК. имело мартовский "рисунок", а изменения Ип.-Хл. были ультрамартовскими.

Несколько хронологических слоев выделяют и в статье 6599 г. Подробный рассказ о перенесении мощей Феодосия на основании календарно-недельного показания ("мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ"), сопровождаемого номером индикта ("индикта 14 лѣто" /I, 211; II, 203/)⁸⁸, всегда трактовался как мартовский (ОЗ.1091 г. — О2.1092 г.)⁸⁹, но приводилось и вполне резонное соображение о том, что это показание может принадлежать и сентябрьскому году (О9.1090 г. — О8.1091 г.)⁹⁰. Для уточнения вывода мы должны обратить внимание на то, что состыковка киево-печерского рассказа с последующими известиями статьи нарушает правильное расположение событий. Так, сразу вслед за ним сообщалось о солнечном затмении 21.05.1091 г.⁹¹, что тоже можно считать сентябрьско-мартовской датой, потом описывалось падение метеорита и землетрясение; эти три известия в ряде летописных памятников датированы 6596 г., например, в НЧЛ-СПЛ /IV, 135; V, 148-149/ и в др.⁹², что, во-первых, подчеркивает искусственность их соединения с киево-печерским рассказом, а, во-вторых, заставляет считать их датировку в ПВЛ мартовской, так как в сравнении с ней 6596 г. представляется византийско-болгарским. Таким образом, основа этой статьи (повествование о перезахоронении мощей Феодосия) являлась, скорее всего, сентябрьской, подвергнувшейся затем "мартовскому" редактированию.

* * *

Итак, расположение хронологических слоев в средней части ПВЛ (6562-6614 гг.) выявляет довольно сложную картину формирования ее датирующих показаний. Несомненно, что древнейшую осно-

ву этой части летописи представляло константинопольское сентябрьское времяисчисление (табл. XV-1), которое во всех случаях совмещения с другими системами имеет следы поздней переработки (6562, 6564-6570, 6574-6575, 6580, 6599, 6603, 6609-6610, 6613 гг.), но ни разу не перекрывает другие хронологические слои. Большинство сентябрьских статей (исключение — 6562, 6575, 6582, 6599 гг.) представляли собой краткие и малоинформативные погодные записи, весьма редко сопровождаемые календарными датами.

Обращает на себя внимание довольно большой пробел в сентябрьском слое (6583-6598 гг.), который, видимо, указывает на различные этапы проникновения артефактов этой системы в текст ПВЛ. Интересно, что нижняя граница этого пробела совпадает с датой составления Киево-Печерского летописного свода (1073-1075 гг.), выделенного в составе ПВЛ сравнительно-текстовыми методами⁹³. Учитывая то, что подробный рассказ 6582 г. имел очевидное киево-печерское происхождение и, кроме того, обладал несомненными сентябрьскими признаками, мы можем вполне уверенно считать, что сентябрьский "скелет" 6562-6582 гг. ПВЛ первоначально был сформирован в Киево-Печерском своде середины 70-х гг. XI в. Правда, первая же статья после пробела (6599 г.) характеризуется точно так же: это — подробное повествование, записанное в Киево-Печерском монастыре очевидцем событий ("скажу не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ началникъ" /I, 209-210; II, 201/), использовавшим сентябрьский счет, но характер артефактов этой статьи несколько отличается от особенностей датирования 6562-6582 гг. (см. подробнее 5.1). Разновременность попадания в ПВЛ двух групп сентябрьских артефактов подчеркивается еще и тем, что первая из них дошла до нас в древней "ультрамартовской" обработке ("сквозной" ультрамартовский слой провсеговолодовского содержания, не относящийся к редакции ПВЛ 1116 г., мы пока не учитываем), тогда как вторая была включена в состав мартовско-ультрамартовского слоя (времяисчисление игумена Сильвестра) и ипатьевского постмартовского пласта.

Сентябрьское времяисчисление Киево-Печерского свода середины 70-х гг. XI в. подверглось затем "ультрамартовскому" редактированию (табл. XV-3). Несомненно, что летописец, редактировавший киевский источник и считавший время константинопольскими ультрамартовскими годами, имел в своем распоряжении, как минимум, еще два письменных памятника. Первым из них была летопись с византийско-болгарской годичной сеткой: во всех случаях, когда такие артефакты фиксируются в ПВЛ (табл. XV-2), они либо прошли через "ультрамартовское" редактирование (6583 г.), либо использовались редактором для переделки киевских сентябрьских показаний (6575, 6610-6611 гг.). Другим его источником были не разбитые на годы ("слитные") записи просвятославовской ориентации, богато снабженные такими датировками, как "в си же времена", "пред сим же временем", "посем" и относительными показаниями (6572 г. — "за 7 дний", "за 40 дний", "дний 20"; 6579 г. — "на пятое лѣто"; 6583 г. — "на третье лѣто" и пр.). Отличительными чертами редакторской работы

летописца, приверженного ультрамартовскому счету, были святочнo-юлианские датировки (в 6575 г. день 15.09 он вычислил по его связи с праздником Воздвижения; в 6583 г. первоначальную пасхально-юлианскую дату "византийско-болгарского" источника он приспособил к святцам; в 6605 г. есть прямая ссылка "на святок"), особая форма записи юлианских дат (6575 г. — "въ 15 день сентября", "въ 1 день ноября"; 6605 г. — "въ 4 ноября", "въ 5-й ноября") и употребление индиктов (6582 г.).

В древнем ультрамартовском слое также отмечается пробел (6592–6601 гг.), который указывает на два различных этапа его формирования: первоначально он сложился в каком-то летописном своде середины 80-х гг. XI в., объединившим Киево-Печерский летописный свод середины 70-х гг. XI в., летопись с византийско-болгарским счетом и летописные записи Святославичей; дальнейшее его формирование происходило уже в произведении летописца Василия, которое появилось не ранее 90-х гг. XI в. и не позднее 1113 г. Несомненно, что и Василием осуществлялось смешение текстов нескольких источников: так, например, в статьях 6609–6610 гг. мы наблюдаем, как сентябрьский летописный сюжет о князе Ярославе Ярополчиче был переделан в ультрамартовский с использованием антиохийских (смерть Всеслава, постройка св. Богородицы в Смоленске) и византийско-болгарского (солнечное затмение) известий, также модифицированных под правила ультрамартовского счета. Несмотря на то, что отмечается четкое разграничение древних ультрамартовских артефактов в тексте ПВЛ, как минимум, на две группы (6574–6591 гг. и 6602–6615 гг.), имеются вполне убедительные аргументы в пользу их отнесения к единому хронологическому и текстовому слою (см. 5.3,4).

Древние мартовские элементы ПВЛ (табл. XV–4) использовались, как мы уже выяснили, игуменом Киево-Выдубицкого монастыря св. Михаила Сильвестром, составителем редакции ПВЛ 1116 г. Именно поэтому мы с полным основанием можем считать их проявлением выдубицкой времяисчислительной системы; не случайно, первое употребление мартовских элементов в ПВЛ, сопровождающее записи очевидцев событий (6584–6586 гг.), примерно совпадает со временем основания этого монастыря (1067–1068 гг.). Кроме старинных мартовских записей своей обители Сильвестр использовал также летописное сочинение Василия (это фиксируется в виде включения и обработки древних ультрамартовских известий в мартовских статьях 6584, 6586, 6604, 6608 и 6615 гг.), сентябрьские летописные записи конца XI – начала XII в. (они проявились в "мартовской" обработке в 6599, 6603 и 6613 гг.) и источник с антиохийским летосчислением (6611 г.).

Обращает на себя внимание отсутствие какой-либо границы в расположении хронологических слоев ПВЛ в начале 90-х гг. XI в., которую можно было бы связать с Начальным киевским летописным сводом. По всей видимости, этот факт не случаен и

может быть использован для корректировки текстологических выводов. В летописных известиях 80 – начала 90-х гг. XI в. безусловно преобладают древние мартовские хронологические артефакты, которые как бы "закрывают" пробел в древнем ультрамартовском слое (табл. XV–3, 4), но сами они следуют почти непрерывной чередой от 6591 г. до 6605 г., что не позволяет отнести их к Начальному своду. В связи с этим уместно вспомнить о том, что предположение А.А. Шахматова о существовании Начального свода (точнее, о наличии особого этапа начала 90-х гг. XI в. в русском летописании) в последние годы подвергается сомнению⁹⁴; историко-хронологические выводы свидетельствуют в пользу того, что этот этап следует датировать либо серединой 80-х гг. XI столетия, либо началом XII в. Такое утверждение совсем не отрицает текстологических доказательств А.А. Шахматова в пользу выделения Начального свода, оно лишь заставляет относить их к иным этапам развития летописания XI – начала XII в.

Постмартовский хронологический слой (табл. XV–6) первоначально формировался, очевидно, независимо от той линии эволюции летописного текста, что завершилась созданием свода игумена Сильвестра. Время его формирования — не позднее 1124 г. (см. главу 1). Древней его основой были сентябрьские хронологические элементы, часть которых позже, при соединении "постмартовского" источника со сводом Сильвестра, вошла в текст ПВЛ в своем первоначальном виде (краткие погодные записи 6606 и 6607 гг.). Объединение этих двух источников выразилось, во-первых, в продолжении сочинения выдубицкого игумена постмартовскими известиями (6619–6625 гг.) и, во-вторых, в редактировании древних артефактов (6583, 6585, 6586, 6605, 6608, 6609, 6615–6618 гг.) или во внесении дополнительных известий (6601, 6602, 6612, 6614 гг.). Соединение свода 1116 г. с "постмартовским" источником было одним из начальных, если не самым ранним этапом в создании ипатьевской редакции ПВЛ.

Внесение поздних мартовских хронологических элементов (табл. XV–7) было сделано, как уже отмечалось, примерно в 1122–1123 гг. (см. главу 1) и выразилось в механическом включении дополнительных известий в постмартовский текст "раннеипатьевского" образца, т.е. в текст "постмартовской" обработки свода 1116 г. В литературе уже высказывалось вполне обоснованное мнение о том, что Сильвестр и после 1116 г. обращался к работе над ПВЛ⁹⁵; в таком случае, вполне логичным будет предположение о том, что повторное внесение в летопись мартовских элементов было связано с периодом переяславского епископства Сильвестра. Вполне понятным тогда становится и появление поздних ультрамартовских дополнений провсолодовской ориентации (табл. XV–8), познаться с которыми переяславский епископ Сильвестр мог из княжеского летописца Всеволодовичей, созданного в их официальной резиденции в Переяславле-Русском.

ИСТОРИКО–ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЧАЛЬНОЙ ЧАСТИ “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ” (6360–6561 гг.)

Летописная статья 6615 г. была пограничной в совмещении двух хронологических “рисунков” ПВЛ (“доипатьевского” и ипатьевского), поэтому наше предыдущее исследование направлялось от этого ориентира по двум путям — к окончанию и в глубь текста источника. Изучая начальную часть ПВЛ, мы должны несколько изменить ход исследовательских операций и отказаться от последовательного отслоения хронологических пластов в направлении сверху вниз (от более молодых к более древним). Дело в том, что здесь, в статьях 6360–6561 гг., мы имеем дело не с первоначальными или близкими к ним историческими записями, а с их позднейшим редакционным изложением, существенно искажившим их форму и содержание. Первоначальные хронологические образы и факты, принадлежавшие компютистам конца X – первой половины XI в., прошли неоднократное преломление через сознание летописцев иной эпохи, эпохи создания ПВЛ, были

включены в состав тех хронологических слоев, что мы уже описали ранее и только после этого приобрели форму известных нам артефактов; именно поэтому датировки начальной части ПВЛ неконкретны и маловыразительны, а если они и сопровождаются какими-либо деталями, то они, как правило, были вставлены в текст позднейшими летописцами. Понятно, что в такой ситуации главным содержанием исследования должна быть предварительная идентификация артефактов 6360–6561 гг. с одним из известных уже нам хронологических слоев и лишь затем выявление их древней основы. Такую работу невозможно проделать без предварительного исследования самой первой погодной статьи ПВЛ (6360 г.), которая была хронологическим перечнем или, иначе, хронологической таблицей-оглавлением и в соответствии с которой строилось последующее летописное повествование.

3.1. СОСТАВ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕЧНЯ (СТАТЬЯ 6360 Г.)

Начальная датировка ПВЛ (“въ лѣто 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля” /I, 17; II, 12/) уже много раз становилась объектом историко-хронологических исследований, но, тем не менее, ни в одном случае не получила более-менее приемлемого объяснения. Сложности в ее расшифровке действительно кажутся неразрешимыми: формально 6360 номер года представляется антиохийским, потому что рядом с ним в тексте присутствует уточнение о том, что от Р.Х. “до Михаила сего” прошло 860 лет, а также потому, что расчет лет от Адама до того же Михаила основывался русским летописцем на показаниях славянского перевода ЛВ, где применялась именно эта эра; фактически же византийский император Михаил III начал править совместно со своей матерью в 842 г., а единолично — в 856 г.¹, что никак не согласуется с летописной датой. В недоумение вводит и 15 номер индикта (09.851 г. — 08.852 г.), который мог бы сопутствовать 6360 константинопольскому, но никак не антиохийскому году. Мнение большинства исследователей сводилось к тому, что на древнерусского летописца в данном случае повлияли ошибки византийских источников, усугубленные к тому же его неумелыми попытками их согласования и дефектами перевода; такой вывод допускал многозначность трактовки начальной даты ПВЛ и не позволял реконструировать конкретную механику ее появления². Имела своих сторонников и идея о том, что 6360 антиохийский год подразумевал не начало правления Михаила, а случившийся в годы его царствования поход русских на Константинополь (860 г.)³; такая точка зрения не только не объясняла перечисленных ранее несуразностей, но и прямо противоречила летописному тексту

(“въ лѣто 6360,... наченшу Михаилу царствовати”, “въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Дирь на греки и прииде въ 14 лѣто Михаила царя” /I, 17, 21; II, 12, 15/).

Очевидно, что ключом к расшифровке этой даты является текст ЛВ, положенный в основу ее расчета. В ПВЛ приводились лишь краткие и весьма искаженные выдержки из сочинения патриарха Никифора, не позволяющие судить о том, как именно оно было использовано русским летописцем, поэтому мы обратимся к более подробному и исправному его тексту, помещенному в Новгородской Кормчей (1280 г.)⁴. Здесь ЛВ соединен с Суздальской (Владими́ро-Ростовской) летописью, возникшей в 1278–1280 гг.⁶, которая в начальной своей части содержала текст ПВЛ второй сильвестровской редакции (1122–1123 гг.)⁷. Какой-то неизвестный нам “книжник” (суздальский почитатель византийской литературы или составитель Новгородской Кормчей?) в 1278–1280 гг. заметил, что перевод Никифора “Хронографика” не только совпадал с начальными хронологическими расчетами ПВЛ из Владимиро-Ростовской летописи, но и существенно их детализировал; поэтому он и соединил окончание одного источника с началом другого, заодно придав русским известиям краткую хронографическую форму.

Итак, в том тексте ЛВ, что находился в руках одного из составителей ПВЛ, сроки правлений византийских монархов от Константина VI до Феофила были приведены, как и в ЛВ (список Новгородской Кормчей), с указанием лет, месяцев и даже дней (“Ирина, мати <Константина>, лѣт 5 и мѣсяца 2, и дни 2; Никифоръ лѣт 1 и мѣсяць 9...” и т.д. /ЛВ, 315/). С учетом реальных сроков получалось, что от смерти Константина VI (“въ лѣто 6305,

а от Спаса нашего Бога лѣтъ 805") до воцарения Михаила и Феодоры прошло 37 лет, т.е. последнее событие должно было датироваться 6342 антиохийским годом (842 г.), как это и было на самом деле. Однако русский летописец XI в. считал иначе: обратив внимание на то, что дальше в перечне ЛВ не указаны месяцы и дни ("Михаиль, сынъ его [т.е. Феодила. — С.Ц.], съ Феодорою, матерью его, и съ Феклою, сестрою его, лѣтъ 14; Михаилъ лѣтъ 12" /ЛВ, 315/)⁸, он округлил до целых лет и все предыдущие показания, причем в сторону их увеличения: так, 5 лет, 2 месяца и 2 дня правления Ирины превратились в 6 лет, год и 9 месяцев Никифора — в 2 года, 2 месяца Ставракия — в год и т.д. В этом случае выходило, что между Константином VI и Михаилом III прошел 41 год, что в приложении к указанной ранее дате убийства Константина давало 6346 г. от С.М. и 846 от Р.Х. Желая далее определить время единоличного воцарения Михаила, к этим ориентирам русский компутист приплюсовал еще 14 лет его дуумвирата с Феодорой и получил таким образом 6360 г. от С.М. и 860 г. от Р.Х., хотя в действительности он должен был выйти на 6356 (856) г.

В связи с антиохийской эрой было сделано и индиктовое уточнение к дате 6360 г. Здесь предварительно необходимо отметить, что в списках более ранней ("доипатьевской") версии ПВЛ заимствование из ЛВ исправнее всего передается в МАк.⁹, что вполне согласуется с нашими предыдущими утверждениями об относительной архаичности летописного текста в Р.-МАк. (см. 1.1, 2.1). Это обстоятельство важно потому, что МАк., отличаясь от всех других списков нашего источника, к 6360 г. добавляет не 15, а 8 номер индикта /I, 17–29/. Очевидно, что это показание — первичное, так как соответствует только что описанным расчетам летописца: 8 индикт частично приходился на 860 г. от Р.Х.

Все сказанное приводит к выводу о том, что начальная дата ПВЛ впервые была высчитана летописцем, использовавшим антиохийское счисление и опиравшимся в своих расчетах на славяно-русский перевод ЛВ. Работа этого "благочисленника" предшествовала составлению свода Василия (90-е гг. XI в. — 1113 г.), так как антиохийский хронологический слой в ПВЛ предшествовал древней ультрамартовской прослойке (см. главу 2). По всей видимости, Василий без изменений переписал из своего "антиохийского" источника дату 6360 г. (так же, без изменений он переписал, например, и антиохийскую дату смерти Всеслава в 6609 г.), но позднейший редактор летописного текста, Сильвестр, принявший этот год за мартовский константинопольский, высчитал для него 15 индикт. Сильвестровская корректировка была сделана, видимо, лишь при составлении переяславской редакции ПВЛ 1122–1123 гг., в связи с чем в МАк., лучше сохранившем киево-выдубицкую редакцию 1116 г., осталось неизменным первоначальное индиктовое обозначение.

Не меньше сложностей возникло у исследователей и в связи с характеристикой хронологического перечня русских княжений, помещенного вслед за датой 6360 г. /I, 17–18; II, 13/. Еще в XIX в. была отмечена его текстологическая неоднородность и несоответствие датам летописных статей¹⁰. Все попытки как-либо объяснить это несоответствие заканчивались неудачей и только тогда, когда пере-

чень стал изучаться в связи с различными текстовыми и хронологическими слоями основного содержания летописи, были найдены нити, составляющие этот "клубок" хронологических показаний¹¹. Распутывать его следует не с начала, а с конца, отслаивая один за другим пласты артефактов и выявляя степень их влияния на искажение первоначальных ориентиров; попутно требуется сопоставление показаний перечня с датами летописных статей, при этом только не следует ожидать в каждом случае безоговорочного совпадения датировок этих двух частей ПВЛ.

Итак, окончание перечня было ориентировано на смерть князя Святополка Изяславича ("а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60"; Святополк умер 16.04.1114 г., см. 1.3), из чего ясно, что последними редакторами перечня были либо Василий, трудившийся над летописью не позже 1116 г., либо Сильвестр, составитель редакций 1116 г. и 1122–1123 гг., либо летописец, применявший постмартовское счисление и трудившийся в начале 20-х гг. XII в., либо, наконец, редактор последней четверти 20-х гг. XII в. Судя по всему, мы не можем принимать в расчет двух последних "претендентов", а также работу Сильвестра в 20-е гг., так как все эти этапы формирования текста ПВЛ были связаны уже с ипатьевским его видом, а, как известно, в оригинальном ипатьевском тексте перечень заканчивался не смертью Святополка, а дополнительным известием о четырех годах княжения Владимира Мономаха в Киеве (1114–1117 гг.)¹². Василий и киево-выдубицкий игумен Сильвестр, как мы знаем (см. 2.3), оба были знакомы с сентябрьской датой смерти Ярослава Мудрого ("в лѣто 6562, ... в субботу 1 поста святого Феодора"), следовательно и тот, и другой могли сориентировать на нее смерть Святополка, но у Василия тогда бы должен был получиться интервал в 61 год, так как, по его представлениям, Святополк умер в 6623 ультрамартовском году (почему в данном случае не допускается возможность применения "выключающего" счета, станет ясно чуть позже). Таким образом выходит, что завершающую точку в перечне ПВЛ поставил игумен Киево-Выдубицкого монастыря св. Михаила Сильвестр в 1116 г. (6622 мартовский год - 6562 г. = 60 лет).

Ближайшая к сильвестровской записи фраза ("тѣмже от смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85") обобщала средний текстовый слой перечня, так как под "тѣмже" имелась в виду сумма лет княжений от Ярополка Святославича ("а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимѣрь княжи лѣтъ 37, а Ярославъ княжи лѣтъ 40"), что действительно составляло 85 лет (8 + 37 + 40), причем, ясно, что здесь не использовался "включающий" счет, так как тогда бы сумма была иной. Оба варианта расчета выводят нас на 6477 г. как дату смерти Святослава Игоревича (6562 г. - 85 лет = 6477 г.; 6562 г. - 40 лет - 37 лет - 8 лет = 6477 г.). Очевидно, что эта часть перечня уже не могла принадлежать Сильвестру, так как в летописи смерть Святослава отнесена к 6480 мартовскому году (см. 3.2), а Сильвестр считал время как раз мартовскими годами¹³.

Нетрудно заметить, что и промежуточные этапы 85-летнего перечня не соответствуют летописным показаниям: так, по перечню, смерть Владимира выпадает на 6522 г., тогда как в летописи — 6523 г. (так и в ЛВ), а смерть Ярополка — на 6485 и

6488 гг. соответственно. Как выяснится позже (см. 3.2, 3), даты перечня (6477, 6485 и 6522 гг.) соответствовали более первоначальному виду летописного текста, измененному затем редакторскими вставками. Другими словами, в этом слое перечня два его первых показания (смерть Святослава в 6477 г. и 8 лет княжения Ярополка с 6477 по 6485 гг.), разнившиеся тремя единицами с внесенными позже Сильвестром константинопольскими датами (6480 и 6488 гг.), подразумевали византийско-болгарские датировки; однако конечное его показание (40 лет княжения Ярослава с 6522 по 6562 гг.) имело в виду уже константинопольское летосчисление. Сочетание византийско-болгарских и константинопольских артефактов мы отмечали ранее у летописца Василия, следовательно, ему и принадлежало авторство этой части перечня, а также относительно первоначальное (“досильвестровское”) расположение названных событий в летописных статьях.

Начальный слой перечня, оформленный в типичной относительной форме (“а от первого лѣта Олгова... до первого лѣта Игорева лѣт 31” и т.д.), также расходится с летописными датировками: так, начало княжения Святослава по перечню приходилось на 6450 г., а в летописи — на 6454 г. (точнее, 6553 г., так как граница 6553 и 6554 гг. выделена искусственно), начало княжения Игоря — на 6417 и 6421 (точнее 6420) гг. соответственно¹⁴, начало княжения Олега — на 6386 и 6387 гг. А.Г. Кузьмин совершенно верно установил, что относительный ряд древнейшего слоя перечня исходил из правильной антиохийской даты начала правления Михаила III 6356(856) г. (точнее, 6357 г., так как в этом слое очевидно использование “включающего” счета)¹⁵. Это древнейшее хронологическое показание, основанное, видимо, на материалах переводного греческого сочинения типа ЛВ и возникшее еще до появления летописной даты 6360 г., дало первоначаль-

альный ориентир летописцу, приверженцу византийско-болгарского времяисчисления. К этой дате он привязал в погодном порядке относительные показания о русских княжениях, позаимствованные из какого-то источника, описывавшего события от Рюрика до Ярополка (или до Владимира) и не имевшего годичной сетки¹⁶; естественно, что в руках этого компутиста итоговые расчеты приобрели византийско-болгарскую “окраску”, однако позже Василием были внесены сюда искаженные антиохийские артефакты (дата 6360 г. и др.), а еще позже, благодаря Сильвестру, даты летописного текста приняли “константинопольский” вид и стали расходиться с интервалами архаичного перечня на три-четыре годичных показания (см. подробнее 3.2, 3).

Итак, мы установили, что древнейший слой перечня (интервалы от Михаила III до Владимира Святославича) и первоначальное расположение событий этого периода по ячейкам годичной сетки летописи были сделаны автором, считавшим годы по византийско-болгарской эре (от С.М. до Р.Х. 5505 лет); его опорными хронологическими ориентирами являлись материалы хронографической литературы с антиохийским счетом лет (5500 лет) и русские исторические записи (“Сказание о русских князьях”) с “династической” формой датирования (см. о ней 4.1). Летописец Василий, в принципе не меняя перечня, соединил его с константинопольским продолжением (до смерти Ярослава), а также предварил его ошибочной антиохийской датой начала Русской земли, высчитанной по показаниям ЛВ (может быть, тогда же в перечень и были вставлены даты событий библейской и всемирной истории от С.М. до Михаила III). Сильвестр завершил формирование перечня обобщающим константинопольским расчетом (от смерти Ярослава до смерти Ярополка), а также переделал под мартовскую схему годичную шкалу ПВЛ.

3.2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОИ В ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЬЯХ 6360–6480 ГГ.

В этой части летописного текста мы можем отметить совмещение следующих хронологических слоев: первый — слой языческого относительного (“династического”) времяисчисления слитно со вторым (византийско-болгарский) слоем; третий — более поздний антиохийский слой; четвертый — мартовский константинопольский слой с фрагментарным включением постмартовских элементов. В различных статьях этого 120-летнего отрезка текста хронологические напластования проявляются с разной интенсивностью, что позволяет нам выделить три стратиграфические зоны (6360–6421 гг., 6422–6471 гг. и 6472–6480 гг.) и рассматривать каждую из них в отдельности.

Первоначальная годичная сетка ПВЛ, как уже выяснилось, была основана на правильной дате воцарения византийского императора Михаила III (856 г.). На примере статей 6360–6421 гг. отчетливо видно, что хронологический остов летописи представляли датировки, позаимствованные древнерусским летописцем из источника типа “Историкии за

Бога вкратце” (сочинение конца IX - начала X в. в древнерусском сборнике XII–XIII вв.)¹⁷; они исчислялись годами особой болгарской эры, согласно которой от С.М. до Р.Х. прошло 5505 лет, но с 660 г. после Р.Х. счет лет велся не солнечными, а более короткими лунными годами. Древнейший составитель ПВЛ, конечно же, не вникал в столь сложные нюансы хронологии болгарского хронографического сочинения, он просто-напросто использовал ее для соединения с известиями “Сказания о русских князьях”, где не было абсолютной годичной шкалы; при этом он был уверен в том, что имеет дело с солнечными юлианскими годами византийско-болгарской эры.

Как убедительно доказал В.Н. Златарский, именно из болгарского источника попали в ПВЛ две лунные даты: крещение Болгарии в 6377 г. (865–866 гг.) и второе предложение книг на славянский язык в 6406 г. (894–895 гг.)¹⁸. Выясняется, однако, что этот хронологический слой сохранился и в других известиях начальной части ПВЛ, в том

числе и в тех, что попали в летопись из "Сказания..."

Первым из них был сюжет о призвании варягов. Еще А.А. Шахматов высказал предположение о том, что русский летописец целенаправленно стремился синхронизировать его с правлением Михаила III, но при этом ученый почему-то считал, что приход Рюрика на Русь был приурочен к смерти императора¹⁹; тогда бы следовало признать, что составитель летописи несомненно знал о том, что призвание состоялось в год гибели базилевса, но это весьма сомнительно. Основания для синхронизации в данном случае были совершенно иными, о них, кстати, нам поведал сам "начальник" ПВЛ: "Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля; о семь бо узѣдохомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в лѣтописанъи гречѣстѣмъ" /I, 17; II, 12/; в синхронизации времени существования двух держав (империи последнего Аморита и варяго-русского княжества Рюрика) заключалась глубокая идея соединения отечественной истории с историей всемирной. Именно поэтому начало варяжского сюжета из "Сказания..." и было отнесено летописцем к 6367 г., так как другой источник, болгарский, воцарение Михаила датировал как раз подобным лунным годом (по методике расчета этих лет, разработанной В.Н. Златарским:

$$862 - \frac{6367 - 5505 - 660}{33} = 856-857 \text{ гг.})$$

Следы этого древнего расчета донесли до нас многие летописные памятники, в которых 6367 г. представляет собой границу, отделяющую "слитное" изложение событий от погодного повествования²⁰.

Нападение русских на Константинополь в годы правления Михаила тот же болгарский источник относил к 6370 г.:

$$865 - \frac{6370 - 5505 - 660}{33} = 859-860 \text{ гг.,}$$

поэтому русский летописец разорвал сюжет о призвании варягов на две годовичные статьи (6367 и 6370 гг.), для правдоподобности сопроводив этот разрыв словами "по дву же лѣту", но сделал это очень неудачно, оставив сведения о двух прошедших годах в статье 6367 г.²¹; инициаторами набега на византийскую столицу он решил сделать не Рюрика, пребывавшего далеко на севере, а его "мужей" Аскольда и Дира, которые, как говорилось в "Сказании...", ушли из Новгородской земли в Киев и, следовательно, по мысли летописца, находились вблизи византийских границ²².

Смерть Рюрика и вокняжение Олега в Киеве в 6390 г. также входили в первоначальный погодный текст ПВЛ. Трудно подозревать древнеболгарских хронистов в знании архаичной русской генеалогии, поэтому остается только предполагать, что основанием расчета этой даты было сведение "Сказания..." о 22 годах княжения Рюрика на Руси, и эту цифру летописец приложил к болгарской датировке 6367 г. Именно такой интервал и показывает Тв. /XV, 11/, правда, не от Рюрика, а от Михаила до Олега,

что, впрочем, было одно и то же, так как начало русской державы здесь отнесено к 6367 г. В этом случае ясно, что интервал перечня ПВЛ в 29 лет между Михаилом и Олегом являлся редакционным исправлением Василия, который перенес воцарение императора с 6367 г. на 6360 г.

К этому же слою относится и дата шестивия угров мимо Киева (6406 г.). Болгарский автор не мог не знать того, что нападение угров на Болгарию произошло через год после второго предложения книг; русский "книжник", познакомившись с этим сообщением, а также узнав из "Сказания..." о шествии кочевников на запад через Русскую землю, вполне здраво рассудил, что под Киевом они появились на год раньше вторжения в Болгарию.

Примерно так же были определены даты похода Олега на Константинополь и его последующей смерти. Легендарный характер этих известий указывает на то, что их содержательная основа восходит к "Сказанию...", но дата 6415 г. — болгарская лунная. Ее традиционная редукция (907 г.) не вызывает доверия, так как византийские источники не указывают никакого нападения русских в этом году, но зато упоминают о вторжении в 904 г.²³, что и соответствует 6415 лунному году:

$$910 - \frac{6415 - 5505 - 660}{33} = 903-904 \text{ гг.}$$

Итак, мы выяснили, что в первоначальном хронологическом "рисунке" ПВЛ при описании княжений Рюрика и Олега совмещались болгарский лунный пласт, воспринимаемый русским летописцем как солнечный, и древнерусский слой относительных датировок. Этот "рисунок" не был в полном смысле погодным, так как в нем указывались лишь разрозненные хронологические вехи (6367 г. — начало Русской земли, 6370 г. — поход на Константинополь Аскольда и Дира, 6377 г. — крещение Болгарии, 6390 г. — смерть Рюрика и вокняжение Олега, 6406 г. — шествие угров и предложение книг, 6415 г. — поход и смерть Олега), вокруг которых группировались все остальные известия. Совершенно очевидно, что большинство этих искусственно полученных датировок являются далекими от реальной исторической хронологии: так, например, имеется ряд соображений в пользу того, что Олег был современником императора Романа Лакапина, а Игорь не мог родиться при жизни Рюрика, если княжение последнего относить к середине IX в.²⁴

Появление в этой части текста ПВЛ третьего хронологического слоя не способствовало восстановлению истины, но привело все же к "раздроблению" цельных частей текста, что еще более приблизило его к типичной летописной форме и создавало видимость достоверного погодного описания. Этот слой был внесен рукой летописца Василия. Следуя за антиохийской хронологией одного из своих источников, он, во-первых, перенес начало правления Михаила с 6367 г. на 6360 г. (см. 3.1). Затем он поместил в летопись антиохийскую дату крещения Болгарии (6366 г.), что привело к дублировке этого известия (6366 г. и 6377 болгарский лунный год)²⁵. Наконец, тот же источник побудил Василия перенести поход Аскольда и Дира на Царьград с 6370 г. на 6374 г. В самом же "антиохийском" источнике

эта явно ошибочная дата появилась так: вычислив по показаниям ЛВ первый год самостоятельного правления Михаила (6360 г.; см. 3.1), предшественник Василия в дальнейших расчетах перепутал его с годом совместного воцарения Михаила и Феодоры и поэтому вторично приплюсовал к нему 14 лет, которые, как свидетельствовал ЛВ, прошли от начала дуумвирата до свержения Феодоры. Таким образом, “начальным” годом Михаила стал 6374 г., и именно к нему было отнесено нашествие русских на столицу империи, так как из греческих источников было известно, что “при семь цари приходиша Русь на Царьгород”. Василий, вставивший эти даты в текст ПВЛ, весьма наглядно показал, что они были связаны друг с другом и попали в летопись на одном и том же этапе формирования ее текста (“въ лѣто 6360,... наченшу Михаилу царствовати”, “въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на греки и прииде въ 14 лѣто Михаила царя” /*I, 17, 21; II, 12, 15*/)²⁶.

Окончательный вид хронология статей 6360–6421 гг. получила под пером летописца, знакомого с индиктовыми константинопольскими датировками ХГА и русско-византийскими договорами, в котором мы вполне обоснованно предполагаем Сильвестра (см. 3.1). Именно он внес в текст ПВЛ группу константинопольских датировок, соответствующих показаниям ХГА: воцарение императора Василия Македонянина — 6376 г. (24.09.867 г.), воцарение Льва Философа — 6395 г. (1.09.886 г.), появление кометы — 6419 (912) г.²⁷, воцарение Константина Багрянородного — 6421 г. (7.06.913 г.). Первые две из этих дат имеют не мартовскую, а несвойственную для расчетов Сильвестра сентябрьскую “окраску”, но это объясняется, видимо, тем, что киево-выдубицкий игумен не совсем точно размещал в пределах своих мартовских годов от С.М. индиктовые показания Амартала (об этой особенности в хронологических компиляциях Сильвестра см. 5.1).

Вводя в летопись константинопольские даты, Сильвестр одновременно подстраивал под них “спрессованные” участки текста, добываясь их максимального “дробления” на “маловременные” отрезки в форме погодных статей. “Дробление” известий по годам осуществлялось так: если вокняжение Олега в Киеве было в 6390 г., то описанный вслед за тем его поход на древлян летописец отнес к 6391 г., на северян — к 6392 г., а на радимичей — к 6393 г., связывая тем самым незаполненный годичными датами промежуток между вокняжением Олега (6390 г.) и воцарением Льва (6395 г.). Более архаичный вариант текста сохранился в Тр., где все походы Олега отнесены к 6389 г., а затем сразу следует “пустой” 6393 г. /*Тр., 59–61*/ и в Уст., где три похода приводятся “слитно” в 6391 г. /*XXXVII, 18, 57*/.

В тех случаях, когда источники сильвестровской компиляции противоречили друг другу, сводчик пускался в самостоятельные хронологические изыскания, что, однако, приводило к появлению грубых ошибок. Так, из архаичного летописного текста Сильвестр узнал о появлении угров под Киевом в 6406 г., причем, в его представлении этот болгарский лунный год был константинопольским (03.898 г. — 02.899 г.) и, следовательно, частично соответствовал второму индикту (09.898 г. — 08.899 г.). Другой источник Сильвестра, продолжение ХГА, нападение угров на Болгарию относил

к 13 индикту /*ХГА, 530*/. Посчитав, что разница между показаниями источников составляла четыре года (от 13-го года одного индиктиона до 2-го года следующего индиктиона), Сильвестр предпринял весьма оригинальную попытку их согласования: события 6406 г. он приравнял к 13 индикту, после чего к этой дате приложил установленную ранее четырехлетнюю разницу и “выяснил” таким образом, что угры напали на Болгарию в 6410 г. (03.902 г. — 02.903 г.), что, конечно же, было ошибкой.

Кроме индиктовых показаний ХГА основу для внесения константинопольских элементов в текст ПВЛ представлял русско-византийский договор 6420 г. Как и все его содержание, хронологические атрибуты договора уже не раз привлекали внимание исследователей, причем, и тех, кто признавал его реальность, и тех, кто в ней сомневался²⁸. В большинстве случаев мнение ученых сводилось к тому, что элементы датировки этого договора — константинопольские сентябрьские, но никому не удавалось соответствующим образом объяснить сбивчивые показания списков ПВЛ, противоречившие константинопольской сентябрьской схеме счета: Р. — “мѣсяца сентября 2, недѣли 8, в лѣто создания мира 6420”; в МАК., Ип. и Хл. также, только вместо восьмой недели указана пятнадцатая (в Л. здесь механический пробел) /*I, 37–15, “e”; II, 28*/. Хронологическую сумятицу артефактов объясняет показание Тр., которое датирует договор второй неделей сентября и 15 индиктом /*Тр., 71*/; из этого следует, что в первоначальном русскоязычном тексте документа датировка выглядела примерно так: “*Мѣсяца сентября, во 2-ю неделю (воскресение), в 8-й день месяца, в лето создания мира 6420, индикта 15-го*”, что подразумевало 8.09.911 г., которое на самом деле было вторым воскресением сентября и относилось к 6420 сентябрьскому константинопольскому году и к 15 индикту (09.911 г. — 08.912 г.). Однако в сильвестровской редакции эта сентябрьская дата была включена, хотя и не совсем удачно, в мартовский контекст, так как следующие вслед за договором слова “и приспѣ осень” не были выделены в годовую границу; конечно, правильней бы было изменить дату договора на 6419 мартовский год (03.911 г. — 02.912 г.), но выдубицкий летописец не решился, видимо, внести исправления в текст официального документа, в связи с чем его дата получила ультрамартовский вид²⁹.

Предельно конкретная дата договора позволила Сильвестру произвести существенные изменения в хронологии редактируемого летописного текста. Как мы выяснили раньше (см. 3.1), в первоначальном тексте ПВЛ смерть Олега приходилась примерно на 6415–6417 гг. и следовала за описанием похода русских на Константинополь в 6415 г. Сильвестр перенес ее на 6420 г., используя, вероятно, следующие рассуждения: поскольку русский князь умер после похода на греков, а договор также явился следствием нападения варваров на столицу империи, то и смерть Олега логичней было поместить после заключения мирного соглашения; для правдоподобности эта перестановка была сопровождается редакторским примечанием о том, что после похода “на Греки” Олег “пришедшу... Киеву и пребывшу 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь” и т.д. /*I, 38; II,*

28/. Кроме того, в тексте договора Сильвестр обнаружил намек на более ранние дипломатические соглашения между двумя державами и поэтому выдержки из договора 6420 г. поместил сразу вслед за описанием похода 6415 г.³⁰; опять же для придания исторической реальности этому изменению, из заголовка договора 6420 г. в кратком его варианте 6415 г. было изъято имя одного из императоров-соправителей, Константина Багрянородного, который, как узнал Сильвестр из ХГА, начал править с 6421 г. Наконец, новая дата смерти Олега позволила летописцу высчитать, что “бысть всѣх лѣтъ княжения его [Олега. — С.Ц.] 33” /I, 39; II, 29/, что, правда, противоречило переписанному им же чуть ранее перечню (“а от первого лѣта Олгова... до первого лѣта Игорева лѣт 31”), но совпадало с показаниями статей 6387–6420 гг. сильвестровского свода.

Несомненно, что оба источника формирования константинопольского слоя в статьях 6360–6421 гг. ПВЛ (ХГА и русско-византийский договор) были использованы одним и тем же летописцем, но не на разных этапах формирования летописного текста, как считали некоторые исследователи (М.Х. Алешковский, А.Г. Кузьмин); об этом свидетельствует безошибочная хронологическая согласованность позаимствованных из них известий. Так, указание статьи 6395 г. на 26 лет царствования императоров Льва и Александра связано с известием 6421 г. о начале правления Константина, и вся эта информация основывалась на сведениях ХГА, но, как только что было сказано, на ту же самую дату воцарения Константина ориентировались и выдержки из договора 6420 г., помещенные в статью 6415 г.

Трудно сказать, на каком этапе формирования текста ПВЛ в ее состав было включено “Сказание о первом предложении книг на славянский язык”, которое вытеснило в статье 6406 г. первоначальное болгарское известие о втором предложении. Несомненно, что вносящий его в летопись редактор был приверженцем весеннего календарного стиля, так как март и октябрь отнес к одному году³¹. Здесь применялась “декадная” форма записи календарной даты (“до двадесяту и 6-ю день октября”), и это, как будто бы, заставляет увидеть руку редактора конца 20-х гг. XII в. (см. 1.4), но эта форма восходит, скорее всего, к раннему моравскому образцу сказания, так как она повторяется и в списке XII в. “Жития Мефодия”, и в списках XV в. “Жития Кирилла”³².

Перейдем теперь к рассмотрению статей 6422–6471 гг. Два древнейших хронологических слоя (“династический” и византийско-болгарский) не проявляются здесь так же отчетливо, как в предыдущей стратиграфической зоне. В.Н. Златарский, правда, усматривал в ряде известий первоначальный болгарский лунный пласт, скорректированный затем русским летописцем по индиктовым показаниям ХГА (6422 г. — поход Симеона на Константинополь, 6423 г. — приход печенегов и поход Симеона во Фракию, 6450 г. — смерть Симеона, 6451 г. — нападение угров на Византию)³³, но ему тогда бы следовало признать, что сам болгарский источник имел двухслойную хронологию, поскольку все эти даты основывались на интервале в 5500, а не 5505 лет от С.М. до Р.Х. Как бы то ни было, очевидно только то, что окончательный вид все эти

даты получили в руках Сильвестра, продолжавшего опираться на константинопольское летосчисление ХГА; это прослеживается и в ряде других известий (6428 г. — воцарение Романа Лакапина, 6437 г. — нападение Симеона на Фракию и Македонию, причем, здесь ПВЛ повторила годичную ошибку ХГА, 6442 г. — первое нападение угров на Византию)³⁴.

Таким образом, достоверно относить к древнейшему этапу сложения ПВЛ мы можем лишь статью 6449 г., где рассказывалось о походе Игоря на Византию и, судя по интервалу перечня, о его смерти (см. 3.1)³⁵. Этот поход одинаково описан в ПВЛ, а также в младшем изводе НПЛ и в Уст., которые восходили к иной, нежели ПВЛ, хронологической обработке “Сказания о русских князьях”; однотипное описание свидетельствует о том, что уже в самом “Сказании...” присутствовали вставки из “Жития Василия Нового”, с помощью которых автор восполнил недостаток знаний о военной экспедиции Игоря. Дата похода была определена первоначальным составителем ПВЛ, видимо, от 6415 г. (смерть Олега в начальном варианте летописи) с учетом информации “Сказания...” о 33 годах княжения Игоря (эта цифра есть в древнейшем слое перечня). В ХГА описано какое-то нападение русских в год 14 индикта /ХГА, 567–568/, что, вроде бы, совпадает с 6449 константинопольским годом (09.940 г. — 08.941 г.), однако, утверждать соответствие летописной и хронографической дат и отсюда выводить их достоверность вряд ли возможно: во-первых, в представлении “начальника” ПВЛ 6449 г. был не константинопольским, а византийско-болгарским (944–945 гг.), а во-вторых, продолжатель Амартола имел в виду 14 год предшествующего индиктиона (09.925 г. — 08.926 г.), так как в следующем 15 индикте он поместил смерть болгарского царя Симеона, которая произошла 27.05.927 г.³⁶

В распоряжении Сильвестра имелся русско-византийский договор 6453 г., который послужил ему основой для такого же редакционного вмешательства в архаичный летописный текст, как и в случае с уже знакомым нам договором 6420 г. В сохранившихся списках ПВЛ не содержится каких-либо деталей, позволяющих определить хронологическую характеристику договора 6453 г., но в одном из источников В.Н. Татищева договор датировался так: “Лета 6453-го, индикта 4, апреля 20-го, в третью седмицу по Пасхе”³⁷. Все составные элементы этой даты, кроме индиктового обозначения, соответствуют 6453 сентябрьскому константинопольскому году (09.944 г. — 08.945 г.). Зная о том, что Игорь умер после греческого похода, а также о том, что договор явился следствием военного противостояния Руси и Византии, Сильвестр перенес смерть Игоря из 6449 г. (или 6450 г.) в 6453 г., разместил ее здесь вслед за текстом соглашения и постарался придать новой летописной статье мартовские признаки (слова “и приспѣ осень”, открывающие сюжет о злополучном походе Игоря на древлян, не начинали нового года). Заодно Сильвестр решил подтянуть сюда и военный поход, поместив выдержки из описания похода 6449 г. поближе к дате договора, в статью 6452 г., воспользовавшись выдумкой о желании русского князя отомстить за первую неудачу: “Игорь же, пришедъ [из похода 6449 г. — С.Ц.], нача совокупляти воѣ многи,...

вабя е на греки, паки хотя пойти на ня" /I, 45; II, 34/³⁸. Таким образом получилось, что два взаимосвязанных события 944 г. (нападение русских и последовавшее сразу вслед за ним заключение мира) в тексте ПВЛ оказались отделенными одно от другого четырьмя годами, так как первое было датировано 6449 византийско-болгарским годом, а второе — 6453 константинопольским.

Образовавшийся в результате такого редактирования промежуток (пустые годы 6450 и 6451 гг.) Сильвестр решил заполнить сведениями из ХГА, допустив при этом грубую, но совсем не случайную ошибку. Поскольку дату "первого" похода Игоря (6499 г.) он воспринял, как константинопольскую, она, по его мнению, должна была соответствовать 14 индикту (09.940 г. — 08.941 г.); обнаружив в тексте ХГА под 14 индиктом сведения о нападении русских (продолжатель Амартала имел в виду 6434 константинопольский год!), киевский летописец посчитал, что речь в обоих источниках идет о синхронных событиях и поэтому в статью 6450 г. поместил смерть Симеона, которая в ХГА датировалась следующим 15 индиктом (т.е. 6435 годом от С.М.), а в статью 6451 г. — нападение угров, греческим автором отнесенное к 1 индикту (6436 г.).

Вернемся, однако, к договору 6453 г., поскольку с ним связано одно важное обстоятельство. Дело в том, что с этого года хронология ПВЛ становится синхронной счету лет младшего извода НПЛ, тогда как ранее мы отмечаем в них проявление двух совершенно не зависимых друг от друга времяисчислительных "рисунков", каждый из которых по-своему и с разной интенсивностью "дробил" на годовые ячейки "слитные" известия "Сказания о русских князьях". Возникает предположение о том, что единообразие обеих линий датировок было обусловлено влиянием на них одного и того же хронологического слоя. Его характеристику раскрывает нам уже упоминавшаяся выше дата договора из "Истории российской" В.Н. Татищева.

Содержавшийся в ней 4 номер индикта входит в противоречие с ее прочими константинопольскими сентябрьскими элементами, так как он соответствует не 6453, а 6454 г. (09.945 г. — 08.946 г.). Ошибка или описка самого В.Н. Татищева в данном случае исключена, так как в примечании к дате он убедительно продемонстрировал свою осведомленность в правилах индиктового счета и, кроме того, вполне определенно намекнул на то, что цифра "4" не высчитывалась им самим, а была скопирована из текста какой-то неизвестной нам летописи³⁹. И.И. Срезневский пробовал объяснить эту "ошибку" тем, что первоначально текст договора был переведен с греческого языка на глаголическую письменность /Срезневский, 5, прим./, но он же сам высказал глубокое сомнение в верности такого предположения⁴⁰.

Объяснением этому может быть признание постмартовского хронологического редактирования, так как в этом случае 6453 постмартовский год (03.946 г. — 02.947 г.) будет частично совпадать с 4 индиктом. Как мы уже знаем (см. главы 1 и 2), летописное произведение с постмартовской годичной шкалой возникло в начале 20-х гг. XII в. на основе более древней киевской летописи конца XI — начала XII в., которая и могла содержать в начальной своей части не разбитое на годы "Сказание о

русских князьях", одной из немногих абсолютных дат которого был 6453 г., позаимствованный из вставленной в текст копии дипломатического документа. В позднейшей новгородской трактовке начальные (до 6453 г.) материалы Киевского свода были совмещены с хронологией Хронографической Палеи⁴¹; другим путем они, через посредство "ранне-ипатьевского" "постмартовского" свода, попали в состав переяславской редакции сочинения Сильвестра (1122–1123 гг.) и, таким образом, повлияли на становление окончательного хронологического "рисунка" ПВЛ.

Интересно, что той же самой статьей 6453 г. заканчивается годичное отставание Тр. и зависимых от нее летописей (Вл., Сокращенный свод 1495 г. и др.) от хронологических показаний Л., Р. и МАК., начинавшееся с 6394 г. /I, 24—"з"; Тр., 61–1–74; XXX, 14–19/; это отставание проявилось и в Суздальской (Владимиرو-Ростовской) летописи 1278–11280 гг., соединившейся с ЛВ (см. прим. 6 и 7)⁴². Все это несомненно указывает на существование незначительных расхождений в хронологии первой и второй сильвестровских редакций в статьях до 6453 г. Получается, что тексты договоров вставлялись в летопись Сильвестром не в один прием: договор 6420 г. — во время составления редакции 1116 г., договор 6453 г. — в Переяславле в 1122–1123 гг., когда Сильвестр использовал "постмартовский" источник; образец такого текста ПВЛ, где присутствовал только первый из договоров, представляет собой П., в котором подробно передается содержание соглашения 6420 г., но нет ни одной фразы из двух других договоров /XXXIV, 37–38, 40–41, 44–45/.

Еще одна дата этой части ПВЛ (6463 г. — визит Ольги в Константинополь и ее крещение) требует внимательного рассмотрения. Уже первый русский хронолог, митрополит Димитрий, отметил сложности, возникающие при редукции этого летописного показания⁴³. Суть проблемы заключалась в том, что византийские источники вообще не упоминали о русской княгине в 955 г. (6463 г. — 5508 лет = 03.955 г. — 02.956 г.), но авторитетнейший греческий автор середины X в. Константин Багрянородный относил ее визит в столицу империи к сентябрю 957 г., что никак не согласуется с летописной датой; кроме того, император-писатель ни словом не обмолвился о крещении Ольги. Попытки притянуть летописную хронологию к греческой (Е. Булгар) оказались неудачными, поэтому историки либо признавали дату ПВЛ ошибкой, обращая внимание на очевидный легендарный контекст летописного сюжета и попутно подыскивали оправдания для странного молчания Константина VII по поводу крещения (И.Н. Болтин, И.-Ф. Круг, Н. Соколов, Н.С. Арцыбашев, Д.Н. Дубенский, М.В. Левченко и др.), либо считали, что крещение происходило именно тогда, когда его предполагала русская летопись и, следовательно, двумя годами предшествовало знаменитой поездке княгини в Константинополь (Н.М. Щербатов, А.-Л. Шлещер, Н.М. Карамзин, Е.Е. Голубинский, А.А. Шахматов, М.Д. Приселков и др.)⁴⁴. Вернее всех взглянул на эту проблему А.Г. Кузьмин, отказавшийся от ее упрощенного перекрестно-сравнительного разрешения и пришедший к выводу о том, что летописная дата не относится к константинопольскому хронологическому слою

этой части ПВЛ⁴⁵. Эта мысль нуждается, однако, в текстового-хронологической конкретизации.

Отметим прежде всего то, что автор рассказа об Ольге не знал имен двух главных действующих лиц, которые называются здесь “царем” и “патрархом”, хотя, скажем, в предыдущих статьях летописи любой сюжет из византийской истории был персонализированным. Правда, в самом начале статьи 6463 г. говорилось: “Бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскій” /**I, 60**/⁴⁶, но это свидетельствует отнюдь не в пользу осведомленности летописца, а, скорее, о том, что он был введен в заблуждение ложной информацией, поскольку Иоанн Цимисхий захватил византийский трон только в 969 г. Откуда могли поступить сведения, заставившие древнерусского автора ошибиться на полтора десятка лет? Несомненно, что у него не было под руками надежного византийского источника, последовательно излагавшего имена и хронологию правления византийских царей середины X в.⁴⁷, а об императоре Иоанне он узнал из текста русско-византийского договора, вставленного в мартовскую константинопольскую статью 6479 г. (см. об этом далее). Итак, ошибочное имя базилевса вставил в рассказ о крещении Ольги летописец Сильвестр, соединивший текст ПВЛ с дипломатическими документами, а это наводит на мысль о том, что сам рассказ появился в летописи еще до внесения в нее константинопольского мартовского хронологического пласта. Этот вывод подтверждается и информацией ППКВ, которая, как известно, восходила к “досильвестровскому” тексту ПВЛ: там было сказано о том, что Ольга умерла в 6477 г., через 15 лет после своего крещения, что, с учетом “включающего” счета, предполагает дату крещения в 6463 г. /**ППКВ, 21**/.

Один из предшественников Сильвестра, отверженец ультрамартовского календарного стиля летописец Василий, как мы уже выяснили раньше, в описании событий русской истории IX–X вв. целиком полагался на сведения неизвестного нам источника с антиохийской погодной сеткой. Если предположить, что и 6463 г. ПВЛ являлся антиохийским ультрамартовским годом (ОЗ.963 г. — ОЗ.964 г.), тогда мы достигнем почти идеального перекрестно-сравнительного соответствия с одним нелетописным показанием, т.е. добьемся того, что не получалось у наших предшественников: по сведениям Адальберта, продолжателя хроники Регинона, Елена, “королева ругов”, крестилась в Константинополе при императоре Романе II (10.11.959 г. — 15.03.963 г.)⁴⁸. Строго говоря, это известие Адальберта относил к концу 959 г., но характер записи несомненно указывает на то, что она была сделана позже описываемых событий: “Послы Елены, королевы ругов, которая была крещена в Константинополе при константинопольском императоре Романе, ... неискренне, **как потом выяснилось** (un post clarum), просили назначить... епископа и пресвитеров [курсив мой. — С.Ц.]”⁴⁹. Эти слова неудачливый русский епископ Адальберт записал лишь после сверега бегства из Руси в 962 г., когда он и мог узнать о только что состоявшемся крещении Ольги. В этом случае становится объяснимой и череда событий в “поисках веры” варварской княгиней: в 957 г., находясь под влиянием “священника Григория”, она приезжает в Константинополь, но какая-то причина помешала тогда принятию христианства (не ее ли

смутно отразила ПВЛ в рассказе о конфликте Ольги с посланцами императора?); естественной становится ориентация на западное христианство (посольство к Оттону в 959 г. и приезд в Киев Адальберта в 961 г.), но после разрыва этих связей в 962 г. для Ольги вновь актуальным становится византийское направление внешней политики, следствием чего и было ее крещение в 963 г. во время второго визита в Византию. Таким образом выходит, что дата крещения Ольги впервые появилась в русском источнике с антиохийским счетом лет, а затем была вставлена в ПВЛ Василием⁵⁰.

Эти выводы совсем не опровергают достаточно аргументированного мнения Г.Г. Литаврина о том, что встреча Ольги с императором Константином (но не ее крещение!) состоялась в 946 г., а не в 957 г.⁵¹; более того, наша схема формирования хронологических артефактов этой части ПВЛ предполагает, что в первоначальном ее тексте известие о поездке Ольги в Византию непосредственно примыкало к дате “первого” похода Игоря (944–945 гг.).

В статьях 6472–6480 гг., повествующих о деяниях князя Святослава, мы сталкиваемся с весьма замысловатым совмещением различных текстовых и хронологических слоев. Эти хитросплетения не раз уже исследовались⁵², но окончательной расшифровки так и не получили. Следует признать, что полной определенности достичь здесь вряд ли удастся, так как разнотипные хронологические артефакты переплетены необычайно сложно, а перекрестно-сравнительная информация византийских источников очень противоречива. Несомненно то, что итоговый вид хронология этой части ПВЛ приняла под пером Сильвестра, вставившего сюда текст Доростольского русско-византийского договора, содержащего сентябрьскую константинопольскую дату (“мѣсяца июля, индикта въ 14, въ лѣто 6479” /**I, 72; II, 60**/); зная из более раннего летописного текста о том, что Святослав погиб весной при возвращении в Киев из Болгарии, выдубицкий игумен отнес смерть князя к первой весне вслед за временем подписания договора, особо выделив мартовскую границу между 6479 и 6480 гг. (“в лѣто 6479, ... зима Святославъ ту; веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги” /**I, 74; II, 61**/). Несомненно и то, что Сильвестр также, как и в случаях с договорами 6420 и 6453 гг., “подтягивал” к 6479 и 6480 гг. события святославова княжения, разбивая на годичные статьи относительно цельный текст и внося в него попутно дополнительные сведения⁵³.

В “досильвестровских” летописных слоях этой части текста ПВЛ несомненно присутствие византийско-болгарского хронологического пласта. Он проявляется, во-первых, в известии 6473 г. о хазарском походе Святослава, который, как следует из сообщения арабского автора X в. Ибн-Хаукаля, был в 358 году хиджры (25.11.968 г. — 13.11.969 г.)⁵⁴. Второй подобный случай — смерть Святослава в 6477 г., что явствует из перечня ПВЛ (см. 3.1) и что, в сравнении с мартовской датой Сильвестра (6480 г.), указывает на весну 972 г. в византийско-болгарском обозначении; кстати, эта дата подтверждается и показанием ППКВ: “И сѣде Киевѣ князь Володимерь въ осмое лѣто по смърти отца своего Святослава, ... въ лѣто 6486” /**ППКВ, 22**/, а это значит, что в летописи, служившей ис-

точником Иакову-мниху, смерть Святослава относилась к 6478 г., но не к 6480 г. Существует вполне обоснованное мнение о том, что сведения о дунайских походах Святослава попали в русскую летопись из болгарского источника, который, как и сочинения Льва Диакона, Скилицы и Зонары, использовал древнюю византийскую хронику второй половины X в.⁵⁵; это дает нам основание считать византийско-болгарские датировки 6472–6477 гг. продолжением болгарского хронологического слоя предшествующих летописных статей. По всей видимости, болгарский источник, попавший в руки к автору ПВЛ, в начальной своей части содержал краткие хронологические сведения образца “Истории за Бога вкратце”, исчисленные по лунному счету, а затем был продолжен погодными хроникальными записями о болгаро-византийско-русских событиях, для датировки которых автор второй половины X в. продолжал использовать интервал в 5505 лет от С.М. до Р.Х., понимая его, однако, уже как разновидность солнечного юлианского счета лет. “Начальник” ПВЛ выбрал из этого болгарского сочинения вместе с датами интересующие его известия, в том числе и известия о Святославе и пополнил их информацией “Сказания о русских князьях”. Поэтому возможно допустить вслед за А.Г. Кузьминым, что византийско-болгарская статья 6475 г. ПВЛ рассказывает не о “первом” болгарском походе Святослава, который последовал, якобы, сразу же вслед за посольством Калокира, а о тех же самых событиях 970–972 гг., о которых летопись более подробно повествует еще раз в константинопольских статьях 6478–6480 гг.⁵⁶

Как мы уже говорили, в ППКВ отразилась византийско-болгарская дата смерти Святослава (6477 г.), позаимствованная Иаковом из летописи, предшествовавшей редакции ПВЛ 1116 г.; однако тот же самый панегирик сообщал нам и о смерти Ольги в 6477 г. (та же дата и в ПВЛ), на 15 год после крещения в Константинополе (т.е. под годом крещения, как и в ПВЛ, имелся в виду 6463 г.), следовательно, и эта дата содержалась в “досильвестровском” летописном тексте. Чуть раньше мы мотивировали антиохийское происхождение даты крещения русской княгини; сюжетное и литературное сходство летописных статей 6363 и 6477 гг. наводит на мысль о том, что и дата смерти Ольги была позаимствована Василием из того же источника, что и рассказ о визите княгини в Константинополь и, следовательно, предполагала 6477 ультрамартовский антиохийский год (ОЗ.977 г. — ОЗ.978 г.). Во всяком случае, не стоит торопиться с утверждениями такого рода: “Смерть Ольги 11 июля 969 г. — факт, не вызывающий сомнений”⁵⁷, но следует вполне серьезно учесть возможность того, что Ольга скончалась 11.07.977 г. (календарное число указано в ППКВ и древнерусских Прологах), т.е. через 5 лет после гибели Святослава. В этом случае довольно интересную интерпретацию может получить факт усиления христианской идеологии в Киеве во времена княжения Ярополка Святославича, старшего из внуков княгини-христианки. При редактировании летописи Сильвестр вынужден был придумать трогательную сцену прощания умирающей Ольги с сыном для того, чтобы “подтянуть” события 6477 г. к дате договора 6479 г.

3.3. НЕЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОИ СТАТЕЙ 6481–6561 ГГ.

Сложность хронологического состава этой части ПВЛ объясняется тем, что именно здесь проходила граница состыковки “долетописных” исторических сказаний и первых погодных записей. Эта картина осложнялась еще и объемными литературными вставками в летописный текст, сделанными в разное время и существенно искажившими первоначальное расположение датирующих элементов. Расшифровка артефактов 6481–6561 гг. ПВЛ во многом зависит от нескольких нелетописных источников, рассказывающих о тех же событиях, что и летопись.

О княжении Владимира Святославича полнее всего, за исключением летописи, рассказывает ППКВ. Во время дискуссии 80–90-х гг. XIX в. (см. прим. 22 “Введения”) было доказано, что этот источник не являлся конспектом ПВЛ, по крайней мере того ее вида, что известен нам; в этой же дискуссии наметилась, однако, крайность иного рода — мнение о первичности ППКВ по отношению к летописи и, следовательно, об исключительной достоверности этого сочинения. Позже А.А. Шахматов доказал с очевидной убедительностью, что оба памятника (ППКВ и ПВЛ в части 6480–6523 гг.) восходили к одному и тому же древнему летописному тексту, причем, сочинение Иакова-мниха передавало его лучше, чем искаженная редакторскими

дополнениями и исправлениями ПВЛ⁵⁸. Вряд ли, однако, этот протограф был намного древнее киевских редакций ПВЛ начала XII в., как считал А.А. Шахматов; мы убедились ранее (см. 3.2) в том, что он, с одной стороны, предшествовал редакции ПВЛ 1116 г., так как не знал русско-византийских договоров, но, с другой, в нем уже были антиохийские даты (6463 и 6477 гг. — крещение и смерть Ольги), вставленные в текст ПВЛ Василием в конце XI — начале XII в. Таким образом, расшифровка относительных хронологических показаний ППКВ поможет нам реконструировать “досильвестровский” текст ПВЛ начала XII в., т.е. текст Перемышльского свода Василия, из которого Иаков черпал информацию о князе Владимире⁵⁹.

Определяющими здесь являются две абсолютные даты ППКВ: 11.06.6486 г. — вокняжение Владимира в Киеве после убийства Ярополка и 15.07.6523 г. — смерть равноапостольного князя. Непосредственно друг с другом они не связаны, но зато говорится о том, что “кръсти же ся князь Володимеръ въ 10-е лѣто по убиении брата своего Яропѣлка” и “по святемъ же крещении пожи... 28 лѣт”; в свою очередь, захват киевского престола Владимиром сорентирован на смерть Святослава (“въ осмое лѣто по съмърти оѹца” / ППКВ, 22 /). Исследователи совершенно верно отметили разницу

двух методов относительного датирования автора ППКВ ("в ...-е лето по ..." и "... лет по ...") и посчитали, что первый из них предполагал "включающий" счет, а второй — линейный арифметический. Из этих соображений были выведены такие абсолютные даты: смерть Святослава — 6479 г., вокняжение Владимира — 6486 г., крещение — 6495 г., смерть Владимира — 6523 г. Такое построение вроде бы удачно связывало абсолютные и относительные показания ППКВ, но входило в противоречие с ПВЛ, которая, как мы знаем, основывалась на том же источнике и должна была не только во всем опровергать сведения Иакова-мниха, но и в чем-то с ними совпадать. Традиционно это противоречие списывали на счет позднейших редакторов летописи, при этом не объяснялась их хронологическая мотивация, но одно из наших предыдущих наблюдений показывает несостоятельность такого объяснения: нам уже известно, что в "досильвестровском" тексте ПВЛ смерть Святослава приходилась на 6477 г., смерть Ярополка и вокняжение Владимира — на 6485 г., а смерть Владимира — на 6522 г. (см. 3.1, 2). Очевидно, что большие (в два года) расхождения ППКВ с древним хронологическим слоем ПВЛ объясняются не ошибками древнерусского панегириста, а совсем иначе.

Сам автор ППКВ недвусмысленно показал нам, что "включающий" счет он использовал не в датировке начального периода княжения Владимира, а в обозначении событий после крещения: "На *другое* [т.е. "на второе". — С.Ц.] *лѣто* по крещении къ порогомъ ходи, на *третѣе* <лѣто> Кърсунъ городъ възъ, на *четвертое лѣто* църковь камяну святыя Богородица заложи [курсив мой. — С.Ц.] /ППКВ, 22/, следовательно, и 28 лет жизни просвященного Владимира были высчитаны им как раз таким способом, но "осмое лѣто" после смерти Святослава и "10-е лѣто" после смерти Ярополка — иначе. В такой интерпретации относительные даты ППКВ получают иное числовое выражение в годах от С.М., которые, не совпадая полностью с годами ПВЛ, тем не менее, весьма близки к ним, как и должно быть в случае с родственными текстами: смерть Святослава — 6478 г., вокняжение Владимира в Киеве — 6486 г.⁶⁰, крещение Руси — 6496 г. (но, все же, не 6495 г. или даже 6494 г.), поход в пороги — 6497 г. (в летописи нет), захват Корсуни — 6498 г. (но в ПВЛ — 6496 г.), основание св. Богородицы — 6499 г. (также и в Ип.-Хл.), основание Переяславля — 6500 г. (также и в Л.), установление десятины — 6504 г. (так же и во всех списках ПВЛ). Кроме того, в летописном источнике Иакова были известия о вокняжении в Киеве Ярополка Святославича, о его усобице с братом Олегом и гибели последнего, а также о борьбе Владимира с Ярополком за киевский престол⁶¹.

Нетрудно заметить, однако, и то, что в летописном источнике Иакова "докрещенские" датировки имели, все же, не первоначальную форму, поскольку они расходились с древнейшим слоем перечня и летописи. Во всех случаях разница составляет один год, что несомненно указывает на какое-то систематическое хронологическое редактирование древнейшего текста; до 1116 г. это мог сделать только летописец Василий, стремившийся пересчитать даты своих источников на ультрамартовский календарный стиль (см. о 6463 г. 3.2, 5.3, 4), что и

могло привести к увеличению первоначальных дат на одно показание. Именно так из 6477 г. (смерть Святослава), который Василий принял за константинопольский сентябрьский год, был получен 6478 г., а из 6485 г. (вокняжение Владимира) — 6486 г.; запомним эту деталь редакционной работы Василия (N года источника + 1 год), знание о ней нам пригодится позже. Очевидно, что исходные даты перемышльский летописец позаимствовал из источника с византийско-болгарским счетом лет, поскольку они отмечали события, органически связанные со "Сказанием о русских князьях" и входили в состав первоначальной погодной сетки ПВЛ (см. 3.1). Из всего этого следует вывод о том, что на самом деле княжение Ярополка длилось с 972 г. по 980 г., а вокняжение Владимира в Киеве произошло в 6485 византийско-болгарском году (09.980 г. — 08.981 г.). Скорее всего, календарное число последнего события (11.06) не имело реальных исторических оснований, а было, как и считал А.А. Шахматов, результатом умозрительных рассуждений Иакова-мниха⁶².

Судя по всему, и дата крещения Руси (6496 г.) была переделана Василием из византийско-болгарского 6495 г. (09.990 г. — 08.991 г.). Это предположение подтверждается тем, что в древнейшем Сильвестровском списке несторовского ЧБГ крещение было датировано 6490 г.⁶³, который можно признать антиохийским (09.990 г. — 08.991 г.). Несомненно, что во второй половине XI — начале XII в. существовала какая-то антиохийская версия рассказа о русском крещении и она, кстати, отразилась не только в сочинении Нестора-агиографа, но и в ПВЛ. По мнению Д.С. Лихачева, рассказы о крещении и смерти Ольги и о крещении Владимира входили первоначально в единый цикл сюжетов "Сказания о христианстве на Руси" (название условно) и не имели в его составе разбивки текста на годы от С.М.⁶⁴ Нам уже известно, что два первых сюжета были включены в ПВЛ Василием из источника с антиохийским счетом лет (6463 и 6477 г.), значит и РФ, и пространный рассказ о поисках веры русским князем попали к Василию из того же памятника, где они были датированы 6490 антиохийским годом. В этом случае, правда, Василий пренебрег его хронологией, так как последовательный рассказ другого его источника (древнейшего варианта ПВЛ) показался ему более точным, но он позаимствовал отсюда подробное и красочное изложение теософских исканий крестителя Руси.

Но и в таком виде артефакты антиохийского хронологического слоя проникли все же на страницы ПВЛ, что ясно хотя бы из даты Р.Х. в РФ: "В сего же [Ирода. — С.Ц.] власть, въ лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назаретъ къ девицѣ Марии" /I, 102; II, 89/. Еще одним свидетельством тому является принципиальное сходство ветхозаветной хронологии в перечне ПВЛ (6360 г.), основанной на антиохийских подсчетах ЛВ, с хронологией, изложенной в краткой богословской лекции "философа" (6494 г.). Доскональное их сравнение невозможно, так как в РФ сведения отрывочны, но совершенно ясно, что они основывались на одних и тех же интервалах. Так, например, от Адама до потопа в обоих случаях указано 2242 года; далее в статье 6494 г. насчитывается "от потопа до раздѣленья языка лѣт 529", т.е. от Адама 2771 год

(2242 + 529), после чего не указаны годы до Авраама, но если их учесть (2242 + 529 + 552⁶⁵), то выйдет, что от Адама до Авраама “философ” предполагал 3323 года (в перечне 3324) /*I, 17, 91; II, 12, 78*/⁶⁶.

Современный вид хронология княжения Ярополка и начального периода Владимира приобрела в своде 1116 г. Все редакционные действия Сильвестра узнаваемы (см. 3.2): руководствуясь датой договора (6479 г.), он перенес смерть Святослава из 6478 г. в 6480 г. и, желая сохранить интервалы между княжениями, также на два года омолодил и вступление Владимира на киевский престол (с 6486 г. на 6488 г.). В соответствии со своими литературными вкусами он также произвел максимально возможное “дробление” сюжетов: цельный рассказ о распре трех Святославичей он распределил на три годовые статьи (6483, 6485 и 6488 гг.), соединив их “пустыми” годами. Дальнейшие события он “растянул” до года крещения: 6489 г. — поход Владимира на ляхов и вятичей, 6490 г. — второй его поход на вятичей и т.д. до 6495 г. включительно, причем, для связи этого года с последующим Сильвестр использовал свой излюбленный прием: “И минушю лѣту”, так же, как, например, и для связи 6415 и 6420 гг.: “И пребышю 4 лѣта” /*I, 38, 109; II, 28, 94*/. Дату крещения он оставил неизменной, так как никаких иных сведений на этот счет у него, вероятно, не имелось⁶⁷.

Итак, в датировках событий последних лет дохристианской истории Руси автор ППКВ полагался на показания летописного свода Василия, которые, в свою очередь, основывались на сведениях византийско-болгарского хронологического слоя древнейшей редакции ПВЛ. Этот слой продолжался и далее. Так, его присутствие обнаруживается в статье 6504 г. в известии об освящении Киевской церкви св. Богородицы и установлении десятины (оно одинаково датируется во всех списках ПВЛ и по относительным показаниям ППКВ также приходится на этот год). А.А. Шахматов, совершенно верно решивший, что “въ тѣ день... праздникъ великъ” должен был приходиться на воскресенье, обнаружил в Прологах XIII–XIV вв. и в Обиходе церковном XIII в. упоминание этого события под датой 12.05 и посчитал, что вернее будет отнести его к 6503 мартовскому году (03.995 г. — 02.996 г.), потому что, во-первых, 12.05.995 г. было воскресением и, во-вторых, этот расчет подтверждал его интерпретацию сведений ППКВ⁶⁸. Несомненно, однако, что Иаков-мних год установления десятины определил “девятым летом” от крещения “включающим” счетом (см. выше) и, значит, в его летописном источнике была, все же, дата 6504 г. В этом случае получается, что 6504 г. был византийско-болгарским (09.999 г. — 08.1000 г.), когда 12.05.1000 г. было недельным (воскресным) днем⁶⁹.

На рубеже пятого и шестого столетий седьмой тысячи лет от С.М. в компиляции Василия, помимо уже знакомых нам двух источников (древнейший текст ПВЛ и летопись с погодной разбивкой “Сказания о христианстве на Руси”), проявляется и третий. Это заметно, во-первых, в изменении типа летописной информации: до 6508 г. все русские известия ПВЛ представляют собой многословные полулегендарные повествования, “разорванные” на части встав-

ными годами от С.М., но с этого момента в летописи появляются типичные погодные записи. Меняются также содержание и форма записи хронологических сведений: в 6504 г. в описании событий русской истории впервые в ПВЛ применяются точные календарные даты⁷⁰; если в 6499 и 6500 гг. мы еще видим типичные для Василия обозначения “посемь”, “наутрие” и “той ноши”, то далее уже преобладают нехарактерные для него формы записи относительных дат⁷¹. Наконец, с этих же пор впервые в качестве относительно древних начинают встречаться константинопольские артефакты: так, взятие Корсуни, по информации иностранных источников, случившееся после 04.989 г. (вероятнее всего, в 12.989 г.)⁷², в “досильвестровском” тексте ПВЛ, судя по ППКВ, датировалось 6498 константинопольским годом (09.989 г. — 08.990 г.).

Получается, что крещение Руси состоялось все же почти на год позже корсунской экспедиции⁷³, и именно это обстоятельство определило перестановку сюжетов в тексте ПВЛ после того, как с ним познакомился Иаков-мних: в 1116 г. Сильвестр, зная о правильной очередности событий, передвинул корсунский сюжет из 6498 г. в статью 6496 г., где поставил его перед рассказом о крещении киевлян. Это был один из тех немногих случаев, когда вмешательство Сильвестра в летописную хронологию приблизило ее к исторической реальности, так как у Василия поход был неверно поставлен вслед за крещением. Разница в расположении событий 6497–6501 гг. в списках ПВЛ как раз и отражает различные этапы сильвестровской работы над текстом летописи: в редакции 1116 г. “передвижка” корсунского сюжета “потянула” за собой и два последующих известия (основание Десятинной церкви и Белгорода), которые из 6499 и 6500 гг. переместились в 6497 и 6498 гг. соответственно (именно так они и расположены в Р.-МАк., в отношении которых мы уже много раз отмечали близость к редакции 1116 г.), но в редакции 1122–1123 гг. под влиянием дополнительных источников, упрямо повторявших ошибочную версию, Сильвестр вернул эти события на место (так в Ил.-Хл.)⁷⁴; тогда же, в начале 20-х гг. XII в., узнав новые для него сведения об основании Переяславля-Русского, он изменил первоначальную сентябрьско-мартовскую дату ПВЛ (6500 г., так в Л. и ППКВ) на 6501 ультрамартовский год (так в Ил.-Хл. и Р.-МАк.)⁷⁵.

Выявленный нами порядок чередования хронологических слоев в этой части ПВЛ значительно облегчает исследование дальнейших статей (6522–6561 гг.). Следует только сразу оговориться о том, что все предыдущие попытки изучения летописной хронологии эпохи Ярослава Мудрого с помощью датирующих показаний из цикла произведений о Борисе и Глебе (ЧБГ, СБГ, проложные и паремийные тексты XIII–XV вв.) не имеют под собой никакого основания. Хронология этих нелетописных памятников всегда воспринималась исследователями как константинопольская, и с этих позиций к ней примерялись летописные известия⁷⁶. Однако, как выяснилось, и ПВЛ, и агиографические сочинения основывались на каком-то древнем варианте письменного рассказа о первых русских святых, причем летопись лучше передала его хронологическую индифферентность, а житийные и служебные тексты отразили различные этапы постепенного “обраста-

ния” этого предания хронологическими элементами⁷⁷; этот процесс можно проследить на примере сравнения более архаичных и простых показаний ЧБГ с дополнительно осмысленными и распространенными датировками СБГ⁷⁸. Выходит, что развернутые и безупречные на вид константинопольские даты смерти князей-мучеников в СБГ были не чем иным, как результатом относительно позднего (не ранее 1115 г.) объединения следующих изначально разрозненных элементов: 1) летописной годичной даты, которую создатель окончательной редакции СБГ априорно принял за константинопольскую; 2) календарных дат 24.07 и 5.09, которые в начале XII в. уже привычно связывались со смертью Бориса и Глеба, но первоначально относились к другим событиям (обретение мощей или постройка церкви)⁷⁹; 3) дополнительных хронологических соображений редактора⁸⁰.

Одним словом, самым надежным методом для исследования летописных статей ПВЛ 6522–6561 гг. является их историко-хронологическое расслоение, учитывающее установленную нами раньше “стратиграфию”. Сразу же здесь обнаруживаются признаки византийско-болгарского слоя, который, как мы знаем, в некоторых случаях редактировался Василием (N + 1). Такой след мы находим в искусственном разрыве 6522 и 6523 гг., который привел к повтору известия: “В лѣто 6522... Хотяшесть бо [Владимир. — С.Ц.] на Ярослава ити,... но разболѣся. В лѣто 6523. Хотящо Володимеру ити на Ярослава... Володимеру бо разболѣвшюся” /**I, 130; II, 114–115**/, а это значит, что смерть Владимира первоначально была датирована 15.07.6522 византийско-болгарского года (09.1017 г. — 08.1018 г.), а Василий перевел этот год в ультрамартовский 6623 (03.1018 г. — 02.1019 г.)⁸¹; напомним, что именно 6522 г. датировалась смерть Владимира в древнейшем слое перечня ПВЛ (см.3.1).

Похожий, вроде бы, случай мы встречаем в разграничении 6523 и 6524 гг. нашего источника. Здесь годовая граница искусственно разрывает цельный рассказ о конфликте Ярослава с новгородцами и о Любечской битве, что опять приводит к повтору: “В лѣто 6523... Слышавъ же Святополкъ идуща Ярослава, пристои бещисла вой... и изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обсю... В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и стаща противу обаполъ Днѣпра” /**I, 141; II, 129**/⁸². В данном случае, однако, разграничение носило случайный характер и объяснялось тем, что “слитный” (т.е. не разбитый на годы) новгородо-любечский сюжет был неудачно соединен с древней летописной датой Любечской битвы (6524 г.). Это подтверждается текстом младшего извода НПЛ. С одной стороны, текст 6523–6524 гг. его списков имеет признаки вторичной зависимости от ПВЛ (Ип.-Хл.) в изложении подробного новгородо-любечского рассказа⁸³, с другой, — весь этот рассказ помещен в пределы статьи 6524 г. Новгородский редактор перенес неудачно проставленный в ПВЛ номер года из середины сюжета в его начало и сделал это потому, что имел несомненное древнее известие о том, что Любечская битва случилась именно в 6524 г. Чтобы мотивировать такое изменение текста, составитель протографа НПЛ этим древним известием и открыл статью (“в лѣто 6524, бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа в Ляхы”) и уже после

него разместил подробный новгородо-любечский сюжет, позаимствованный из ПВЛ, оторвав его от окончания трагического повествования о Борисе и Глебе; у него, правда, тоже получился повтор, но более аккуратный, чем в ПВЛ, за исключением того, что возникло еще и прямое противоречие в фактах (в подробном рассказе Святополк бежал после поражения не в Польшу, а к печенегам) /**НПЛ, 174–175**/⁸⁴.

Только что изложенные соображения позволяют признать, что известия 6522 г. (смерть Владимира) и 6524 г. (военная победа Ярослава над Святополком) были первоначально в дневнейшем византийско-болгарском слое ПВЛ, а дату 6523 г. и сопутствующие ей подробные рассказы об убийстве Бориса и Глеба, о варяго-новгородской резне и о Любечской битве вставил в летопись Василий⁸⁵. Все это приводит нас к новому и несколько неожиданному представлению об истинной хронологии событий конца второго десятилетия XI в.: Ярослав вокняжился в Киеве сразу после смерти Владимира 15.07.1018 г. (его конфликт с отцом и захват власти Святополком — выдумка составителя первоначальной редакции СБГ)⁸⁶; убийство одного из ярославовых братьев, Бориса, произошло вскоре после вокняжения Ярослава в Киеве и, судя по всему, было им же и подготовлено⁸⁷; вторжение Болеслава и Святополка на Русь началось в конце июля 1018 г. и 4.08 они захватили столицу, а в начале сентября 1018 г. Болеслав Храбрый уже ушел из Киева⁸⁸; убийство Глеба (примерно, осень 1018 г.) было осуществлено уже Святополком Окаянным, а Ярослав в течение года находился в Новгороде, где после конфликта с новгородцами он все же сформировал ополчение, с его помощью разбил Святополка в битве у Любеча в конце осени — начале зимы 1019 г. и окончательно утвердился на киевском столе. В ПВЛ совместились две линии датировки этих событий (табл. XVI, 2–7): древняя и достоверная сентябрьская византийско-болгарская версия (лишь 6523 г. был сделан Василием ультрамартовским) и константинопольская, которая сопровождала вторичный и тенденциозный рассказ о тех же событиях, главная цель которого заключалась в восхвалении Ярослава с помощью намеренного и грубого искажения событий⁸⁹; именно это и привело к обозначению одних и тех же событий датами с разницей в три года, что стало восприниматься позднейшими редакторами и историками как очевидная достоверность⁹⁰.

Эта трехлетняя разница в датировании одних и тех же летописных сюжетов, свидетельствующая о механическом соединении двух хронологических слоев, проявляется и на других примерах (табл. XVI). Заканчивая изложение событий 6524 г., Ком. и Ак. упоминали о том, что новгородцы получили от Ярослава “правду и устав”, в связи с чем далее помещался текст Краткой Правды под заголовком “А се есть правда рускаа”; эту версию отразила и статья 6524 г. НЧЛ, в окончании которой стояла пометка “О правдѣ. Правда рускаа”, но та же НЧЛ известие о получении “правды и устава” поместила в 6528 г., а СПЛ здесь же привела и текст законодательного документа /**НПЛ, 175–180; IV, 107, 110; V, 90–123**/⁹¹; известия 6528 г. НЧЛ-СПЛ выглядят искусственным отрывком из окончания статьи 6527 г.⁹², следовательно, и в этом

случае фиксируется трехлетняя разница в годичных показаниях. К фактам того же порядка относятся и помещение одних и тех же событий в 6544 г. (Л., Р., МАК.) и в 6541 г. (Ип.-Хл. и множество других летописных памятников) /*I, 150–151; II, 138–139; V, 127; IX, 79–80; XXX, 44; XXXIV, 63;*⁹⁹ *XXXVII, 34; Тр., 133–134/*, особое датирование похода на литву (6552 г. вместо 6548 г.) в СПЛ /*V, 128/* и, наконец, противоречия между новгородскими летописями в дате пожара в св. Софии (см. 5.2). Сюда же можно отнести и пятилетнюю разницу в датировке похода Ярослава к Берестию (ПВЛ — 6530 г., НПЛ — 6525 г., а в Угг. — 6524 г. /*I, 146; II, 134; НПЛ, 15, 180; XXXVII, 26, 66/*; о причинах такого большого расхождения в датах см. ниже).

Совмещение архаичного византийско-болгарского и молодого константинопольского слоев привело не только к дублированию известий, но и к появлению смысловых противоречий. Так, например, затруднение компиляторов вызвало сообщение 6525 константинопольского года о вокняжении Ярослава в Киеве, так как они уже знали об этом событии из 6522 (или 6523) г. источника с византийско-болгарским счетом; поэтому-то в большинстве списков ПВЛ отразилось совершенно нелепое редактирование известия 6625 г. (“Ярославъ иде [?] и погоре церкви”) и лишь Р.-МАК. сохранили его примерный первичный вид: “Ярославъ вниде в Киевъ и погорѣ церкви” /*I, 142–69, “ц”; II, 130*⁹⁴.

Заметим еще также и то, что в новгородских памятниках древний византийско-болгарский слой передается полнее и “чище”, чем в ПВЛ⁹⁵, причем, в них он носит следы относительно позднего совмещения с хронологической шкалой южнорусского образца, т.е. с датами ПВЛ. Напрашивается весьма любопытный вывод о том, что и древнейший пласт ПВЛ, и византийско-болгарский хронологический слой в летописях новгородской традиции происходили из одного источника; текстологическое истолкование этого факта поможет нам по-новому взглянуть на причины и время создания ПВЛ (см. 5.3).

Почему же, однако, в статьях 6522–6561 гг. византийско-болгарские хронологические показания разнятся с константинопольскими то на два, то на три года, а в одном случае даже на целых пять лет? Во-первых, это можно объяснить тем, что первый редактор византийско-болгарских сентябрьских артефактов летописец Василий, как мы уже установили, увеличивал их годичные обозначения на один номер, тем самым придавая им ультрамартовский вид, но так он поступал не всегда, а, видимо, лишь тогда, когда для него очевидными были признаки сентябрьского счета в древнейшем тексте ПВЛ; в этом случае разница между хронологическими слоями сокращалась на год. Кроме того, и сам константинопольский слой был неоднородным, он накладывался на древние артефакты несколькими разновременными “мазками”, каждый из которых в различной мере искажал предшествующие хронологические слои. Сезонные даты некоторых статей наглядно показывают, что здесь константинопольские элементы применялись, как минимум, в двух модификациях — сентябрьской и весенней⁹⁶, что, в общем-то, подтверждает наши предыдущие выводы.

Лишний раз это доказывается и систематической годичной разницей в датировке событий правле-

ния Ярослава, что прослеживается на примере широкого круга летописных источников: выше уже описывалась разница в датах между 6527 и 6528 гг. П. и НЧЛ-СПЛ; в СПЛ, Тип. и Холм. дважды (в 6528 и 6529 гг.) говорится о нападении Брячислава Изяславича на Новгород и его разгроме Ярославом (в ПВЛ — 6529 г.); в П. нападение Мстислава вместе с хазарами и касогами на Киевскую землю отнесено к 6532 г., что очевидно вернее версии ПВЛ, где это известие дублируется в 6531 и 6532 гг. (в П., правда, известие тоже повторяется, но в той же годичной статье)⁹⁷; в Троицкой группе летописей (Тр., Вл., Ник.) рождение Изяслава Ярославича отнесено к 6533 г., а не к 6532 г., как во всех других памятниках (в ПВЛ 6533 номера года вообще нет, лишь в Ип. он сделан “пустым”); “знамение змиево” в Новороссийском списке НЧЛ, в СПЛ, Тв. и П. датировано 6535 г. (а в пяти списках СПЛ даже 6534 г.), тогда как в ПВЛ — 6536 г.; в каком-то источнике П. смерть Евстафия Мстиславича была датирована 6540 г., что и скопировал переписчик, но затем он исправил эту дату на 6541 г., отразив общепринятую версию; в ПВЛ пространная похвала Ярославу Мудрому помещена в статье 6545 г., однако, в своде 1448 г. она в сокращенном виде находилась в составе известий 6544 г.; в Строевском списке НЧЛ 6545 и 6546 гг. поменялись местами, в чем очевидна их различная датировка в источниках списка; заложение Новгородской св. Софии в двух списках НЧЛ, в Холм. и Тип. отнесено к 6552 г. (во всех других источниках — 6553 г.), что согласуется с известием НВЛ о том, что “дѣлаша ю [церковь. — С.Ц.] семь лѣтъ”, так как ее освящение новгородские летописи относят к 6558 г.; третий поход Ярослава на мазовшан два списка СПЛ датируют 6554 г., а все прочие источники — 6555 г. (но в Ник. — даже 6553 г.); в отличие от всех других летописей Ник. помечает смерть жены Ярослава годом раньше, в 6557 г. /*I, 144–155; II, 132–143; IV, 113, 114–“e”, “ж”, 116–“i”; V, 123, 126–“a”, 130–“a”; IX, 79, 83, 84; XXX, 44, 202, 205; XXXIII, 33; XXXIV, 62, 63–“й”, 64; Тр., 132–2*⁹⁸.

Синхронизация несомненного константинопольского сентябрьского 6552 г. (см. прим. 96) с соответствующим ему 6548 византийско-болгарским годом (оба они рассказывают о походе Ярослава на литву), показывает, что в перечисленных только что разночтениях большие цифры представляют сентябрьские номера лет, меньшие — мартовские (табл. XVI). Это подтверждается и датами 6535 и 6536 гг. по поводу кометы, которая на самом деле появилась в 1027 г.⁹⁹, а также разночтением 6557 и 6558 гг. в дате смерти жены Ярослава, которая случилась 14.02. Выясняется, что ПВЛ в большинстве случаев отдает предпочтение сентябрьским годам (6529, 6532, 6536, 6541, 6545, 6553, 6555, 6558 гг.), которые попали в свод Василия из Киево-Печерской летописи 70-х гг. XI в.¹⁰⁰ Есть, однако, в ПВЛ и мартовские даты (6525–6527, 6531, 6532 гг.), представляющие собой не что иное, как следы редакторского вмешательства Сильвестра в летописный текст; получается, что именно этот компилятор внес в ПВЛ искаженную версию о борьбе Ярослава и Святополка за киевскую власть¹⁰¹.

Почему же мартовские артефакты полнее сохранились в своде 1448 г. (НЧЛ-СПЛ) и в зависи-

мых от него памятниках, чем в ПВЛ? Дело в том, что перемышльская версия ПВЛ в составе Владимир-Волынского летописного памятника привлекалась к формированию ее текста уже в “последилеостровское” время, в конце 20-х гг. XII в. в Переяславле-Русском, когда многие “васильевские” показания были восстановлены из под напластований редакций 1116 и 1122–1123 гг. Новгородское же летописание XII в. базировалось на более ранней редакции ПВЛ, которая во многом повторяла особенности киево-выдубицкой редакции ПВЛ (см. подробнее главу 5). Кроме того, очевидно, что редактирование этих статей осуществлялось и в самом Новгороде. Так, например, в СПЛ первоначальный византийско-болгарский 6541 номер года был увеличен на единицу, а от мартовского 6527 г. был произведен 6528 г., что зафиксировали НЧЛ-СПЛ.

Упомянутый уже случай пятилетней разницы в датировке похода Ярослава к Берестю показывает, что существовала еще и третья разновидность константинопольских лет — ультрамартовская (табл. XVI–8), но мы не можем, правда, определить со временем ее попадания в текст источника; выскажем только догадку о том, что 6530 ультрамартовский год принадлежал перемышльскому летописцу Василию, имевшему особую информацию о событиях на юго-западе Руси.

Ничего исключительного не представляет и еще один хронологический пласт (антиохийский), присутствующий в статье 6538 г., так как мы уже отмечали его в этой части ПВЛ. Обстоятельства смерти польского короля Болеслава Забытого и последовавшего затем народного восстания (1037–1038 гг.) сопровождали в ПВЛ известие о смерти Болеслава Храброго (1025 г.), потому что в “антиохийском” источнике Василия они были датированы 6538 антиохийским годом (1038–1039 гг.) и ошибочно восприняты летописцем, не знавшим о точном времени смерти обоих королей, как константинопольские¹⁰².

В известиях первой половины XI в. новгородо-софийских летописей очевидно просматриваются следы “слитной” записи событий¹⁰³, которая, видимо, восходила к так называемой Иоакимовской летописи и предшествовала внесению в текст элементов византийско-болгарской хронологии. По всей видимости, первоначальная разбивка на годы сюжетов ярославова княжения приводила к “спрессовке” разновременных событий вокруг редких годичных датировок (то же самое мы отмечали и в ПВЛ; см. 3.2), а их позднейшая “разбивка” по годам константинопольской летосчислительной шкалы способствовала искажению реальной хронологии событий. Так, несомненно то, что смещение новгородского посадника Коснятина и его последующее убийство, вопреки летописной датировке (6528 г. новгородских летописей), произошло никак не ранее 30-х гг. XI в.¹⁰⁴ Хотим заметить, однако, что искажения появились только на этапе константинопольского хронологического редактирования, тогда как фрагментарные византийско-болгарские датировки, не претендовавшие на оформление текста в последовательную погодную хронику, имели реальную историческую основу.

В заключение рассмотрим еще одно хронологическое показание этой части ПВЛ, касающееся возраста Ярослава в момент его вступления на киев-

ский стол и вызывавшее удивление многих исследователей¹⁰⁵. Известно несколько вариантов этого показания: 38, 28 и 18 лет. По нашему мнению, все они представляли собой относительные расчеты, сделанные от различных абсолютных годичных показаний, и подразумевали разные периоды жизни князя. Число “18 лет” было древним показанием, отражавшим реальный возраст князя на момент его прихода к власти в Киеве в 1018 г.; оно не совпадает, правда, с сообщением ПВЛ о том, что Ярослав “живе... всѣхъ лѣтъ 70 и 6” /I, 162; II, 150/, но безусловным является то, что он умер более молодым¹⁰⁶. Первичное показание сохранили СПЛ и Уст. /V, 88; XXXVII, 26, 65/, с ним был знаком и переписчик Ип. (он исправил его на “лѣтъ 28” /II, 129–“и”/). Новгородское редактирование перевело этот расчет в 28 лет, подразумевая под ним уже не возраст Ярослава, а продолжительность его княжения в Новгороде, так как один из вариантов рассказа о крещении этого города передавал в статье 6497 г. в “слитной” форме разновременные известия, в том числе и вокняжение Ярослава в Новгороде /IV, 90; V, 72/, т.е. 6524 г. – 6497 г. = 27 лет, а с учетом “включающего” счета – 28 лет. Эта цифра встречается как раз в новгородских памятниках /IV, 107; V, 88–“и”/, а самое лучшее ее объяснение отыскивается во Вл.: “А в Новѣгородѣ был Ярославъ 20 и 8 лѣтъ” (в Л., под влиянием первичного текста, менее точно: “И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28”) /XXX, 42; I, 142/. Цифра же “38 лет”, встречаемая у В.Н. Татищева¹⁰⁷, имела в виду совсем иной интервал — продолжительность киевского княжения Ярослава (6562 г. – 6524 г. = 38 лет), о чем недвусмысленно говорят ЛВ и СБГ (см. прим. 90).

Историко-хронологическое изучение начальной части ПВЛ (6360–6561 гг.), хотя и не открыло нам совершенно новых элементов в формировании ее хронологической структуры, но, тем не менее, позволило предельно точно выяснить соотношение разнотипных артефактов в ее составе. Древнейший вид погодной сетки летописи формировался из двух источников — относительной хронологии “Сказания о русских князьях” и абсолютной византийско-болгарской хронологии (табл. XVII–1, 2), их совмещение носило спорадический характер, а достоверность информации определялась, главным образом, точностью (или неточностью) датировок болгарского историко-хронографического сочинения, откуда заимствовались даты от С.М., и величиной относительных годичных интервалов “Сказания...”. По всей видимости, именно так и формировалась хронологическая шкала в описании событий до смерти князя Владимира Святославича (6522 г.), после чего мы наблюдаем уже самостоятельное, без ориентировки на “династический” счет, использование византийско-болгарских элементов (полнее всего это проявляется в новгородских летописях).

Другая линия формирования архаичной погодной летописной сетки — антиохийская (табл. XVII–3). Она основывалась на хронологии славяно-русского перевода ЛВ, в продолжении которого излагалось “Сказание о христианстве на Руси”, содержавшее древнейшие русские оригинальные абсолютные датировки (6463, 6477 гг.), а за-

тем, судя по антиохийскому известию 6538 г., следовало погодное изложение событий (последнее проявление этой линии мы находим в 6609 г.). Соединение этого источника с византийско-болгарской хронологической обработкой "Сказания о русских князьях" (архетип ПВЛ) было сделано летописцем Василием не ранее начала XII в.

Особую роль в формировании хронологии ПВЛ играл константинопольский сентябрьский пласт (табл. XVII-4). Он не использовался позднейшими переписчиками для редактирования предыдущих слоев, следовательно, содержащий его источник не описывал русскую историю ранее конца X в. или описывал ее весьма фрагментарно и, кроме того, возник в русле иной, не относящейся к ПВЛ, летописной традиции. Едва ли не первыми его подробными сообщениями были крещение Руси, корсунский поход и церковная, в первую очередь, а также светская деятельность князя Владимира. Типологически сентябрьские известия разделяются на две разновидности: краткие погодные записи за конец X - начало XI в., которые, видимо, и содержали константинопольские номера лет, а также точнейшие календарные обозначения; подробные распространения погодных записей, имевшие очевидное устное происхождение. Смена подробных сообщений краткими записями в конце 90-х гг. X в. обозначала совсем не окончание так называемого свода Десятиной церкви¹⁰⁸, а только то, что с этих пор летописцы, трудившиеся во второй половине XI столетия, стали вводить в литературную ткань своего произведения древнейшие погодные киевские записи; таким образом, эта текстологическая граница показывает не завершение какого-то летописного памятника, а начало присутствия в ПВЛ нового (погодной Киевской летописи, содержавшей в своей начальной части записи устных сказаний). Продолжением этого слоя являются сентябрьские артефакты 6562-6582 гг. (см. 2.3), следовательно, весь этот

пласт мы можем отнести к Киево-Печерскому своду 1073-1075 гг., в котором, вероятно, истории монастыря предшествовало описание истории главнейших церковных центров Руси (Десятиной Киевской церкви св. Богородицы, Киево-Софийского собора, Васильевского Преображенского собора и др.) и, который, следовательно, включил в свой состав погодную Киевскую летопись за первую половину XI в. "Сшивка" хронологии свода 1073-1075 гг. с формирующейся погодной сеткой ПВЛ, как уже говорилось, была осуществлена в 80-е гг. XI в. По всей видимости, в это время сюда были внесены и отдельные древние ультрамартовские артефакты (табл. XVII-7), которые, как мы помним, создавались на основе константинопольских сентябрьских.

Наибольшие искажения хронологического "рисунка" начальной части ПВЛ, сформированного из описанных уже артефактов, были сделаны при внесении сюда константинопольских мартовских элементов в 1116 и 1122-1123 гг. летописцем Сильвестром (табл. XVII-5). Хотя этот редактор имел солидное литературное обоснование (славяно-русский перевод ХГА, тексты русско-византийских договоров), он не смог досконально разобраться в хитросплетениях хронологии предшествующей редакции ПВЛ и поэтому произвел ее механическое совмещение с показаниями своих дополнительных источников, что привело к существенным перестановкам в тексте, к появлению многочисленных хронологических несуразностей, повторов и противоречий. Отличительной чертой сильвестровского редактирования было обстоятельнейшее "дробление" "слитных" участков текста, что придавало искажениям форму достоверных погодных записей. Вместе с редакторскими искажениями 1122-1123 гг. в эту часть текста были внесены и единичные постмартовские и поздние ультрамартовские элементы (табл. XVII-8).

ДРЕВНЕРУССКОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ”

В двух последних главах нашей книги мы собираемся отблагодарить читателей за знакомство с кропотливым и часто утомительным историко-хронологическим исследованием датирующих показателей ПВЛ. Без этой предварительной работы было

бы невозможным, однако, представить общую характеристику древнерусского счета времени XI-начала XII в. и выявить особенности различных компутистов той эпохи.

4.1. ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

Изучение хронологии Начальной летописи убеждает нас в том, что в счете лет жители Киевской Руси использовали системы, сложившиеся из элементов двух времяисчислительных традиций. Первая — древнерусская языческая — восходила к устным народным представлениям о “пременении времени”, сформировавшимся еще в дохристианскую эпоху и не исчезнувшим в последующие столетия. Вторая традиция — восточнохристианская — была позаимствована древнерусскими писателями из греко-болгарской письменности и византийской церковно-служебной практики.

По поводу языческой традиции еще в начале XIX в. было предположено, что она существенно отличалась от последовательного линейного счета лет Мироздания, зафиксированного в летописании¹. По одной версии, сложившейся еще в прошлом веке (ее сторонниками были тогда С.М. Соловьев и А.А. Шахматов, позже — Д.С. Лихачев, М.Х. Алешковский, А.Г. Кузьмин и др.), первоначальный русский счет времени был “непогодным”, что вызывает у нас серьезные возражения. Действительно, историко-хронологической науке не известна ни одна архаичная система учета времени, которая бы исключала из своей структуры годовые единицы; уже сама повторяемость сезонных циклов, бывшая для всех древних народов естественным мерилем времени, предполагала установление границ между однообразными временами года, и если мы не можем сейчас с полной определенностью сказать, как намечались такие границы нашими предками, это еще не означает, что их не было на самом деле.

Намного ближе нам другая точка зрения, предполагающая наличие в древнерусском времяисчислении годовых единиц, считаемых от начала правления князей, т.е. по “династическому” принципу (ее разделяли И.Д. Беляев, М.П. Погодин, И.И. Срезневский, Н.В. Степанов, М.Н. Тихомиров, И.Н. Данилевский и др.). В нашем понимании, термин “династическая эра летосчисления” подразумевает не только летосчисление, ориентированное на смену правителей или целых властвующих династий; его смысл заключается в том, что счет лет начинался относительно какого-то события и прерывался тогда, когда за ориентир принималось другое, более позднее происшествие. По сути дела, “династический” порядок счета лет предполагал периодическую смену начальных вех летосчисления и постоянную замену одной “династической” эры другой.

Один из героев романа Вальтера Скотта “Антикварий”, размышляя над особенностями исторического сознания, утверждал: “Те эры, от которых простой народ исчисляет время, всегда связаны с каким-либо периодом страха и бедствий... Эти события... были похожи не на спокойное течение оплодотворяющей землю реки, а на бешеный, стремительный бег разъяренного потока”². Думается, что в отношении жителей Киевской Руси подобная сентенция была бы несправедливой, так как в качестве исходных ориентиров летосчисления ими выбирались не только трагические, но и другие, самые разнообразные по форме и содержанию события. И сама ПВЛ, и прочие древнерусские письменные памятники донесли до нас это разнообразие. “Сказание о русских князьях”, отразившееся в хронологическом перечне (6360 г.) и в погодном тексте ПВЛ, показывает, что в Киеве летосчислительными ориентирами были смены княжений (см. подробнее главу 3), а княжеское летописание Святослава и Всеволода Ярославичей (см. 5.3, 5) доказывает, что таким же образом годы считались даже в XI столетии и не только в Киеве; более того, реликтовое проявление подобной “династической” эры отмечается и в XIII в. в галицко-волынском летописании³. Этот же способ счета отразился в одной из надписей XI в. в центральном нефе Киево-Софийского собора: “4 лѣта княжилъ Святославъ” / **Высоцкий, 42/**, а также в традиции составления летописных перечней.

За пределами княжеских дворов одним из самых распространенных ориентиров относительного летосчисления наверняка было начало или окончание строительства важных городских объектов; позже, в христианскую эпоху, память об этом сохранилась в виде счета лет, ведущегося от создания церковных храмов⁴. Важнейшие военно-политические события также становились исходными точками языческого счета лет, свидетельство чему донесли до нас позднейшие русские писатели⁵. Такую же роль играли и аномальные природные явления⁶, трагические события в биографии выдающихся личностей⁷ и т.д., а в Новгороде, судя по грамотам на бересте, в XI в. счет лет велся от начала долговых обязательств⁸. Одним словом, эпохами “династического” летосчисления могли быть практически любые знаменательные происшествия.

Широкая избирательность эпохальных ориентиров “династического” счета обеспечивала простоту его употребления и способствовала его прочному

утверждению в сознании русских людей. Даже летописцы XI–XII вв., создававшие ПВЛ и старавшиеся подражать при этом византийской хронографической письменности, где исповедывался совершенно иной принцип летосчисления, невольно выдавали нам свое хорошее знакомство с “династическим” счетом времени, причем, не только при копировании старинных относительных датировок, но и в случае самостоятельного редакционного вмешательства в древний текст. Так, автор ПВЛ, соединяя не разбитые на годы сюжеты “Сказания о русских князьях” с византийско-болгарским летосчислением от С.М., вынужден был “разорвать” рассказ о призвании варягов на две годичные статьи (6367 и 6370 гг.), но при этом не удержался от типичного “династического” уточнения (“по дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ” /**I, 20; II, 14**/; см. 3.2). То же самое сделал и его “коллега”, приверженец антиохийского счета лет от С.М., поместивший в 6360 г. известие о воцарении Михаила III, а в 6374 г. — о нападении русских и при этом уточнивший, что русские князья “прииде въ 14 лѣто Михаила царя” /**I, 21; II, 15**/ (см. 3.1, 2). Наверное можно понять “оговорки” первоначальников ПВЛ, так как им приходилось все же решать нелегкую задачу согласования относительной и абсолютной хронологии, но тем удивительнее подобные казусы в работе летописных редакторов начала XII в., которые имели дело с практически законченной погодной формой текста; так, к примеру, игумен Сильвестр, меняя хронологию в годах княжения “вещего” Олега, для оправдания переноса его смерти из 6415 г. в 6420 г. прибегнул к выдумке о том, что князь “пребывшю 4 лѣта [после похода в 6415 г. — С.Ц.], на пятое лѣто помяну конь” /**I, 38; II, 28**/, а продолжатель Сильвестра, пускаясь в воспоминания о своем путешествии в Ладогу, датировал его “преже сих 4 лѣт” /**I, 234; II, 224**/ (см. 1.4 и 3.2).

В дохристианское время погодный “династический” счет велся, чаще всего, в устной форме. Естественно, что его продолжительность не могла быть большой и превосходить размеры исторической памяти одного поколения людей; как раз это и побуждало к постоянному поиску новых, более современных исходных ориентиров летосчисления. Полнее всего, на наш взгляд, “алгоритм” смены “династических” эпох передает ППКВ Иакова-мниха, которая была списана с летописи начала XII в., но, тем не менее, выдерживала традиционную манеру дохристианской русской хронологии: здесь счет лет сначала ориентировался на крещение Ольги, затем — на смерть Святослава (между этими событиями интервал, примерно, в 10 лет), еще далее — на смерть Ярополка (менее 10 лет), а последние известия представляли последовательное изложение событий от крещения Владимира (“на другое лѣто по крыщении”, “на трети ѿ <лето>”, “на четвертое лѣто”, “а на пятое лѣто”, “в девятое лѣто” /**ППКВ, 21–22**/). Примерно также и Нестор-агиограф в ходе изложения биографии Феодосия сначала вел счет времени от рождения своего героя (“осмый день” и “40 дньи”), потом выбрал ориентиром смерть его отца (через 13 лет), после описывал жизнь угодника “по остриженьи же матере... и по отвръжени всякая мирьскыя печали” и далее еще несколько раз менял вехи относительного счета /**ПЛДР XI–н. XII, 306, 308, 322**/.

К тому моменту, когда происходила первоначальная запись древнерусских до- и раннехристианских исторических сказаний, уже была утеряна точность и конкретность “династических” годичных датировок, особенно тех, что были наиболее древними. В руках писателей конца X–XI в. оказывались, чаще всего, только самые общие хронологические сведения о событиях предшествующих десятилетий и столетий (очередность происшествий, итоговые суммы лет каких-то периодов истории и т.п.). Это обстоятельство и определило “слитную” форму текста в письменных исторических сказаниях и употребление в них таких аморфных показаний, как “в лѣта си”, “в се же время”, “посемь”, “по сихъ же лѣтѣхъ” и т.п., каждое из которых скрывало забытую “династическую” годичную дату⁹. В более позднее время эти хронологические приемы становились своеобразным литературным штампом: так, например, черниговский летописец 70–80-х гг. XI в. был знаком, без сомнения, с точной погодной хронологией правления Святослава Ярославича и его сыновей, но использовал при ее описании, все же, весьма расплывчатые показания (см. 5.3).

Как будет сказано позже (см. 4.2), языческое календарное новогodie приходилось на начало весны, однако события, становившиеся началом “династического” счета лет, часто не совпадали с этим периодом времени, так как случались и летом, и осенью, и даже в конце зимы за несколько дней перед началом нового года. В таких случаях за первый год “династической” эры принимался остаток текущего весеннего года и только в дальнейшем счете “династические” годы совпадали с календарными. Эта особенность “династического” летосчисления отмечалась у многих древних народов и нашла свое применение в известном “Каноне царей” Клавдия Птолемея (II в.). Ее остаточным проявлением в древнерусской исторической письменности было пренебрежительное отношение к относительным годичным показаниям, не содержащим целого числа лет; средневековыми отечественными хронологами такие показания подвергались весьма грубому “округлению”, т.е. переводились в целое число лет. Наиболее простым и поэтому распространенным было полное игнорирование годичных остатков и их исключение из относительных хронологических расчетов, многочисленные примеры чему мы постоянно обнаруживаем в летописании XI–XII вв.¹⁰; Впрочем, ненамного сложнее был иной способ “округления”, когда месяцы и дни в относительных “дробных” датах дополнялись до полных годов, о чем опять же нам свидетельствует ПВЛ¹¹. Значительно реже русские летописцы показывают нам свою пунктуальность в относительном счете, например, в 6676 г. Ип.-Хл.: “Бысть же княжения его [Ростислава Мстиславича. — С.Ц.] Киевѣ 50 лѣтъ без мѣсяца” /**II, 532**/ (здесь, правда, летописец-пунктуалист перепутал в числе лет цифру Ѧ (50) с Ѣ (9); верная цифра указана в Л. /**I, 353**/).

Только что описанная нами особенность дохристианского “династического” счета приводила к тому, что исходный год летосчисления был в этом счете не “нулевым”, а первым. Другими словами, исконное древнерусское летосчисление не подчинялось правилам линейного арифметического счета, что уже неоднократно отмечалось исследователями, предложившими именовать такое счисление “вклю-

чающим" (имелось в виду то, что год-эпоха "династического" счета включался в число откладываемых от него лет). "Включающее" относительное летосчисление неоднократно проявляется в ПВЛ, причем, им владели почти все соучастники ее создания, относившиеся к разным поколениям древнерусской летописательной братии: летописец-киевлянин, живший в 70-е гг. XI в., дату разорения Новгорода Всеславом (статьи 6571 и 6574 гг.) высчитывал "включающим" счетом (см. 2.3); приверженец антиохийской эры и знаток ЛВ, определяя дату нападения Аскольда и Дира на Константинополь 6374 годом, пометил его 14 годом правления Михаила III, что и согласуется, по правилам "включающего" счета, с его воцарением в 6360 г., и с этим расчетом полностью был согласен летописец Василий. Редактор "антиохийского" хронолога; выдубинский игумен Сильвестр, переписывая надгробный панегирик покровителю своего монастыря князю Всеволоду, определил срок его правления в Киеве 15 годами (статья 6601 г.) с учетом того, что первым годом из этих 15 был год его вокняжения (мартовский 6587 г.; см. 2.3); тот же автор год Устичевского съезда (6608 г.) назвал вторым после окончания владимирово-волынской усобицы (6607 г.; см. 2.2), а год похода на половцев (6619 г.) вторым после знамения в Киево-Печерском монастыре в 6618 г. ("такое же и се явление и в которое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть на 2-е бо лѣто, не съ ли ангель вождь бысть на иноплеменины" /I, 285/). Даже те летописцы, которые привнесли в ПВЛ иной, линейно-арифметический способ относительного счета (так, "постмартовский" редактор начала XII в. вычел из 6601 г. 15 лет, чтобы определить время вокняжения Всеволода в Киеве; см. 2.3), отступали от "династических" правил, видимо, только по ошибке или же в пылу редакционной работы, поскольку они же проявляли и верность старинным счетным традициям (так, тот же летописец "третье лѣто" от 6583 г. определили как 6585 г.; см. 2.3). Впрочем, вольность в обращении с относительными датами позволяли себе и убежденные приверженцы "включающего" счета; например, Сильвестр обыкновенным арифметическим вычитанием 6562 номера года из мартовской даты 6622 г. определил интервал в 60 лет между смертью Ярослава Мудрого и смертью его внука Святополка (см. 3.1)¹².

Языческое древнерусское летосчисление сошлось с восточнохристианским счетом, с которым на Руси, судя по текстам дипломатических соглашений с Византией, впервые познакомились уже в начале X в. Несомненно также и то, что активное внедрение в Киевской Руси православных времяисчислительных норм долго осуществлялось путем неофициальных контактов русского населения с жителями соседних христианских стран. Именно поэтому в XI и XII вв. мы отмечаем на Руси проявление самых разнообразных хронологических элементов, многие из которых к этому времени уже перестали широко употребляться "старым" восточнохристианским миром. "Славянские рукописи, — писал по этому поводу В.В. Болотов, — архаичны [хронологическими. — С.Ц.] данными богаты так, как далеко не все греческие... Славяне и русские добывали греческие рукописи (переведенные потом на славянский язык) во время странствий по святым местам... Разумеется, греки не имели охоты

именно те рукописи которые были особенно нужны им самим, отдавать папюмникам. Пришельцам дарили или продавали такие книги, в которых не было практической лажности. К этой категории... причисляли, конечно, и книги устарелые, содержавшие древнейший и, замененный уже константинопольским"¹³.

Ориентальное становление восточнохристианских хронологических традиций совпало со временем образования Киевской митрополии (конец X - начало XI в.). Не случайно поэтому "константинопольская (ромейская) эра" летосчисления (от С.М. до Р.Х. 5509 лет), употреблявшаяся в это время в церковно-служебной практике Константинопольской патриархии, стала самой популярной на Руси в XI-XII вв., так как в Киеве были скопированы византийские образцы службы¹⁴. Православные священнослужители находили несколько причин предпочтения этой системы счета всем остальным: во-первых, по этой версии, Р.Х. совпало в том году, в котором полагал божественную инкарнацию известный в христианском мире хронолог Дионисий Малый (VI в.); во-вторых, эпоха константинопольской эры (1.09.5509 г. до н.э.) была математически согласована с византийскими пасхальными циклами (начало отсчета Кругов Луны и Солнца в Константинополе в то время относилось к 1.03.5508 г. до н.э., т.е. приходилось на седьмой месяц первого года от С.М.), что позволяло достичь почти механической простоты в пасхальных расчетах; в третьих, эпоха этой эры с точностью до дня совпадала с началом одного из 15-летних индиктионных циклов, которые в Византии применялись в официальном государственном счете лет, и это давало возможность считать день Мироздания исходным днем отсчета индиктионов. Вряд ли, конечно, русские "благочисленники" XI-XII вв. понимали столь глубокий смысл константинопольской системы, однако большинство из них отдавали предпочтение именно ей. Особое ее место в древнерусском времяисчислении привело, в конечном итоге, к тому, что с XV-XVI вв. она приобрела статус официального счета лет Московского государства.

Как и у византийцев, на Руси константинопольская эра в церковной службе совмещалась с индиктовым счетом. Если в Византийской империи индиктовое счисление имело не только ритуальное, но и практическое государственное значение, то в Киевской митрополии оно приобрело вид исключительного церковно-служебного действия; именно поэтому любое присутствие в древнерусском тексте индиктового числа можно считать несомненным признаком его церковного происхождения. Уже с IV в. римско-византийский индиктовый счет имел сентябрьскую "окраску" и в таком же виде он применялся и на Руси¹⁵, поэтому весьма странной кажется позиция многих исследователей древнерусской хронологии, отрицавших существование в XI-XII вв. сентябрьского времяисчисления, но признававших употребление индиктового счета (см. "Введение").

Вызывает удивление и точка зрения Н.В. Степанова и А.Г. Кузьмина, считавших, что с индиктами было знакомо лишь весьма небольшое число русских людей XI-XII вв., самых образованных и настроенных прогрессивно, да и те нередко высчитывали их наобум, потому что правила индиктового

счета представляли себе весьма приблизительно¹⁶. Отсчет 15-летних циклов, празднование 1.09 нового церковного года и отправление в этот день особой службы были неотъемлемыми атрибутами служебной практики восточнохристианской церкви, строго чтимыми и в поместных церквях Киевской митрополии, из чего ясно, что в суть ритуала было посвящено большое количество людей — белое и черное духовенство, клирошане и прихожане. Другое дело, что в неслужебной “светской” литературе XI — начала XII в. (летописание, агиография и пр.) применение этого хронологического элемента не считалось обязательным и поэтому встречается довольно редко, но каждый такой случай сопровождается свидетельствами вполне осознанного и безусловно точного, по мнению сочинителей, употребления индиктов. Так, на примере ПВЛ мы видим, что летописец второй половины XI в. для расчета индиктов применял перевод антиохийских лет от С.М. в годы от Р.Х. (см. далее), тмутараканский автор 80-х гг. XI в. и его переяславский “коллега”, живший во втором десятилетии XII в., умели безукоризненно совмещать сентябрьские индиктовые годы с ультрамартовскими константинопольскими годами (в статьях 6582 и 6604 гг.; см. главы 2 и 5), а применявший постмартовское счисление киево-печерский автор начала XII в. к своим “ошибочным”, с точки зрения константинопольского счета, годам прибавлял, тем не менее, совершенно верные индиктовые числа, чем и ввел в заблуждение позднейших редакторов, которые посчитали безошибочными номера лет от С.М., но выбросили из текста “неверные”, по их мнению; номера индиктов (именно поэтому в постмартовских статьях 6615 и 6620 гг. ПВЛ есть слово “индикт”, но не осталось чисел /I, 281; II, 273/). Сильвестр, составитель редакций ПВЛ 1116 и 1122–1123 гг., вообще предстает перед нами блестящим знатоком правил индиктового счета: он умело, хотя и небезошибочно, использовал для составления годовой сетки индиктовые показания ХГА и русско-византийских договоров (см. 3.2), подвергал решительным изменениям индиктовые расчеты своих предшественников, если они не соответствовали его константинопольско-мартовской схеме счета (в статье 6360 г.), самостоятельно высчитывал номера индиктов, переписывая старинные записи Выдубицкого монастыря (6601 г.) и, наконец, поместил индиктовое число в авторскую приписку (6618 г.)¹⁷.

Методику расчетов индиктов исчерпывающе описал в 30-е гг. XII в. новгородский диакон Кирик: “Егда же хоцещи увѣдати, которое лѣто индикта, разложи вся лѣта от зачала твари мира сего по 15, да что ти ся избудеть послѣдняго круга, то есть лѣто индикта: аще 1, то 1, аще ли двѣ лѣта, то второе лѣто будеть индиктъ, аще ли 15, то есть 5-е надесеяте, и пакы начини от прѣваго” /УЧ, 178/, т.е. расчет производился так:

$$I = \left| \frac{N}{15} \right|,$$

где I — номер индикта, N — номер константинопольского сентябрьского года от С.М., а скобки || означают, что результатом был остаток деления. Если древнерусские писатели и допускали ошибки в индиктовых обозначениях, как утверждали

Н.В. Степанов и А.Г. Кузьмин, то происходило это отнюдь не по причине плохого знания правил счета, а потому что в их вычислениях место N занимал не константинопольский, а какой-то иной год. Самый наглядный пример такой “ошибки” содержит переложение ЛВ в РК, где датировки патриарха Никифора сопровождался индиктовыми числами, которые высчитывал сам переписчик книги (это ясно из того, что ни в греческом тексте, ни в прочих славянских списках ЛВ индиктовых дат нет). Не будучи посвященным в правила антиохийского летосчисления, которое и применялось автором ЛВ, рязанский “книжник” все абсолютные даты “Хронографикона” считал константинопольскими и высчитывал для них индиктовые номера так, как полагала указанная выше формула. При этом его не смущало то обстоятельство, что даты ЛВ, исчисляемые от Р.Х., опровергали его расчеты, например: “Преставление Костянтина царя бысть въ 5 индикта, от начала мира въ лѣто 6305, а от Спаса же нашего и Бога лѣто 805”¹⁸; для 805 г. от Р.Х. следовало указать 13 индикт.

Не менее древней, чем константинопольская, а в некоторых регионах Руси и более древней была летосчислительная система, полагавшая от С.М. до Р.Х. 5505 лет. А.Г. Кузьмин, первым отметивший ее применение в ПВЛ, не совсем удачно, на наш взгляд, назвал ее “старовизантийской”¹⁹. Ее истоки, действительно, теряются в глубокой христианской древности, но достоверно известно, что в IX–X вв. она применялась в византийской и болгарской письменности²⁰, поэтому вернее будет называть ее “византийско-болгарской”. Ее употребление в русском счете времени не является пока общепризнанным фактом, и поэтому мы перечислим далее случаи обнаружения византийско-болгарской эры в древнерусских письменных памятниках, за исключением тех, что были уже указаны А.Г. Кузьминым и в предыдущих главах этой книги:

1. В Вск. и Псковской 1-й летописи известия об астрономических явлениях 1091 г. (солнечное затмение и метеор), датированные в ПВЛ 6599 г., отнесены к 6596 г.²¹, что выявляет их византийско-болгарскую принадлежность.

2. Признаки этой же эры сохранились в нескольких хронологических артефактах новгородских летописей (6553 и 6607 гг. НПЛ, НЧЛ и СПЛ; см. подробнее 5.2).

3. Наконец, реликтовые проявления византийско-болгарского счета лет наблюдаются и в поздних письменных памятниках. Так, например, в “Слове на Успение св. владычицы Богородицы” (в Чудовском сборнике XIV в.) день Благовещения (25.03) называется неделей (воскресением) /СДЯ, I, 1746/, что было в 4 г. до н.э. или в 5505 г. от С.М. Это календарно-недельное показание закрепилось во многих рукописях XVI–XVII вв. (кстати, в одной из них прямо указывалось, что “в лѣто 5505, ... мѣсяца декабря въ 25 день... родился Господь наш”) и, в конце концов, вошло даже в текст печатной Следованной Псалтири²².

На примере ПВЛ мы убедились, что источником появления византийско-болгарской эры в Древней Руси было болгарское лунное летосчисление (см. главу 3). Для русских компутистов XI–XII вв. 12-летний болгарский лунный цикл был непонятен, и поэтому, позаимствовав у западных соседей один из элементов их летосчисления (интервал в 5505 лет

от С.М. до Р.Х.), они совместили его с солнечным типом календаря и с 19-летним пасхальным циклом. Это хорошо прослеживается на примере древнейшего хронологического пласта ПВЛ: до тех пор, пока первоначальный составитель летописи целиком полагался на даты болгарского источника типа "Истории за Бога вкратце", он неосознанно копировал их лунный вид (6367, 6370, 6377, 6406 и 6415 гг.), но когда источник не имел нужной информации или же оказался исчерпанным, летописцу приходилось самому высчитывать византийско-болгарские даты и он делал это по правилам солнечной хронологии.

Третьей восточнохристианской летосчислительной системой в Древней Руси была так называемая антиохийская эра, созданная еще в III в. Секстом Юлием Африканским, который юлагал между С.М. и Р.Х. 5500 лет²³. Впервые ее применение в старинной русской письменности отметили исследователи XVIII в.²⁴, а позже было признано ее широкое использование в летосчислении славянских народов.

Посетивший Россию в 1654–1656 гг. антиохийский патриарх Макарий был озадачен вопросом одного из своих русских собеседников, который пожелал узнать, почему в одних случаях Р.Х. полагают в 5508 г. от С.М., а в других — в 5500 г.; сановному гостю самому представлялось загадочным частое употребление в русской письменности XVI–XVII вв. архаичного счета лет, придуманного его далеким предшественником Юлием Африканским, тогда как весь остальной православный мир давно уже отдавал предпочтение константинопольскому летосчислению²⁵. Приглядевшись внимательно, патриарх Макарий заметил бы, что в его время антиохийская эра применялась русскими писателями скорее в ритуальном, а не практическом значении, в форме механически бездумного копирования старинных хронологических элементов, но не как результат самостоятельных и вполне осознанных расчетов²⁶.

Совсем иначе обстояло дело в эпоху создания ПВЛ. Один из ее составителей не ограничился простой перепиской антиохийских дат ЛВ и РФ, но и взялся создавать на их основе годичную шкалу для датировки византийских, болгарских и, главным образом, русских исторических событий (даты 6360, 6366, 6374, 6463, 6477 и др.; см. главу 3). Более того, начальную антиохийскую дату своего свода (6360 г.) он сопроводил 8 номером индикта, избежав характерной для древнерусских писателей ошибки. Этот летописец, следовательно, умел верно совмещать шкалы-деления двух летосчислительных линий (антиохийской и константинопольской индиктовой) и делал это, как он сам указал, через их приведение к "общему знаменателю", т.е. через их пересчет на годы от Р.Х. ("въ лѣто 6360, ... наченшо Михаилу царствовати; ... а отъ Христова Рождества до Констянтина лѣт 318, от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542" /I, 17; II, 13/). Таким образом, индикт в данном случае высчитывался так:

$$I = \left\lfloor \frac{N - 5500 - 312}{15} \right\rfloor,$$

где 312 — год от Р.Х., который с IV в. принимался христианами за начало отсчета 15-летних индиктионов.

На подобные размышления наводит и антиохийская календарно-недельная дата смерти полоцкого князя Всеслава Брючиславича в статье 6609 г. Л. ("мѣсяца априля въ 14 день, ... въ среду" /I, 274/; см. 2.1). Понятно, что рассчитать это показание по правилам константинопольского счета можно было только в том случае, если бы номер года был 6617, значит и здесь проводилась целенаправленная синхронизация антиохийских лет и константинопольских пасхальных терминов через их перевод на годы от Р.Х.

В Изб. 1073 г. встречается единственное в древнерусской письменности упоминание об эре Анниана (от С.М. до Р.Х. 5493 года), что определяется по номерам пасхальных терминов, сопровождающих дату Воскресения Христова: "Въ лѣто 5534, Сльньцю же 6Ѣ лѣто 5, ЛунѢ же 14" /Изб. 1073, 2486/; очевидно, что в практическом летосчислении эта эра не применялась. Из переводных сочинений древнерусским "книжникам" XI–XII вв. была известна еще и эра, полагавшая Р.Х. в 5967 г. от С.М.²⁷, но и она практически на Руси не употреблялась, так как существенно расходилась с константинопольским хронологическим порядком, а это по тем временам было недопустимым. Дело в том, что любой писатель-хронолог, какой бы эре летосчисления он ни был привержен, не мог обойтись без константинопольских правил определения Пасхи и недельного расписания (см. о них 4.4, 5), так как архаичные восточнохристианские системы времяисчисления, к каковым относились и византийско-болгарская, и антиохийская, таких правил не предусматривали. Это обстоятельство заставляло древнерусских компутистов помнить не только основы своих излюбленных систем, но и методы их согласования с календарно-недельным счетом, основанным на константинопольских пасхальных терминах. Для того, чтобы определить, к примеру, недельное показание в только что указанной дате смерти Всеслава, летописец, считавший время антиохийскими годами, должен был руководствоваться календарно-недельным расписанием константинопольского 6617 г., синхронного 6609 антиохийскому году. Получалось, что в представлении русских летописцев того времени Р.Х. во всех трех эрах выпадало на один и тот же год (табл. XVIII), но время Мироздания определялось в них различно. Именно поэтому стоит возразить Я.С. Лурые, утверждавшему, что во всех древнерусских эрах синхронной была начальная точка летосчисления (С.М.)²⁸. Впрочем, иногда, как, например, в процитированной выше дате Благовещения из "Слова на Успение св. владычицы Богородицы", достигалась синхронизация иного рода: здесь был выбран византийско-болгарский интервал лет от С.М. до Р.Х., но календарное расписание года, в котором появился на свет Иисус Христос, определено не по 5508, а по 5505 константинопольскому году, т.е., по сути, были приравнены во времени начальные годы обеих эр, отчего они тремя годами разошлись в датировке новозаветного события. Впрочем, и тот, и другой путь синхронизации, с точки зрения исторической хронологии, были ошибочными и далекими от реального соотношения православных эр; русские переводчики и писатели не понимали, к примеру, того, что "Хронографикон" патриарха Никифора только формально придерживался антиохийского счета лет, тогда как

фактически его автор считал годы по эре Анниана (от С.М. до Р.Х., как оно полагалось в константинопольской эре, 5493 года)²⁹.

В эпоху создания ПВЛ восточнохристианское летосчисление употреблялось на Руси преимущественно в церковно-служебной практике и в письменности, все разновидности которой были подконтрольны церковной организации. Важного светского, государственного или тем более общенародного значения оно тогда еще не приобрело, примером чему может служить княжеское летописание Святославичей и Всеволодовичей во второй половине XI - начале XII в., ведущееся по правилам "династического" счета лет. Ни в коем случае нельзя считать, однако, что оно было изолированным от русской жизни явлением и имело узкие сословные границы употребления. Это ясно хотя бы из того, что летосчисление от С.М. довольно быстро обогащалось элементами дохристианской древнерусской хронологии, тем самым все более отдаляясь от канонических православных стандартов.

В этом отношении ПВЛ представляет собой настоящий сборник иллюстраций. О блестящем знании ее соавторами разнообразных приемов старинного "династического" счета лет мы уже говорили, но, кроме того, они же выработали и внедрили в древнерусскую письменность два конкретных приема соединения относительного языческого и абсолютного христианского времяисчислений. Первый — перебивка "слитного" (т.е. непогодного) исторического рассказа отдельными датами от С.М. — применялся "начальником" ПВЛ, объединившим русские исторические сказания с византийско-болгарским летосчислением, а также летописцем, соединявшим "Сказание о христианстве на Руси" с антиохийской хронологией (см. 3.1, 2). Как правило, этот метод не приводил к грубым нарушениям в очередности изложения происшествий, но его следствием была "спрессовка" разновременных исторических событий вокруг отдельных хронологических вех. Именно такая картина наблюдается в начальной части текста младшего извода НПЛ, где разбивка слитного рассказа "Сказания о русских князьях" датами, позаимствованными компилятором из Хронографической Палеи, вызвала несуразную концентрацию событий самых разных эпох в пределах годичных статей: например, в статье 6362 г. Ком., Ак. и Толст. оказались совмещенными сюжеты об основании Киева, о нападении русских на Константинополь при Михаиле III, о дани хазарам, о призвании варягов, о захвате Киева Олегом и Игорем и даже о рождении Святослава /НПЛ, 104–107/, т.е. ее хронологический диапазон, с одной стороны,

уходил в восточнославянскую древность, а, с другой, достигал середины X в.

Иную методику совмещения двух хронологических традиций применял игумен Сильвестр. Он так же, как и его предшественники, вставлял в текст годичные номера, позаимствованные из русско-византийских дипломатических документов и из индиктовых показаний ХГА, что приводило к частичному перемещению событий (см. главу 3); однако при этом он старался еще и максимально "раздробить" "спрессованные" участки редактируемого текста, растянуть их по годичной шкале и тем самым придать произведению законченную форму погодной хроники. Хронологическое "дробление" сюжетов Сильвестр осуществлял по смысловому принципу: так, если Олег вокняжился в Киеве в 6390 г., то первоначально слитые с этой датой известия (походы Олега на древлян, северян и радимичей) он "раздробил" соответственно на 6391, 6392 и 6393 гг. и т.д. Кроме того, каждое новое княжение отмечалось новым годом (Олег умер в 6420 г., значит Игорь начал править с 6421 г. и т.д.), что, кстати, было данью "династической" традиции счета. Результатом "дробления" было еще и появление "пустых" лет, для заполнения которых у редактора просто-напросто не хватало исторической информации, но которые были нужны для придания тексту благопристойного хронографического вида³⁰.

Оба описанных метода ("разбивка" и "растяжение" относительных датирующих показаний) применялись и позднейшими летописцами при включении в своды литературных произведений, имевших "слитный" текст. В случае же с ПВЛ мы можем признать, что они не способствовали созданию правдивой хронологической картины, а лишь помогали оформлению летописного текста на манер византийских хронографических сочинений. Впрочем, вопрос о достоверности хронологии русских известий начальной части ПВЛ (от призвания варягов до крещения Ольги) вообще неуместен, так как уже первоначальный ее ориентир (синхронизация прихода Рюрика на Русь с воцарением императора Михаила III) был выбран летописцами XI в. произвольно; с одной стороны, у них имелись "немые" в смысле абсолютной хронологии сюжеты "Сказания о русских князьях", с другой, — сообщение какой-то переведенной на славянский язык греческой хроники (ХГА?) о первом нападении русских на Константинополь при Михаиле, что и дало повод компиляторам посчитать Рюрика, первого из героев "Сказания...", современником этого византийского монарха.

4.2. ДРЕВНЕРУССКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ

Календарные хронологические артефакты ПВЛ вместе с показаниями других древнерусских источников представляют нам картину довольно замысловатого сочетания языческих и христианских элементов. К сожалению, древнерусская письменность донесла до нас только разрозненные и изрядно искаженные элементы языческого календаря, которые весьма трудно связать в единую цельную реконструкцию. Надо признать поэтому, что вряд ли уже

когда дохристианские календарные системы нам удастся восстановить в полном и детальном виде. Из всех известных к сегодняшнему дню таких реконструкций наибольшего доверия заслуживает схема Н.В. Степанова³¹, но и ее следует воспринимать скорее целиком, а не в деталях, многие из которых вызывают сомнение.

Самым убедительным и не требующим каких-либо дополнительных аргументов являлся вывод

Н.В. Степанова о том, что календарное счисление в дохристианской Руси имело лунно-солнечный характер³². Не вызывает сомнений и мысль о том, что календарные годы начинались весной³³. Совершенно очевидно и то, что в состав календарного года входили сезонные, месячные и дневные единицы учета времени. Каким образом наши далекие предки определяли границы четырех сезонов ("всех летных времен"), нам неясно. Скорее всего, каких-то четких сезонных разграничений до конца X в. на Руси не было, и в каждом году продолжительность времени года была различной и зависела, в первую очередь, от природно-климатических факторов, а не от счета месяцев. По всей видимости, именно на это указывает удивительная дата из статьи 6623 г. НПЛ: "А на осень прѣставися Олегъ... августа въ 1" /НПЛ, 20, 204/; христианские календарные нормы никак не могли позволить отнести первый день августа к осени, и поэтому нам остается только предполагать, что новгородский летописец начала XII в., наблюдая августовское похолодание 1115 г. и отмечая ранние признаки увядания природы, поддался старинному обычаю определять смену сезонов визуальным способом. Если это было действительно так, то выходит, что "всех летных времена" не были связаны в языческом календаре со счетом месяцев³⁴.

Самих же месяцев в обыкновенном календарном году было 12. Их полный перечень и последовательность донесло до нас Галицкое Евангелие-тетр (1144 г.): сухой, березозол, травный, изок, червен, зарев, рюен, листопад, груден, студеный, просинец, сечень³⁵. Их позднейшая синхронизация с юлианскими месяцами совсем не означает того, что в языческую эпоху они имели такую же величину, как и месяцы христианского календаря и полностью совпадали с их расположением в пределах года (подробнее об этом см. далее).

Скорее всего, счет дней в пределах древнерусских месяцев начинался от новолуния (точнее, от исомени), как и в большинстве известных нам древних лунно-солнечных календарей³⁶. На это вроде бы указывает любопытнейшая деталь весьма подробной и сложной датировки прихода князя Святослава Ольговича в Новгород в статье 6644 г. Син.: "Мѣсяца июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на соборъ святыхъ Еуфимие, въ 3 час дне, а Луне небеснѣй въ 19 день" [курсив мой. — С.Ц.], причем, очевидно, что эта деталь восходит к древнейшей первооснове НПЛ, так как присутствует и в списках младшего извода в отличие от прочих хронологических элементов /НПЛ, 24, 209/. вполне возможно, что внутри лунных месяцев дни группировались в промежуточные семидневные циклы, отражающие лунные фазы; так, например, этнографически у восточных славян в месяцах прослеживались четыре периода ("народжение", т.е. новолуние, "новый перекрой" — первая четверть, "ущерб" — полнолуние и "ветхий перекрой" — последняя четверть, после чего наступали "межи" — время между двумя месяцами)³⁷. Впрочем, легко можно догадаться о том, что знание возраста Луны на тот или иной день года не могло быть уделом большого числа древнерусских жителей, и поэтому лунный счет дней чаще всего заменялся иным. Это был относительный отсчет от какого-либо события, представлявший собой полную аналогию описанному ранее "династическому" счету лет. Его характе-

ристику мы можем составить при помощи древнерусских письменных памятников, сохранивших его в виде реликтов. В нем также, как и в летосчислении, в качестве исходных точек отсчета использовались самые разнообразные события, применялось округление дробных единиц счета (речь идет о месяцах)³⁸ и, наконец, употреблялся "включающий" счет³⁹.

Нас не может устроить, однако, предложенная Н.В. Степановым математическая модель структуры дохристианского древнерусского календаря, которую он, полагаясь, большей частью, на сведения УЧ, представил следующим образом. В обыкновенных календарных годах чередовались, якобы, месяцы величиной в 28 и 29 дней, т.е. продолжительность таких лет составляла 342 дня ($28 \times 6 + 29 \times 6$); в эмболисмических годах к этому числу дней добавлялся еще 13 месяцев величиной в 29 дней. "Древнерусский лунно-солнечный цикл", по мысли Н.В. Степанова, состоял из четырех лет, из них три первых были простыми, а четвертый — эмболисмическим, всего, таким образом, в цикл входило 1397 дней ($342 \times 3 + 371$). Если принять эту схему, то останется непонятным, каким образом наши предки могли удерживать новогodie в пределах весны, так как в четырех тропических годах насчитывалось совершенно иное число дней (1460), а это значит, что за каждую четырехлетку блуждающий древнерусский календарь смещался почти на 70 суток по отношению к солнечному времени, что, естественно, не позволяло даже приблизительно согласовывать его с сезонами. Неясно также, каким образом величина года в 342 дня обеспечивала совпадение новогodie и первых месячных дней с новолуниями, так как 12 лунных месяцев насчитывают 354 дня. Понятно, что с точки зрения астрономо-математической хронологии степановская реконструкция не выдерживает критики.

Мы предлагаем иную модель реконструкции дохристианского древнерусского лунно-солнечного календаря, смутное воспоминание о котором содержится, на наш взгляд, в тех же самых фразах Кирика, к которым так неудачно обращался Н.В. Степанов: "Вѣсто да есть, яко въ единомѣ лѣтѣ кнѣжных [т.е. солнечных. — С.Ц.] мѣсяцевъ 12, а небесныхъ Лунъ исходить 12 Лунѣ, а 13 Лунѣ исходить 11 день и в томъ на четвертое лѣто прибудетъ Луна 13. А по 4 недѣли чтутся въ мѣсяць 13 мѣсяци, полъни отъ года да до года и одинъ день" /УЧ, 184–186/. В начале этого фрагмента, как верно догадался Н.В. Степанов, описывается 11-суточная разница между солнечными и лунными годами ($365 - 354 = 11$), в его окончании — величина эмболисмических месяцев, но среднюю его часть следует трактовать совсем не так, как это сделал наш предшественник. Говоря о том, что "на четвертое лѣто прибудетъ Луна 13<-я>", новгородский автор 30-х гг. XII в. имел в виду то, что дополнительный месяц занимал промежуточное место между третьим и четвертым лунными годами, т.е. он излагал не "четырёхлетний древнерусский лунно-солнечный цикл", как считал Н.В. Степанов, а самую архаичную и примитивную модель лунно-солнечного календаря, в исторической хронологии именуемую "триэтеридой": два обычных лунных года, каждый длиной в 354 дня (6 месяцев по 29 дней + 6 месяцев по 30 дней) + эмболисмический год в 383 дня (354

+ 29). Таким образом, в цикле будет 1091 день, что примерно соответствует солнечной трехлетке (1095 дней).

Интересно, что и в хронологических статьях Изб. 1073 г. также вполне определенно излагается не цикл Метона, как это следовало бы сделать, описывая греческий, александрийский и македонский календари, а триэтериды: "Бывает по 3 лѣтъ бѣхъ вълазъный мѣсяць, събираемъ деньми 33, трийнадесятьный" /Изб. 1073, 249в/.

Триэтериды использовались почти всеми народами, употреблявшими лунно-солнечный календарь, прежде чем они перешли к более сложным и совершенным календарно-математическим моделям (8-летний цикл, 19-летний цикл и т.д.). Вне сомнения, автор УЧ, как истинный христианский хронолог-пасхалист, был приверженцем 19-летнего лунно-солнечного цикла Метона (см. 4.4), но национальная языческая традиция сказалась на его воззрениях, и поэтому 19-летку он представлял как чередование трехлетних циклов (шесть трехлетних циклов по 1091 дню + 19-й год в 383 дня)⁴⁰. Тем самым русский сочинитель XII столетия ненароком выдал нам одну из тайн древнерусского языческого календарного счисления, глубоко скрытого от нас мраком времени и почти полностью уничтоженного поздними инородными напластованиями.

Мы можем догадываться о том, что в Киевской Руси применение триэтериды вряд ли сопровождалось повсеместным знанием и пониманием ее астрономо-математической сути, т.е. дело обстояло так, как говорилось в одном из популярных изречений Менандра: "Вѣщати умѣють мнози, а разумѣвати не вси" /СДЯ, II, 310а/. Скорее всего, этот цикл основывался на визуальных наблюдениях и практическом осмыслении природных явлений: в самом деле, сдвигка сезонов по отношению к календарному лунному счислению на протяжении двух лет относительно невелика (22 дня), но на третий год она становится заметной даже несведущему в астрономии человеку, что вызывает потребность в корректировке времяисчисления. Кстати, мы совсем не знаем, как назывался дополнительный 13-й ("вълазъный", как обозначил его составитель Изб. 1073 г.) месяц и в какую часть года он вставлялся (в середину или в его окончание)⁴¹.

С конца X в. старинные календарные формы уступают место христианским системам, в основании которых было заложено солнечное времяисчисление. В IV в. христианская церковь приняла юлианский календарь и приспособила под его структуру свои праздничные и служебные циклы. Ко времени христианизации Руси эта календарная форма уже полностью утратила свой "классический" вид и дополнилась элементами, упрощавшими ее практическое употребление. Не удивительно поэтому, что древнеримская форма юлианского календаря не получила здесь широкого распространения, а редкие случаи ее применения могут считаться своеобразной формой литературного щегольства⁴².

Внедрение солнечного юлианского времяисчисления конечно же привело к изменениям в русских хронологических представлениях. Прежде всего, это проявилось в утверждении новой стабильной 12-месячной структуры календарного года и в окончательном вытеснении лунно-солнечной триэтериды, допускавшей периодическое включение 13 меся-

ца; даже само название этого месяца кануло в лету и уже в 30-е гг. XII в. не было известно такому выдающемуся знатоку хронологии, каким был Кирик. Для обозначения месяцев русские писатели XI–XII вв. стали использовать римско-юлианские названия, позаимствованные из христианской церковно-служебной практики. Правда, в то время полного отказа от старой системы наименований месяцев не произошло; это ясно и из описанных выше случаев их употребления в церковно-служебных книгах (см. прим. 44), и из того, что солнечные юлианские месяцы русские авторы называли "книжными", подчеркивая тем самым их исключительно письменное, но не бытовое применение⁴³. Новые традиции, все же, брали свое и национальные языческие элементы постепенно утрачивали своеобразие, превращаясь в подобие иностранных единиц учета времени: так, переписчик ОЕ, новгородский диакон Григорий, в середине XI в. полностью синхронизировал языческий месяц просинец с юлианским январем, а зарев — с августом, хотя истинные лунно-солнечные месяцы просинец и зарев, кроме того, что имели другую величину, могли приходиться соответственно на вторую половину декабря и июля или же на первую половину февраля и сентября; точно также поступили и западнорусский летописец Василий в конце XI в., приравнявший грудень к ноябрю, и киевский переписчик стихиров в середине XII в., не видевший разницы между сеченем и февралем. Эти примеры показывают не столько живучесть старинных способов времяисчисления, сколько утрату их первоначального лунно-солнечного содержания, их медленное, но неуклонное вытеснение из бытового счета времени христианскими элементами и постепенное превращение в своеобразную литературную отделку солнечных "книжных" (на самом деле, уже не книжных, а повседневных) месяцев⁴⁴.

Другим важным последствием появления христианских хронологических новшеств на Руси стала стабилизация в соотношении сезонов и месяцев года, которое как раз в XI в. и приобретает всем нам хорошо известную схему (четыре сезона по три месяца каждый)⁴⁵. В древнерусских источниках мы не замечаем каких-либо частых и систематических отступлений от этой схемы или проявления ее подвижного характера. Исключение представляет лишь определение границ начального годового сезона. Так, сопоставляя между собой мартовский (6619 г. Ип.-Хл.) и постмартовский (6618 г. всех списков) рассказы ПВЛ о походе русских князей на Дон (см. 1.2), мы замечаем, что первый из них относит начало военной экспедиции ко второй неделе Великого поста, т.е. к 26.02.1111 г., но во втором говорится: "Идоша **веснѣ** на половцѣ [курсив мой. — С.Ц.] /I, 284; II, 260, 266/, т.е. весна могла начинаться еще в феврале. Как выяснится позже (см. 4.3), подвижность зимне-весенней границы определялась использованием "великопостного" новогодия. По мнению А.А. Шахматова, сезонные датирующие показания древнерусских источников указывают на то, что исторические записи были сделаны не современниками и очевидцами событий, а совсем другими людьми "по припоминаниям"⁴⁶. Вероятно, так и было в тех случаях, когда создавались литературные произведения, жанровая специфика которых не требовала точности в описании

исторических событий, в связи с чем авторы ограничивались неконкретными датировками. Что же касается летописания и бытовой письменности, то их сезонные датировки довольно часто совмещались с точнейшими хронологическими элементами, которые трудно бы было восстановить по памяти или же они сопровождалась детальным, а иногда даже мелочным описанием событий, сделанным, несомненно, по горячим следам происшествий⁴⁷. Понятно, что в этом случае мы имеем дело не с позднейшими датирующими записями, а с проявлением упрощенной формы датирования, возникшей еще в дохристианское время.

Наконец, третьим существенным изменением календарного времяисчисления, происшедшим в конце X - начале XI в., было постепенное вытеснение языческого относительного счета дней юлианским. На Руси, однако, в это время юлианский счет не имел самостоятельного значения и применялся в соединении с двумя другими (святоточный и пасхальный). Конечно же, в русской письменности тех столетий встречаются случаи автономного употребления юлианских дневных единиц, даже в записях несомненно церковного происхождения⁴⁸, но они должны восприниматься, скорее, не как правило, а как исключение из счетного стандарта. В дошедшем до нас литературном материале XI-XII вв., в том числе и в ПВЛ, многие первоначальные святоточно- и пасхально-юлианские даты уже утратили свой оригинальный вид под пером позднейших переписчиков и редакторов⁴⁹, что создает видимость преобладания "чистых" юлианских календарных дат над смешанными. Обманчивость такого впечатления выявлялась тогда, когда летописные артефакты ПВЛ позволяли нам реконструировать хронологические факты, первоначально содержавшие святоточные и пасхальные элементы (6504, 6562, 6582-6584, 6594, 6601, 6613, 6614-6617, 6620-6623 и 6629 гг.); относительно небольшое число таких случаев объясняется только тем, что хронологические показания дошли до нас изрядно деформированными. Можно, по-видимому, согласиться с выводом А.А. Шахматова о том, что наличие или отсутствие в древнерусских датах церковных элементов является верным признаком их первичности или редакционного изменения⁵⁰.

Святцы (церковно-служебный календарь с годичным расписанием неподвижных христианских праздников) уже сами по себе представляли соединение праздничного порядка с днями юлианского года, т.е. своеобразный табель-календарь, который практически не требовал от древнерусских хронологов проведения "велемудрых" расчетов и значительно облегчал датирование тех или иных событий. Простота и удобство святоточного датирования и, в то же время, его каноничность, сделали этот способ счета дней самым популярным на Руси в XI-XII вв. Мало того, что мы обнаруживаем его в самых различных видах древнерусской письменности (летописание, агнография, патристика, актовые грамоты и т.д.), мы еще наблюдаем его многофункциональное назначение. Так, по святцам осуществлялось точное дневное датирование, исключавшее даже и юлианские элементы как ненужный "довесок"⁵¹. Не имея, видимо, возможности или желания постоянно заглядывать в святоточный календарь, древнерусские авторы вели и относительный счет дней от

наиболее примечательных святоточных дат и даже использовали его для определения недельных обозначений, что, вообще-то, относилось к компетенции пасхального календаря⁵²; относительный святоточный счет охватывал иногда длительные "времена разстояния"⁵³. Нестор-агиограф, наконец, использовал святцы для усиления драматической коллизии своего сочинения; в уста ожидающего смерти Глеба он вложил такие слова: "Се бо, о, Владыко, яко древле в сий день Захарья заколенъ бысть предъ требникомъ твоимъ, иже ныне азъ закланъ быхъ предъ тобою, Господи" /ЖБГ, 11/, тем самым иносказательно намекая на то, что в день убийства Глеба (5.09) святоточный календарь показывал память пророка Захарии, родителя св. Иоанна Предтечи. Показательно и то, что бытовые народные календари до XVIII в. также чаще всего приобретали святоточную форму⁵⁴.

Именно в этой святоточной "оболочке" чаще всего и применялся юлианский счет дней. ПВЛ дает нам несколько весьма характерных свидетельств того, как юлианские числа дней, предшествовавших или последующих "благовестиям", высчитывались по святоточным обозначениям. Так, в статье 6576 г. (в Р.-МАК. 6575 г.) дата освобождения Всеслава Брячиславича восставшими киевлянами ("въ 15 день сентября") была определена одним из редакторов Киево-Печерского свода середины 70-х гг. XI в. на основании того, что в редактируемом тексте рассказывалось, как накануне избавления от плена, "в день... Въздвигенья", полоцкий князь воздал молитву Честному Кресту Господнему /I, 171-172; II, 161/; точно так же битва на Желани была датирована "мѣсяца иуля въ 23" в связи с тем, что "наутрия же въ 24 <июля>, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ в градѣ [Киеве по поводу поражения русских в битве. — С.Ц.]" /I, 222; II, 212-213/; все юлианские числа в рассказе о перенесении мощей Феодосия в 6599 г. ориентированы на начальное святоточное показание этой статьи "и приспѣвшию празднику Успенья Богородициѣ трети деньми" /I, 209; II, 200/; наконец, первоначальная святоточная дата киевского пожара, содержавшаяся в статье 6632 г. редакции ПВЛ конца 20-х гг. XII в. ("погорѣ Подолье все на канунъ святого Рождества Ивана Крестителя и Прѣдтеча, въ утрий же день погорѣ Гора" /II, 288/), повлияла на появление юлианских дат в соответствующем известии владимиرو-суздальских летописей конца XII — начала XIII в.: "Мѣсяца июня въ 23 день и в 24 на Рождество Иоана Предтечи" /I, 293/.

Несомненно, что подобные календарные функции святцев во многом определялись церковной времяисчислительной практикой, где в отношении важнейших неподвижных христианских праздников использовались такие календарные единицы, как "канун" (день, предшествующий празднику; по современной церковной терминологии, "предпразднество", которое в некоторых случаях достигает четырех-пяти дней), "напразднество" (от одного до восьми дней, последующих за праздником, "попразднество") и "докончание" (конец "попразднества", "отдание")⁵⁵. Однако ни в одной другой христианской стране применение тех же служебных норм не придавало святоточному датированию такого важного, как в Древней Руси, значения в календарном

времяисчислении и уж тем более не приводило к его преобладанию над юлианским счетом дней. Это объясняется, видимо, тем, что святцы были восприняты древнерусскими хронологами как подходящая основа для применения языческой традиции относительного счета дней; в самом деле, календарный перечень христианских святых, мучеников и угодников представлял собой, по сути, список начальных ориентиров относительного дневного счета, откуда каждый автор, руководствуясь самыми различными соображениями, мог выбрать одну или несколько подходящих для него опорных точек. Потребность в таком использовании святочного календаря была актуальной в XI–XII вв. тем более, что в нем тогда еще присутствовали довольно большие пробелы⁵⁶.

Ко всему сказанному о роли святочного календаря в древнерусском времяисчислении мы должны добавить несколько замечаний, немаловажных для любого его исследователя. Древнехристианская мартирологическая традиция допускала множественность вариантов святочных календарей и уважительное отношение к их местным модификациям; следуя этой традиции, русская православная церковь до середины XVI в. не акцентировала внимания на достижении полноты и единообразия святцев различных церковных и монастырских центров, даже когда дело касалось служебных миней. Единственным требованием, предъявляемым к их составу, была правочность переписываемых в них угодников⁵⁷. Именно поэтому уже в XI в. на Руси получили хождение сразу несколько редакций святочных календарей, из которых нам знакомы лишь немногие. Самой распространенной, как и во всем православном мире, была афоно-студийская редакция, применявшаяся в официальной церковной службе Киевской митрополии⁵⁸, но кроме нее употреблялись и другие: на это указывает пример ОЕ, в состав которого были включены святцы южнославянской (романо-студийской) редакции, широкого распространения в древнерусской письменности так и не получившей⁵⁹. Не стоит сомневаться в том, что каждая переписка святочных месяцесловов сопровождалась в Древней Руси устранением из них имен неизвестных переписчику святых, дополнением списка именами угодников, особо известных и почитаемых в данной местности, перестановками в порядке чередования памятей (новейшие и известнейшие, по мнению редактора, имена и праздники выдвигались на первые места, а на задний план отодвигались полузабытые торжества) и пр.⁶⁰ Кроме того, обыкновенным делом были характерные ошибки переписки (путаница “единоименных” святых, замена мужских имен на созвучные женские или наоборот, пропуски, описки и т.д.)⁶¹. Другими словами, в различных регионах Руси формировались в разное время самостоятельные редакции святочных календарей, которые и использовались для датировки исторических событий⁶².

Все эти обстоятельства прямым образом влияли на качество хронологической информации, содержащейся в древнерусских письменных памятниках. Сталкиваясь с незнакомыми для них святочными датировками, русские летописцы-сводчики стремились к их переосмыслению и интерпретации на свой лад, что заставляло пускаться в самостоятельные хронологические “домышления”, нередко гра-

ничившие с догадками и фантазиями⁶³. Современный исследователь чаще всего остается бессильным перед расшифровкой подобных датировок; вполне возможно, что иногда мы даже не способны распознать грубые хронологические искажения первоначальных святочных датировок под камуфляжем внешне “благочисленных” юлианских дат.

Как уже говорилось, второй формой обрамления юлианского календаря на Руси в XI–XII вв. была пасхальная календарная система, исторические корни которой уходили в древнее лунно-солнечное времяисчисление. По своей популярности и степени влияния на юлианский счет она вряд ли немного уступала календарю святочному, а в отсчете семидневных недель играла, без сомнения, главную роль, поскольку все недели года определялись по отношению к пасхальному воскресению⁶⁴; неудивительно поэтому то, что из 28 случаев упоминания недельных хронологических артефактов в ПВЛ половина их так или иначе связана с пасхальными ориентирами (6562, 6582, 6601, 6603–6605, 6620, 6621 гг.), а из остальных 8 приходится на конец зимы — весну (6604, 6605, 6609, 6623 гг. и 6631 г. Л.), т.е. на тот период, для которого проще всего было произвести недельные расчеты от Пасхи, и при этом ни одно недельное показание ПВЛ не относится ко времени позже августа.

Об астрономо-математической основе и структуре древнерусского пасхального календаря мы поговорим особо, (см. 4.4, 5), здесь же отметим то, что и пасхально-юлианское, и пасхально-недельное счисление требовали от компутистов совершенного знания структуры пасхального года и обладания незаурядными навыками арифметического счета. Одно из хронологических показаний летописной статьи 6620 г. ПВЛ позволяет реконструировать способ пасхально-юлианского счета. Речь идет о постмартовском известии (поставление Прохора игуменом), записанном очевидцем события в Киево-Печерском монастыре: “В лѣто 6620... И поставленъ бысть недѣлѣ Масленѣ въ четвергъ [“въ четвергъ” — позднее ошибочное дополнение. — С.Ц.], мѣсяца февраля въ 9 день” /II, 273–274/. Учитывая наши предыдущие знания об этой дате (см. 1.2), мы приходим к выводу о том, что определить восхождение на Сыропустной седмице (“неделя Масленная”) девятым днем февраля можно было только таким путем: летописец уже знал предварительно дату Пасхи наступающего в скором времени 6621 года (29.03.1114 г.); он также знал и о том, что Масленная неделя всегда предшествует 49 днями Светлому Воскресению, т.е. она будет не в марте, а еще в пределах февраля, который в 6620 високосном году состоял из 29 дней; суммировав число пасхального дня с количеством февральских дней (29 + 29), от полученного результата он вычел затем 49 дней предпасхального расписания недель и в итоге получил дату 9.02. Другими словами, от юлианской даты предстоящей Пасхи киево-печерский монах вел в обратном порядке (от марта к февралю) параллельный отсчет двух линий времяисчисления: 1) отсчет предпасхальных седмиц, что всегда и делалось в пасхальных расчетах и 2) отсчет юлианских чисел. Если бы юлианская дата поставления Прохора определялась по современному образцу, т.е. не обратным счетом от даты Пасхи, а от 1.01.1114 г. или от 1.09.1113 г., тогда “неделя Масленная” пришлось

бы на 8.02.1114 г., так как в расчет не попадал бы день 29.02.

Таким же образом была высчитана в ПВЛ и дата смерти Итлара: "В лѣто 6603... В недѣлю Сыропустную,... мѣсяца февраля въ 24 день" /**I, 282**/ (см. 2.2). Этим же способом древнерусские хронологи могли определять юлианские числа не только для февральских дней, но также и для январских, декабрьских и т.д., в этом случае только прибавляя к пасхальному числу кроме 28 или 29 февральских дней еще и 31 день января, 31 день декабря и т.д. Если Пасха приходилась на апрель, тогда в расчет включались еще и 31 день марта.

Так же определялись юлианские числа и для послепасхальных месяцев, только здесь отсчет велся не в обратном порядке, а в обычной последовательности. На это указывают следующие смешанные даты ПВЛ: 6582 г. — "въ 2-ю субботу по Пасхѣ,... мѣсяца мая въ 3 день"; 6601 г. — "и минувшу Велику дни, прешедши Празднѣи недѣли, в день Антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день", "въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26"; 6621 г. — "по семь бо приспѣ праздникъ Пасхы,... и по празникѣ,... мѣсяца априля въ 16 день" /**I, 188, 217–218, 221; II, 178, 208, 211–212, 275**/.

4.3. КАЛЕНДАРНЫЕ СТИЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Как мы помним, вопрос о древнерусском новогодии был самым спорным в истории изучения отечественного времяисчисления (см. "Введение"). Исследователи довольно долгим и трудным путем шли к пониманию того, что в Древней Руси применялись сразу несколько календарных стилей и только с XVI в. один из них (сентябрьский) начинал преобладать над всеми остальными и получил статус официально-государственного. Но даже после того, как в начале XX в. Н.В. Степанов покончил с устаревшими взглядами на древнерусские календарные стили, многое в этой проблематике осталось загадочным и спорным. Детальное изучение хронологии ПВЛ дает нам возможность высказать несколько вполне обоснованных суждений на этот счет.

Во-первых, наш источник довольно убедительно доказал, что одной из древнейших и наиболее употребляемых форм русского календарного новогодия в XI–XII вв. было новогодие сентябрьское, а это означает, что в старинном споре с учеными, упрямо не желавшими признавать этот очевидный факт, прав оказался хронолог-любитель П.В. Хавский. Счисление "отъ мѣсяца сентября до мѣсяца августа" /**ОЕ, 210г**/ прослеживается в основании всех хронологических слоев, формировавших годичную сетку ПВЛ на протяжении второй половины XI – 20-х гг. XII в.

Игнорирование сентябрьского стиля исследователями разных поколений, начиная от В.Н. Татищева и кончая Н.Г. Бережковым, удивительно тем более, что общеизвестен факт установления с конца X в. в Киевской митрополии византийского образца церковной службы, который подчинялся правилам сентябрьского календарного счисления. Достаточно определено на это указывают и русские церковно-служебные книги XI–XIV вв. (церковный и монастырский Уставы, Трефологий, Пролог, Стихирарь, юнечный Торжественник, святцы), в которых порядок чтений, служб и гимнов излагался от дня преподобного Симеона Столпника (1.09). Почти все поименно известные и неизвестные нам русские "грамотники" XI–XII вв. (летописцы, агнографы, переписчики и пр.) относились к духовному сословию, так как только оно могло приобщить тогда жителей Киевской Руси к одному из богатств христианской культуры — письменности. "Устава не измѣняй, но твори вся по закону и чину" — это правило было усвоено древнерусскими "списателя-

ми" уже в XI в. /**I, 187**/ и, следуя ему, они неизменно придерживались сентябрьского счета даже тогда, когда сомневались в верности такого поступка; так, переписчик Софийского списка Устава (XII в.) воспринял это требование с сарказмом: "Начатькъ же сущихъ книгъ въ пьрвый сентября мѣсяца есть, въ тѣ бо день начатькъ всего лѣта многихъ ради винъ Грькомъ мнѣться" /**Срезневский, 38**/, но нарушить его он, тем не менее, не посмел.

Вряд ли стоит переоценивать случай отнесения новогодия к 23.09 в месяцеслове ОЕ и утверждать повсеместное использование на Руси "асийского индикта", как это сделал В.Н. Шляков⁶⁵. Пометке "новое лѣто" под этим юлианским числом в месяцеслове ОЕ предшествует обычное для 1.09 обозначение "новууму лѣту и начатькъ индикту" /**ОЕ, 210г, 225в**/. Как видно из перечня аналогов с асийским новогодием, приведенного В.В. Болотовым, этот хронологический атавизм, оставшийся от архаичного сиро-македонского новогодия (выпадало на день осеннего равноденствия, который считался началом осени), не получил распространения в русской средневековой письменной традиции. Более правильное его осознание появилось у русских хронологов позже, что отразилось в святцах Кирилло-Белозерского монастыря (XVII в.), где под 23.09 помечено начало осени⁶⁶.

Очевидно, однако, и то, что уже в XI в. многие древнерусские писатели использовали и весеннее новогодие. Самое древнее его проявление встречается в копии старинной новгородской записи конца 40-х гг. XI в. из Геннадиевой Библии (1499 г.): "Ночахъ же ѿ [книгу Толкований пророков для князя Владимира Ярославича. — С.Ц.] писати в лѣто 6555, мѣсяца мая 14, а кончахъ того же лѣта мѣсяца декабря въ 19"⁶⁷. Признаки весеннего времяисчисления отмечаются и в записи диакона Григория в ОЕ: "Почахъ же ѿ писати в лѣто 6564, а окончяхъ в лѣто 6565... Почахъ же писати мѣсяца октября 21,... а окончяхъ мѣсяца майя въ 12" /**ОЕ, 294б, г**/. Наконец, в ПВЛ первоначальное употребление весеннего новогодия летописцами, современниками описываемых событий, относится к 70–80-м гг. XI в., а в новгородском летописании — даже ко второй трети XI в.

В чем же заключались причины, побудившие древнерусских авторов отступать от "взаконенных"

правил учета времени? Уже сам церковный хронологический канон, оказываясь, давал для этого основания: некоторые разновидности служебных книг согласовывались с Пасхой, как исходным временным ориентиром для отправления служб, постов, праздников и пр. (Евангелия-апракос, Паремейники, Триодь). Показательно в этом смысле то, что в церковном судопроизводстве того времени определение сроков длительной епитимии довольно часто велось от Пасхи⁶⁸. Вторым фактором, определившим распространение на Руси весеннего календарного счета, было влияние "светской" греко-славянской литературы. В болгарской письменности X в., например, вполне очевидно сочетание константинопольского индиктового счисления с весенними годами Мироздания⁶⁹, а одно из самых популярных в славянском мире переводных византийских сочинений, ХГА, наряду с использованием индиктового счета, пропагандировало весенний календарный стиль: "Разумѣти убо, яко Нисана 1-го мѣсяца глаголетъ, егоже мы именуемъ Мартія... Иже есть 1-й мѣсяць, нами глаголемый Мартъ,... ибо тако и нами, аще и 1-й Мартъ четься, 8-й же Октябрь обрѣтається, а 10-й Декабрь" /ХГА, 102/.

Но совсем не эти причины решающим образом определили появление весеннего новогодия в древнерусском времяисчислении XI–XII вв. Его истоки находились в дохристианской календарной древности восточных славян, многочисленные свидетельства чему дают этнографические материалы⁷⁰. Древнерусская письменность, к сожалению, не оставила конкретных фактов о весеннем языческом новогодии, в том числе и ПВЛ в старейшей своей части, но здесь же содержатся необычайно весомые косвенные аргументы в пользу такого мнения. Примеры редакционной работы некоторых древнерусских летописцев XI–XII вв. показывают, что весенние летописные годы от С.М. они создавали самостоятельно и независимо от греко-болгарской хронологической традиции, полагаясь при этом лишь на первоначальную "сентябрьскую" группировку известий, сделанную их предшественниками и на собственные пристрастия к весеннему новогодию. Так, компилятор середины 80-х гг. XI в., имевший на руках текст Киево-Печерского свода середины 70-х гг. и черниговские княжеские погодные записки, совсем не собиравшийся придерживаться сентябрьской летосчислительной шкалы первого источника; позаимствовав из него годичные номера и сюжетный "скелет", он не только дополнил его черниговскими сведениями "династического" типа, но и поменял новогодие с сентябрьского на весеннее, тем самым показав, что, во-первых, черниговские записки датируются весенними относительными годами и, во-вторых, сам он был убежденным приверженцем неканонического календарного стиля. Этот случай достаточно убедительно доказывает, что и в христианскую эпоху языческое весеннее времяисчисление прочно владело умами хронологов и, более того, они довольно успешно приспособливали его к правилам восточнохристианского счета.

Именно поэтому древнейшей конкретной формой русских календарных весенних стилей XI в. стало ультрамартовское новогодие, оригинальное не только в сравнении с греко-болгарским мартовским стилем, но и со всеми иными хронологическими традициями христианского мира. Единственным

близким аналогом этой уникальной календарной системе являлось времяисчисление "Пасхальной хроники" (VI в.), новогодие которой приходилось на весеннее равноденствие и на 5 месяцев и 10 дней опережало эпоху сентябрьских константинопольских лет (т.е. на 21.03.5509 г. до н.э.). Русским "книжникам", однако, это византийское сочинение было совершенно неизвестно и, кроме того, ни в одном отечественном средневековом источнике не встречается указаний на связь нового года с днем весеннего равноденствия. Таким образом, не может быть сомнений в том, что древнерусский ультрамартовский календарный стиль сформировался на местной основе из элементов языческого и восточнохристианского календарей⁷¹.

В пользу наших выводов свидетельствует и относительная древность ультрамартовских элементов в сравнении с мартовскими. Древнейшее проявление ультрамартовского счета в письменности относилось к первой половине XI в. и примерно совпадало с началом епископской деятельности в Новгороде Луки Жидяты (1036 г.). В хронологической структуре ПВЛ первые ультрамартовские артефакты относятся к середине 80-х гг. XI в. и генетически увязываются с новгородской времяисчислительной традицией времен Луки Жидяты (см. 5.2, 3); к этому же времени относится и древнейшее проявление мартовского календарного новогодия (см. табл. XV–3, 4), что, как видно, на полстолетия уступает возрасту ультрамартовского счета. Думается, что после всего сказанного здесь мы должны решительно возразить Н.Г. Бережкову, относившему появление ультрамартовского стиля лишь к 20-м гг. XII в.; немного ближе к истине был Н.В. Степанов, определявший эту дату 90-ми гг. XI в.

Чем же определялась логика расчетов древнерусских компутистов, переносивших новогодие на полгода раньше, а не позже по отношению к сентябрю? Оказывается, в этом заключался глубокий хронологический смысл: ультрамартовская календарная схема позволяла сохранить в неизменности сентябрьский строй древнерусской Пасхалии, тогда как мартовская предполагала ее существенные изменения. В самом деле, по константинопольскому сентябрьскому канону всегда рассчитывалась дата того Великого дня, который должен был наступить, самое меньшее, спустя 6 месяцев и 22 дня после дня новогодия, т.е. здесь предполагался длительный интервал времени между более ранним новогодием и определенным загодя предстоящим пасхальным днем; это условие соблюдалось и в ультрамартовском счете. Кроме того, пасхальные вгчисления велись не по числам фактически наступивших пасхальных терминов (Круги Луны и Солнца), а по их предстоящим номерам, так как смена номера Круга Луны происходила через четыре месяца после дня сентябрьского новогодия (1.01), а Круга Солнца — через месяц (1.10). Кормчая вообще требовала от пасхалистов определять дату предстоящей Пасхи буквально сразу же после празднования предыдущей (в послании Кирилла Александрийского Карфагенскому собору: "О Пасцѣ же...възвѣстимъ вамъ прѣже семи надесяте каландѣ мая, съвършивъшемъ ны въ входящей индикътъ" /СДЯ, II, 286, 230а–б/), что можно было сделать только при помощи мысленного увеличения текущих номера года от С.М., номера Круга Луны и номера Круга Солнца на одно показав-

ние, т.е. предваряющим расчетом, — и эти требования удовлетворялись в ультрамартовской календарной схеме. Наконец, ультрамартовская шкала лет не нарушала юлианского правила определения високосов, так как високосный день (29.02) всегда входил в пределы сентябрьских и ультрамартовских годов, имевших одинаковые номера.

Мартовский же стиль принципиально менял сентябрьские пасхальные каноны: Светлое Воскресение могло наступить уже на 22 день от начала года; дата его определялась не предваряющим расчетом, а от фактических терминов; високосный день не входил в пределы мартовского года, совпадающего по номеру с сентябрьским, а оставался в границах предыдущего года, что нарушало четырехкратную юлианскую високосную цикличность и пр.⁷² Понятно, таким образом, что первоисточником появления в Древней Руси ультрамартовского календарного счисления были не хронологические ошибки местных летописцев, как предполагали Н.В. Степанов и Н.Г. Бережков, а “всеконечный” и “благосочетанный” перевод сентябрьского времяисчисления на весенние ориентиры, позаимствованные из языческой традиции. Два других древнерусских весенних стиля (мартовский и постмартовский), известные по ПВЛ, в отличие от ультрамартовского отнюдь не демонстрируют нам тонкой работы мысли летописцев-хронологов (см. о них 5.1).

С древнерусскими весенними стилями связана еще одна историко-хронологическая проблема, впервые обозначенная Н.В. Степановым. По его мнению, в XI–XII вв. ультрамартовское и мартовское новогодие были подвижными, т.е. не прикрепленными ко дню 1.03⁷³. Несомненность этого вывода подтверждается тем, что ни в одном древнерусском источнике не обнаруживается ни единого указания на стабильное весеннее новогодие; достаточно взглянуть в святочные календари XI–XII вв. и убедиться в том, что здесь день преподобномученицы Евдокии (1.03) никогда не был помечен “новым летом”, как в святцах XVI–XVII вв. Вызывает сомнение, однако, конкретная степановская схема реконструкции подвижных (сігса-ультрамартвских и сігса-мартвских) древнерусских лет: при раннем наступлении весны новогодие, по Н.В. Степанову, приходилось на первую неделю Великого поста⁷⁴, а при позднем окончании зимы — на Вербное воскресенье. Конкретные примеры из летописных текстов XI — начала XII в., подобранные хронологом в качестве подтверждения своей гипотезы, не учитывали всех текстологических и историко-хронологических особенностей артефактов и поэтому при просмотре получают совсем иную трактовку⁷⁵. Например, дата смерти половецкого посла Итлара в 6603 г. ПВЛ (“в недѣлю Сыропустную, ... мѣсяца февраля въ 24 день”) формально, вроде бы, подтверждает версию исследователя, но если учесть расположение этой даты в тексте летописной статьи, ее связь с другими известиями этого года и первоначальную ее принадлежность к сентябрьскому слою, тогда станет ясно, что о сігса-мартвском годе в данном случае не может быть и речи.

Анализ февральско-мартвских датировок ПВЛ, расположенных в окончании или в начале летописных статей и несомненно связанных с формированием весенних хронологических комплексов (табл. XX), показывает, что совершенно неуместно

относить наступление древнерусского нового года к Вербному воскресению или второй неделе Великого поста, впрочем как и к пред- или пасхальному полнолуниям (все это — варианты предположений Н.В. Степанова). Самым вероятным сроком его начала была первая седмица Великого поста. В большинстве случаев новогодие может быть отнесено как к началу поста, т.е. к понедельнику первой его седмицы, так и к неделе (воскресению) этой же седмицы, и лишь два летописных фрагмента дают более определенные сведения на этот счет: граница между двумя ультрамартовскими годами (6573 и 6574 гг. Р.-Мак.) должна была приходиться на самое начало Великого поста, в то время как конечная мартовская дата 6611 г. (4.03) указывает на первую неделю поста как день нового года.

Наши предположения подтверждаются самими летописцами, принимавшими участие в создании ПВЛ. Именно на Великий пост ориентировался летописец Василий, прерывая свой рассказ о злоключениях князя Василька Ростиславича краткой хронологической ремаркой: “И яко приближися постъ Великий” /I, 265; II, 239/. На это же намекал и киево-печерский автор, который с помощью постмартовских элементов описал в 6620 г. поставление Прохора игуменом “исходящу же сему лѣту”, 9.02, в Масленную неделю (т.е. в последний день уходящего года, накануне Великого поста), а затем с удовлетворением резюмировал: “И тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ” /II, 274/. Такой же смысл имеет и расположение артефактов в описании военного похода Владимира Мономаха на полоцкого князя Глеба Всеславича в 6624 г. Ип.-Хл.: выйдя в поход 28.01 (дата из Л.), киевский князь осадил сначала Минск, но затем “сѣжали си, тѣмъ оже проливашеться кровь въ дни постыныя Великого поста, и вдасть ему [Глебу. — С.Ц.] миръ” /II, 283/. Ясно, что перемирие было заключено накануне Великого поста, т.е. перед новым годом. Правда, в тексте ипатьевской редакции ПВЛ при этом не отмечается годовая граница, но случилось это потому, что первоначальные весенне-календарные признаки были здесь искажены поздним “сентябрьским” редактированием (см. 1.3), зато эту границу довольно точно передают суздальские летописи, сохранившие неискаженный “раннеипатьевский” текст: начало похода и осада Минска в них датированы 6623 г., а события, последующие за перемирием, отнесены уже к 6624 г. /I, 290–291/.

Итак, соглашаясь в целом с мнением Н.В. Степанова о подвижном древнерусском весеннем новогодии, мы предполагаем его привязку к первой (Федоровой) седмице Великого поста (понедельник или воскресение этой седмицы; объяснение такой двойственности см. 4.5), потому и будем впредь именовать его “великопостным”. Получается, таким образом, что передвижка новогодия с одного календарного числа на другое определялась не фенологическими факторами, а подвижным, по отношению к юлианскому году, устройством лунно-солнечного пасхального календаря. Эта особенность древнерусского времяисчисления, как и многие другие, описанные нами ранее, возникла на стыке христианских календарных норм и языческих хронологических традиций, где, как мы помним, не было стабильности в расположении сезонов и месяцев.

Наша версия косвенно подтверждается и особым общественным значением великопостного обряда. Память об уединенном пребывании Иисуса Христа в Иорданской пустыне и о его страстях, утвержденная канонической легендой и авторитетом отцов церкви, требовала от всех христиан обязательного отдания семинедельного, т.е. самого продолжительного из всех и самого строгого “жесточества”. Важнейшим атрибутом этого христианского обряда было, кроме всего прочего, единообразие его форм и сроков⁷⁶. Русская православная церковь уже с конца X в. стремилась утвердить эти нормы в качестве общепризнанного и повсеместного ритуала, но очевидно также и то, что в этом деле она столкнулась с немалыми трудностями, поскольку пост совпадал с началом новогоднего весеннего цикла языческих праздников. Вспомним, как настойчиво внедрял проповедь и личным примером великопостную “идеологию” в сознание своей братии киево-печерский игумен Феодосий /I, 183–186; II, 173–176/; его поучение на эту тему, представлявшее собой соединение страстного авторского красноречия и канонических положений, наводит на мысль о том, что игумен не только просвещал, но и укорял своих сподвижников в отсутствии должного рвения. На это же указывают и многочисленные древнерусские патристические тексты, посвященные “Великому говению”⁷⁷, и нормы церковного судопроизводства, приравнивавшие противников этого обряда к веротступникам, насильникам и еретикам⁷⁸, и др. Кроме того, Великий пост представлял собой особый этап в годичном цикле церковной службы: достаточно сказать, что с его началом прерывалась литургия, прекращались праздничные чествования памяти умерших, начиналось чтение Евангелия от Марка и т.д.⁷⁹ В жизни монастырей он также знаменовался целым рядом требований, из которых многие могут показаться нам сейчас курьезными⁸⁰, но в то время они были важной формой “поста, бдения и прочего изнеможенья”. Одним словом, с этой стороны появление в Древней Руси великопостной формы новогодия было вполне логичным и обоснованным календарно-хронологическим изобретением, способным утвердить важнейшие нормы христианского поведения и, вместе с тем, учесть национальные времяисчислительные традиции.

Заканчивая разговор о древнерусских календарях и календарных стилях XI–XII вв., мы не можем обойти вниманием прочно утвердившееся еще со времен В.Н. Татищева мнение о том, что два основных варианта новогодия (сентябрьское и весеннее в разных его проявлениях) отражали две линии развития времяисчисления той эпохи — церковную и гражданскую. Даже такой глубокий знаток отечественной хронологии, каким был Н.В. Степанов, вопреки своим ранним воззрениям⁸¹, в конце концов оказался под впечатлением этой расхожей гипотезы: “Едва ли кто вел правильную нумерацию [весенних. — С.Ц.] годов от С.М. на Руси, кроме разве великокняжеской канцелярии, выражаясь на современном языке... А церковь обслуживалась сентябрьскими годами православной Пасхалии”⁸².

Думается, что такой взгляд являлся легковесным и лишенным какой-либо конкретной исторической обоснованности. В XI и XII столетиях государственная власть в лице киевского и удельных князей не имела сколько-нибудь мотивированной потребности в точном и детальном учете времени. Действительно, ни одна из “тягот” княжеской “профессии”, столь сочно описанных Владимиром Мономахом в ПВМ, не требовала от “княжеских канцелярий” пунктуального ведения времяисчисления; все они вполне удовлетворялись простейшими счетными элементами, восходившими к старинным дохристианским нормам и тесно связанными с визуальными наблюдениями за природными явлениями. Наступление осенних холодов было сигналом к выезду в полюдье, установление снежного покрова — для периода свадеб, весеннее потепление — для подготовки к отпору кочевников и т.д. Потребность в большей конкретизации возникала лишь в случае увековечивания деяний князя письменными записями, но и здесь, как видно на примере черниговского летописания Святославичей 70–80-х гг. XI в. и переяславского летописания Всеволодовичей второй половины XI — начала XII в. (см. 5.3, 5), княжеские биографы проявляли полное пренебрежение к точному датированию и обходились приемами относительного счета лет, месяцев, недель и дней или попросту “датировками” типа “посем”, “в си же времена”, “пред сим временем” и т.п. Ту же картину представляют нам и документы княжеского светского и церковного законодательства⁸³.

Церковь же представляла собой единственное звено в общественной структуре Древней Руси, заинтересованное в отпращивании функции максимально точного учета времени. Во-первых, от этого зависела нормальная жизнедеятельность церковной организации, так как все ее службы были подчинены строгим хронологическим правилам и, во-вторых, это было необходимо для обслуживания литературных жанров, обращенных к широкому кругу читателей (агиография, патристика, летописание и пр.) и курируемых церковью. Совсем не случайно почти все элементы древнерусского “письменного” времяисчисления, восстановленные нами на основе историко-хронологического изучения ПВЛ, имели ярко выраженную церковную “окраску”: счет лет велся от С.М., календарные стили приспосабливались к правилам христианской Пасхалии, а новогодие — к Великому посту и т.д. Таким образом, можно сказать, что счисление времени, зафиксированное в древнерусских письменных источниках в виде различных календарных стилей, нельзя называть “гражданским”, подразумевая под этим его противопоставление церковным хронологическим нормам. Все эти стили были церковными, только при этом один из них (сентябрьский) в XI–XII вв. имел универсальное назначение, а весенние стили чаще применялись в быту и в произведениях “массовых” жанров, не связанных непосредственно с церковно-служебной практикой, и лишь изредка и на ограниченных территориях приобретали статус официально-церковных.

4.4. ДРЕВНЕРУССКАЯ ПАСХАЛИЯ

Пасхальное времяисчисление в Древней Руси, как и во всем христианском мире, представляло собой то самое ядро, вокруг которого группировались все прочие элементы учета времени. Как выяснилось раньше, такие формы наблюдений за “пременением времени”, как великопостное новогodie, сентябрьский и ультрамартовский календарные стили, юлианский и седмичный счет дней и другие, так или иначе были связаны с пасхальными хронологическими расчетами.

Еще во второй половине XIX в., когда исследователи старались изучать древнерусскую хронологию по современным им времяисчислительным образцам, М.П. Погодин писал: “Пасхалия древняя... сохранилась неизменно”⁸⁴, подразумевая под этим то, что древнерусская схема пасхальных расчетов ничем не отличалась от счетных правил греко-русской православной церкви, утвердившихся во времена митрополита Зосимы на церковном соборе 1492 г. Мнение это так или иначе поддерживалось многими учеными-хронологами и отчасти являлось верным, так как с конца X в. и донныне русская церковь неизменно следовала седьмому апостольскому правилу и требованиям первого Вселенского собора⁸⁵. Вместе с тем, уже Н.В. Степанов убедительно доказал, что русская Пасхалия, как и прочие времяисчислительные системы, уже первоначально содержала ряд оригинальных элементов и до XVI в. миновала несколько стадияльных изменений и территориальных модификаций; это было ясно хотя бы из того, что в XI–XII вв. в ней отсутствовали такие неотъемлемые атрибуты пасхального счисления XVI–XX вв., как Вруцелето, Ключ Гранич, мартовские Круги Луны и Солнца и пр.⁸⁶

Центральное место в пасхально-хронологических расчетах древнерусских компутистов занимало определение даты Пасхи (“Великого”, или “Святого дня”, “Светлого”, или “Спасного Воскресения” и пр.). Судя по всему, им был понятен астрономоматематический смысл этого определения, благодаря, главным образом, переводным сочинениям, игравшим роль своеобразных учебно-хронологических пособий⁸⁷. В такой же мере осознанным было и применение в пасхальной “численной грамоте” двух основных элементов — Кругов Луны и Солнца; во всяком случае, русские книжники XI–XII вв. прекрасно понимали, что в определении Пасхи совмещаются два способа времяисчисления (лунное и солнечное) и существо проблемы заключается в согласовании более коротких “лунных годин” с “солнечными годинами”⁸⁸.

В Новгородском Антониевом монастыре в 30-е гг. XII в. Круги Луны отсчитывались с января, о чем недвусмысленно сообщал монастырский домостик Кирик: “В 1 день мѣсяца генваря настает лунный <Круг> на всяко лѣто, всходит же от прѣваго до 19 и паки възвращается, и от 1-го начинается” /УЧ, 180–182/⁸⁹. Довольно трудно было бы назвать этот порядок “общерусским” и заниматься его детальной реконструкцией, если бы в нашем распоряжении не было никаких иных сведений на этот счет. В начале Коломенского списка ПТ (1406 г.) находится подробное расписание лунаций с указа-

нием юлианских чисел начала и окончания синодических месяцев для всех 19 лет лунного цикла, и при этом сказано: “Първое бо лѣто Круга луннаго генваремъ починается” /ПТ, 23(45)/. Можно только предполагать, что Лунник ПТ был списан с протографа XI–XII вв., хотя такое предположение весьма вероятно, но зато очевидно другое: синодическая таблица ПТ принадлежит к тому же типу лунного времяисчисления, что отразился и в сочинении Кирика, и он принципиально отличался от счисления мартовских таблиц “Лунного течения” и Лунников XIV–XVII вв.⁹⁰ Другими словами, в расписании фаз новолуния ПТ нам представлен образец архаичного древнерусского Лунника XI — начала XII в., составленного для январских Кругов Луны.

Таким образом, становится ясно, что в Древней Руси пасхалисты использовали сиро-византийский вариант 19-летнего цикла Метона с определением возраста Луны на 1.01 каждого из 19 лет; несложно посчитать, что возвратившись назад на три синодических месяца (29, 30 и 29 дней) от первого показания Лунника ПТ (“<г>енварьская Луна настанетъ първаго лѣта книжнаго декабрия въ 21, а кончается кѣнижнаго генваря въ 19” /ПТ, 23(45)/), мы получим начало сентябрьской лунации 24.09, что и соответствует старинному началу этого цикла, выпадавшему на первый день сирийского месяца “тишри” (древняя, высчитанная не позже середины I в.н.э., дата дня осеннего равноденствия).

Получается, что совершенно прав был Н.В. Степанов, утверждавший, что в древнерусской Пасхалии учет разницы дней между солнечными и лунными годами велся в форме византийского “Фемелион”, который и фиксировал старость Луны ко дню солнечного юлианского календаря 1.01⁹¹. Русский пасхальный термин “Основание” как раз и представлял собой содержательный эквивалент греческому Фемелион, о чем, кстати, еще помнили пасхалисты даже в XVIII в.⁹² Иначе, Фемелион, высчитанный по показаниям Лунника ПТ /ПТ, 23(45)–32(63)/ (табл. XXI), представляет собой реконструкцию древнейшего ряда русских Оснований, употреблявшихся в Пасхалии XI–XII вв.⁹³ Как видно, в этом ряду соблюдается и правило “скачка Луны”, когда Основание увеличивается не на 11, а на 12 показаний, но, в отличие от “классического” византийского образца, “скачок” происходил между 12 и 13 годами, а не между 16 и 17.

Итак, древнерусские пасхальные расчеты начинались с того, что высчитывался номер Круга Луны (L) определенного константинопольского года от С.М. (N) и делалось это так, как было описано Кириком: “Разложи вся лѣта от зачала твари всего мира по 19, да еже ти избудетъ мене 19, то ти есть лѣто луннаго Круга” /УЧ, 182/, т.е. по формуле

$$L = \left\lfloor \frac{N}{19} \right\rfloor$$

Затем по Луннику отыскивалось Основание, соответствующее данному Кругу Луны. Это же основа-

ние (О) древнерусские пасхалисты могли определить и без лунной таблицы с помощью таких не-сложных расчетов:

$$O = \left\lfloor \frac{L \times 11}{30} \right\rfloor,$$

при этом только для 13–19 Кругов Луны результат вычислений увеличивался на единицу (следствие “скачка Луны”). Компютисты могли также держать в памяти знание о том, что Основания 3, 6, 9 и 12 Кругов Луны равнялись номерам этих лет в цикле (табл. XXI) и вести расчеты от этих ориентиров.

Смысл определения Основания заключался в том, что возраст Луны на 1.01 был равен возрасту Луны на 1.03, так как между этими двумя юлианскими днями проходило время, содержащее два полных синодических месяца (31 день января + 28 дней февраля = 59 дней = лунация в 30 дней + лунация в 29 дней). Отсюда довольно просто было установить возраст Луны на 22.03, т.е. к самому раннему из всех возможных сроков празднования Пасхи: $O + 22$. Если результат сложения был более 30, т.е. более величины мартовской лунации, его следовало уменьшить на 30.

В александрийском 19-летнем цикле Золотых Чисел возраст Луны к первому дню после весеннего равноденствия назывался Эпактой (Е) и являлся основным элементом в определении даты пасхального полнолуния, в сиро-византийском же варианте этот термин не употреблялся и, видимо, расчет старости Луны к 22.03 был промежуточным действием. В том случае, если Эпакта равнялась 15, за пасхальное полнолуние принималась ночь после дня весеннего равноденствия (с 21.03 на 22.03; именно так случалось в годах 13 Круга Луны), если Эпакта равнялась 14, то полнолуние полагалось в ночь с 22 на 23.03 (как во втором Круге Луны). Если же к 22.03 Луна не набирала 14 дней, дата пасхального полнолуния определялась так: $22.03 + (14 - E)$; если же ее возраст превышал 15 дней, тогда: $22.03 + (30 - E) + 14$, причем, в обоих случаях при получении результата, превышающего цифру 31 (количество дней в марте), следовало убавить его на 31 день и установленную дату относить к апрелю.

Дата пасхального полнолуния в поздних русских пасхальных таблицах фиксировалась под названием “Фаска жидам”, или “Законная Пасха”, что соответствовало евангельской версии о крестной смерти Иисуса Христа в ночь еврейской Пасхи, празднование которой начиналось с первого полнолуния после весеннего равноденствия (Матфей, 26.2, 27.15; Лука, 22.1, 8, 13, 23.17; Иоанн, 13.1, 18.28, 39, 19.14, 31). Судя по указанию Кирика, (“Пасха бьяше была жидам марта 21” /УЧ, 190/), этот термин употреблялся и в Пасхалии XI–XII вв., представляя собой окончательный результат расчетов по лунному Кругу.

Далее от даты Законной Пасхи требовалось установить ближайший последующий за ней воскресный день, который и становился днем Светлого Воскресения Христова, и здесь наступал черед использования другого пасхального термина – Круга Солнца. В нашем распоряжении имеется единственное указание на начальный день отсчета 28-летнего солнечного цикла в XI–XII вв., это –

сведение того же Кирика, и поэтому мы поневоле должны видеть в нем проявление общерусской времяисчислительной традиции. Из сообщения же новгородского диакона ясно, что в “1 день мѣсяца октября настаеъ солнечный <Круг>”, всходит же от прѣваго до 28 и пакы начинаеъ от прѣваго” /УЧ, 180/, а это значит, что Кирик применял антиохийский вариант 28-летнего цикла, приуроченный к началу месяца “гиперверейтиос” (1.10)⁹⁴ и начинающийся с первого послевисокосного года понедельником, а оканчивающийся 28 високосным годом, первый день которого выпадал на субботу.

Известны уже несколько попыток реконструкции кириковских вычислений по Кругу Солнца, основанных, большей частью, на аналогиях из европейской средневековой пасхалистики, но мало учитывающих смысл текста УЧ⁹⁵. Из всего того, что было сказано по этому поводу раньше, мы можем принять только два момента. Во-первых, бесспорно, что вычисления новгородского компютиста были приспособлены к сентябрьскому солнечному году; действительно, объединить в пределах одного года от С.М. такие юлианские числа, как 1.10 (начало Круга Солнца), 1.01 (начало Круга Луны), 29.02 (високосный день), 21.03 и 22.03 (Законная и христианская Пасха) и, наконец, 25.03 (Благовещение), что и сделал Кирик в 6644 г. от С.М. /УЧ, 188–190/, можно было только при использовании сентябрьского календарного стиля⁹⁶. Во-вторых, не вызывает сомнений то, что Кирик не знал такого пасхального термина, как Вруцелето (или солнечная Эпакта); о нем нет упоминания не только в УЧ, но и вообще во всей древнерусской письменности XI–XIV вв. Впрочем, это и неудивительно, так как Вруцелето совместимо лишь с мартовскими годами, имеющими, к тому же, стабильное новогodie (1.03), но, как выяснилось раньше, для времяисчисления XI–XII вв. эти элементы не характерны⁹⁷.

Все прочие соображения по поводу применения Кириком 28-летнего солнечного цикла кажутся весьма неудачными и в первую очередь потому, что они входят в противоречие с двумя предыдущими выводами. В самом деле, как можно предполагать, что Кирик использовал византийские солнечные Эпакты (Н.В. Степанов), равнозначные по своему значению Вруцелету, которого новгородец не знал? Как можно утверждать, что в его расчетах фигурировали солнечные Регуляры (И.А. Климишин), совместимые только с мартовским календарным стилем⁹⁸? Наконец, следует ли переносить на времена Кирика времяисчислительные элементы XIII–XIV вв., зафиксированные в календарной таблице-граффити Киево-Софийского собора и в Норовской Псалтири (Р.А. Симонов), которые опять же совместимы лишь с мартовским календарным числом? Первопричина всех таких ошибок заключалась в том, что исследователей волновал, главным образом, вопрос о том, как Кирик и другие пасхалисты его эпохи могли по Кругу Солнца определять день недели любого юлианского числа года, тогда как сам новгородо-антониевский домостик неоднократно выделял в своем сочинении мысль о том, что описываемые им хронологические элементы, в том числе и Круг Солнца, нужны, прежде всего, для “обретения Пасхи”. Что же касается календарно-недельных определений, то они во времена Кирика осуществлялись оригинальным путем, совсем не

похожим на тот, что применяли византийские и западноевропейские пасхалисты XI–XII вв. (см. далее здесь, а также 4.2; 5).

По нашему мнению, древнерусский вариант 28-летнего солнечного цикла, по крайней мере в том виде, что употреблялся Кириком, отличался от “классических” его форм и представлял собой довольно затейливое сочетание христианских пасхально-счетных традиций и примитивно-архаичных русских правил относительного календарного счисления. Главной целью его применения было установление дней недели двух юлианских календарных чисел года, игравших роль своеобразных опорных точек в пасхальных и святочных расчетах: дня сентябрьского новогодия, т.е. 1.09 (точнее даже 31.08, т.е. последнего дня предыдущего года) и дня, с которого отсчитывались Круги Солнца, т.е. 1.10. Почему именно эти юлианские числа были объектом особого внимания?

Дело в том, что они были важными ориентирами в построении годовичного цикла подвижных и неподвижных христианских праздников. Так, к примеру, предположим, что в некоем сентябрьском невисокосном году 1.09 приходилось на понедельник, а предыдущий день, 31.08, был соответственно **неделей** (воскресением); отсюда следовало, что Петров пост, третий по значению после Великого и Рождественского, должен закончиться тоже в **неделю** (**в четвертую неделю июня**), накануне дня Петра и Павла (29.06). В этом же году 1.10 было **средой** и это означало, что Рождественский пост должен заканчиваться **в четвертую среду декабря** (24.11), Благовещение Богородицы (25.03) выпадало на **четвертую среду марта**, Рождество Иоанна Предтечи (24.06) — **на четвертую среду июня** и т.д. Нет сомнения в том, что Кирик знал если не все, то многие из этих календарных совпадений; совсем не случайно, из всех неподвижных праздников 6644 г. он указал дни недели только для Благовещения, что он определил по дню недели 1.10 и для “Петрова дня”, что было высчитано по 31.08 /УЧ, 190/. Новгородский хронолог прекрасно умел определять количество дней между двумя юлианскими датами и затем переводить его в число недель (см. “главизны” его сочинения под названиями “Хитрость числом недѣльным” и “Како есть разумети числу дневному”), и поэтому для него не представляло особого труда выяснить, что между 1.10 и 25.03 проходит 175 дней, или 25 полных недель, а между 31.08 и 28.06 — 341 день, или 43 недели, что и давало ему повод для синхронизации их недельных обозначений.

Но самое интересное здесь то, что день недели 31.08 совпадал с днем недели 22.03 (между ними содержалось 203 дня или 29 недель), т.е. того самого дня, для которого с помощью Круга Луны и Основания рассчитывался возраст мартовской Луны и который, в свою очередь, являлся опорной точкой для определения дня Законной Пасхи (пасхального полнолуния). Таким образом, ясно, что 22.03 было в древнерусской Пасхалии той самой календарной точкой, в которой сходились две самостоятельных линии пасхально-хронологических расчетов (лунное и солнечное времяисчисление). Зная, каким днем недели было 22.03, любой, даже менее “всумудрый”, чем Кирик, хронолог очень просто мог определить день недели Законной Пасхи и, далее,

отыскать юлианское число ближайшего после нее воскресного дня.

Каким же образом автор УЧ определял недельный день 31.08? Возможно, он высчитывал его от дня недели 1.10, определенного с помощью Круга Солнца, но возможно также и то, что расчет велся сразу для этого дня с учетом такого обстоятельства: перед первым годом 28-летнего цикла, в котором 1.10, как мы помним, было понедельником, последний день уходящего года приходился на пятницу. Впрочем, и в том и в другом случае схема расчетов была единообразной. Сначала высчитывался Круг Солнца (Q) для определенного константинопольского года от С.М. (N): “Егда же хоцещи вѣдати солнечнаго Круга которое любо лѣто, его же ищещи рашьти вся лѣта от зачала мира по 28, да которое избудеть мене 28, то той дрѣжи... Аще едино лѣто избудеться, то ти прѣвое лѣто, аще ли два, то второе, или 28, да 28” /УЧ, 180/, т.е. расчет велся так:

$$Q = \left| \frac{N}{28} \right|$$

При Круге Солнца, равном единице, 1.10 было понедельником, а предшествовавшее ему 31.08 — пятницей, при Q = 2 эти дни были соответственно вторником и субботой, при Q = 3 — средой и воскресением и т.д., т.е. номер Круга Солнца каждого года показывал количество дней “сдвижки” (“дни избыточные”, по терминологии Кирика) обеих юлианских дат от воскресенья и четверга соответственно. В том случае, когда номер Круга Солнца превышал число 7, его следовало разделить на 7, а остаток деления принимать за величину “сдвижки”.

Последовательный характер накопления “дней избыточных” нарушался високосными годами. Хотя Кирик знал о том, что 366 юлианский день получался как сумма шестичасовых остатков четырех календарных солнечных лет, глубинный астрономо-математический смысл високосного цикла Созигена ему был непонятен⁹⁹ и, что важно отметить, он весьма туманно представлял его связь с 28-летним циклом. Так, в УЧ о високосе он упоминает дважды в связи с “числом недельным” и однажды по поводу “числа дневного”, но умалчивает о нем при описании Кругов Солнца. Еще одно упоминание високоса Кириком показывает, что четырехлетки он рассчитывал не в рамках 28-летнего солнечного цикла, а независимо от него по годам от С.М.: “О високосных лѣтѣх... **Да есть тѣх лѣт висекостных от Адама 1660** и единѣ високостъ, оже есть нынѣ... **В лѣто 6644**,... и солнѣчна<го> Круга лѣто 8, а Луны 13. **Томъ же лѣтѣ и високост бѣше был** [курсив мой. — С.Ц.]” /УЧ, 184, 188–190/, т.е. високосные годы (V) определялись так: V = N : 4 (в случае получения целого числа, год считался високосным). По всей видимости, независимый от Пасхалии расчет високосов был общерусской хронологической традицией в XI — начале XII в.; это подтверждает факт ошибочного определения киево-печерским летописцем 6620 постмартовского года (03.1113 г. — 02.1114 г.) високосным (см. 1.2), хотя Пасха (29.03.1114 г.) была высчитана тем же летописцем верно, без учета дня 29.02. При этом очевидно, однако, что високосы, как и остальные пасхальные элементы, первоначально считались на Руси по сентябрьским годам.

Кроме УЧ на это указывает и порядок установления високоса в статье 6603 г. ПВЛ в дате смерти половецкого посла Итляря, где, как мы знаем (см. 2.2), древняя летописная основа была сентябрьской. Еще один подобный пример представляет запись в пергаменной Псалтири с покаянными (1296 г.): «В лѣто 6804, въ Великъ день бысть Благовещение и високость причтется»¹⁰⁰; на 25.03 Пасха приходилась в високосном 1296 г., но 6804 от С.М. с днем 29.02 и Кириопасхой этот год мог быть только в случае сентябрьской принадлежности.

Каждый четвертый год, таким образом, должен был прибавлять к начальным календарно-недельным ориентирам Кирика не один, а два «избыточных» дня, однако хронолог понимал, что на определении дней недели 1.10 и 31.08 в этих годах високосная «добавка» сказываться не должна, так как високосный день (29.02) наступал позже на пять и шесть месяцев; поэтому в установлении седмичных дней для октябрьской и августовской дат «благочисленник» не принимал в расчет «сдвиги» за счет високосов (он учитывал ее только на следующий год), но вспоминал о ней тогда, когда высчитывал день недели 22.03. В общем виде вычисления новгородского диакона для определения дней недели 1.10 и 31.08 можно представить так:

$$K = \left\lfloor \frac{Q + [(N - 1) : 4]}{7} \right\rfloor,$$

где K — величина «сдвиги» (в днях) от первоначальных ориентиров (воскресение для 1.10 и четверг для 31.08), а в скобках [] подразумевается число 1, если результат без остатка, и число 0, если результат был с остатком.

Строго говоря, пасхальное празднование начиналось еще с вечера предыдущего дня, с субботней вечерней службы, что было данью канонической легенде, относившей Воскресение Христово к ночи с субботы на «первый день недели» (Матфей, 28.1; Марк, 16.1, 9; Лука, 24.1; Иоанн, 20.1)¹⁰¹, но, как мы убедились, древнерусские пасхальные расчеты ориентировались, все же, на день «недельный».

Мало того, недельное значение 31.08 (d) позволяло автору УЧ предсказывать дни седмиц последующих новогодий. Для ближайшего наступающего сентябрьского года установление дня недели 1.09 было элементарно простой задачей: d + 1. Таким же днем недели был и последний день этого года, так как невисокосные юлианские годы начинались и оканчивались одним и тем же седмичным обозначением. Отсюда ясно, что седмичные значения следующих новогодий могли определяться так: d + 2, d + 3 и т.д., т.е. с постоянным ежегодным увеличением на один день (по прошествии високосных лет на два дня). Теперь нам, наконец, понятно, почему из всех дней сентябрьского года Кирик особо выделял 31.08 и называл его «индиктой» /УЧ, 186/, так как эта «индикта» играла важнейшую роль в древнерусских пасхальных и святочных расчетах, в определении дня недели новогодия и пр.¹⁰²

Именно таким нам представляется порядок определения Пасхи в древнерусской Пасхалии XI — начала XII в. Утверждая, что предложенная здесь реконструкция отражает в принципе общерусские пасхально-счетные правила этого времени, мы отнюдь не исключаем существования региональных

модификаций этой схемы, возникновение которых определялось близостью или удаленностью местных церковных центров от Киева, где, вероятнее всего, строго соблюдался сентябрьский пасхальный стандарт, составом иностранной литературы, имевшейся на руках у периферийных пасхалистов, влиянием местных языческих времяисчислительных традиций на общехристианские правила, уровнем знаний каждого конкретного компютиста и пр. Сама по себе пасхальная наука в первые столетия существования русского христианства представляла удобное поле деятельности для внесения новшеств и развития счетной инициативы пасхалистов, так как, судя по всему, она была слабо подкреплена табличным материалом, который мог бы выполнять справочно-инструктивные функции. О таблицах обращения Великого Индиктиона для данного времени и говорить не приходится¹⁰³, так как их существование было возможным только в условиях господства мартовского пасхального счета, приуроченного к постоянному новогодию, чего, как мы знаем, в XI—XII вв. не было¹⁰⁴; следовательно, не употреблялись в то время и таблицы типа Пасхалии Зрячей, представлявшие собой погодную разверстку таблиц Великого Индиктиона¹⁰⁵. Вряд ли употреблялся в XI—XII вв. и особый вид русских пасхальных «таблиц» — ручная Пасхалия; самое древнее письменное свидетельство о ней относится только к началу XIV в.¹⁰⁶ и, кроме того, во всех известных на сегодняшний день ее древнейших редакциях употреблялись мартовский стабильный год, Вруцелето, Ключ Границ¹⁰⁷, т.е. те элементы, о которых пасхалисты XI и XII столетий не знали.

Несомненно, однако, то, что какие-то пасхально-табличные материалы имели хождение на Руси в XI — начале XII в. Уже было сказано о том, что сопоставление сведений УЧ и ПТ наводит на мысль о существовании древнерусских Лунников, содержавших календарное расписание лунных фаз для 19-летнего цикла¹⁰⁸. Пример летописной статьи 6615 г. ПВЛ, где к постмартовскому номеру года были приписаны пасхальные термины сентябрьского 6616 г. (см. 1.1), также свидетельствует о существовании каких-то пасхальных таблиц, потому что при помощи вычислений определить эти термины для 6615 г. было бы невозможно; в этом случае ясно также и то, что в таблицах эпохи создания ПВЛ церковно-хронологические элементы (Круги Луны и Солнца, Основания, даты Законной и христианской Пасхи) не были закреплены за определенными годами от С.М. так, как это отмечается в более поздних таблицах обращения Великого Индиктиона, иначе трудно объяснить появление именно такой синхронизации датирующих элементов, какая была зафиксирована в 6615 г. летописи. Не исключено, что вместо лет от С.М. в них, как и в раннехристианских «канонах» Ипполита, Феофила и Кирилла, проставлялись «династические» годы княжений или владычества церковных иерархов.

Впрочем, уже в это время русская церковь обладала, вероятно, надежным средством для преодоления возможных противоречий в определении Великого дня; таковым было объявление даты предстоящей Пасхи на церковных соборах. Подобная практика сложилась, вероятно, сразу после Никейского собора, она была оговорена в греческих Номоканонах, из них попала в общеславянскую редак-

дию Кормчей и, наконец, в ее русские переработки¹⁰⁹. Надо признать тогда, что церковные соборы в XI–XII вв. были явлением постоянным, что, кстати, подтверждается летописью. Так, в 6616 г. ПВЛ прямо и довольно обыденно говорится о “всѣх зборѣхъ” /I, 283; II, 260/, а при внимательном взгляде на прочие известия источника мы можем обнаружить косвенные указания на неоднократное проведение поместных или архиерейских соборов русской церкви во второй половине XI – начале XII в. К ним можно отнести те летописные сюжеты, действующими лицами которых являются не только митрополит, его клир, игумены, “попове и черноризцы” (всех их можно принять за киевлян), но и главы периферийных епархий, по странному обстоятельству постоянно присутствующие рядом с киевским священством примерно в те самые дни, которые отводились, если верить Кормчим, для соборного “взвещения” дня Пасхи (апрель и август). Так, в Вышгороде в 6580 г. при перенесении мощей Бориса и Глеба 20.05 (о дате см. 2.3) кроме митрополита Георгия присутствовали переяславский епископ Петр, юрьевский Михаил, два киевских, черниговский и переяславский игумены и, кроме того, “все игумены” /I, 181–182; II, 171–172/; представительную компанию, состоящую из трех епископов, мы обнаруживаем рядом с митрополитом Иоанном при освящении церкви св. Михаила в 6596 г. /I, 207–“д”; II, 199/, причем, это

событие происходило, скорее всего, 23.05¹¹⁰, то же самое – год спустя при освящении Киево-Печерской Богородичной церкви /I, 207–“ж”; II, 199/, которое вполне могло быть в день Успения (15.08), столь свято почитаемый в этом монастыре (он неоднократно упоминался в печерских известиях ПВЛ и ЖФП); еще через два года при перезахоронении Феодосия в наличии имелся весьма солидный кворум – четыре епископа и “игумени от всѣхъ монастыревъ с черноризци”, а дело происходило опять же накануне Успения Богородицы /I, 211; II, 202–203/; в апрельском погребении князя Всеволода в 6601 г. участвовали “епископы, и игумены, и черноризцы, и попове”, в том же году, но чуть позже, в мае, они хоронили его сына Ростислава /I, 217, 221; II, 207, 211–212/, а в конце апреля – начале мая 6604 г. Олег Святославич отказался прибыть в Киев и предстать “пред епископы и пред игумены”, которые, видимо, здесь его уже поджидали /I, 229–230; II, 220–221/; в апреле 6621 г. Владимира Мономаха в Киеве встречали митрополит Никифор, епископы и прочая братия /II, 276/ и, наконец, такой же широкий круг представителей духовенства участвовал в перенесении святых мощей в Вышгороде в начале мая 6623 г. /II, 280/. В иное же время года митрополит, как видно из ПВЛ, обходился услугами своих ближайших сподвижников¹¹¹.

4.5. СТРУКТУРА ДРЕВНЕРУССКОГО ПАСХАЛЬНОГО ГОДА

• Весьма важной проблемой является реконструкция структуры древнерусского пасхального года, поскольку он имел не только служебное значение, но и определял календарный порядок счета дней недель и юлианских чисел (см. 4.2). Наиболее подробную попытку такой реконструкции ранее предпринял Н.В. Степанов¹¹²; она может быть признана в целом удачной, хотя ограничение ее только летописными материалами не избавило исследователя от ошибок и упущений.

В русских средневековых евангелиях-апракос отсчет седмицев¹¹³ всегда начинался с дня Пасхи, но нет сомнений в том, что практически начало пасхального года определялось так, как это делалось в списках Триоди XI–XIV вв., т.е. оно относилось к понедельнику, следующему за неделей (воскресением) мытаря и фарисея. Юлианское число этой недели устанавливалось от дня Светлого Воскресения Христова отсчетом в обратную сторону (т.е. от марта-апреля к январю-февралю) 71 дня (об этом счете см. 4.2). Первая седмицевка пасхального года, как явствует из всех церковно-служебных книг, начиналась понедельником и заканчивалась неделей (воскресением) блудного сына, причем, название последнего дня еще не было перенесено на всю седмицевку, как это делается в современной Пасхалии. Вообще же в древнерусской неслужебной письменности два этих названия (неделя мытаря и неделя блудного сына) употреблялись редко и, главным образом, в поучительной литературе¹¹⁴.

Следующие две седмицы пасхального года, последние перед Великим постом, именовались Мя-

сопустной и Сыропустной (Сырной, Сыроаястной, Масленной) по названию относившихся к ним недельных (воскресных) дней¹¹⁵. Как и предыдущая седмицевка, они считались в порядке от понедельника до воскресения. Именно так они выглядят в Триоди и евангелиях-апракос, а также в некоторых летописных фрагментах: например, в статье 6620 г. ПВЛ календарная дата 9(8).02 обозначала Масленную неделю (воскресение), после которой сразу же начинался пост (см. 1.2), а в статье 6582 г. говорилось о том, что Феодосий Печерский уходил в пещеру накануне Великого поста “в недѣлю Масленую вечеръ” и указывалось, что сам пост “начинаем от перваго понедѣльника” /I, 183, 185; II, 173, 176/¹¹⁶.

Интересно, однако, как представлен только что упомянутый нами сюжет в ЖФП. По версии Нестора, уход Феодосия в пещеру происходил “по вся же дньи святыхъ Мясоушъ” /ПЛДР XI–н. XII, 334/. Привычный перевод этой фразы (“на все дни святого Мясопуста”) выглядит несуразным, так как заставляет считать, что киево-печерский игумен проводил в затворничестве дни Мясопустной седмицевки, хотя из показаний ПВЛ и Пролога, несомненно, следует, что “жесточество” Феодосия начиналось 14 днями позже, поскольку смысл его и заключался как раз в соблюдении норм Великого поста. Кстати, сам агиограф чуть позже делает поправку, подтверждающую верность летописной и проложной версии: “И се же якоже бѣ отходя въ постыныя дни въ прѣжѣреченую пещеру [курсив мой. – С.Ц.]” /ПЛДР XI–н. XII, 374/. Другими словами, здесь в Успенский список ЖФП за-

кралось искажение, изменившее первоначальный текст, где говорилось о том, что Феодосий начинал поститься в пещере “по (т.е. после) святому Мясопусту”¹¹⁷. Однако и эта конъектура нуждается в осмыслении, так как между Мясопустной неделей и началом Великого поста расположены еще семь сыропустных дней; кажется, что Нестор был бы более точен, если бы написал об уходе Феодосия в пещеру “по святому Сыропусту”. Вспомним, однако, что название “святой Мясопуст” или просто “Мясопуст”, употребляемое без связи с днями недели, встречается в 6600 г. ПВЛ (“от Филипова дне до Мясопуста” /*I, 215; II, 206*/) и в “Чудесах св. Николы Чудотворца” XI в. (“бѣ же время святыи Мясопуст” /*СДЯ, I, 4956*/). Становится понятно, что в XI–XII вв. это название было упрощенным обозначением начальной части пасхального года, предшествовавшей посту и состоящей, как минимум, из двух седмиц (Мясопустной и Сыропустной, а, может быть, еще и недели блудного сына)¹¹⁸. В этом случае ясно, почему “Мясопуст” был выбран летописцем для заключительной годовой границы 6600 г. ПВЛ: с началом Великого поста, как мы знаем, начинался и новый календарный год.

После “святого Мясопуста” начинались седми́невки Великого поста (“Великого говения”). В их счете мы можем выделить два варианта. Первый из них полностью повторяется в современном отсчете великопостных седмиц: шесть начальных седмиц открывались понедельником и заканчивались неделями (воскресением), а последняя седми́невка (“Страстная”, или “Великая”) состояла только из шести дней (понедельник – суббота), так как ее недельное окончание и было пасхальным воскресением. При этом названия недельных (воскресных) дней каждой великопостной седми́невки распространялись на предшествующие им шесть дней: так, к примеру, первая неделя (воскресение) поста называлась Федоровой в честь великомученика Феодора Тирона, поэтому и предварающие ее дни (понедельник – суббота) также именовались днями Федоровой или первой недели поста; точно также все дни третьей седмицы поста назывались Средокрестными (Крестопоклонными), потому что именно так именовался ее последний недельный (воскресный) день и т.д. Так считались седми́невки поста в евангелих-апракос XI–XII вв. /*ОЕ, 127а–202в; Билярский, 110*/, следы этого счета мы находим и в хронологических показаниях Ип.-Хл. В рассказе 6604 г. о Кулачской битве артефакты располагались следующим образом: появление Олега Святославича на Клязьме – “наста Федорова недѣля [т.е. седми́невка. – С.Ц.] 1 <поста> и приспѣ... Федорова субота”; сбор дружины Мстислава Владимировича – “въ тѣ день и в другой”, т.е. в Федорову субботу и в воскресенье; противостояние соперников продолжалось “4 дни”, т.е. речь идет уже о днях, последующих за Федоровым воскресением; наконец, приход Вячеслава с половцами – “у четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста” /*II, 229*/.

Аналогичная картина наблюдается и в рассказе 6619 г. о донском походе: к потоку Дегея русские дружины пришли в шестую неделю поста¹¹⁹, что подтверждается празднованием накануне “Лазарева въскресенья”, а состоявшаяся на следующий день битва с половцами относилась летописцем уже не к этой седмице, а к Страстному понедельнику, т.е. к

первому дню следующей седми́невки поста /*II, 265, 267*/.

Второй порядок счета великопостных недель полагал их начало в недельный (воскресный) день и окончание в субботу (так называемая, ветхозаветная седмица¹²⁰); таким образом, нумерация и названия недель (воскресных дней) поста распространялись не на предшествующие, а на последующие за ними 6 дней. Так, в том же рассказе 6604 г. о Кулачской битве, содержащемся в Л., приход Вячеслава на помощь старшему брату датирован не четвергом после Федоровой недели, а четвергом Федоровой недели /*I, 238–239*/; это могло быть только в случае начала всей Федоровой седми́невки в день Федорова воскресения и окончания ее в следующую субботу, т.е. накануне второго воскресения поста. Аналогичное расположение пасхальных элементов отмечается и в ЖФП, где сказано о том, что затворничество Феодосия в пещере продолжалось “до Вербныя недѣля и въ пятокъ тоя недѣля... прихожааше къ братии” /*ПЛДР XI–н. XII, 334*/.

“Вербной” в пасхальном году называлась пятая неделя (воскресение) поста¹²¹, но ясно, что Нестор здесь имел в виду всю Вербную седми́невку¹²². Ее построение станет понятным, если мы обратимся к параллельному рассказу 6582 г. ПВЛ: здесь говорится о том, что Феодосий возвращался в монастырь “въ пятокъ на канунъ Лазаревъ”, а затем “празднова... недѣлю Цвѣтну [но не Вербную! – С.Ц.]” /*I, 185–186; II, 175–176*/.

Лазарево воскресенье и Цветная неделя это – соответственно шестая суббота и шестое воскресенье поста, значит Вербная пятница в рассказе ЖФП следовала за Вербной неделей¹²³.

“Ветхозаветный” порядок счета седми́невок мог предполагать начало пощения уже на день раньше первого понедельника Великого поста, и именно с этим мы сталкиваемся в показании ЧБГ в рассказе об исцелении “жены сухорукой”: “Пробысть же тако до свягата и Великого поста; наставши же недѣли Маслопустиѣ, вземши же и несоша ю...” /*ЖБГ, 24*/, из чего ясно, что первая седмица поста в представлении Нестора начиналась еще в Сыропустное (Масленное) воскресенье. Этим-то, вероятно, и объяснялось отмеченное нами выше перенесение названия “Мясопуст” не только на дни Мясопустной седмицы, но и на шесть дней (понедельник-суббота) следующей седми́невки, которые теряли наименование “сыропустных”, поскольку сама Сыропустная неделя (воскресение) попадала уже в пределы поста.

Существование двух вариантов счета недель Великого поста подтверждается еще и тем, что в древнерусских списках Триоди отмечаются два вида ее деления на Постную и Цветную части. Так, в одних списках Постная Триодь продолжается до Великой субботы (т.е. до субботы накануне пасхального дня), а с пасхальной службы начинается Цветная Триодь, и это деление отражало первый вариант счета седми́невок; в других списках границей двух частей гимнографической книги являлась пятница накануне Лазаревой субботы (т.е. шестой субботы поста)¹²⁴, что соответствовало правилам второго варианта счета.

Двойственность счета великопостных седмиц не являлась, видимо, русским изобретением и отражала возникшее еще в глубокой древности различие в понимании содержательной подоплеку поста. По одной версии, более близкой к конкретным еван-

гельским сюжетам, первые 40 дней поста (от первого понедельника до шестой пятницы включительно) посвящались пребыванию Иисуса Христа в Иорданской пустыне, а последние дни (от шестой субботы до седьмой субботы) — трагическим событиям последних часов его жизни¹²⁵. По другим представлениям, восходившим к поучениям Иоанна Златоуста (V в.), все 48 постных дней (от понедельника Федоровой недели до Страстной субботы включительно) воспринимались как цельная, без внутренних подразделений, форма сопричастности верующих ко всем земным страданиям Сына Божьего¹²⁶.

Впрочем, нам интересно совсем другое: в древнерусских предпасхальных календарных датировках могут отмечаться расхождения на семь дней, что объясняется применением той или иной схемы при переводе пасхально-недельных дат Великого поста на юлианские числа. Так, мы уже отмечали раньше (см. 2.3) противоречие в датировке Немизской битвы в Р.МАк. (10.03.6574 г.) и в Л., Ип. и Хл. (3.03.6575 г.). Вполне возможно, что обе юлианские даты подразумевали одно и то же пасхально-недельное обозначение (“в понедельник пятой седмицы поста”), только в одном случае оно было переведено на юлианский календарь по первой схеме великопостного счета (3.03.1068 г.), в другом — по второй схеме (10.03.1068 г.).

Помимо того, совершенно понятной становится теперь причина отсутствия у древнерусских хронологов XI—XII вв. единообразных представлений о начальной границе великопостного новогодия (см. 4.3 и табл. XX). Строго говоря, “единообразие” в этом вопросе было: все без исключения древнерусские “книжники”, употреблявшие эту форму новогодия, начинали отсчитывать свои годы с первого дня Федоровой недели (первая семидневка поста), но одни из них за первый день нового года принимали понедельник Федоровой семидневки (по первой схеме счета), а другие — Федорово воскресение (по второй схеме счета).

Особую сложность для нас представляет то, что в предпасхальных расчетах древнерусских компутистов оба варианта вычислений применялись в слитной форме. Так, например, в летописном рассказе о Феодосии в 6582 г. ПВЛ проявился, как было сказано выше, второй порядок расчета великопостных семидневок, но начало поста относилось, тем не менее, к понедельнику перед Федоровым воскресением, что соответствовало правилам первой схемы. Точно так же в подробном рассказе 6619 г. Ип.-Хл. о донском походе граница шестой и Страстной седмиц определялась по первой схеме счета, однако начало Средокрестной недели отнесено к воскресению. Естественно, что самостоятельные попытки русских хронологов совместить или исправить два вида пасхально-недельного счета могли приводить к грубым ошибкам, свидетельство чему отыскивается в поздних списках ПВЛ. В СПЛ, Вл. и Ростовской летописи, например, в 6608 г. Средокрестной названа четвертая, а не третья неделя поста (см. прим. 28 к главе 2); такие ошибки появлялись при попытке перейти от второго способа счета великопостных семидневок к первому, но при этом за начало Федоровой седмицы принимался не первый, а второй понедельник поста.

От Пасхи начинался счет семидневок в порядке воскресение — суббота. Такой порядок подтвер-

ждается многочисленными примерами из источников: ПВЛ, 6601 г. — “минушю Велику дни, прешедши Празднѣи недѣли [т.е. прошло уже семь дней, включая Светлое Воскресение. — С.Ц.], в день Антипаскы” /I, 217–218; II, 208/; УЧ — “Пасха бѣше была... марта 22, Благовещение [т.е. 25.03. — С.Ц.] бѣше было среде Праздныи недѣли [т.е. среда относилась к той же семидневке, что и более раннее пасхальное воскресенье]” /УЧ, 190/; ХИД — “в Великую пятницу” Даниил вознамерился поставить кадило к гробу Господнему, затем он наблюдал служебные церемонии в Лавре св. Саввы “заутра... в Великую Субботу” и “на утрени въ Святую недѣлю”, но далее следует уже дата “по 3-емъ дни Вскресения Господня” /ПЛДР XII, 106–112/, т.е. этот “3-й день” паломник связывал с предшествующим ему пасхальным воскресением; заглавие одного из сочинений Кирилла Туровского (“Похвала Иосифу по Пасце в неделю 3-ю и о мироносицах” /Сухомлинов, 25/) свидетельствует о том, что назвать “неделей мироносиц” третье воскресение можно было только тогда, когда счет семидневок начинался от Пасхи, причем, сам Великий день должен обозначаться первым воскресением; наконец, подобным же образом располагались первые послепасхальные дни в Цветной Триоди и евангелиях-апракос¹²⁷.

Как долго после Пасхи продолжался подобный счет недельных дней? Во всяком случае, он охватывал первые пять послепасхальных семидневок (Светлая или Праздная, вторая по Пасхе или Антипасхальная, третья или о мироносицах, четвертая или о расслабленном, пятая по Пасхе). В дальнейшем счете, однако, наблюдаются разночтения. По одной версии, порядок счета воскресение-суббота продолжался до субботы седьмой седмицы по Пасхе, т.е. он следовал до самого дня Пятидесятницы; этот “пентикостный” вариант послепасхального счета отразился в Цветной Триоди, евангелиях-апракос и в “Словах” Кирилла Туровского¹²⁸. Вместе с тем, очевидно, что другие древнерусские пасхалисты обрывали этот счет раньше, днем Вознесения Господнего (40 день после Пасхи, т.е. четверг шестой послепасхальной семидневки) и в дальнейших календарно-недельных определениях ориентировались уже на этот праздник. Неоднократно встречаемые в источниках указания на вторую неделю по Вознесению¹²⁹ показывают, что “вознесенский” послепасхальный счет никак не согласовывался с пентикостным. Наш главный источник вообще убеждает нас в том, что вознесенский счет довольно глубоко простирался в глубь пасхального года. В статье 6601 г. ПВЛ летописец сначала описал поражение русских у Треполя “въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26”, а затем указал, что половцы осаждали Торческ “недѣль 9”; ясно, что эти девять недель в данном случае считались от дня Вознесения, так как такой расчет и выводит на конечную дату сюжета о половецком нашествии — 24.07. 6601 г. /I, 221–222; II, 211–212/. По этим указаниям можно даже реконструировать порядок вознесенского счета дней недели: к первой неделе по Вознесению относились лишь три дня (пятница — воскресение), следующие за праздничным четвергом, а далее счет семидневок велся от понедельника до воскресения. Если бы летописец учитывал здесь дни иначе (от воскресения

ния до субботы), тогда бы до 24.07 от Вознесения он насчитал только 8 полных седмицевок и не смог бы написать о том, что половцы “стояша около града недѣль 9”.

Аналогов вознесенскому способу счета седмицевок мы не находим ни в средневековой восточной Пасхалии, ни в современном пасхальном году, поэтому его можно считать истинно русским хронологическим приемом, появившимся еще во второй половине XI в. Выделение дня Вознесения из дней Пентикостии в особый хронологический ориентир произошло, вероятно, потому, что, во-первых, этот праздник входил в число “двунадесяти” важнейших торжеств христианского годовичного цикла. Во-вторых, этому способствовал сам порядок послепасхальной церковной службы: дело в том, что накануне дня Вознесения отмечается Отдание Пасхи, после чего происходит смена антифонов и отпустов¹³⁰. Нельзя не учитывать и того, что послевознесенские дни совмещались с важнейшими славяно-языческими праздничными веками (Русальная неделя и Семик). Еще в XIX в. было отмечено, что современная привязка Русальной недели к седьмой послепасхальной седмице, а Семика к седьмому четвергу после Пасхи является относительно поздним календарно-хронологическим образованием, цель которого заключалась в приспособлении дохристианских элементов к структуре пасхального года¹³¹. Из этого следует, что в первоначальном виде эти языческие празднества не имели такой жесткой увязки с пасхальным календарем, как это было в XIX–XX вв.¹³², поэтому их периодичное совпадение с праздником Вознесения и послевознесенскими днями могло послужить поводом к появлению такого порядка отсчета седмицевок, который соответствовал как христианским правилам, так и языческим времяисчислительным нормам.

Вернемся, однако, к более распространенному на Руси пентикостному отсчету послепасхальных дней. В его употреблении существовала крайняя граница, перебивавшая порядок счета седмицевок от воскресения до субботы. Чаще всего отмечается та версия, что отразилась в Цветной Триоди и евангелиях-апракос XI–XII вв. и сохранилась в структуре современного пасхального года: здесь пентикостный счет прерывается накануне Пятидесятницы, сам этот праздник не входит в состав какой-либо седмицы, а следующая за ним седмица (последняя неделя Триоди, неделя всех святых) начинается уже понедельником и заканчивается воскресением. Все остальные седмицевки пасхального года вплоть до его окончания исчислялись по этому же образцу, и, кроме того, их нумерация велась от праздника Пятидесятницы. Эта пентикостно-триодная схема счета недель наблюдается и в источниках, не связанных непосредственно с церковной службой, в том числе и в ПВЛ¹³³.

Не всегда, однако, граница окончания пентикостного счета проходила по дню Пятидесятницы, как в Цветной Триоди. Об этом свидетельствует

Евангелие-апракос, переписанное в 1307 г. попом Поликарпом: здесь чтения Евангелия от Иоанна продолжались до субботы по Пятидесятнице (в евангелиях XI–XII вв. только до понедельника по Пятидесятнице), а потом начинались чтения от Матфея. Именно поэтому дни недели всех святых (первая неделя после Пятидесятницы) и дни следующих недель в Поликарповом Евангелии располагались в порядке воскресение — суббота. А.В. Горский и К.И. Невоструев почему-то посчитали этот образец соответствующим современному пасхальному расписанию седмиц, с чем согласился и Н.В. Степанов¹³⁴, но на самом деле в Евангелии 1307 г. мы наблюдаем случай, когда пентикостная схема счета седмицевок продолжалась, в отличие от пасхального календаря XIX–XX вв., и после Пятидесятницы. Точно также, как и в случае с двумя вариантами счета великопостных седмиц, мы видим, что пентикостно-триодная (тип Триоди, ОЕ и МЕ) и продолженная пентикостная (тип Евангелия 1307 г.) схемы счета совпадали только в нумерации недельных (воскресных) дней после Пятидесятницы и расходились в обозначении всех других дней недели; действительно, для составителя ОЕ, например, дни первой недели после Пятидесятницы начинались с того понедельника, что сразу же следовал за Троицыным воскресением, но, по представлениям Поликарпа, первая неделя начиналась на седьмой день после Троицы. Пример того, как существование двух разновидностей пентикостного счета сказалось на исторических датировках, мы имеем в 6616 г. ПВЛ (см. 1.2): летописец, применявший постмартовское времяисчисление и пентикостно-триодную схему счета недель, пересчитал на юлианский календарь первоначальную дату “в 6-ю субботу по Пятидесятнице” как 24.07 (это число, действительно, было шестой субботой после Троицы в 1109 г.), тогда как его коллега, использовавший мартовский год и продолженную пентикостную схему, за шестую субботу после Троицы (в 1108 г. — 4.07) принял седьмую (11.07). Другой похожий пример находится в УЧ: в Погодинском списке (XVI в.) сказано, что “Петров день в понедѣльник 6 недѣль поста” /УЧ, 190/, но в Румянцевском списке (копия XIX в. с утраченного Софийского списка XV–XVI вв.) день Петра и Павла (29.06) отнесен к седьмой неделе Петрова поста¹³⁵; первое показание было вычислено по продолженной пентикостной схеме, второе — по пентикостно-триодной.

Петров и Рождественский (Филиппов) посты не нарушали порядка счета седмиц, установленного после Пятидесятницы, следовательно, он продолжался без каких-либо отклонений до начала следующего седмичного годовичного цикла¹³⁶. Как видно, структура древнерусского пасхального года, подобно прочим времяисчислительным элементам XI–XII вв., существовала в нескольких вариантах и, кроме того, отличалась от “классического” и современного образцов весьма своеобразными деталями, имевшими местное происхождение.

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВРЕМЯИСЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ДРЕВНЕЙ РУСИ В XI – НАЧАЛЕ XII В.

5.1. ОФИЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ И КИЕВСКИЙ МОНАСТЫРСКИЙ СЧЕТ ВРЕМЕНИ

Несомненно, что с утверждением в Киевской митрополии константинопольского образца церковной службы столичный Софийский собор стал центром распространения на Руси византийских стандартов учета времени (константинопольская эра летоисчисления, сентябрьский календарный стиль, сентябрьский строй Пасхалии, пасхальный порядок расчета юлианских чисел и седмичных дней и пр.). Если мы вспомним, что сентябрьская константинопольская основа отмечалась во всех киевских источниках ПВЛ (Печерский свод середины 70-х гг. XI в., выдубицкие записи второй половины XI – начала XII в. и свод Сильвестра 1116 г., “постмартовский” свод начала 20-х гг. XII в.), то найдем в этом свидетельство длительного и стабильного применения в столице официальных византийских хронологических норм, что, конечно же, определялось влиянием митрополичьего клира.

В составе ПВЛ в известиях конца X – первой половины XI в. мы можем отметить очевидные следы погодных записей, сделанных современниками событий. Это, во-первых, известия с точными календарными датами, которые в начальной части этого “блока”, вероятно, “размылись” позднейшими редакторскими сокращениями (сохранились только две святочные даты в статье 6504 г.), но с 6562 г. календарно-недельные показания встречаются здесь все чаще. Во-вторых, это – лаконичные по содержанию известия как особого, так и повседневного характера, авторы которых явно не заботились об их понимании позднейшими читателями, например: “В лѣто 6537. Мирно бысть... В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити города по Ръси [какие и где конкретно? – С.Ц.]. В лѣто 6541. Мьстиславичъ Еустафий умре [где умер? где погребен?]. В лѣто 6544. Ярославъ иде на ятвыгы [чем закончился поход?]. В лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга... и положиша я въ церкви святаыя Богородица [в какой? в Киеве в то время была уже не одна св. Богородица, а кроме того, Богородичные храмы были и в других городах]” /I, 149–155; II, 137–143/ и т.д. Все эти типичные погодные записи входили в состав сентябрьского константинопольского слоя ПВЛ, хотя в целом очевидно пренебрежительное отношение их авторов к хронологической атрибуции. Эти заметки отличаются, к тому же, политическая индифферентность, проявляющаяся в однообразном и бесстрастном описании событий из жизни антагонистических княжеских семей.

Все это получает соответствующее объяснение, если мы признаем, что погодные записи велись при дворе митрополита. Ставленник Константинополь-

ской патриархии являлся влиятельнейшей персоной в Киеве и был относительно независим от светской власти, что позволяло ему самому и его окружению сохранять высокомерный нейтралитет во внутрисударственных распрях. Культурные запросы подвигали главу русской церкви к руководству литературной работой и к созданию исторических произведений на манер византийских хроник, но при этом писателям не могли не передаваться взгляды их духовного наставника-инодца, смотревшего на Русь как на страну вчера еще варварскую, а ныне являвшуюся второразрядной митрополией, история которой не заслуживала создания обобщающего концептуального труда. В этом случае вполне можно было ограничиться краткой погодной фиксацией событий, а для их систематического расположения использовать хорошо знакомую киево-софийским клирошанам константинопольскую сентябрьскую схему времяисчисления, применявшуюся в пасхальных расчетах и в расписаниях церковных служб¹.

А.А. Шахматов, а вслед за ним и другие исследователи считали, что погодные летописные записи появились в Киеве довольно поздно, в последней четверти XI в.² Однако сам же А.А. Шахматов соглашался с мнением А.А. Куника о том, что в статьях 6508–6601 гг. ПВЛ отразился Синодик (или Помянник) киевских князей, который год за годом (т.е. в погодном порядке!) кратко описывал преставления членов княжеских фамилий³. Интересно, однако, как А.А. Куник реконструировал состав этого мартиролога: он утверждал, что в нем отмечались не только даты смерти, но и даты рождения князей, а также “исторические сказания”. Таким образом, оба ученых непроизвольно подразумевали не что иное, как погодное летописное произведение, включавшее в свой состав не только некрологические сведения, но и массу других, самых разнообразных исторических известий. В таком случае можно объяснить и факт, вызвавший удивление А.А. Шахматова (малое количество точных календарных датировок в Синодике, что неприемлемо для христианского поминального обряда, но вполне совместно с традициями нарождавшегося летописного жанра).

Маловыразительные киево-софийские погодные записи оказали, тем не менее, влияние на развитие монастырского летописания. Подражание митрополичьим “книжникам” ранее всего воплотилось в летописную форму в Киево-Печерском монастыре св. Богородицы, где в 1073–1075 гг. было завершено сочинение, которое и сохранило нам древнейшие погодные записи св. Софии. Печерский автор

не ограничился, однако, простой перепиской кратких софийских заметок и дополнил их собственными наблюдениями за столичными происшествиями конца 60-х — начала 70-х гг., а также устными преданиями из истории своей обители. Такой подход определил и характер хронологических элементов свода, раскрывающих нам особенности киево-печерского времяисчисления третьей четверти XI столетия.

Его основу составляли элементы, позаимствованные из официального софийского счета времени, а именно: счет сентябрьских лет от С.М. по константинопольской схеме; преимущественное употребление в календарно-недельном счете пасхальной “оболочки” (ярче всего это проявилось в несомненном киево-печерском повествовании 6582 г.) и, реже, святочной (6575 г., “в день бо Въздвиженья”). Все эти элементы, кстати, соответствовали хронологическим показаниям Студийского Устава, введенного в монастыре игуменом Феодосием.

Вместе с тем, в печерском времяисчислении тех лет отчетливо видны и нехарактерные для официально-церковного счета хронологические элементы, которые можно связать с национальной языческой традицией. Это — относительный учет лет, месяцев и дней (6567 г. — “лѣтъ 20 и 4”; 6571 г. — “дний 5”, “на 4-е бо лѣтъ”; 6575 г. — “мѣсяць 7”), который отразился и в других памятниках киево-печерской письменности (ЧБГ и ЖФП). В показаниях киево-печерского свода мы можем отметить и отступления от триодной схемы пасхально-седмичного счета (см. 4.5).

Итак, в середине 70-х гг. XI в. киево-печерская монастырская братия соединила официально-церковное времяисчисление с элементами традиционного русского счета времени и приспособила это соединение не только к потребностям летописания, но и к своей повседневной жизни. Для древнерусской столицы это был первый опыт внедрения христианской хронологии в обиходную времяисчислительную практику. Судя по всему, подобным же образом счет времени в Киево-Печерском монастыре велся и в последние десятилетия XI, и в начале XII в., хотя об этом периоде мы имеем весьма скудные сведения⁴. Скорее всего, киево-софийский счетный стандарт продолжал оказывать решающее влияние на хронологические воззрения наследников Феодосия: так, об этом свидетельствует сентябрьский индиктовый счет в статье 6599 г. ПВЛ и календарно-недельная дата 6604 г. (“въ 20... мѣсяца <июля>, в пятокъ”). Вместе с тем, монастырское времяисчисление эволюционизировало, вероятно, по пути упрощения официальных норм и их дальнейшей адаптации к дохристианским русским традициям: календарные даты ЖФП и подробного печерского рассказа о перенесении мощей Феодосия (6599 г. ПВЛ) показывают, что Нестор и его современники, в отличие от предыдущих поколений печерских иноков, отдавали предпочтение святочнo-юлианской форме определения дневных дат с использованием относительного “включающего” счета, что было намного проще проведения трудоемких и каверзных пасхальных расчетов. Стабильный характер времяисчисления этого монастырского центра позволяет нам произвести предельно точную редукцию некоторых нелетописных датировок, относящихся к местной литературной традиции конца

XI в.: постройка Феодосием первого храма св. Богородицы, датированная в ЖФП 6570 г. /ПЛДР XI—II, XII, 334/, происходила в 09.1061 г. — 08.1062 г., основание новой печерской церкви было в 09.1072 г. — 08.1073 г. (6581 г. КПП), а освящение местной церкви митрополитом Иоанном относится к 09.1088 г. — 08.1089 г. (6597 г. КПП) /ПЛДР XII, 422, 430/⁵.

Однако в то самое время, когда Киево-Печерский монастырь продолжал следовать в русле официально-церковной хронологической традиции, рядом с ним уже появилось новаторское направление в счете времени: Киево-Выдубицкий монастырь св. Михаила нарушил безраздельное господство сентябрьского константинопольского счета в столице митрополии. Полнее всего образец выдубицкой системы учета времени был представлен в летописном своде 1116 г. игумена этой обители Сильвестра, но несомненно, что он был не ее основателем, а только продолжателем: первые мартовские записи, принадлежавшие перу очевидцев описываемых событий, появились десятилетие спустя после основания монастыря, во второй половине 70-х гг. XI в. Совсем не случайно это событие совпало по времени с первым киевским княжением Всеволода Ярославича (1.01.1077 г. — 07.1078 г.). Становится ясно, что решительное и в некоторой степени кощунственное отступление выдубицких хронологов от киево-софийских стандартов определялось, в первую очередь, стремлением уподобить монастырский счет времяисчислительным традициям патронального княжеского дома, глава которого неожиданно оказался на киевском престоле; в такой форме михайловская братия стремилась отреагировать на изменение политической ситуации и лишний раз выразить признательность основателю монастыря. Впрочем, оправдание своему самоуправству выдубицкие монахи находили, вероятно, в переводной византийской литературе; к примеру, Сильвестр, включавший погодные записи предшественников в свой свод, подкрепил их хронологию авторитетом ХГА, где прямо говорилось: “Тако и нами, аще и 1-й март четься” /ХГА, 102/.

Судя по всему, письменных источников переяславского происхождения киево-выдубицкие летописцы конца XI—XII вв. в своем распоряжении не имели: это ясно хотя бы потому, что никаких оригинальных сведений о деятельности Всеволода и его сыновей в их удельном городе ни погодные записи, ни свод 1116 г. не приводят (они появились в ПВЛ позже). Вероятно, поэтому в монастыре св. Михаила остался невостребованный ультрамартовский календарный стиль, который, с одной стороны, удовлетворял полуязыческим хронологическим пристрастиям переяславских князей (см. 5.5), а с другой, не противоречил официальным пасхальным сентябрьским нормам (см. 4.3.) Усвоив более неудачную во всех отношениях константинопольскую мартовскую схему счета, компютисты “монастыря Всеволожа” тем самым необычайно осложнили себе задачу: мартовские летописные годы от С.М. им приходилось считать независимо от употреблявшегося в церковной практике сентябрьского константинопольского счета, полностью отказавшись от которого они, тем не менее, не могли, так как иного средства определения Пасхи и недельных дней на Руси в то время просто-напросто не было.

Соединение двух параллельных линий счета приводило, как показывает свод Сильвестра, к многочисленным хронологическим ошибкам, тем более, что эта компиляция осложнялась еще и включением ультрамартовского слоя из свода Василия (см. 5.3). Что касается датировок Василия, то составитель Выдубицкого свода 1116 г. принимал их за мартовские и лишь изредка менял в них календарные элементы (6603, 6608 гг.), но с сентябрьскими показаниями он поступал иначе, разделяя сентябрьские годы на две половины (сентябрь-февраль, март-август) и относя их к различным мартовским годам. Не всегда, правда, перемещение этих полугодовых отрезков Сильвестр проводил с должной точностью: так, например, после рассказа об избиении половецкого посольства, первоначально относившегося к первой половине 6604 сентябрьского года, он разместил события второй половины 6603 г., хотя чередование половин должно было иметь обратный порядок; примерно так же ошибочно игуменом-летописцем были соединены и известия сентябрьских 6613 и 6614 гг. (поставления епископов Лазаря, Мины и Амфилохия), которые он попробовал приспособить под мартовские правила времяисчисления (см. 1.1, 2.1).

Итак, хронологическое новаторство киево-выдубицких монахов в конце XI — начале XII в. было продиктовано прежде всего политической конъюнктурой и подражанием византийской хронографии. В календарном счете дней братия св. Михаила отдавала безусловное предпочтение пасхальной форме: наглядный пример — многочисленные пасхально-юлианские даты рассказа о смерти Всеволода и половецком нашествии в 6601 г. ПВЛ, среди которых встречается лишь одна святочная дата, причем, это — единственный случай в мартовском слое; не менее наглядно это продемонстрировал Сильвестр, поменявший святочно-юлианскую дату Уветичевского съезда из статьи 6608 г. летописи Василия на пасхально-юлианскую. В то же время, относительные даты дохристианского образца в мартовских известиях свода 1116 г. были редкостью (6601 г. — “княживъ лѣтъ 15 Киевѣ”; 6605 г. — “2 дни”, “3 дни и в 4-й”), причем, и они содержали черты пасхального счета (6601 г. — “и стояша около града недѣль 9 [после Вознесения. — С.Ц.]”; 6605 г. — “и стоя Святуполкъ около града 7 недѣль... А Святуполкъ вниде в град в Великую субботу” /I, 221, 269; II, 211, 244/). Официозность выдубицкого времяисчисления подчеркивалась и использованием в летописных датах индиктовых показаний; в своде 1116 г. это отмечается как в авторских записях (6601 г., приписка Сильвестра), так и в выписках из источников нелегитимного происхождения (ХГА, русско-византийские договоры).

Однако совсем отстраниться от исконно русских хронологических традиций летописцы Выдубицкого монастыря не могли. Пример статьи 6611 г. прямо указывает на то, что Сильвестр не употреблял стабильное мартовское новогодие, а начинал новый год с первой недели (воскресения) Великого поста (см. 2.1 и 4.3). Великопостное новогодие, как мы выяснили раньше, содержало в своей основе черты старинного древнерусского лунно-солнечного календаря, прикрытые пасхальной формой. Несомненно, что эта разновидность новогодия не была изобретена

в самом монастыре св. Михаила; она появилась здесь относительно поздно (см. 5.3), но несомненно также и то, что игумен-летописец не был бессмысленным копировщиком этого хронологического элемента, а вполне продуманно употреблял его в своем сочинении для проведения годовых границ. Вполне возможно и то, что мартовский великопостный счет во втором десятилетии XII в. по инициативе Сильвестра внедрялся и в повседневное времяисчисление монастыря, не вытесняя, впрочем, сентябрьских служебных правил. В пользу таких соображений свидетельствует тот факт, что через несколько лет после появления свода 1116 г. великопостную форму новогодия переняли от своих выдубицких коллег киево-печерские послушники, что, видимо, нельзя было сделать так быстро лишь методом литературного заимствования.

Сам же Киево-Печерский монастырь во втором десятилетии XII в. неожиданно стал законодателем новой хронологической моды. Речь идет о константинопольском постмартовском счете, киево-печерская принадлежность которого очевидна хотя бы потому, что все летописные известия начала XII в. об этой обители имеют постмартовские датировки⁶, а все остальные постмартовские сообщения 6615–6633 гг. ПВЛ охватывают преимущественно регион Южной Руси (Киев, Переяславль-Русский, Чернигов, Белгород, лишь два известия касаются юго-западного региона). Среди постмартовских артефактов этих статей мы обнаруживаем типичные для киево-печерских летописцев второй половины XI — начала XII в. приемы датирования, что лишний раз подтверждает местное происхождение этой системы и свидетельствует об определенной преемственности в развитии монастырского времяисчисления. Это, во-первых, пристрастие к святочному датированию, причем главными ориентирами были “двунадесятые” праздники (6620, 6626 и 6629 гг. — Богоявление) и, как и полагалось черноризцам св. Богородицы, богородичные дни (6615 г. — Успение, 6617 г. — Положение ризы); пасхальная оболочка юлианских дат использовалась реже (6615 г. — вторник недели о блудном сыне, 6616 г. — шестая суббота по Пятидесятнице, 6623 г. — 11-я среда по Пятидесятнице), причем, даты 6616 и 6623 гг. показывают, что послепасхальные расчеты велись по лентикостно-триодной схеме⁷. Во-вторых, следы ранней печерской традиции мы прослеживаем и в употреблении относительных дат (6620 г. — “лежа в болести лѣтъ 25”; 6621 г. — “живши лѣтъ шестьдесят в чернечествѣ, а от роженъя девяносто лѣтъ и два” /II, 273, 276/). Наконец, как и в монастырском летописании 90-х гг. XI в., в печерском своде начала 20-х гг. XII в. применялись индикты (6615 и 6620 гг.; о причинах отсутствия чисел индиктов см. 4.1).

Свои хронологические пристрастия киево-печерский составитель свода начала 20-х гг. XII в. проявил и при редактировании старинных письменных источников. Так, в текст договора 6453 г. он вставил постмартовский номер индикта, в статьях 6583, 6594, 6608, 6614 и 6615 гг. пересчитал на постмартовский календарь святочно- и пасхально-юлианские даты, изменил календарно-недельные элементы в датах смерти Всеслава в 6609 г. и убийства Итлара в 6603 г., так как они не соответствовали постмартовской схеме счета и др.

Чем же объясняется переориентация киево-печерского времяисчисления с сентябрьского на весенний стиль? Очевидно, что только внешние и весьма значимые факторы могли нарушить развитие существовавшей уже почти полстолетия монастырской хронологической традиции, которая, к тому же, поддерживалась авторитетом киево-софийского клира. В данном случае мы не наблюдаем такого, как в монастыре св. Михаила, проявления книжного знания, заимствованного у греческих авторов, но опять находим объяснение в общественно-политической обстановке тех лет. Уже при князе Святополке Изяславиче (24.04.1093 г. — 16.04.1114 г.) монастырь св. Богородицы потерял славу центра, оппозиционного верховной государственной власти, о которой нам с гордостью сообщали печерские авторы второй половины XI в. (ЖФП и статья 6582 г. ПВЛ). Символом консолидации трех влиятельных общественных сил Киева (княжеского двора, митрополитского клира и черного духовенства) стало внесение в 1109–1110 гг. имени Феодосия Печерского в Синодик, осуществленное митрополитом Никифором по инициативе киево-печерского игумена Феоктиста и при активной поддержке князя Святополка. Переход киевского стола в руки Всеволодовичей в 1114 г. поставил перед “Феодосиевым монастырем” задачу приспособления к изменившейся политической обстановке; монахам необходимо было срочно доказать свою лояльность новой княжеской династии, чтобы сохранить свое исключительное положение и духовное могущество. Именно поэтому в Киево-Печерской обители стал внедряться весенний календарный стиль, издавна применявшийся в перемышлянской резиденции Всеволодовичей и в их фамильном монастыре св. Михаила.

Идейное оформление союза монастыря и новой власти было закреплено в Киево-Печерском летописном своде начала 20-х гг. XII в. Совсем не случайно его литературной основой стал свод 1116 г., появившийся в “монастыре Всеволожем” и имевший, как мы уже знаем, мартовскую годовичную сетку⁸; сочинение Сильвестра, кроме того, компенсировало плохую осведомленность печерских “писателей” о событиях, происходивших за стенами монастыря⁹. Не желая, однако, совсем отказываться от местной литературной традиции, составители свода 20-х гг. использовали и монастырские записи за конец XI — начала XII в., которые, как мы помним, строились по образцу киево-софийского погодного сентябрьского изложения. Навыки сводческой работы были тогда еще вновь для киево-печерских авторов. Вспомним, например, что свод 1073–1075 гг. практически был копией погодных записей митрополитского двора, дополненных только собственными наблюдениями переписчика и устными преданиями об истории монастыря, относительные даты которых сводчик даже не сумел приспособить к годовичной сетке и поэтому все их поместил в две статьи. Понятно поэтому, что малоопытных печерских монахов-писателей поджидали большие трудности, для преодоления которых местная литературная школа еще не наработала необходимого запаса компиляторских приемов.

Самой проблематичной для них оказалась задача согласования хорошо знакомого сентябрьского времяисчисления с неведомым доселе мартовским новогодием, которому монахи-летописцы и решили

отдать предпочтение. Употребление пасхальных терминов 6616 сентябрьского года при 6615 номере года (см. 1.1) показывает, что постмартовский счет появился из ошибочного, но вполне осознанного представления летописцев св. Богородицы о соотношении сентябрьских и мартовских годов: весенний год с номером, отстающим на единицу от сентябрьского года, киево-печерские хронологи начинали не на шесть месяцев раньше, как это следовало бы делать, а на шесть месяцев позже сентябрьского новогодия; такая “синхронизация” основывалась на том, что мартовские годы второй своей половиной (сентябрь-февраль) отставали в нумерации на одно показание от первой половины сентябрьских лет, но за начало этих “мартовских” (т.е. постмартовских) годов принималась середина не синхронных по номеру, а опережающих их по счету сентябрьских годовых отрезков (табл. XIX). К каким невероятным историко-хронологическим построениям приводила неискушенность печерских компютистов, показывает статья 6605 г. ПВЛ, в которой под “постмартовским” редакторским “прессом” соединились три годовичные статьи летописи Сильвестра (6605–6607 гг.; см. 2.2).

По примеру выдубицких собратьев, свое “мартовское” новогодие печерские “благочисленники” сделали великопостным, на что указывает статья 6618 г. ПВЛ (см. 4.3 и табл. XX); в этом случае счетное новшество оказалось созвучным старинным монастырским обычаям благоговейного отношения к Великому посту, утвердившимся еще при игумене Феодосии. Во всем же остальном перестройка времяисчисления на чужой манер была неудачной: настоящей мартовской шкалы счета времени киево-печерским инокам создать все равно не удалось, а изобретенная ненароком постмартовская схема счета существенно расходилась с сентябрьским пасхальным каноном.

Более того, постмартовская система учета времени исказила верное, с точки зрения сентябрьской Пасхалии, соотношение юлианских чисел и дней недели, так как она нарушала правила подсчета високосных лет. Можно сделать весьма любопытный вывод о точности киево-печерского счета дней в третьем десятилетии XII в.: в постмартовских годах (N) счет юлианских чисел от седмицы мытаря и фарисея до первого дня марта отставал на сутки от счета соответствующих сентябрьских лет (N+2), если эти сентябрьские годы были високосными, так как в постмартовском исчислении день 29.02 не учитывался; если же високосными были постмартовские годы, то, наоборот, юлианский счет в N опережал на один день расписание N+2 в том же самом интервале (от понедельника мытаря и фарисея до 1.03)¹⁰. Выходит, таким образом, что, как минимум, дважды за каждые 4 года киево-печерские монахи на протяжении 28–56 дней творили церковные праздники, службы и посты не в согласии, например, со своими выдубицкими “коллегами”; впрочем, в таких случаях они, вероятнее всего, корректировали служебное расписание по распоряжку Киевского Софийского собора, но на датировке исторических событий эти ошибки могли, тем не менее, сказываться.

Исторические судьбы постмартовской и мартовской систем были различными. В своих монастырских центрах они несомненно применялись до конца XII в.¹¹ Кроме того, питомцы печерского и

выдубицкого монастырей, оседавшие в иных древнерусских землях, распространяли там, наподобие миссионеров, хронологические правила воспитавших их обителей; при этом иногда случалось так, что в новых условиях эти системы приобретали по различным причинам более весомое, нежели в Киеве, значение. Показательны в этом отношении два случая: в январе 1114 г. киево-печерский игумен Феоктист, при котором, видимо, и началось преобразование монастырского сентябрьского счета в постмартовский, стал черниговским епископом (это известно есть в 6620 постмартовском году ПВЛ), а уже в статье 6623 г. Ип.-Хл. мы встречаем несомненное постмартовское известие о смерти и похоронах черниговского князя Олега Святославича (см. 1.3), подробность которого выдает очевидца погребальной церемонии в кафедральном Спасском соборе; точно так же, постановление автора Выдубицкого свода 1116 г. на переяславскую кафедру в 1118 г. привело к тому, что мартовский великопостный календарный стиль прочно утвердился в этой епархии (см. 5.5).

5.2. ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ НОВГОРОДА

На северной периферии Древнерусского государства в XI — начале XII в. времяисчисление развивалось совершенно иным, нежели в Киеве, путем. Напомним, что в новгородских летописных памятниках мы отмечаем древний византийско-болгарский хронологический слой в датировке событий первой половины XI в.; а в записях новгородских иереев того же времени — весенний календарный стиль (см. 3.3 и 4.3). Несколько дополнительных наблюдений над хронологическими показаниями новгородских памятников позволяют уточнить эти выводы.

Исследователи уже неоднократно обращали внимание на противоречие в датировке пожара в Новгородском соборе св. Софии между Син. (15.03.6553 г., суббота) и другими новгородскими летописями (4.03.6557 г., суббота) /НПЛ, 16, 181; IV, 116; V, 130/, причем, большинством из них первая дата объявлялась ошибочной, а вторая — верной, так как именно она соответствовала правилам константинопольского счета¹³. Вернее всех оценил это противоречие А.Г. Кузьмин, посчитавший, что в этом случае отразились две самостоятельные записи об одном и том же событии, но и он не представил полного историко-хронологического объяснения¹⁴.

Действительно, разные изводы НПЛ зафиксировали различные варианты местных записей о пожаре, сделанные, видимо, сразу же после бедствия, которое произошло в субботу 4.03.1049 г., только один из очевидцев датировал его 6553 византийско-болгарским годом, а другой — 6557 константинопольским (09.1048 г. — 08.1049 г.). Но как же появилось тогда несуразное, на первый взгляд, календарно-недельное показание Син. ("в субботу... Мѣсяца марта въ 15")? Объяснить его можно только тем, что византийско-болгарская дата первоначально была выражена не юлианским, а пасхально-седмичным обозначением, примерно таким:

Несогласованность киевских монастырских систем с сентябрьским пасхальным времяисчислением должна была привести к постепенному их исчезновению из счетной практики древнерусских компутистов. Так, видимо, и случилось с постмартовской системой, "затухшей" в XIV в.; самое позднее ее проявление отмечается далеко к западу от Киева, в тексте грамоты Любарта Гедиминовича Луцкой соборной церкви св. Иоанна Богослова ("лета от создания мира 6830, индикта сегого, месяца декабря 8 дня" /ДКУ, 176/) ¹². Впрочем, никто еще не занимался специальным поиском артефактов постмартовской системы в источниках XII–XVII вв. Мартовский же счет, также вроде бы обреченный на исчезновение, сохранился в русском времяисчислении лишь потому, что закрепился в литературной традиции переяславского княжеского дома Мономаховичей и вместе с ней утвердился затем во Владимиро-Суздальской земле.

"В 5-ю субботу Великого поста" или "в день Похвалы Богородицы", что и подразумевало 4.03.1049 г. Эта древняя новгородская запись подверглась затем "постмартовскому" редактированию, вследствие чего дата была пересчитана в юлианское число 6553 константинопольского постмартовского года (03.1046 г. — 02.1047 г.), но при этом была допущена типичная для древнерусских пасхалистов ошибка (см. 4.5), когда вместо пятой субботы поста (8.03.1046 г.) была высчитана шестая (15.03.1046 г.).

Понятно, что "постмартовская" модификация первоначальной даты не являлась результатом работы создателей постмартовской системы, киево-печерских монахов (см. 5.1), так как в ПВЛ этого сообщения в статье 6553 г. нет. Следовательно, появление вторичных признаков в византийско-болгарской датировке было связано с Новгородом и, что вероятнее всего, с составлением свода второй трети XII в. при дворе епископа Нифонта (см. далее). Почему же из двух местных архаичных записей в этом своде предпочтение было отдано византийско-болгарскому сообщению? Такой выбор можно объяснить только тем, что это известие было позаместовано из более ранних новгородо-софийских записей, сделанных еще в середине XI в. и столетие спустя ставших одним из источников свода Нифонта. Выходит, что новгородский владычный свод 1050 г., представленный А.А. Шахматовым как компиляция местных и южнорусских архаичных известий с погодными заметками-продолжением¹⁵, имел византийско-болгарскую хронологическую шкалу.

Ее следы отразились и в других датировках новгородских летописей (см. 3.3), а также в одном позднем относительном расчете. Рассказывая о смерти епископа Луки 15.10.6568 г., НЧЛ-СПЛ уточняли, что "бывшу ему епископомъ лѣтъ 23", что подтверждали и перечень Ком., и НВЛ /IV, 119; V,

132; НПЛ, 473; XXX, 197 /. Но Тв. не оставляет сомнений в том, что в его новгородском источнике содержался иной расчет лет епископства Луки (27 лет), поэтому компилятор Тв. попробовал согласовать и объяснить обе версии: “Бывшу ему епископомъ 23 лѣта. Се же считаетъ выкладъ лѣта, которе Лука на столѣ былъ, а техъ не считаетъ, что былъ Лука три лѣта въ Киевѣ оклеветанъ, а всѣхъ лѣтъ его отъ поставления до смерти 27” /**XV, 153**/¹⁶. Этот расчет, однако, не убеждает, так как в Киеве Лука был, все же, три года, а не четыре и, скорее всего, даже меньше трех полных лет (в 6563 г. митрополит вызвал его на суд, а в 6566 г. он был оправдан /**НПЛ, 182–183; IV, 118; V, 132; IX, 91; XV, 152; XXX, 190**/); очевидно, что интервал в 23 года был отражением константинопольских дат поставления и смерти епископа (6544 и 6568 гг.), а цифра 27 появилась как расчет от византийско-болгарской даты поставления Луки (6541 или 6542 г.; см. 3.3), которую, однако, компутисты не распознали и механически совместили с датой смерти владыки.

Что же касается известия, приведшего нас к таким рассуждениям (пожар в св. Софии), то в поздних новгородских текстах его древний византийско-болгарский вариант был вытеснен сообщением о начале строительства каменной церкви св. Софии в 6553 константинопольском году (09.1044 г. — 08.1045 г.) князем Владимиром и епископом Лукой (см. 3.3 и табл. XVI–18), номер года которого совершенно случайно совпадал с датой пожара¹⁷. Предполагаемую нами последовательность событий, а значит и порядок формирования хронологических артефактов замечательным образом подтверждают сообщения НВЛ, которые в тексте памятника располагались в отрыве одно от другого и поэтому до сих пор оставались непонятными: “В лѣто 6553 [1044–1045 гг. — С.Ц.]. Заложил князь Володимер Ярославичъ и владыка Лука святыю Софѣю каменую в Великомъ Новиградѣ... И стояло 4 лѣта, и поднелась церковь святаа София от <о>гна мѣсяца марта в 4, в суботный день [1044–1045 гг.+ 4 года = 1048–1049 гг.]... А дѣлаша ѿ седмъ лѣтъ [1044–1045 гг.+ 7 лет = 1050–1051 гг. по “включающему” счету]... И священа бысть церковь святая София мѣсяца сентября в 14 день на Воздвижение Честнаго Креста [т.е. 14.09.1050 или 6558 г., как и в других новгородских летописях]” /**XXX, 173, 177, 202**/.

Все сказанное выше приводит нас к несомненному выводу о том, что в Новгороде при епископе Луке Жидяте (1036 г. — 15.10.1060 г.) официальное епархиальное времяисчисление резко отличалось от киево-софийских стандартов византийского образца. Во-первых, здесь применялась более архаичная и к тому времени уже совершенно забытая греческими церковными писателями византийско-болгарская эра летосчисления. Во-вторых, уже в эти годы новгородские хронологи отказались от сентябрьских календарных ориентиров, которые в то время были основой всех официальных систем времяисчисления поместных православных церквей. Поистине революционный смысл этого новшества станет понятен тогда, когда мы вспомним, что сентябрьское времяисчисление составляло основу восточнохристианской Пасхалии; кое-где хронологи из духовенства принимали, правда, весеннее нового-

дие, как, например, в Киево-Выдубицком монастыре в 70-е гг. XI в. или в Киево-Печерском монастыре в начале XII в., но там оно становилось либо исключительно литературным элементом счета времени, либо употреблялось весьма ограниченно для местных практических нужд, а пасхальные расчеты здесь продолжали оставаться неизменно сентябрьскими. Новгородский же епископский двор собора св. Софии перешел на ультрамартовские правила пасхальных расчетов, тонко предусмотрев их математическую согласованность с сентябрьской Пасхалией (см. 4.3). Мы достаточно хорошо знаем выдающихся новгородских компутистов более позднего времени (диакона Антониева монастыря Кирика в 30-е гг. XII в., архиепископа Геннадия в конце XV в.) и удивляемся высокому уровню развития счетно-хронологической мысли в этом древнерусском городе; очевидно, однако, что высококлассная новгородская школа “благочисления” появилась уже в первой половине XI в., а изобретение древнерусского ультрамартовского стиля стало одним из главных ее достижений в те годы. В отличие, например, от киево-выдубицких монахов, хронологами Новгородской св. Софии руководили не политические или литературные симпатии, а приверженность дохристианским традициям счета времени и незаурядные пасхально-математические знания.

Мы сможем объяснить своеобразие новгородского времяисчисления второй трети XI в., если вспомним важнейшие события из биографии епископа Луки. Летописи сообщают нам, что он был поставлен на кафедру лично Ярославом Мудрым, в чем видится несомненное нарушение церковного чина. Государственно-церковная политика этого киевского князя имела очевидное антивизантийское направление, что подтверждается и направлением старшего сына Владимира в военный набег на Византию, и поставлением на Киевскую митрополию первого в ее истории митрополита-“русина” Иллариона без ведома патриарха, и, как теперь очевидно, самовольной хиротонией Луки, который подходил киевскому князю тем, что был, скорее всего, одним из немногих в то время на Руси иерархом славянского происхождения. После вокняжения Ярослава в Киеве Новгород стал для него вторым по значимости русским городом и поэтому он доверил его старшему сыну и епископу-славянину. Понятно теперь, почему годы пребывания Луки главой новгородской епархии совпали с расцветом здесь прославянских хронологических элементов, находившихся в противоречии с официальным времяисчислением Киевской митрополии.

Естественно, что в Киеве только до поры до времени могли мириться с новгородским хронологическим “славянофильством”. После смерти Ярослава его наследники отказались от отцовской церковной политики, что наглядно проявилось в отставке Иллариона и возвращении митрополичьей кафедры ставленникам Константинопольской патриархии. Уже вскоре после того, как в Киевской св. Софии появился влиятельный императорский чиновник, митрополит-грек Ефрем, над новгородским епископом стусились тучи: в 1055 или 1056 г. Ефрем востребовал Луку из Новгорода в столицу на суд и подверг его 3-летнему заточению. Летописи, к сожалению, не объясняют нам смысла претензий митрополита к новгородскому владыке, но мы вполне

обоснованно можем предполагать, что не последнюю роль здесь играли служебно-хронологические противоречия Киева и Новгорода.

Кстати, в этом случае понятным может быть необычное прозвище епископа Луки, повторяемое всеми русскими летописцами — Жидята¹⁸. “Жидовствующими” на Руси могли называть не только непосредственных приверженцев иудаизма, но и любых отступников от христианских норм¹⁹. Трудно, конечно, даже предполагать, что пасхальные расчеты в Новгороде велись не византийскими терминами, приспособленными к константинопольской эре, а Кругами Луны и Солнца, исчисляемыми по византийско-болгарским годам; тогда бы получалось, что пасхальное расписание Новгорода на четыре года отставало от расписания константинопольского Великого Индиктиона и, следовательно, в 30–50-е гг. XI в. в Новгороде и Киеве Пасха никогда не праздновалась в один и тот же день. Скорее всего, компутисты Новгородской св. Софии умели синхронизировать свои годы с константинопольским счетом лет и определять правильную дату Пасхи. Тем не менее, ультрамартовские новгородские пасхальные расчеты могли показаться киевским ортодоксам ересью, весьма близкой к протопасхистским воззрениям: действительно, в этом варианте предвещающего пасхального вычисления (см. 4.3) дата следующей Пасхи могла быть определена еще тогда, когда фактически не было отпраздновано очередное Светлое Воскресение. Это могло приводить к путанице и к таким вполне реальным ситуациям, когда новгородский епископ “возвещал” пасхальную дату, опережавшую реальный срок ближайшего пасхального праздника. Так, например, уже в марте 1055 г., т.е. с наступлением 6560 ультрамартовского византийско-болгарского года, епископский клир мог “возвестить” пасхальную дату 7.04, имея в виду не ближайшую Пасху, которая должна была праздноваться 16.04.1055 г., а Пасху следующего 1056 г.; епископский холоп Дудика, несведущий в технологии пасхальных расчетов, мог неверно понять это “возвещение” и послать доклад на Луку в Киев, обвиняя его в ереси.

Несомненно, что киевское заточение епископа Луки и последовавшая вскоре за тем его смерть положили начало времяисчислительной реформе в Новгороде. Все летописные известия, которые повествуют о событиях второй половины XI в. и которые можно признать новгородскими по происхождению, датированы уже константинопольскими годами. Примечательно, однако, то, что насаждение в Новгороде официального киево-софийского времяисчисления растянулось на долгие годы и выявило живучесть архаичных традиций. Одной из них было употребление ультрамартовского новоготия, причем, имеются все основания считать, что оно долгое время после реформы сохранялось и в официальном счете епископского двора. Несомненно, что переживания очевидца и одного из клирошан выдает сообщение Син. о разорении Новгорода полоцким князем Всеславом Брячиславичем: “Приде Всѣславъ и взя Новѣгородъ съ женами и съ дѣтми, и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бѣда въ часъ тѣй! И понекадила съима” /НПЛ, 17/²⁰. Если учесть, что в Р.-МАк. нападение Всеслава и битва на Немизе датированы 6574 сентябрьским константинопольским годом (см. 2.3), а в Син. они разведены

в две годовые статьи (6374 и 6375 гг. соответственно), тогда станет ясно, что в записи очевидца отражился ультрамартовский стиль. Так же характеризуются и местные известия новгородских летописей о смерти Глеба Святославича 30.05. 6587 г. и о вокняжении в Новгороде в 6603 г. Давыда Святославича (см. 2.2, 3). Родоначалники древнерусского ультрамартовского стиля долго не желали принимать иные календарные ориентиры, поэтому не кажется случайным “расцвет” этого стиля в позднейшем новгородском летописании. Любопытно, что и другой старинный хронологический элемент (византийско-болгарский счет лет) также проскальзывает в новгородских летописных записях конца XI–XII в.: в СПЛ, например, основание каменной церкви Благовещения на Городище датировано 6607 г. /V, 156/, тогда как во Вл. и Ник., представляющими в данном случае традицию ПВЛ, это событие отнесено к 6611 г. /IX, 138; XXX, 55/, в своде 1448 г. астрономические явления 6599 г. ПВЛ отнесены к 6596 г. (см. 2.3); в Толст. приход в Новгород киевского посадника Даниила датирован 6640 г., из чего следует, что другая новгородская дата этого события (6637 г.) подразумевает византийско-болгарский год (09.1132 г. — 08.1133 г.)²¹; в НВЛ 6693 номер года записан как “66<9>6 <-> 3”, а 6695 — как “66<9>5 <-> 4” /XXX, 167–“a”, “б”/, что напоминает перевод константинопольской даты в византийско-болгарскую и наоборот.

Лишь на границе XI и XII столетий новгородское времяисчисление полностью уподобляется киево-софийскому. Мы уже отмечали ранее сентябрьский хронологический пласт в известиях 6605–6624 гг. НПЛ (см. 1.1), причем, если часть этих известий можно признать сокращением южнорусских летописных записей церковного содержания, то другая их часть, без сомнения, была записана непосредственно в Новгороде (6605 г. — новгородский пожар; 6616 г. — смерть епископа Никиты и роспись св. Софии; 6624 г. — строительство в Новгороде и Ладоге). На примере статьи 6613 г. НПЛ выясняется, однако, что ее сентябрьская форма не повторяла древнейшую киево-софийскую запись (см. 2.1) и в сравнении с ней выглядела даже искаженной. Иначе говоря, сентябрьский слой НПЛ представлял собой местную переработку мартовских и постмартовских элементов редакции ПВЛ начала 20-х гг. XII в., что весьма показательно для характеристики новгородского времяисчисления этого времени. Другой пример свидетельствует о том, что сентябрьский счет велся в Новгороде уже в последние десятилетия XI столетия. Речь идет об описании борьбы Святославичей с Мономаховичами за Ростовскую землю в статье 6604 г. ПВЛ. Здесь этот сюжет, как уже отмечалось, был поздней вставкой с ультрамартовскими признаками (см. 2.2) и, как выяснится далее (см. 5.5), переяславского происхождения, но несомненно то, что первоначально этот рассказ был записан в Новгороде: в нем указано, например, точное место погребения Изяслава Владимировича (“у святыѣ Софѣѣ, на лѣвѣѣй стороне”), а победа Мстислава объясняется “молитвами прендобнаго епископа Никиты” /I, 237, 239; II, 227, 230/. Вопреки заключительной ультрамартовской датировке сюжета (“се же бысть исходящо лѣту 6604, индикта 4 на полы”), мы не находим здесь годовой границы ни на Сыропустной неделе

(24.02.1096 г.), как это можно было предполагать при великопостном новогодии, ни в день 1.03, из чего следует, что первоначальная новгородская запись была заключена в рамки 6604 сентябрьского года (09.1095 г. — 08.1096 г.); не случайно же рассказ о ростовской усобице начинается в ПВЛ описанием сентябрьских событий (первая календарная дата — 6.09).

Интересно, однако, то, что в самих новгородских летописях победа Мстислава над Олегом описана в иной, очень краткой редакции и отнесена не к 6604 г., а к 6605 г., ко времени “Великого говения” /НПЛ, 19, 202/. Здесь мы имеем дело, видимо, с неофициальной новгородской записью, в которой было использовано старинное ультрамартовское новогодие, а отсюда следует очень важный вывод: новгородский ультрамартовский год уже во второй половине XI в. (а может быть еще и при епископе Луке Жидяте) был великопостным, т.к. 6605 ультрамартовский год НПЛ начинался одновременно с Великим постом и ранее 1.03²². Выходит, что именно Новгород был родиной таких типичных древнерусских хронологических элементов, как ультрамартовский календарный стиль и великопостное новогодие.

По всей видимости, окончательное утверждение на волховских берегах официального митрополичьего времяисчисления произошло в те годы, когда епископскую кафедру в течение 30 лет занимали выходцы из Киево-Печерского монастыря — Герман (1078–1096 гг.) и Никита (1096–1108 гг.); питомцы этой обители во все времена были ревностными распространителями монастырских традиций, и, поскольку киево-печерская хронологическая система в то время во многом повторяла киево-софийскую (см. 1.1), этот образец они и внедрили в счетную практику новгородского владычного дома. Кстати, в той же самой новгородской сентябрьской

записи о ростовской усобице 6604 г., сделанной при епископе Никите, мы отмечаем особый порядок счета седмиц Великого поста: в суздальских списках ПВЛ, передающих более раннюю редакцию этого рассказа (см. 2.2), четверг после Федоровой недели назван “Федоровым”. Аналогичный счет встречается и в “классическом” киево-печерском произведении, в ЖФП (см. 4.5). Скорее всего, киевские “миссионеры” в сане новгородских епископов добивались принятия константинопольских сентябрьских правил всеми местными церковными центрами; по крайней мере, пасхальный счет новгородо-антониева диакона Кирика (30-е гг. XII в.) соответствовал как раз такой схеме.

Очередное изменение в новгородском времяисчислении, происходившее во второй трети XII в., опять же было связано с Киево-Печерским монастырем, где, как мы помним, уже совершился переход к постмартовскому счету лет. Воспитанник этого монастыря новгородский епископ Нифонт (1.01.1131 г. — 21.04.1156 г.) был ревностным сторонником политической и иерархической независимости Новгорода от киевских властей, но в своих хронологических пристрастиях он вряд ли изменял традициям воспитавшей его обители. Литературным воплощением политических взглядов Нифонта стал новый епископский летописный свод²³, к которому, видимо, и относятся постмартовские артефакты поздних новгородских летописей, где они проявляются иногда даже полнее, чем в соответствующих статьях ПВЛ (см. 2.3). Мы не имеем пока достаточных аргументов для того, чтобы утверждать длительное употребление постмартовской системы в Новгороде, но несомненно другое: реформирование епархиального времяисчисления, осуществленное Нифонтом, положило начало долгому, вплоть до московского завоевания, господству здесь весенних календарных стилей.

5.3. ПРОБЛЕМА ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ АТРИБУТАЦИИ ВИЗАНТИЙСКО-БОЛГАРСКОЙ СИСТЕМЫ ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЯ

Как уже было выяснено раньше, хронологическую первооснову ПВЛ составлял византийско-болгарский хронологический пласт, внесенный в “династическое” времяисчисление киевских сказаний о начале Русской земли. По сути дела, компилятор, распределявший сюжеты сказаний по византийско-болгарской хронологической шкале, был истинным создателем ПВЛ, так как эти редакционные действия были связаны непосредственно с решением вопросов о том, “откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣѣ княжити и откуду Руская земля стала есть” (см. подробнее 3.1, 2). Это обстоятельство определяет наш особый интерес к конкретно-исторической характеристике данного хронологического слоя.

Ее осуществление, однако, является делом непростым и требует внимательного рассмотрения нескольких хронологических и текстовых слоев ПВЛ. Несомненно, что соединение древних византийско-болгарских артефактов с константинопольскими сентябрьскими (из Киево-Печерского свода 1073–1075 гг.) произошло в летописном памятнике сере-

дины 80-х гг. XI в., создатель которого и тем, и другим элементам придавал ультрамартовскую “окраску” (см. заключение главы 2). Таким образом, хронологическая характеристика летописного свода середины 80-х гг. XI столетия является своеобразным ключом к историко-географической атрибуции древнейшего времяисчислительного слоя ПВЛ.

Один из источников свода 80-х гг. (Киево-Печерский свод 1073–1075 гг.) и его хронологические особенности мы уже описали. Вторым его источником было княжеское черниговское летописание Святослава Ярославича и его потомков, представляющее нам образец светского времяисчисления второй половины XI в., во многом сохранившего национальные языческие черты. Счет лет при дворе черниговских князей был “династическим”, а все нечерниговские события увязывались с “династическими” годами такими весьма расплывчатыми относительными показателями, как “в ти... времена, в лѣта си”, “пред симъ же временемъ” и “посемъ”; впрочем, как и полагалось в относительном “династическом” счете, здесь употреблялись и вполне кон-

кретные датировки (“в си же времена приде волхвъ,... на пятое лѣто”, “и спряташь и за 2 лѣт,... на 3-ее лѣто”, “яко се бысть ми за 3 лѣта брань си” /**I, 175, 194, 197–198; II, 164, 185, 189**/). Новогодье в этом счете было, вероятно, весенним, что и побудило позже составителя свода середины 80-х гг. черниговские “династические” годы трансформировать в ультрамартовские. Вместо точного календарного датирования употреблялись относительные дневные датировки (6573 г. — “за 7 дней [от появления кометы. — С.Ц.]”, “за 40 дней [от начала “знаменья”]; 6582 г. — “шестому [от начала болезни Феодосия] дни наставши”, “до осмаго дни [от начала болезни Исакия]”).

Летописец-сводчик, трудившийся в середине 80-х гг. XI в., за основу годичной нумерации выбрал сентябрьскую шкалу Киево-Печерского свода, но в процессе ее соединения с весенними “династическими” годами черниговских княжеских записей преобразовывал ее в ультрамартовскую. Не во всех случаях ему удавалось установить точное соответствие киевских “адамовых” и черниговских “династических” лет, и поэтому он был вынужден в некоторые статьи (6572 г. Р.-МАк., 6579 г.) помещать несколько разновременных событий и использовать для их соединения подходящие в такой ситуации аморфные черниговские элементы типа “в си же времена” и “пред сим временем”.

Вне сомнения, компилятор 80-х гг. относился к духовному сословию. На это указывает, во-первых, его знакомство с индиктовым счетом (в сентябрьскую киево-печерскую дату смерти Феодосия в 6582 г. он вставил ультрамартовский номер индикта) и, во-вторых, его хорошее знание святочного календаря: так, редактируя киевский рассказ 6575 г. об освобождении Всеслава, он высчитал юлианскую дату 15.09 на основании того, что событие это случилось на следующий день после праздника Воздвижения, а в 6583 г. пасхально-седмичную дату “византийско-болгарского” источника заменил святочно-юлианской. Вместе с тем уже само по себе предпочтение ультрамартовского года сентябрьскому и святочного календаря пасхальному выдает в этом летописце человека, не связанного жесткими рамками церковного официоза, что, кстати, подтверждается и рядом других литературных и хронологических особенностей его творчества. Так, например, он использовал слово “ночь” для обозначения всех суток целиком, т.е. в значении “в один день”, “однажды” (6579 г. — “въ едину бо ночь”, “и другую ночь”), что откровенно противоречило церковно-служебному делению суток на дневную и ночную половины. Он употреблял и особую форму записи юлианских дат (6575 г. — “въ 15 день сентябрия”, “въ 1 день ноября”), но более показательны здесь то, что этот же летописец, подобно древнеримскому авгуру, проявлял повышенный интерес к аномальным природным явлениям и колдовству. Подобные сведения он собирал, видимо, из различных источников и комментировал их.

Итак, о составителе свода середины 80-х гг. XI в. мы знаем, что он был, скорее всего, монахом и имел возможность ознакомиться с киево-печерским и черниговским летописанием; несомненно, однако, что литературную работу он вел не в Киеве и не в Чернигове, где в то время было неактуальным

отстаивать интересы княжеского дома Святославичей. Где же, в таком случае, обитался “писательник”, соединивший киево-печерское и княжеское черниговское летописание 70-х гг. XI в.? Мы убеждены в том, что этим местом была Тмутаракань. Еще во времена раздела Русской земли между двумя сыновьями Владимира, Ярославом и Мстиславом (около 1026 г.), этот окраинный русский город вошел в Черниговский княжеский удел и в пределы Черниговской епархии²⁴. По “завещанию” Ярослава Мудрого удел достался Святославу, а после смерти этого князя-узурпатора Тмутаракань, из-за своей географической удаленности от столицы, стала центром политической эмиграции всех личностей, оппозиционных киево-черниговскому клану Изяслава и Всеволода.

Именно сюда, “въ островъ Тмугтороканьскый”, ушел, как повествует ЖФП, в период первого киевского княжения Изяслава один из основателей Киево-Печерского монастыря Никон, не поладивший со старшим Ярославичем (это случилось после 1054 г., но не позже 1065 г.). Здесь печерский беглец основал монастырь св. Богородицы, “прикладъ имый в сий Печерский монастырь” /**ПЛДР XI–н. XII, 328**/. Вскоре, после смерти тмутараканского князя Ростислава (3.02.1065 г.), Никон вернулся в родную обитель²⁵ и, как считал А.А. Шахматов, составил свод 1073–1075 гг.; этими обстоятельствами исследователь и объяснял присутствие в своде группы тмутараканских известий²⁶. Мы не сомневаемся в существовании этого летописного памятника, однако должны не согласиться с тем, что в него, помимо сентябрьских, входили известия, датированные иным способом (черниговскими “династическими”, ультрамартовскими и византийско-болгарскими годами); нельзя относить к этому своду и тмутараканские известия, поскольку они, как и перечисленные выше хронологические элементы, выходят за пределы середины 70-х гг. XI в. Получается, таким образом, что взаимосвязь летописных текстов была иной, нежели в шахматовской версии: не в своде Никона была использована тмутараканская летопись, а, наоборот, киевский летописный памятник вошел в состав Тмугтороканского свода середины 80-х гг., появившегося, видимо, в монастыре св. Богородицы²⁷. Этот монастырь и в “последниконовские” времена продолжал хранить и укреплять киево-печерские традиции не без помощи, вероятно, своего основателя, который стал игуменом Киево-Печерской обители, а также при содействии другого печерского монаха, Николы, “иже бысть епископъ Тмугтороканю” /**ПЛДР XII, 482, 518–520**/ и чье епископство приходилось как раз на 80-е гг. XI столетия²⁸.

Такое предположение объясняет не только литературную преемственность свода 80-х гг. от киево-печерского летописания, но и использование в нем княжеских черниговских записей, причем, в их первоначальной святославовской форме. Во второй половине 60-х гг. на тмутараканском столе сидел Глеб Святославич, через 10 лет ему наследовал здесь его брат Роман. В эти годы в город стекались противники изяславо-всеволодовской “партии”, становившиеся естественными союзниками молодых князей-изгоев Святославичей в их борьбе за возврат черниговского удела. Именно сюда бежал в мае 1078 г. Борис Вячеславич, выгнанный из Черниго-

ва Владимиром Мономахом. Через год, в апреле 1079 г., сюда же прибыл другой черниговский изгнанник, Олег Святославич, чтобы летом того же года вместе с Борисом и половцами выступить на отвоевание "отчины". Этот поход закончился неудачей: в битве на Нежатиной ниве 3.10.1079 г. (о всех этих датах см. 2.3) Борис погиб, а Олег вновь вынужден был укрыться во владениях брата Романа. Еще через два года сам Роман погиб в походе на переяславскую вотчину Всеволодовичей, а Олега половцы отправили пленником в Византию. Ненадолго Тмутаракань переходит во владение Всеволода, но вскоре здесь военным путем утвердился два других изгоя и противника киево-черниговских властей, Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич. Вернувшийся из заточения в 1083 г. Олег восстановил здесь правление дома Святославичей, но, судя по всему, его отношения с Давыдом и Володарем были мирными ("а Давыда и Володаря пусти" /I, 205; II, 196/; кстати, это известие -- последнее в сплошном ряду ультрамартовских артефактов 6573–6591 гг.). Тмутараканское сидение Олега продолжалось 10 лет. Думается, что всех этих сведений достаточно для того, чтобы понять появление просвятославовских мотивов в летописном своде Тмутараканского монастыря св. Богородицы рядом с киево-печерскими антиизяславскими известиями.

Наши выводы косвенно подтверждаются и знаменитой надписью на Тмутараканском камне, относящейся ко времени княжения Глеба Святославича и содержащей такие хронологические элементы ("въ лѣто 6576, индикта 6" /Срезневский, 15/), которые вполне могут соответствовать константинопольской ультрамартовской схеме свода середины 80-х гг. XI в., а также другой эпиграфической находкой из Тмутаракани -- греческой надписью конца 70-х гг. XI в. (6587 номер года и индикт 2)²⁹.

В этом же памятнике мы можем отметить и благожелательное отношение к потомкам Ростислава Владимировича, правившего в Тмутаракани еще до появления здесь Святославичей, т.е. как раз тогда, когда был основан монастырь св. Богородицы. Один из его сыновей, как мы видели, отказался от местного княжеского стола в пользу Олега Святославича, поэтому понятна предрасположенность тмутараканских черноризцев к союзной Святославичам княжеской фамилии, история которой, к тому же, была тесно связана с историей монастыря.

Историко-географическая атрибуция летописного свода середины 80-х гг. XI в. приводит нас к весьма важному выводу о том, что в виде византийско-болгарских артефактов в этом памятнике до нас дошло архаичное летописное сочинение, вошедшее в качестве одного из источников в компиляцию тмутараканских монахов монастыря св. Богородицы; совсем не случайно поэтому мы имеем несколько очевидных свидетельств редакционной обработки более древних византийско-болгарских элементов, на которые в той или иной форме наслаивались ультрамартовские признаки (русская часть перечня в статье 6360 г., 6473, 6477, 6522, 6575, 6585 гг. и др.). Это летописное произведение (архетип ПВЛ), по нашему мнению, было связано своими содержательными и хронологическими особенностями с личностью князя Ростислава Владимировича. Мало того, что ему были посвящены известия

6572–6573 гг. и некролог в статье 6574 г., именно его политическим интересам отвечала и общая концепция древнейшего варианта ПВЛ, в котором ответ на вопрос "кто въ Киевѣ нача первѣѣ княжити?" постоянно подчеркивал приоритет северных словенских князей над полянскими: так, первые поименно названные владельцы Киева, Аскольд и Дир, объявлялись "боярами" новгородского князя Рюрика, пришедшими из Новгорода были и другие полновластные хозяева столицы государства -- Олег и Игорь, Владимир и Ярослав. Настойчивость автора ПВЛ в проведении этой автократической линии заставляет нас вспомнить, что отцом Ростислава был старший сын Ярослава Мудрого Владимир, посаженный на княжение в Новгороде и считавшийся законным наследником киевского престола; сам Ярослав, по аналогии с собственной дорогой на киевский престол, рассматривал новгородское княжение ближайшей к великокняжеской власти ступенью и хотел, чтобы его старший сын проследовал в Киев тем же путем. Новгородское княжение Владимира Ярославича длилось долго, с 1036 г. по 1052 г., но он, все же, умер на два года раньше отца, тем самым лишив своих сыновей права претендовать на верховную власть. Прежняя схема наследования, однако, продолжала существовать: в Новгороде стал княжить следующий по старшинству Ярославич, Изяслав, и именно он сел на киевский стол после смерти отца в 1054 г. С этого момента северорусский город потерял, очевидно, свое значение для счета престолонаследия, так как в Новгороде в течение нескольких лет вообще не было какого-либо князя, а династические споры решались Ярославичами между собой в западно- и южнорусских землях. Непонятно как, но в 1060–1063 гг. князю-изгою Ростиславу удалось удержать за собой новгородское княжение³⁰ и, видимо, в эти годы здесь произошла реанимация старинных представлений об обязательном прохождении "новгородской ступени" на пути в Киев; тем самым Ростислав идейно обосновывал возвращение своего места в династическом списке, которое он утратил со смертью отца. Однако старшие Ярославичи, к тому моменту уже разделившие сферы влияния, не стали терпеть претенциозного вмешательства племянника в государственные дела и прогнали его из великокняжеской "колыбели" на южные окраины страны, где ему удалось отвоевать из черниговского удела Тмутаракань. Здесь незадачливому конкуренту на киевский престол оставалась возможность продолжать теоретическую разработку обоснования своих династических прав, результатом чего и стало появление древнейшего варианта ПВЛ.

Уместно вспомнить о том, что в новгородских летописных памятниках византийско-болгарский хронологический слой при описании событий первой половины XI в. отмечается даже полнее, чем в дошедшем до нас варианте ПВЛ (см. 3.3), но его систематическое проявление заканчивается там концом 40-х гг. XI в. (6553 г. -- известие о пожаре в св. Софии; в ПВЛ после этого также отмечается пробыл в этом слое до 6575 г.). Немаловажно и то, что варяжская легенда, открывавшая погодное изложение событий в архетипном тексте ПВЛ, содержит очевидные признаки ее первоначальной записи в Новгороде в середине XI в.³¹ Все это позволяет предполагать, что еще в период новгородского княжения Ростислава Владимировича в 1060–

1063 гг. в его церковном окружении началась работа по составлению литературной компиляции, основанной на линии развития русского летописания, что привело к созданию ПВЛ. В основу этой летописи был положен Новгородский свод середины XI в., созданный клиром Софийского собора при епископе Луке Жидяте. Именно из этого источника была позаимствована византийско-болгарская хронологическая сетка, которую летописцы епископа-славянина скопировали, в свою очередь, из болгарского хронографического сочинения и совместили с древнерусскими историческими сказаниями. "Ростиславовская" обработка епископского свода не затрагивала хронологической структуры летописного повествования, но она преследовала цель связать события в русле единой "исторической закономерности", расставить акценты в их идейно-политической характеристике и придать всему произведению форму летописного памфлета под заглавием "Съ повѣсти времяныхъ лѣтъ"³².

В истории новгородского летописания эта линия эволюции летописного текста не получила какого-либо развития, чему немало способствовала и прошедшая здесь летосчислительная реформа 60-х гг. XI в. (см. 5.2), однако для развития новгородского летописания новгородо-тмутараканский этап первой половины 60-х гг. имел огромное значение. Отпочковавшись от новгородского "ствола" летописания в виде независимой "ветви" ПВЛ довольно скоро включила в свой состав произведения киевской и черниговской летописных школ (в Тмутараканском своде середины 80-х гг. XI в.) и определила магистральный путь развития южно- и западнорусской историко-хроникальной литературы в XII в. Совмещение разьединенных некогда летописных традиций произошло лишь 60 лет спустя, когда одна из боковых и ущербных ветвей "древа" ПВЛ (киевская редакция начала 20-х гг. XII в.) была положена в основу новгородского летописания XII в., тем самым включив его в общерусский литературный процесс и заодно поглотив остатки независимого новгородского летописания середины XI в., в недрах которого она когда-то зародилась.

Наша версия получает поразительное по точности историко-хронологическое подтверждение: все своеобразные времяисчислительные элементы компиляции 1060–1065 гг. были копией новгородского епархиального времяисчисления времен епископства Луки Жидяты (см. предыдущий раздел), что и неудивительно, так как отец Ростислава был современником Луки и его союзником по реализации в Новгороде прославянской церковной политики Ярослава Мудрого, а сам Ростислав, вероятно, еще застал епископа в последний год его жизни. В своде 1060–1065 гг., как и в Новгородской св. Софии во второй трети XI в., применялась византийско-болгарская эра летосчисления, ультрамартовский календарный стиль и великопостное новогодие (все эти элементы вошли позже в качестве реликтов в свод Тмутараканской св. Богородицы середины 80-х гг.). Как удивительно в данном случае поли-

тические события связали времяисчисление двух противоположных окраин Киевской Руси — расположенного на берегах северной реки Новгорода и города, омываемого водами Керченского пролива.

Хронологические элементы новгородского образца продолжали применяться в Тмутаракани, вероятно, до начала XII в. Так, в Перемышльском летописном своде Василия (см. о нем 5.4) присутствовало несколько византийско-болгарских сообщений; одно из них (поход объединенной русской дружины на Сутень в 6611 г.) юго-западный летописец, несомненно, позаимствовал из какого-то письменного источника, так как не мог получить его из первых рук, поскольку галицко-волынские князья не участвовали в этом походе. Скорее всего, этот источник имел тмутараканское происхождение, потому что подробнейший рассказ 6611 г. касался Азово-Черноморского региона. В позднейшей редакции сутеньский поход соединился с антиохийской датой Долобского съезда и в таком виде эти события копировались всеми русскими летописями (см. 1.1 и 2.1). В связи с этим интересно, что польский хронист Ян Длугош, использовавший какой-то весьма древний вариант ПВЛ, датировал Долобский съезд 8.04.1103 г.³³; годовое число было получено им, скорее всего, от даты 6611 г. от С.М., который Длугош ошибочно посчитал константинопольским (03.1102 г. — 02.1103 г.), а дневное юлианское число польский автор вычислил сам от древнерусского пасхально-седмичного показания ("во 2-ю среду по Пасхе"), так как в 1102 г. день 8.04 как раз и был средой на Антипасхальной неделе. Нетрудно заметить, что в 1106 г. вторая среда после Пасхи приходилась на 4.04 и именно это юлианское число содержится в рассказе 6611 г. ПВЛ, тогда как даты 8.04 там нет. Правда, в ПВЛ это показание относится не к княжескому съезду, как у Длугоша, а к Сутеньской битве, но если учесть, что автор "Истории польской" довольно часто переносил даты каких-либо событий русской истории на связанные с ними происшествия (т.е. в данном случае он принял дату битвы за дату съезда), тогда выходит, что поход, бывший в конце марта — начале апреля 1106 г., в первоначальной тмутараканской записи был датирован пасхально-седмичными календарными элементами и, кроме того, 6611 византийско-болгарским ультрамартовским годом (03.1106 г. — 02.1107 г.). Не означает ли это того, что в тмутараканских церковных центрах, в том числе и в монастыре св. Богородицы, в начале XII в. отказались от константинопольского и вернулись к местному летосчислению полувековой давности? Это кажется вполне вероятным, поскольку в первые десятилетия XII в. официально-церковное времяисчислительное единообразие на Руси, в том числе и в патрональной для тмутараканских иноков Киево-Печерской обители, подверглось существенным изменениям под воздействием местных хронологических традиций или политико-конъюнктурных соображений.

5.4. ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РУСИ

В 1091 г. или 1092 г., после смерти Рюрика Ростиславича, два его брата, Володарь и Василек, получили в удельное владение западнорусские города Перемышль и Теребовль. Именно с этого момента в составе ПВЛ прослеживается группа западнорусских ультрамартовских известий, включающая и рассказ об ослеплении Василька Ростиславича, на основании чего мы можем связать их с творчеством летописца Василия, политические симпатии которого принадлежали, несомненно, княжескому дому Ростиславичей. Как уже говорилось, рассказ Василия был использован в своде игумена Сильвестра в 1116 г. (см. 2.2), следовательно, Перемышльский летописный свод появился не позднее середины второго десятилетия XII в. По всей видимости, его литературную основу составляли погодные записи галицкого княжеского дома Ростиславичей.

Мы уже описывали особенности хронологических элементов, применявшихся Василием (см. главы 2 и 3), сейчас же мы хотим обратить внимание на их поразительное сходство с артефактами Тмутараканского летописного свода 80-х гг. XI в. Кроме того, что оба летописца, монах Тмутараканской св. Богородицы и западнорусский княжеский биограф, вели изложение в рамках константинопольской ультрамартовской времяисчислительной системы, только в их записях встречаются такие своеобразные датирующие показания, как в “си же времена”, “пред сим временем”, “посем” и пр., а также необычная форма юлианских дат, когда число предшествовало названию месяца (6575 г. Р.-МАк. — “въ 15 день септября”, “въ 1 день ноябрю”; 6605 г. — “въ 4 <день> ноямбрю”, “въ 5-й <день> ноямбрю”; такая форма в ПВЛ более не фиксируется ни разу). Оба этих писателя, в отличие от прочих создателей ПВЛ, счет суток вели ночами (6579 г. — “в едину бо ночь”, “в другую ночь”; 6582 г. — “и присла Святослав в ночь”; 6605 г. — “и на ту ночь”, “въ едину ночь”, “си ночи”), оба они предпочитали в календарном датировании святочные даты. Кроме того, у Василия, как и у тмутараканского летописца, было повышенное внимание к сообщениям “естествословного” характера и к рассказам о волховании, причем он, как и его предшественник, усматривал зловещий смысл в различных “знамениях”.

Одним словом, сходство литературных и хронологических приемов, употреблявшихся в Тмутараканском и Перемышльском летописных памятниках, приводит нас к мысли об их принадлежности перу одного и того же автора. Каким же образом тогда можно объяснить десятилетний пробел в ультрамартовском слое (табл. XV–3), отделяющий известия Тмутараканского свода середины 80-х гг. XI в. от известий западнорусского происхождения конца XI — начала XII в.? Конечно, можно было бы все объяснить случайностью выборки, сделанной Сильвестром из летописного произведения Василия, однако, как выясняется, распределение ультрамартовских хронологических элементов в статьях ПВЛ было далеко не случайным и совпадало с перипетиями бурной биографии князей-изгоев Ростиславичей.

Как мы уже знаем, в начале 80-х гг. XI в. Володарь Ростиславич владел Тмутараканью на паритетных началах с Давыдом Игоревичем, а в 1083 г. эти соправители заключили союз с Олегом Святославичем и добровольно уступили ему город. По всей видимости, здесь же находился тогда и младший брат Володаря Василек. Этот политический расклад сил и отразил в своем произведении монах Тмутараканского монастыря св. Богородицы Василий, симпатизировавший братьям-князьям хотя бы потому, что их отец был соучастником основания монастыря и его первым покровителем. Именно поэтому мы и встречаем в летописном своде середины 80-х гг., с одной стороны, “программное” историко-публицистическое сочинение Ростислава (архетип ПВЛ) и посмертную похвалу этому князю, с другой, — выписки из черниговского княжеского летописания и просвятославовские мотивы. Именно здесь и тогда же Василий мог лично познакомиться и с будущим злейшим врагом Ростиславичей, князем Давыдом Игоревичем; позже, при описании трагических событий 6605 г., летописец достаточно прозрачно намекнул на свое давнее знакомство с ним: “Въ едину ночь присла по мя князь Давыдъ, и придох к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя, и рече ми: “Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови” /I, 265; II, 239/.

Мирное, но настойчивое вытеснение Ростиславичей из Тмутаракани вынудило черноризца последовать за своими патронами в многолетнее скитание. Именно с 1083 г. в ПВЛ прекращается упоминание южного города, ослабевает доброжелательное внимание к потомкам Святослава (более того, в статье 6602 г. Олег решительно осуждается за очередное “наведение поганых на землю Русьскую”), исчезают пристрастные описания зловещих “знамений”, а также начинается пробел в употреблении ультрамартовских хронологических элементов. Все это довольно ясно дает нам понять, что в литературном творчестве Василия наступил перерыв, связанный с неустойчивым и тяготами скитальческой жизни.

Сведения о ней мы частично получаем из рук других летописцев, соавторов Василия в формировании текста ПВЛ. Володарь и Василек Ростиславичи сначала оказались на Волынщине. Совсем недалеко, в Перемышле, сидел их брат Рюрик, полагаясь на поддержку которого, они попытались отбить Владимир-Волынский у Ярополка Изяславича. Эта авантюра, вероятно, и могла бы закончиться удачей, если бы киевский князь Всеволод Ярославич, встревоженный нарушением только что установившейся политической стабильности, не помешал братьям-захватчикам; из Киева для водворения порядка на Волынь срочно был направлен Владимир Мономах, и двум Ростиславичам пришлось бежать из завоеванного города. Это бегство, случившееся в 1083 г. или в 1084 г., отмечено в ПВЛ еще одной границей в распределении хронологических артефактов: при его описании последний раз в статьях 6572–6592 гг. встречаются характерные для Василия простонародные относительные показания (“в се же время”, “пред сим временем” и пр.).

ПВЛ не сообщает нам о том, где обретались злосчастные правнуки Ярослава Мудрого до тех пор, пока они не осели окончательно, один — в Перемышле, а другой — по соседству, в Теребовле (наше предположение на этот счет см. далее). Наступление стабильности в жизни изгоев сразу же прекратило период аграфии их фамильного летописца: начиная с известий 6599 и 6600 гг. ПВЛ мы опять чувствуем его руку в ультрамартовских элементах, в смаковании “предивных чудес” природы, в возвращении на страницы источника неконкретных относительных датировок черниговского типа и т.д. Таким образом, мы наблюдаем, как с начала 90-х гг. XI в. стало вестись погодное летописание Ростиславичей, которое позже, в начале XII в., вошло в Перемышльский летописный свод. Монастырское прошлое Василия способствовало тому, что он стал первым на Руси придворным бытописателем, ведущим записи в погодной сетке константинопольских лет от С.М. Это был пример самого глубокого для XI — начала XII в. проникновения восточнохристианского времяисчисления в светский древнерусский счет времени, основанный на языческой традиции.

В записях позднего этапа творчества Василия мы можем уловить новую для нас деталь его времяисчислительных представлений. Он, несомненно, употреблял великопостное новогodie: так, окончание статьи 6600 г. было ориентировано им на “Мясопуст”, а в рассказе 6605 г. в качестве опорного хронологического ориентира использовался “постъ Великий” (см. подробнее 4.3, 5). Узнав об этом, мы можем иначе взглянуть и на годовые границы текста Тмутараканского свода середины 80-х гг. и заметить, например, что великопостное новогodie проявилось и в разграничении статей 6573 и 6574 гг. (табл. XX). Таким образом, мы можем связать все отмеченные ранее звенья распространения в христианской Руси славянизированных православных времяисчислительных элементов (ультрамартовский календарный стиль, великопостное новогodie, византийско-болгарская эра летосчисления): появившись в 30-е гг. XI в. в Новгороде, они затем прочно утвердились в литературной традиции княжеского дома Ростиславичей, последний представитель которой, летописец Василий, внес в них, под влиянием киево-печерских норм, одно весьма существенное изменение (константинопольский счет лет); позднейшими неофитами этих времяисчислительных правил стали столичные монахи-компутисты начала XII в., в том числе и киево-печерская братия, некогда обучавшая Василия своим счетным приемам.

В своей летописной компиляции начала XII в. Василий предстает сводчиком, не изменявшим однажды усвоенным пристрастиям. Так, в Перемышльском своде мы находим тмутараканские “византийско-болгарские” и полоцкие “атиохийские” известия (см. 5.3 и здесь далее). Не мог он пренебречь и киево-печерскими источниками, откуда и позаимствовал, в частности, подробнейшее повествование о нападении на обитель половецкого хана Боняка (6604 г.), выдающее очевидца (“намы сущим по кблямъ почивающим по заутрени”, “намы же ббжащим задомъ монастыря”, “и зажгоша двери, яже къ угу устроении, и вторыя же к сбверу” /I, 232; II, 222–223/). Однако также, как и 20 лет назад, Василий подвергал свои источники ультрамартов-

скому хронологическому редактированию, оставаясь верным раз и навсегда усвоенным еще в Тмутаракани времяисчислительным правилам, подобно тому, как и в жизни он был последовательным и неизменным спутником гонимой княжеской семьи.

Официальное же времяисчисление Владимиро-Волынской епископии, куда входили Перемышль и Теребовль, выглядело в конце XI — начале XII в. совсем иначе, чем галицкое, и было, вероятно, долгое время относительно точной копией киево-софийского. К такому выводу нас приводит, во-первых, знание о длительном пребывании на местной кафедре бывшего киево-печерского игумена Стефана (не ранее 1078 г. — 27.04.1094 г.), при котором в столичном монастыре время считали примерно также, как и при дворе митрополита. Во-вторых, об этом свидетельствует и летописный источник с сентябрьским константинопольским времяисчислением, который соединился с ПВЛ в конце 20-х гг. XII в. (см. 1.3, 4) и который, по нашему мнению, возник в окружении владимири-волинского епископа. Его церковное происхождение подтверждается характерными хронологическими элементами (сентябрьский стиль и индиктовый счет), а место создания определяется по тематике известий. Если рассмотреть содержание тех сообщений, что в 6627–6632 гг. Ип.-Хл. являются избыточными и которые, как раз, и включают в себя сентябрьские артефакты, легко убедиться в том, что большая их часть посвящена событиям в Западной Руси (борьба за владимири-волинский княжеский стол, полоцкие события, русско-польские отношения, военные походы на Дунай и пр.); вторая главная их тематика — биографические сведения о Мономаховичах, что вполне объяснимо, так как с 1118 г. они стали владеть Волынской землей, причем, первостепенное внимание здесь уделено Роману и Андрею Владимировичам, каждый из которых был в свое время владимири-волинским князем.

Владимири-Волынский епископский свод второй половины 20-х гг. XII в. включил, по всей видимости, в свой состав и летописное произведение Василия, которое, таким образом, дважды отразилось в тексте ПВЛ (через свод Сильвестра 1116 г. и через обработку ПВЛ в конце 20-х гг. XII в.), что, видимо, и обусловило различное расположение известий в статье 6605 г.: в Р.-МАк. лучше отразилась редакция 1116 г., тогда как в Л., Ип. и Хл. — редакция последней четверти 20-х гг. Столь тесное взаимодействие киевской и юго-западной литературных школ вполне объяснимо и с политической точки зрения: в 1117 г. между Ростиславичами и Всеволодовичами установились союзнические отношения в борьбе с Ярославом Святополчицем за владимири-волинское княжение, и они продолжали развиваться и после того, как Владимир-Волынский достался сыновьям Мономаха. Понятно, что окружение епископа Симеона, появившегося на Волыщине уже после сложения этой коалиции (1123 г.), не могло обойти вниманием реалии политической ситуации в юго-западных русских землях³⁴.

Полоцкая земля уже с 70-х гг. XI в. усилила легендарного князя Всеслава Брячиславича приобрела относительную политическую независимость от Киева, и поэтому мы заранее можем догадаться о существовании здесь оригинальных способов времяисчисления, что, в общем-то, и подтверждается све-

дениями ПВЛ. Весьма красноречивую, хотя и скудную информацию о счете времени в Полоцке представляет нам Перемышльский свод Василия. Как нам известно, в истории скитаний князей-изгоев Ростиславичей и их спутника-летописца был период, не описанный в летописях и поэтому загадочный в плане определения места их обитания (1083–1092 гг.). Этот период отмечен в ПВЛ отсутствием характерных для Василия литературных и хронологических элементов, однако в одной из первых летописных статей, где эти признаки появляются вновь (6600 г.), содержатся сообщения о “предивном чуде” в Полоцке и Дрючке, выдающие эмоции очевидца событий. Выходит, что именно в Полоцком княжестве, т.е., по сути дела, за границами Киевского государства, нашли временное пристанище будущие галицкие князья и их фамильный биограф.

Этот вывод заставляет нас внимательней рассмотреть к артефактам антиохийского хронологического слоя, вошедшего в свод Василия в начале XII в. Одно из его датирующих показаний — смерть Всеслава Брючиславича в 6609 г. (первоначальный его вариант сохранился в Л.; см. 2.1) — мы, без сомнения, можем признать полоцким, так как в нем отмечаются конкретность и необычайная детальность, доступные лишь современнику и очевидцу события. Такому выводу не противоречат и два других антиохийских известия ПВЛ (6583 г. — восстание в Польше; 6609 г. — строительство Смоленской церкви св. Богородицы), поскольку они касались соседних с Полоцкой землей территорий. Ультрамартовская “оболочка” сообщений 6609 г. несомненно показывает нам участие самого Василия в их редакционной обработке, а это означает, что немногочисленные антиохийские известия XI — начала XII в. составляли единый текстовый и хронологический пласт с прочими антиохийскими известиями, включенными перемышльским летописцем в свое произведение и касающимися древней русской истории IX–X вв. (см. главу 3). Десятилетняя полоцкая эмиграция была использована придворным писателем Ростиславичей для внимательного знакомства с местной литературной школой, одно из сочинений которой он и использовал позже в качестве источника.

Это был Полоцкий летописный свод, возникший не ранее 1109 г. (год смерти Всеслава)³⁵. В начальной своей части он представлял собой краткий конспект славяно-русского перевода ЛВ, который стал для составителя свода еще и опорой в расчете антиохийской годичной шкалы дальнейшего повествования. Кроме ЛВ в Полоцком своде содержались краткое переложение какого-то византийского хронографического сочинения типа ХГА (6360 и 6374 гг.), подробная копия “Сказания о христианстве на Руси” (6463, 6477 гг.) и погодные полоцкие записи XI — начала XII в. Употребление индикта в начальной дате этого свода, включение в его состав “Сказания...” и применение служебной единицы

“час” в дате смерти Всеслава несомненно указывают на церковное происхождение этого памятника, что позволяет нам предполагать местом его создания кафедральный Софийский собор, а антиохийское времяисчисление признать официальной системой счета времени Полоцкой епархии конца XI — начала XII в. Отмеченные нами ранее в ПВЛ особенности индиктового счета для антиохийских лет от С.М. (см. 4.1) в полной мере согласуются с этими выводами: во-первых, очевидно, что счетные операции по переводу “адамовых” лет на эру летосчисления от Р.Х. были доступны лишь церковному “грамотнику”; во-вторых, полоцким компютистам счет лет от Р.Х. был известен лучше, чем всем остальным их древнерусским “коллегам”, потому что в XI в. он уже широко применялся в соседней Польше.

Нет ничего удивительного в том, что времяисчисление одной из поместных церковных организаций существенно расходилось с хронологическими стандартами Киевской митрополии XI — начала XII в. Сам по себе факт поставления местных епископов главой русской церкви (именно об этом говорится в статье 6613 г.: “Постави митрополить... Мину Полотьску”/I, 281; II, 257/) в то время еще не предполагал полного приспособления периферийных церковно-служебных особенностей к образцу Киево-Софийского собора, если этому не способствовали какие-то дополнительные обстоятельства. Так, к примеру, длительная деятельность официально-церковного Киева по искоренению нестандартных новгородских времяисчислительных норм завершилась успехом лишь к концу XI — началу XII в. и только потому, что здесь епископская кафедра несколько десятилетий находилась в руках питомцев Киево-Печерского монастыря, которые сознательно и убежденно, а не по подсказке из Киева, утверждали официальное времяисчисление в Словенской земле; но стоило лишь печерским монахам в начале XII в. изменить свои хронологические вкусы, как их очередной “представитель” в Новгороде, епископ Нифонт, с таким же успехом внедрил здесь новшества своей родной обители, разрушив тем самым многое из созданного его предшественниками-собратьями. Довольно часто стремление к строгому соблюдению “правил уставных” нарушалось требованиями сиюминутной политической обстановки: именно такое случилось с времяисчислением двух киевских монастырей (св. Михаила и св. Богородицы), близость которых ко двору митрополита вроде бы предполагала неукоснительное следование официальным нормам. То же самое, очевидно, произошло и в Полоцкой епископии в начале XII в.: ставленник киевского митрополита, епископ Мина, оказался приверженцем местной хронологической традиции, сложившейся еще в предыдущем столетии в результате географической удаленности епархии и влияния центробежных политических устремлений.

5.5. ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ–РУССКОГО

Существование переяславского летописания второй половины XI — начала XII в. доказывается почти исключительной точностью относительной хронологии ПВМ. Трудно поверить в то, что Влади-

мир Мономах, приступая к написанию своей автобиографии (это случилось уже после его похода на Волыньщину весной-летом 1117 г., т.е. тогда, когда князю уже было за 60 лет), мог с безупречной

верностью восстановить в памяти последовательность и точные даты событий 40-летней давности. Автор ПВМ, без сомнения, имел в своем распоряжении погодные летописные записки, в которых фиксировались его собственные деяния и деятельность его родичей, т.е. фамильный княжеский летописец Всеволодовичей. Его переяславское происхождение доказывается хотя бы тем, что в ПВМ сам Переяславль, а также Смоленск, входивший в удел Всеволодовичей и в состав Переяславской епископии, упоминались чаще других городов; кроме того, события, так или иначе связанные с этими двумя центрами, датированы в ПВМ подробнее и конкретнее других, тогда как деятельность Мономаха в Чернигове и на западе Руси описана без употребления конкретных датировок и весьма бедно³⁶. Очевидно, таким образом, что в это время в переяславской резиденции Всеволодовичей постоянно велся княжеский летописец, сочинитель (или сочинители) которого получал информацию из первых рук.

Эта же княжеская летопись отразилась, помимо ПВМ, и в Переяславском летописном своде конца второго — начала третьего десятилетия XII в., который фиксируется в ПВЛ в виде ультрамартовских известий провсволодовской ориентации или юго-восточной тематики; они встречаются в ПВЛ, начиная с 6563 г., причем, во всех случаях имеют вид механических вставок-дополнений в более древний текст или вид избыточных сообщений Ип.-Хл. (см. описание позднего ультрамартовского слоя в главе 2). Этот свод возник позже 1117 г. (в этом году Мстислав Владимирович перешел на княжение из Новгорода в Белгород и вместе с ним на юге появился и новгородский сентябрьский рассказ 6604 г. о Кулачской битве, вошедший в поздний ультрамартовский слой; см. 2.2 и 2.5), но, с другой стороны, не позднее 1122–1123 гг., к которым относится появление другого переяславского летописного памятника (см. о нем ниже). Вероятнее всего, именно с этим летописным произведением и следует связывать особый этап в развитии русского летописания (1117–1118 гг., по иной версии — 1118–1119 гг.), несомненность существования которого была доказана А.А. Шахматовым, но который, как выяснилось, нельзя связывать с окончательным формированием ипатьевской редакции ПВЛ (см. 1.4). Судя по ряду деталей, описанных далее, этот Переяславский летописный свод имел церковное происхождение и был составлен при кафедральном соборе св. Михаила, где наверняка имели доступ к княжеским летописным заметкам. Таким образом, на примере ПВМ и переяславских известий ПВЛ мы можем реконструировать две конкретные формы времяисчисления Переяславля-Русского второй половины XI — начала XII в. (княжеское и епархиальное).

При княжеском дворе счет лет производился по “династическому” образцу, о чем свидетельствует отсутствие точной годичной нумерации в ПВМ и остаточные следы относительного счета в провсволодовских известиях ПВЛ (6597 г. — “приведе Янка митрополита Иоанна скопщину, ... от года бо до года пребывъ, умре”). В официальном же епископском летосчислении, вне сомнения, использовался счет лет от С.М., что и дало возможность поздним редакторам включить известия епископского свода в уже сложившуюся погодную структуру ПВЛ.

Светские переяславские годы имели весеннее новогодие, на что указывает постоянное использование весенних хронологических ориентиров в ПВМ (“на весну”, “по Велицѣ дни”); зима же упоминается здесь как окончание года (“по двѣ зимѣ”, “3 лѣта и 3 зимы”), кроме того, в отдельном виде она всегда называлась Владимиром Мономахом “той же зимой”, т.е. “зимой того же года”, тогда как весна подобным образом не обозначалась. Епископские летописцы не могли обойти стороной эту особенность, и поэтому мы наблюдаем в Переяславле-Русском тот же самый механизм трансформации сентябрьского константинопольского времяисчисления в ультрамартовское, что и в Тмутараканском монастыре св. Богородицы 40 годами ранее. Можно предполагать, что официальный сентябрьский канон утвердился в Переяславле-Русском относительно рано, еще в XI в., тем более, что епископская кафедра здесь долгое время занималась выходцами из Киево-Печерского монастыря (Николаем в 70–80-е гг. и Ефремом в конце 80-х — начале 90-х гг. XI в.), но при епископе Лазаре (1105–1117 гг.) тут произошла смена времяисчислительных правил. К тому моменту местная княжеская фамилия прочно утвердилась на верховном киевском княжении и поэтому многие церковные центры, прежде всего столичные, одни раньше, другие позже, перестраивали свои счетные правила на манер весеннего новогодия дома Всеволодовичей. Не смотря на то, что компутисты Переяславского собора св. Михаила не проявили в этом такой поспешности, как, например, черноризцы одноименного киевского монастыря (см. 5.1), они, тем не менее, отыскивали более оптимальный путь совмещения сентябрьских и весенних хронологических элементов. Именно так на Руси возник второй центр формирования ультрамартовского календарного стиля, независимый от новгородского “очага”, появившегося почти на столетие раньше и положившего начало распространению этой календарной системы в тмутараканском и западно-русском счете времени.

Княжеское времяисчисление Всеволодовичей выглядело более совершенным в сравнении, скажем, с аналогичной системой черниговских Святославичей (см. 5.3). Если там в “династических” записях основной формой календарного датирования был архаичный относительный счет дней и довольно часто применялись неопределенные даты типа “посем”, то более грамотные и начитанные переяславские писатели, судя по ПВМ, конкретизировали свои исторические сведения сезонными обозначениями (это отразилось и в ультрамартовском известии 6563 г. Ип.-Хл. о походе Всеволода к Воиню “зимѣ”) и даже святочными датами (ПВМ: “На Господинъ день”, “на святого Бориса день”; 6610 г. Тв.: “На Андрея Стратилата”). В соборе св. Михаила, однако, употреблялась характерная церковно-официальная форма датирования по пасхальному календарю: это ясно, например, из того, что в новгородском рассказе 6604 г. о князе Мстиславе Владимировиче, вошедшем в состав епископского свода 1117–1118 гг., были сохранены первоначальные пасхально-недельные датировки, а при редактировании мартовской даты смерти Ярополка Изяславича переяславский летописец смог безошибочно пересчитать ее пасхальные элементы для 6595 ультрамартовского года (см. 2.3).

Ультрамартовский календарный стиль позволял клирошанам Михайловского собора достичь единообразия в их времяисчислительной практике: с его помощью можно было датировать исторические и текущие события и, одновременно, рассчитывать церковно-пасхальные элементы в согласии с официальными образцами (на это указывает верно вычисленный индикт для окончания 6604 ультрамартовского года). Однако после того, как на местной кафедре появился бывший игумен Киево-Выдубицкого монастыря Сильвестр (1.01.1118 г.), здесь постепенно утверждается менее совершенный порядок счета времени по образцу “монастыря Всеволожа”: одна линия счета (сентябрьская) использовалась в церковной службе, другая (мартовская) — в быту и в литературных произведениях.

Несомненно, что при Сильвестре здесь был создан новый летописный свод, источниками которого стали его же Киево-Выдубицкое сочинение 1116 г., Киево-Печерский свод начала 20-х гг. и, наконец, только что описанный нами Переяславский епископский свод. Каждый из этих памятников имел особую летосчислительную шкалу (мартовскую, постмартовскую и ультрамартовскую соответственно), но новому епископу все они представлялись “единолетними”, т.е., в соответствии с его хронологическими убеждениями, мартовскими. Именно поэтому компиляция Сильвестра отразилась в составе ПВЛ в виде поздних мартовских артефактов, соединенных с постмартовскими и поздними ультрамартовскими элементами (табл. VII–2, XV–7) и расположенных в тексте до 6630 г., что совпадает по времени с датой смерти епископа (12.04.1123 г.).

Руку составителя Киево-Выдубицкой редакции ПВЛ 1116 г. мы узнаем не только в мартовской летосчислительной шкале Переяславского свода 1122–1123 гг., но и в других приемах датирования. Точно так же, как и несколькими годами ранее, Сильвестр использовал великопостное новогodie (6619 и 6624 гг.), тем самым продолжив распространение этого календарного элемента на Руси. Как и в первом своем произведении, Сильвестр отдавал предпочтение пасхально-юлианскому датированию (в 6619 г. — целый набор пасхальных дат в описании похода на Дон; в 6621 г. сохранены без изменений пасхальные постмартовские даты), использовал индиктовые обозначения (сохранен индикт в дате договора 6453 г.), осуществлял объединение своих источников по тождеству годовых номеров их статей, не всегда верно соединяя при этом их отдельные части (6610, 6619, 6621 гг.) и т.д.

Итак, переяславское епископство Сильвестра и составление свода 1122–1123 гг. положили конец непродолжительному периоду применения ультрамартовского счета в Переяславле-Русском и способствовали утверждению здесь несовершенной системы времяисчисления с параллельным счетом константинопольских сентябрьских церковно-служеб-

ных и мартовских “литературных” лет. Верность сивльвестровским правилам проявилась и в летописном своде последней четверти 20-х гг. XII в., на основании чего мы также приписываем его переяславским “книжникам”. Как уже говорилось (см. главу 1), этот памятник завершил начатое в 20-х гг. XII в. киево-печерскими монахами формирование ипатьевского текста ПВЛ, объединив свод 1122–1123 гг. с сентябрьскими известиями Владимиро-Волынского епископского свода середины 20-х гг., при этом редактирование хронологических показаний производилось так, чтобы придать сложносоставным статьям константинопольскую мартовскую нумерацию лет.

По всей видимости, двухлинейная выдубицкая система счета времени применялась в Переяславле-Русском не только в 20-е гг. XII в., но и позже. Ее проявление уловил в местном летописании второй половины XII столетия М.Д. Приселков, правда, он не совсем точно охарактеризовал ее как разницу между епископским и княжеским времяисчислением³⁷, тогда как на самом деле исследователь имел дело с фактами сбивчивого перехода летописцев собора св. Михаила от сентябрьского счета к мартовскому и наоборот. Вообще же, хронологическому новшеству, придуманному в Киево-Выдубицком монастыре во второй половине XI в. и внедренному в Переяславле-Русском в начале следующего века епископом Сильвестром, была уготована длительная судьба и особая роль в развитии русских систем учета времени. Из Южной Руси литературно-бытовой мартовский календарный стиль был перенесен придворными писателями потомков Владимира Мономаха в Суздальскую землю и прочно внедрился в местную литературную традицию, о чем свидетельствуют Владимиро-Суздальские летописные своды конца XII — начала XIII в. (см. примеры в главе 1). Его постоянное и противоречивое совмещение с официальным церковным сентябрьским стандартом требовало от северо-русских писателей поиска оптимальных способов согласования двух стилей и стимулировало развитие их счетно-хронологической мысли. Этот процесс завершился в итоге перестройкой сентябрьской Пасхалии на новый лад, ее приспособлением к правилам мартовского константинопольского счета времени и появлением таких элементов пасхальных расчетов, как Вруцелето, Ключ Границ, таблицы Великого Индиктиона и т.д., т.е. всего того, что и является основой современной церковной хронологии. Мартовское времяисчисление постепенно приобретало статус официально-церковного счета времени, тогда как бывший на этом месте сентябрьский счет все более обрстал светскими аксессуарами и в конце концов стал официальным времяисчислением Московского государства. Однако все это происходило уже в ту эпоху (XIV–XVI вв.), которая выходит за рамки нашего исследования и требует специального историко-хронологического изучения.

Современная шутка, выдаваемая за афоризм, утверждает: "Чтобы покорить время, нужны, по крайней мере, часы". Жители Древней Руси никаких часовых механизмов не знали. Они не обладали также совершенным умением отыскивать точные времяисчислительные ориентиры в природе: уровень развития языческих астрономических знаний не выходил за рамки обыкновенных визуальных наблюдений и их весьма упрощенных осмысления и практического применения, а христианская богословская традиция, по крайней мере до XVI в., объявляла "халдейскую астрономию", "елинское звездочетье" и "родотечение небесных шествий" занятием, равнозначным волхованию, чародейству и преклонению пред "языческими баснями" и "погаными обычаями"¹. Может быть поэтому изредка попадавшие на Русь в XI–XII вв. произведения общеописательного астрономо-хронологического содержания не были здесь популярными и не оказывали никакого воздействия на развитие местного времяисчисления². Другими словами, наши предки имели совсем немного шансов для "покорения" времени, так как их хронологический инструментарий был весьма скудным.

Тем не менее, со страниц ПВЛ и других древнерусских сочинений нам предстает совсем не хронологическое "грубовство". Искренне веруя в то, что только "владыко Господь" может "ищитати лѣта и времена изъмѣрять живущимъ на земли", писатели той поры, все же, лукавили, ибо многие из них были даровитыми хронологами-импровизаторами, обладавшими самыми разнообразными навыками перенесения "сакрального времени", элемента божественной вечности, на повседневность, на "время профанное"³. Почему-то мы всегда относили к такому лишь автора УЧ, но ведь не меньше искусных знаний и навыков требовалось и от "начальника" ПВЛ, соединявшего русские недатированные сказания с христианским счетом лет от С.М., и от новгородских компутистов первой половины XI в., приспособлявших сентябрьские восточнохристианские пасхальные годы к весеннему славянскому счету, и от летописных редакторов-компиляторов, изменявших сомнительные, с их точки зрения, календарные даты источников на собственный лад и т.д. Сам по себе расцвет летописного жанра с погодной формой исторического повествования стал возможен лишь в условиях широкого распространения навыков компилирования разнотипной письменной и устной хронологической информации. Ошибки и просчеты не были следствием неграмотности или легкомысленного отношения к проблемам датирования, они объяснялись масштабами и сложностью компиляторской работы.

Времяисчисление эпохи создания ПВЛ формировалось из трех источников: во-первых, из устных языческих счетных правил, передаваемых из поколения в поколение и лучше всего сохранявшихся в бытовом светском счете и в исторических сказаниях о дохристианской истории Руси; во-вторых, из практических норм церковной службы константинопольского образца, описанных в служебных кни-

гах; наконец, из приемов датирования, применявшихся в греко-болгарской хронографической письменности. В процессе установления христианства на Руси многие элементы языческой культуры вытеснялись и бесследно исчезали, другие глубоко "упрятывались" в народный быт и суеверия, но некоторые продолжали существовать, развиваться и даже соединялись с христианскими элементами, наполняя национальным содержанием чужеродную культуру. Симбиоз народных языческих традиций и передовых достижений христианской цивилизации привел к небывалому культурному подъему Киевской Руси, примером чему были массовая грамотность городского населения, расцвет "книжного дела", интенсивное храмовое строительство и многое другое, в том числе и возникновение оригинальных древнерусских времяисчислительных систем, которые мы с полным основанием можем отнести к важнейшим культурным приобретениям наших предков. Умение точно высчитывать "времени разстояния" и переносить эти расчеты не только на современность, но и на историческое прошлое, открывало дорогу к познанию закономерностей развития человеческого общества и осознанию места и роли Русского государства в мировом историческом процессе. "Не възможно... вне же врѣмя суть в мирѣ быти" /СДЯ, I, 493а/.

Конечно же, решающее воздействие на древнерусское времяисчисление в XI–XII вв., да и позже, оказывала церковно-служебная хронология, стандартизированная Константинопольской патриархией и Киевской митрополией. Однако мы убедились в том, что относительное времяисчислительное единобразие, насаждаемое Киевским собором св. Софии, на Руси существовало совсем недолго, лишь на границе XI и XII столетий, когда во всех епархиях митрополии, от Новгорода до Киева и от Владимира-Волынского до Переяславля-Русского, официальным счетом времени был константинопольский сентябрьский стандарт. В более ранний период, в начале и в середине XI в., установление такого порядка было невозможным потому, что он опровергался еще не сложенной языческой традицией и авторитетом переводных греко-болгарских хронографических сочинений, а также политическими и церковно-иерархическими противоречиями между столицей и провинциями. Именно поэтому во второй трети XI в. в Новгороде возник "очаг" распространения на Руси славянизированных восточнохристианских элементов, а в Полоцке примерно в то же время — "очаг" применения антиохийского счета лет и элементов летосчисления от Р.Х. В начале же XII в. "единолетное" времяисчисление исчезло потому, что к этому моменту официальный византийский счетный стандарт оказался уже размытым многочисленными дополнениями, берущими начало в народном языческом счете времени. Вряд ли это можно назвать вульгаризацией канонического восточнохристианского времяисчисления; скорее, наоборот, внедрение в его структуру исконных русских элементов обогатило его содержание и сделало его понятным не только служителям христианского

культы. Мы замечаем, как церковно-служебная хронология приобретает все больше национальных черт (весенние календарные стили становятся в начале XII в. официальными в нескольких епархиях, в служебных книгах появляются бытовые счетные элементы и пр.), а повседневное светское времяисчисление приобретает все больше церковных черт (княжеское летописание Ростиславичей велось годами от С.М. и с применением святочных и пасхальных календарных дат и пр.)⁴.

Важнейшую роль в этом процессе сыграли древнерусские монастыри, черноризцы которых стремились, с одной стороны, к овладению греческой "харатийной тонкотой и грамотной красотой", но, с другой, приносили в стены своих обителей живые народные традиции. Эти же люди становились и распространителями хронологических знаний на Руси, потому что как раз из монастырских грамотеев получались "истори и вѣтия, рекше лѣтописцы", а также церковные пастыри, обучавшие клирошан времяисчислительным навыкам.

Созданная их руками ПВЛ в полном объеме представила нам развитие древнерусской историко-хронологической мысли XI — начала XII в. В свою очередь, тщательное историко-хронологическое исследование источника позволяет нам сделать некоторые уточнения по поводу его текстологической характеристики, хотя эта задача и не была для нас основной. "Разные системы отсчета лет, — писал А.Г. Кузьмин, — могут служить одним из наиболее объективных показателей при [текстологическом. — С.Ц.] разложении летописного свода"⁵, — и мы можем полностью согласиться с этим; тем весомее представляется нам хронологическое расчленение ПВЛ. Одним из важнейших является вывод о том, что киевская литературная традиция сыграла решающую роль только на поздних этапах формирования текста летописного памятника; до 70-х гг. XI в. летописный жанр в Киеве был представлен исключительно погодными записями Софийского собора, а исторические сказания о дохристианской русской истории, записанные, вероятно, также в Киеве в конце X — начале XI в., в местной литературе либо не использовались, либо имели форму, близкую к образцу НПЛ. Только в середине 70-х гг. в Киево-Печерском монастыре появился первый столичный летописный свод, который, видимо, не описывал раннюю русскую историю, а представлял собой лишь копию погодных записей св. Софии, дополненную сведениями из истории монастыря и главнейших церковных центров Руси; добавим к этому, что идеально точное совпадение текстологических и историко-хронологических выводов позволяет признать существование Киево-Печерского свода 1073–1075 гг. как реальный и безоговорочный факт.

Первые же шаги по созданию ПВЛ были сделаны в Новгороде в 1060–1063 гг., когда при дворе князя Ростислава Владимировича была проведена редакционная обработка Новгородского епископского свода середины XI в., в котором "Сказание о русских князьях" уже было соединено с хронологией болгарской исторической хроники. Работа над этим историко-публицистическим сочинением была закончена, вероятно, в 1063–1065 гг. в Тмутаракани, куда эмигрировал князь-изгой. Примерно через 20 лет в Тмутараканском монастыре св. Богороди-

цы ПВЛ была продолжена материалами Киево-Печерского свода 1073–1075 гг.; в эту же компиляцию, составленную местным монахом Василием, вошли и "династические" фамильные записи Святославичей, владевших тогда Тмутараканским княжеством. Хронологию ПВЛ Василий оставил практически без изменений, но сентябрьскую константинопольскую хронологию свода 1073–1075 гг. он, под влиянием весеннего княжеского летосчисления и новгородских традиций, преобразовал в ультрамартовскую. В 1109–1113 гг. уже в Перемышле Василий сделал новую редакцию свода середины 80-х гг., продолжив его погодными записями княжеского дома Ростиславичей и, заодно, дополнив полоцким источником, который в начальной своей части содержал выдержки из ЛВ, а далее представлял погодную антиохийскую разбивку "Сказания о христианстве на Руси" и западнорусских исторических сюжетов; этот этап ознаменовался существенными изменениями в первоначальном хронологическом "рисунке" ПВЛ образца 60-х гг. XI в.

Тем временем, в Киеве летописание продолжало развиваться в форме погодных записей. Лишь в 1116 г. игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, в руках у которого оказался текст Перемышльской редакции свода Василия, соединил его с мартовскими погодными выдубицкими записями. В начальную часть ПВЛ Сильвестр внес дополнения из ХГА и тексты русско-византийских договоров (6420 и 6479 гг.), принципиально поменяв ее хронологию. Именно эта, первая киевская редакция ПВЛ и отразилась лучше всего в Р. и МАк. По образцу и на основе сильвестровского свода аналогичное произведение в начале 20-х гг. XII в. создают и киево-печерские писатели; правда, в начальную его часть они включили иной вариант "Сказания о русских князьях" (из свода 1073–1075 гг.?), где не было разветвленной хронологии и где одной из первых абсолютных дат было показанче русско-византийского договора 6453 г.; в заключительной части своего произведения печерские авторы попробовали соединить местные сентябрьские записи с мартовскими годами Сильвестра, но сделали это весьма неудачно, получив в результате "иноведное" постмартовское времяисчисление. Вторая киевская (или "раннеипатьевская") редакция ПВЛ легла в основу создания ипатьевской редакции, а также оказала воздействие и на позднейшее новгородское летописание.

Сам же автор первой киевской редакции в это время уже стал переяславским епископом. Здесь он познакомился с произведением своего предшественника, объединившего в ультрамартовской погодной схеме фамильную хронику Всеволодовичей с новгородскими записями времен Мстислава Владимировича. Задумав создание новой компиляции, Сильвестр положил в ее основу свое сочинение 1116 г., дополнив и продолжив его информацией Переяславского свода, Киево-Печерской "раннеипатьевской" летописи и собственными записями. Так возникла первая Переяславо-Русская редакция ПВЛ (не позднее 1123 г.), которая в конце XII в. вошла в состав 1-го Владимиро-Суздальского свода (общий протограф для списков Л., Р. и МАк.). На этом, однако, переработка ПВЛ в Переяславле не закончилась. В конце 20-х гг. XII в. на основе первой здесь была составлена вторая ее редакция, еще раз

пополненная выдержками из фамильного летописца переяславских князей и соединенная с Владимиром-Волынским епископским летописным сводом второй половины 20-х гг. Эта окончательно сложившаяся ипатьевская редакция ПВЛ стала базовой для развития киевского летописания XII в. и, далее, для галицко-волынского летописания XIII в.

Как видно, историко-хронологическое изучение ПВЛ, с одной стороны, безоговорочно подтверждает выделение и характеристику нескольких этапов сложения летописного текста, установленных ранее “обычными” текстологическими методами (новгородский середины XI в., киевские 1073–1075 гг. и 1116 г., переяславский 1122–1123 гг.), в отношении других (тмутараканский этап середины 80-х гг. XI в., переяславский 1117–1118 гг., западно-русский второй половины 20-х гг. XII в.) вносит существенные коррективы или даже полностью их отрицает (свод Десятинной церкви конца 90-х гг. X в., Древнейший киевский свод времен Ярослава Мудрого, Начальный киевский свод 1093–1095 гг.) и, наконец, выявляет новые (новгородо-тмутараканский 1060–1065 гг., полоцкий, перемышльский и новгородский конца XI – начала XII в., киевский начала 20-х гг. и переяславские этапы начала и конца 20-х гг. XII в.). Хочется надеяться на то, что историко-хронологические выводы послужат весомым вкладом в уточнение современных представлений об истории сложения древнейшего летописного памятника, который, конечно, нельзя называть “начальным” для всего русского летописного жанра, но с полным основанием можно именовать Начальной летописью для сохранившихся летописных источников XIV–XVII вв.

Можем ли мы сказать теперь, когда наше исследование подошло к концу, что датирующие показания ПВЛ более не представляют для нас загадок, и, следовательно, все тайны древнерусского времяисчисления XI–XII вв. оказались раскрытыми? Конечно же нет, и дело не только в том, что и сами создатели ПВЛ имели весьма смутное представление о хронологии русской истории до конца X в. Нам, видимо, еще придется учиться проникать в глубинную информацию источника, совершенствовать нестандартные методы ее расшифровки и постепенно, шаг за шагом, перенимать ту “незабытую память”, которую, по мнению древнерусских писателей, все “книги имут”. Работа эта, по сути дела, бесконечна: чем совершеннее методика исследователя, чем глубже он проникает в содержание древнего текста, тем больше он вскрывает в нем глубинных неисследованных пластов и тем чаще перед ним появляются новые загадки.

Следует предостеречь читателей и от другого ошибочного восприятия результатов нашего исследования. Историко-хронологическое изучение ПВЛ

позволило нам разрешить вопрос о том, элементами каких времяисчислительных систем были датированы описанные в ней события, но оно не преследовало цели определения истинного времени их свершения. Хотим повторить ту мысль, которая уже высказывалась в вводной части книги: проблему точной редукции древнерусских датировок должны решать историки, но прежде хронологи обязаны снабдить их надежным инструментом для ее осуществления, к чему, собственно говоря, и сводилось все наше исследование. Даже самая добросовестная приверженность летописцев той или иной системе учета времени, прекрасное знание всех ее элементов и совершенное умение оперировать ими не давали еще полной гарантии от хронологических ошибок. Не говоря уже о событиях давних, компутисты могли ошибочно совмещать со своей времяисчислительной шкалой и современные им происшествия, причинами чему были несвоевременное поступление информации, ее искажения при устной передаче, намеренная ее фальсификация и пр. Для установления относительной достоверности хронологической информации летописей историко-хронологические выводы являются хотя и главным, но не единственным основанием, вкупе с ними обязательно должны применяться текстологические, лингвистические, социологические и другие формы исследования источника. По мере возможностей мы пробовали на страницах этой книги оценивать правдивость тех или иных хронологических показаний ПВЛ, но работа эта, конечно же, не была полной и исчерпывающей⁶. Тем не менее уже сейчас, на нынешнем этапе изученности хронологии ПВЛ, можно достаточно уверенно датировать многие важнейшие события русской истории IX – начала XII вв., причем, нередко вопреки привычным и устоявшимся представлениям о времени их свершения⁷. Другими словами, предложенная здесь реконструкция различных древнерусских систем учета времени и истории их появления и развития является одним из начальных шагов в историко-критической оценке хронологической информации, сохранившейся в ПВЛ и в других сочинениях эпохи Киевской Руси. Некоторые детали этой реконструкции выглядят несомненными и мы готовы отстаивать их правомерность, но другие появились только как результат наших догадок и предположений; не исключено, что при дальнейшей тщательной проверке какие-то выводы окажутся под сомнением, а от некоторых придется решительно отказаться. Тем не менее, мы имеем теперь достаточно прочные основания для последующего изучения одного из элементов древнерусской культуры (времяисчисления) и уверены в том, что на этом пути нас ожидает еще немало интересных открытий. “Истина, искры в исконном, весьма обрещается”...

Введение

- ¹ **Ключевский В.О.** Курс русской истории. Ч. 1. // **Ключевский В.О.** Сочинения: В 9-ти т. Т. I. М., 1987. С. 92.
- ² Повесть временных лет. Ч. 1: Текст, перевод. Ч. 2: Примечания. М.; Л., 1950.
- ³ [**Димитрий (Туптало Д.)**] Роспись митрополитов киевских, с кратким летописанием // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. [М.], 1775. С. 54–108; Диарий св. Димитрия // **Шляпкин И.А.** Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891. Прил., с. 1–11; [**Голицин А.И.**] Ядро хронологическое истории всемирной, от начала света до кончины Екагерины II. Ч. 1–4. М., 1804–1805.
- ⁴ [**Голицин А.И.**] Указ. соч. Ч. 3. С. 304; **Свечин Н.** Всемирная хронология. М., 1809. С. 52; **Соловьев И.** Настольная хронология замечательных происшествий. Ч. 1. СПб., 1852. С. 50.
- ⁵ **Татищев В.Н.** История российская. Т. I. М.; Л., 1963. С. 125–128.
- ⁶ **Щербатов М.М.** История российская от древнейших времен. Т. III. СПб., 1774. С. 393, прим.
- ⁷ **Болтин И.Н.** Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. I. СПб., 1788. С. 195.
- ⁸ **Карамзин Н.М.** История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 322, прим. 367; Т. V. М., 1993. С. 314, прим. 246; **Арцыбашев Н.С.** Повествование о России. Т. II. Кн. 4. М., 1838. С. 382–383.
- ⁹ **Шлёцер А.-Л.** Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Ч. II. СПб., 1816. С. 740–753; Ч. III. СПб., 1819. С. 421–444.
- ¹⁰ Это имя, к сожалению, почти забыто современной отечественной историографией. См. о нем и его трудах: **Kunik E.E.** Krug's Leben. St.-Petersburg, 1848; *idem.* Eiuleitung: Vom Herausgeber // FAGR. T. I. St.-Petersburg, 1848. S. I–CCLVI; **П.Б. (Биларский П.С.)** Очерк биографии академика Круга // ЖМНП. Ч. LXIV. 1849. С. 9–78.
- ¹¹ **Krug Ph.** Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die früher Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1810.
- ¹² *Idem.* Beweis, dass der Anfang des russischen Staats nicht erst in das Jahr 862 könne gesetzt, sondern in das Jahr 852 müsse vorgerückt werden // FAGR. T. I. S. 129–141.
- ¹³ Например: **Kunik E.E.** Kritische Bemerkungen zu den Rafn'schen Antiquités und zu den Kruse'schen Chronicon Nordmannorum: 1-ster Beitrag // ВСНР AIS. T. VII. № 13–14. 1850. Col. 196–204; **Куник А.А.** Замечания // Записки ИАН. Т. VI. Кн. 1. 1864. Прил. № 2, с. 53–84.
- ¹⁴ **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV: Период удельный, 1054–1240. М., 1850. С. 80–140; *он же.* Хронологический указатель древней русской истории: Статьи 2-я, 3-я и 4-я // Ученые записки II-го Отделения ИАН. Кн. VII. Вып. 2. 1863. С. 45–150 и др.
- ¹⁵ **Соколов Н.** Рассуждение о времени крещения российской великой княгини Ольги. Киев, 1832; **Ламбин Н.П.** О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя киевского // Записки ИАН. Т. XXVIII. 1876. С. 119–156; **Савва В.И.** О времени и месте крещения русской великой княгини Ольги: Опыт историко-критического разбора // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 3. 1893. С. 1–28 и др.
- ¹⁶ [**Krug Ph., Lerberg A.-Ch.**] Programme de 1811 // Mémoire de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. T. IV. 1813. P. 40–42.
- ¹⁷ **Muralt E., de.** Essai de chronographie byzantine pour servir a l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1057. St.-Petersbourg, 1855; **Bonnell E.** Russisch-Liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St.-Petersburg, 1862.
- ¹⁸ **Беляев И.Д.** Хронология Нестора и его продолжателей // ЧОИДР. 1846. № 2. С. 23–38.
- ¹⁹ Наиболее примечательные для XVIII–XIX вв. сочинения этого жанра: **Зырин Н.В.** Неисходимый Индиктион, или Пасхалия Зрячая. М., 1799; **Мефодий (Смирнов).** Правило пасхального круга. М., 1806; **Яковкин И.Н.** Пасхалия арифметическая и ручная. СПб., 1862; **Г.М. (Мещериннов Г.В.)** Православная Пасхалия. СПб., 1876.
- ²⁰ **Хавский П.В.** Метонический цикл, или Золотое Число и время употребления его в России // Прибавления к МГВ. 1842. 18 апреля. № 16. С. 355–357; *он же.* Неделя и седмица // СП. 1846. 21 февраля. № 41. С. 161; *он же.* Истинное значение Вруцелера // ЖМНП. Ч. LXVIII. 1850. С. 123–132; *он же.* Истинное значение Ключа Границ // ЖМНП. Ч. LXX. 1851. С. 1–14.
- ²¹ **Куник А.А.** Предложение о премии на задачу о византийской хронографии // ЖМНП. Ч. LXIII. 1849. С. 9.
- ²² **Голубинский Е.Е.** История русской церкви. Т. I. 1-я пол. М., 1880. С. 103–119; **П.Л. (Лашкарев П.А.)** Когда и где свершилось крещение киевлян при св. Владимире // Киевская старина. Т. XIX (сентябрь). 1887. С. 175–185; **Завитневич В.З.** О месте и времени крещения св. Владимира и годе крещения киевлян // Труды Киевской духовной Академии. 1888. № 1 (январь). С. 126–152; **Соболевский А.И.** В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. Ч. CCLVII. 1888. С. 396–403; **Матченко П.И.** Святой равноапостольный князь Владимир – просветитель Руси: К 900-летию крещения Руси // Странник. 1889. Т. I (январь). С. 79–108; **Левитский Н.М.** Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского. СПб., 1890.

²³ **Krug Ph.** Beweis, dass der Anfang... S. 129–141.

²⁴ 852 – 1852: Тысячелетие России // Журнал министерства внутренних дел. Ч. 37. 1852. С. 5–10.

²⁵ **Погодин М.П.** Когда Русскому государству исполнится тысяча лет? // Московитянин. 1852. Т. I. № 3 (февраль, кн. 1). С. 53–60; **он же.** Ответ г. Соловьеву // Там же. 1852. Т. III. № 10 (май, кн. 2). С. 35–38; **Kunik E.E.** Probe einer neuen Ausgabe der byzantinischen Chronologie von Philipp Krug // ВСНР AIS. Т. IX. № 14. 1852. Col. 223–224; № 24. Col. 379–384; **idem.** Die moderne Myth von dem tausendjährigen Bestehen des russischen Reiches seit dem 852. St.-Petersburg, 1852.

²⁶ **Соловьев С.М.** Несколько слов по поводу вопроса о том: “Когда Русскому государству исполнится тысяча лет?” // МВ. 1852. 22 апреля. № 49. С. 501.

²⁷ Цит. по: **Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 12. СПб., 1898. С. 67.

²⁸ Высочайшее повеление от 21 августа 1852 года “О следовании летосчислению преподобного Нестора при преподавании в учебных заведениях русской истории” // ЖМНП. Ч. LXXVI. 1852. Отд. 1. С. 19–20.

²⁹ **Хавский П.В.** Отличия 1846 года по Р.Х. // СП. 1846. 2 января. № 1. С. 1; **он же.** Хронология вообще, и в особенности хронология Нестора и его продолжателей // ЧОИДР. 1847. № 3. С. 41–45; **он же.** Хронологические таблицы: В 3-х кн. Кн. 1. М., 1848. С. 1–56; Кн. 2. С. 1–57; **он же.** О разности годов в русской хронологии // ВМГП. 1848. 7 декабря. № 268. С. 2333–2335; **он же.** Предложение для окончания ученого спора о начале годов // ВМГП. 1850. 15 февраля. № 37. С. 145; **он же.** Сокращенные хронологические таблицы. М., 1853. С. V–XIII, 2–29; **он же.** Месяцословы, календари и святцы русские: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1855. С. V–XVII и др.

³⁰ **Беляев И.Д.** Указ. соч.; **он же.** О хронологии П.В. Хавского // ЧОИДР. 1847. N 4. С. 155; **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 80–140; **Ундольский В.М.** Исследование о значении Вруцелета в Пасхалии // ВОИДР. Кн. 4. 1849. С. 43–70; **он же.** Альманах, Индиктион, Круг Миротворный // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1850. С. 1–19; **Хавский И.Г.** Опровержение хронологической системы, изобретенной П.В. Хавским // ВСПГП. 1849 (1-е полугодие). 22 июня. № 135; 1849 (2-е полугодие). 26 июля. № 21; **Дубенский Д.Н.** О некоторых годах Несторовой летописи // ВОИДР. Кн. 21. 1855. С. 14–16; **Куник А.А.** Заметка о годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича // Записки ИАН. Т. XXVIII. 1876. С. 156–164 и др. См. также рецензии на работы П.В. Хавского и его оппонентов в “Современнике”, ОЗ, МВ, ВМГП, СП и ЖМНП в 1848–1850 гг.

³¹ **Соболевский А.И.** Славяно-русская палеография: Курс второй. СПб., 1902. С. 63.

³² Точка зрения П.В. Хавского была поддержана только в следующих работах: **Семилетов П.** Пасхалия. М., 1855. С. 19; **Горбачевский Н.И.** Археографический календарь. Вильна, 1869. С. V–VI; **Ламбин Н.П.** Указ. соч. С. 154–155; **Прозоровский Д.И.** О старинном русском счислении ча-

сов // Труды 2-го археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 2. СПб., 1881. С. 138–139.

³³ Например: **Куник А.А.** Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896.

³⁴ **Хавский И.Г.** [Из писем редактору. VI] // ВСПГП. 1848. 13 марта. № 58.

³⁵ **Krug Ph.** Kritischer Versuch... S. 325–328; **idem.** Fragmente einer russischen Chronologie // FAGR. Т. II. St.-Petersburg, 1848. S. 713–722; **Kunik E.E.** Kritische Bemerkungen... Zweiter Beitrag // ВСНР AIS. Т. VII. № 22–24. 1850. Col. 348–359. В сочинениях М.П. Погодина табличную форму приобретал даже исследовательский текст: **Погодин М.П.** Междоусобные войны // ВОИДР. Кн. 2. 1849. С. 27–108; Кн. 3. С. 79–86; **он же.** Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1872.

³⁶ Например: **Шахматов А.А.** Исходная точка летосчисления “Повести временных лет” // ЖМНП. Ч. CCCX. 1897. С. 217–222; **он же.** Хронология древнейших русских летописных сводов // Там же. С. 463–482.

³⁷ “Не сомневаюсь в том, что в Древней Руси считали мартовскими годами” (**Шахматов А.А.** Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 452).

³⁸ **Он же.** Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть, текст, примечания. Пг., 1916. С. 400–402.

³⁹ См. о нем: **Белокуров С.А.** [Николай Васильевич Степанов] // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260). С. III–VIII.

⁴⁰ **Степанов Н.В.** Таблицы для решения летописных задач на время // ИОРЯС ИАН. Т. XIII. Кн. 2. 1908. С. 83–132; **он же.** Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). С. 1–74; **он же.** К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. 1910. Кн. 4 (235). С. 1–40; **он же.** Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // ИОРЯС ИАН. Т. XX. Кн. 2. 1915. С. 1–71; **он же.** Календарно-хронологический справочник: Пособие при решении летописных задач на время // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260). С. 1–31.

⁴¹ **Карышковский П.О.** О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. Т. V. М., 1952. С. 127–138; **Левченко М.В.** Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 41–43, 57–77; **Половой Н.Я.** О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // ВВ. Т. XIV. М., 1958. С. 138–147; **Рыбаков Б.А.** Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 162–173; **Пашуто В.Т.** Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58–60, 81–84; **Литаврин Г.Г.** О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // ИС. 1981. № 5. С. 173–183; **Сахаров А.Н.** Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 131–135, 141; **Назаренко А.В.** О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники: Сборник статей 1984 г. М., 1984. С. 13–19 и др.

⁴² **Бережков Н.Г.** Хронология русского летописания. М., 1963.

⁴³ Там же. С. 16, 36.

⁴⁴ **Алешковский М.Х.** Первая редакция “Повести временных лет” // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 21, прим. 43.

⁴⁵ Кузьмин А.Г. Индикты Начальной летописи: К вопросу об авторе "Повести временных лет" // СР. М., 1968. С. 305–313; он же. Хронология Начальной летописи // ВМУ. 1968. № 6. С. 40–53; он же. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 68–98; он же. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 221–295.

⁴⁶ Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИС. 1972. № 4. С. 53–54.

⁴⁷ Не стоит предъявлять претензии к учебно-методическим обзорам, которые, наоборот, всячески стимулировали интерес к историографии хронологического знания (Каменцева Е.И. Русская хронология: Справочн. пособие. М., 1960. С. 7–13; она же. История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979. С. 9–28), но это следует сделать в отношении специальных исследований (Свердлов Б.М. Изучение древнерусской хронологии в русской и советской историографии // ВИД: V. Л., 1973. С. 61–71; Нерод В.А. Хронологические исследования как специфическая форма отражения исторического времени: Историографический аспект // ВИД 1994 г. М., 1994. С. 112–113 и др.).

⁴⁸ Данилевский И.Н. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // ВИД: XV. Л., 1984. С. 62; он же. Перспективы изучения летоисчислительных систем древнерусских летописных сводов // ВИД 1994 г. М., 1994. С. 53–54. Однако сама по себе приверженность системному направлению не гарантирует избежания ошибок. Не так давно, например, появилась работа с многообещающим названием (Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст 1978: Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 62–135), автор которой объявил своей главной целью "реконструкцию древнерусского календаря", однако за таковой он пробует выдать пасхальный Великий Индиктион и, естественно, занимается его исследованием. Представляя собой весьма добротную компиляцию сведений о христианских пасхальных счетных правилах, эта работа ниче-

го не добавляет к существующим знаниям о древнерусском календаре и, более того, в "русской" своей части содержит немало ошибок (см. прим. 90, 91 и 96 к главе 4).

⁴⁹ В задачи настоящего исследования не входит реконструкция третьей группы древнерусских единиц учета времени, поскольку информация ПВЛ и других источников мало что добавляет к сказанному на сей счет Н.В. Степановым (см. прим. 40).

⁵⁰ Перечень всех источников, употребляемые далее в тексте их обозначения, а также сокращения см. в конце книги.

⁵¹ Термин "артефакт" употребляется здесь в его буквальном значении: arte + factus — "искусственно сделанный".

⁵² Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... С. 88.

⁵³ Наименование этого вида артефактов происходит от слова "святыцы" (церковно-служебный календарь с расписанием неподвижных христианских праздников) и не имеет ничего общего со "святами" (праздник Р.Х. в народном календаре).

⁵⁴ Подробнее об этой проблеме и путях ее решения см.: Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы... С. 24–25, а также 4.2. Следуя этим соображениям, каждый случай использования или реконструкции святочных датировок мы старались далее подтверждать аналогиями из древнерусских источников.

⁵⁵ Мельников [Печерский] П.И. Солнечные затмения, виденные в России до XVI столетия // ОЗ. Т. XXII. 1842. С. 47–71; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... С. 135–138; Покровский К.Д. Кометы в русских летописях // Мир божий. 1903. № 4 (апрель). С. 235–256; Свяцкий Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС ИАН. Т. XX. Кн. 1. 1915. С. 87–208; Кн. 2. С. 197–288.

⁵⁶ Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 223.

⁵⁷ Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 27.

⁵⁸ Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 97.

Глава 1

¹ Алешковский М.Х. К типологии текстов "Повести временных лет" // Источниковедение отечественной истории: 1975. М., 1976. С. 139.

² "В лѣто 6615 — круга" — нет в Ил., что объясняется механическим пробелом его протографа. Этот пробел восстанавливается по Хл., Пог. и Ерм.: "В лѣто 6615, Круг Луны 4, а солнечного <круга> 8 лѣто".

³ "Индикта — мѣсяца" — нет в Р. и МАк.

⁴ Этого предложения нет в Р. и МАк.

⁵ В Р. и МАк. вместо слов "томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же" читается "в то же лѣто".

⁶ "А февраля — в ноци" — из Р. и МАк.; в Л., Хл., Пог., Ерм. нет. В Ил. это известие передается так: "Мѣсяца [оставлено незаполненное место. — С.Ц.] въ 15 день трясѣ земля [это слово вписано между строк другим почерком] предъ лазорями".

⁷ Погодин М.П. Хронологический указатель... С. 95–124. См. также: Карамзин Н.М. Указ. соч.

Т. II. М., 1991. С. 239–261; Арцыбашев Н.С. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. М., 1838. С. 29–49; Шляков Н.В. О "Поучении Владимира Мономаха" // ЖМНП. Ч. СССХХІХ (май). 1900. С. 120–132; Орлов А.С. Владимир Мономах. М., 1946. С. 12–46.

⁸ Известно, правда, что половецкие становища у русских носили имена обитавших в них ханов, но со смертью эпонима менялось и географическое название (Кудряшов К.В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948. С. 119).

⁹ Беляев И.Д. Хронология Нестора... С. 28–30, 35–37; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... С. 127–135; Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 247, 295 и др.

¹⁰ В Новгородо-Софийском церковном Уставе (вторая половина XVI в.) смутное поминание пожара 6605 г. относится ко второй пятнице Петрова поста (Прозоровский Д.И. Указ. соч. С. 117–118), что в 1097 г. приходилось на 12.06 и что, вроде бы,

опровергает сезонное показание НПЛ, но не противоречит сентябрьской принадлежности этой статьи. См. также 5.2.

¹¹ В Ком. смерть Никиты датирована 31.01, но потому что "генваря в $\tilde{A}$, а на весну..." прочитано переписчиком "генваря в $\tilde{AA}$, на весну...". В Ак. и Толст., как и в Син., стоит дата 30.01 /НПЛ, 203-18/.

¹² Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 391.

¹³ Смерть епископа Иоанна: НПЛ — 6619 г., Л. - 23.03.6620 г.; смерть князя Святополка и вокняжение в Киеве Владимира Мономаха: НПЛ — 6621 г., Л. - 16.04 и 20.04.6622 г. /НПЛ, 20, 202, 203; I, 289, 290/.

¹⁴ Граница 6615 и 6616 гг. проходит между 5.02 и 11.07; в 6617 г. последовательность дат: 10.07, 2.12; 6618 г.: весна, 11.02; 6621 г.: 25.05, 3.11, 11.01; 6622 г.: 19.03, 16.04, 20.04, 6.01 (затем, правда, 17.03 и 6.11); 6623 г.: 1.05 и 2.05, 8.08, 28.01; граница 6623 и 6624 гг. — Великий пост /I, 281-291/.

¹⁵ Граница 6615 и 6616 гг. между 15.02 (или 15.01) и 11.07; 6617 г.: 24.07, 2.12; 6618 г.: весна, 11.02, "исходяще же сему лѣту"; 6619 г.: 24.03, 7.10, 23.11; 6620 г.: 12.05, 29.06, 25 и 29.05, 3.11, "исходящу же сему лѣту" 12.01 и 9.02; 6621 г.: 19.03, 16.04 и 17.04, 14 и 11.09 /II, 258-282/.

¹⁶ Степанов Н.В. К вопросу о календаре... С. 12-13; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 30-31; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 24, 36-37, 41-45.

¹⁷ Беляев И.Д. Хронология Нестора... С. 37; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... С. 88.

¹⁸ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. XXVII, 328, 391, 402.

¹⁹ Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII век) // ИОРЯС ИАН. Т. XV. Кн. 3. 1910. С. 138-139.

²⁰ Он же. К вопросу о календаре... С. 10-12. Так же объяснял этот текст и А.Г. Кузьмин (Начальные этапы... С. 227, прим. 21).

²¹ Здесь и далее заключенный в кавычки курсив обозначает реконструкцию первоначального состава датирующих записей, которую не следует принимать за реконструкцию текстологическую.

²² Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. XLIII; он же. Обзорные русских летописных сводов XIV-XVI веков. М.; Л., 1938. С. 36, 86.

²³ Свенцицкий И.С. Лаврашевское Евангелие начала XIV века: Палеографическо-грамматическое описание // ИОРЯС ИАН. Т. XVIII. Кн. 1. 1913. С. 213. Оригинально датировано землетрясение в Синодальном списке Вл. ("мѣсяца февраля 3 день"), но это — очевидная описка (за цифру $\tilde{T}$ (3) была принята $\tilde{E}$ (5) с нечетко выписанными средним и нижним элементами), так как в Чертковском списке Вл. проставлена дата 5.02.6615 г. /XXX, 56-13/.

²⁴ Он открывается статьей 6617 г., затем следует: "В лѣто 6624. Повелѣл [надо "Павел", так во всех других летописях. — С.П.] посадник заложи Ладугу град-камен [о сентябрьской принадлежности этого известия см. 1.3]. В лѣто 6628. Преставися митрополитъ Руский Никифоръ [см. прим. 60]. В лѣто 6634. Преставися митрополит Никита марта 9

[в Л. это сообщение входит, как раз, в состав сентябрьского 6634 г.; см. 1.3]", вслед за чем идет хронологическая и тематическая перебивка (6633, 6655 и 6639 гг. посвящены Новгородскому Антониеву монастырю), свидетельствующая об окончании "блока" /XXX, 192/.

²⁵ Многослойность хронологических показаний статьи 6615 г. ПВЛ подтверждается и тем, что в Ерл. эта статья датирована 6614 г., хотя имеет сходство в содержании с Л., а 6615 г. здесь вообще нет /XXIII, 29/.

²⁶ Прямые аналогии такому способу датирования находятся в 6622 г. Л. ("в то же лѣто поставиша Данила епископомъ мѣсяца генваря въ 6 на Крещение Господне" /I, 289-290/), в 6656 г. Ип. ("ведена бысть из Новгорода в недѣлю по Водохрещамъ, мѣсяца генваря въ 9 день" /II, 341-342/), в 6705 г. НПЛ ("и приде на зиму Ярославъ по Крещении за недѣлю" /НПЛ, 43/) и др.

²⁷ Во Вл. отразилась еще одна поздняя трактовка этой даты ("в лѣто 6621, ... мѣсяца генваря 14 день" /XXX, 57/), что было неделей по Богоявлению в 6621 ультрамартовском году (03.1112 г. — 02.1113 г.). Кстати, в этой же статье Вл. встречается и оригинальная дата смерти Янки Всеволодовны (10.11 вместо 3.11 /XXX, 57-13/), но это — несомненная ошибка переписчика: $\tilde{T}$ (3) с нечетким титулом было принято за $\tilde{T}$ (10).

²⁸ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... С. 108-109; Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 345-346, 393, 402; Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы... С. 30, 39 и др. Вполне возможно, что дополнительное указание четверга было сделано под влиянием народного обычая начинать с четверга Масленичной недели так называемую широкую Масленицу ([Сиегирев И.М.] Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. II. М., 1858. С. 119-120; Калинин И.П. Церковнонародный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 167; Соколова В.К. Календарные праздники и обряды // ЭВС. М., 1987. С. 384).

²⁹ Лишь два последних известия (о Феоктисте и Прохоре) отличаются от предыдущих большей подробностью и эмоциональностью описания, что объясняется их несомненным киево-печерским происхождением (об этом см.: Шахматов А.А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС ИАН. Т. XIII. Кн. 1. 1908. С. 259; он же. Нестор летописец // Привіт Іванови Франкови в сороклітє його письменської праці (1874-1914): Літературно-науковий збірник. Львів, 1914. С. 41). О связи этого монастыря с постмартовской системой см. 5.1.

³⁰ В Ерм. явная описка — 23.05 /II, прил., 21/, возникшая потому, что нечеткое $\tilde{KE}$ (25) протографа было принято переписчиком за $\tilde{KG}$ (23).

³¹ Нарушение порядка в первых трех датах объясняется желанием летописца дать связанный рассказ о женитьбе Ярослава Святополчича на дочери Мстислава Владимировича: сватовство в Новгороде было 12.05, а прибытие невесты во Владимир-Волынский, где княжил жених, 29.06, после чего речь опять идет о майских событиях, но уже последующих за сватовством.

³² В Ник. это событие датировано 9.03.6616 г. /IX, 141/. А.А. Шахматов (Древнейшие редак-

ции "Повести временных лет" // ЖМНП. Ч. СССХІІІ (октябрь). 1897. С. 234; он же. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Ч. СССХХХІІ (ноябрь). 1900. С. 165–166, прим. 1) сначала считал эту дату более верной, но затем, обратив внимание на легендарно-фантастический контекст известий 6616 г. Ник., признал ее вымышленной (**Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 391). Д.С. Лихачев считал, что дата Ник., якобы, подтверждается показанием Тв. (6616 г., "весна"; Повесть временных лет. Ч. 2. С. 471). Скорее всего, здесь можно говорить о влиянии неопределенной и малодостоверной даты Тв. на вымысел составителей Ник.; известно, что одним из источников Ник. был летописный памятник, схожий с Тв. (**Клосс Б.М.** Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 134–148, 185; сам Б.М. Клосс, правда, возводил это известие Ник. к древнему ростовскому источнику). Впрочем, возможно, что "весной" было датировано иное, более раннее известие о постройке Киевской церкви св. Михаила, так как она появилась еще до 1093 г. и в 1109 г. была, по всей видимости, перестроена князем Святополком (см. об этом: **Щапов Я.Н.** Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 135).

³³ Известие о "великой воде" нельзя в данном случае определенно связывать с весенним половодьем и использовать его для уточнения правильной очередности событий в ПВЛ и НПЛ, так как подобные аномальные явления отмечались и в летне-осеннее время, например: "А вода бы больша третьяго лѣта на ту осень" /НПЛ, 213/.

³⁴ Оба этих праздника, приходящиеся на 1 и 2.07, в XI–XII вв. выделялись среди прочих в начале июля, так как входили не только в святцы /ОЕ, 281г; **Биларский, 132**/, но и в служебные минеи /Срезневский, 1863, 17/.

³⁵ **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 33; **Шахматов А.А.** Обзорение... С. 17; **Приселков М.Д.** Лаврентьевская летопись: История текста // Ученые записки Ленингр. ун-та. 1939. № 32: Серия историческая. Вып. 2. С. 92–93 и др.

³⁶ Впервые это было отмечено еще в середине XIX в.: **Беляев И.Д.** Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. // ВОИДР. Кн. 2. 1849. С. 3. Наиболее подробный анализ всех артефактов 6619 г. см.: **Кудряшов К.В.** Указ. соч. С. 112–116 (см. также прим. 119 к главе 4). Единственное, что не учитывалось предшественниками: эти же датирующие показания могли принадлежать не только мартовскому, но и сентябрьскому 6619 г.

³⁷ Отметим, что Р. и МАк., в отличие от Л., выпускают дату "в лѣто 6619" и дважды под 6618 г. говорят о походе /I, 289–1/.

³⁸ В издании Вск. в ПСРЛ этот год пропущен /VII, 21–"д"/; см. о нем: **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. Т. 2 // **Соловьев С.М.** Сочинения в 18-и книгах. Кн. I. М., 1988. С. 386, 680, прим. 145.

³⁹ Вероятно, мартовским было и сообщение 6617 г. ПВЛ о захвате Дмитрием Иворовичем донских половецких веж, так как во Вл. оно соединено с постмартовскими известиями в статье 6616 г. (в одном из списков поэтому оно дублируется в 6616 и 6617 гг.) /XXX, 56–38/, но трудно сказать, от-

носится или нет эта мартовская дата ко времени формирования текста ПВЛ в XI – начале XII в.

⁴⁰ **Мельников [Печерский] П.И.** Указ. соч. С. 56; **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 136; **Степанов Н.В.** К вопросу о календаре... С. 13; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 30–31; **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 105; **Березков Н.Г.** Указ. соч. С. 45 и др.

⁴¹ Вероятно, это и имел в виду Д.И. Прозоровский (Указ. соч. С. 138–139), называя 6621 г. Ип. сентябрьским.

⁴² **Шахматов А.А.** Разыскания ... С. 207–209, 669.

⁴³ Составитель Густ. понял этот текст так, что речь идет о солнечном затмении 19.03 и о последующем за ним лунном затмении /Густ., 289/, но в 1113 г. лунное затмение было 4.03 и, кроме того, оно было дневным, т.е. невидимым на Руси (**Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 205). Н.В. Степанов (Календарно-хронологические факторы... С. 30–31), а вслед за ним и И.Н. Данилевский (Нерешенные вопросы... С. 66) считали цифру "29" обозначением последнего дня лунного месяца, т.е. дня конъюнкции, когда только и возможно солнечное затмение; эта остроумная догадка, которая, вроде бы, находит подтверждение в хронологии русской средневековой письменности (см. 4.2), тем не менее, не объясняет дефектной формы написания цифры. Суздальские летописцы конца XII – начала XIII в. вообще проигнорировали это хронологическое дополнение и в 6622 г. (6621 г. ПВЛ + 1) указали только дату солнечного затмения /I, 289, 290/.

⁴⁴ Во втором томе ПСРЛ это чтение Хл. ошибочно не отмечено издателями /II, 274–56/; см. о нем: **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 395.

⁴⁵ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 205–206.

⁴⁶ **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 393. То, что цифра "9" в протографе Ип.-Хл. обозначала именно календарное число, косвенно доказывается Архивским VIII списком Густ.: "Того же мѣсяца [марта. – С.Ц.] 9" /Густ., 289–"а"/.

⁴⁷ Подобный случай отмечается и в 6632 г. Ип.-Пог. /II, 288/, где полное солнечное затмение 11.08.1124 г. описывается как частичное (**Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 106).

⁴⁸ **Алешковский А.Х.** Первая редакция... С. 22; он же. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 19–20; **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 73–74. Последний исследователь усмотрел здесь, правда, не одну, а сразу две вставки.

⁴⁹ Кстати, это противоречие было замечено в протографе составителем Хл., вследствие чего вторая дата была опущена из текста /II, 276–74/.

⁵⁰ 6.12 праздновалась память св. Николы, архиепископа Мир Ликийских, одного из самых популярных в XI–XII вв. на Руси святых /ОЕ, 2446–в; **Биларский, 120**; **Срезневский, 1863, 8**; **Торж., 10**/ (но в списке XII в. "Чудес Николы Чудотворца" и в списке Студийского Устава конца XII – начала XIII в. этот день отнесен к 3.12 /СДЯ, I, 96а; СДЯ, II, 453а/). Если считать это известие попавшим в протограф Ип.-

Хл. из 6623 сентябрьского года, то этот день (6.12.1114 г.) был воскресным, что являлось самым подходящим моментом для основания Никольской церкви. Многие летописи XVI в. передают, правда, рассказ о том, как в конце XI в. митрополит Ефрем ввел на Руси праздник перенесения мощей св. Николы из Мир в Бар (9.05), что являлось очевидным вымыслом, так как Ефрем был всего лишь переяславским епископом; впрочем, и эта дата не противоречит "сентябрьскому" построению заимствованных сведений, тем более, что 9.05.1115 г. также было воскресным днем.

⁵¹ Дата 16.03 была постмартовской, а 17.03 — мартовской интерпретацией святочной записи примерно такого вида: *"В лето 6622, во 2-й вторник по дню 40 мучеников севастиийских (9.03)"*. Аналог есть в НПЛ: *"Иде Мьстиславъ на Чюдъ с новгородъци и взя Медвѣжю Голову на 40 святых" /НПЛ, 20/*.

⁵² В контексте 6623 г. ПВЛ это известие, несомненно, является мартовским, поскольку оно затем используется для выделения границы 6624 сентябрьского года (см. об этом далее в тексте). Его первоначальное постмартовское происхождение доказывается, однако, тем, что в протографе СПЛ-НЧЛ, который заимствовал его из источника "лаврентьевского" образца с "ипатьевскими" дополнениями, оно датировано 6622 г. (**Лурье Я.С.** *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976. С. 94, прим. 86, 101).

⁵³ В отличие от сообщения Ип.-Хл., принадлежавшего, скорее всего, очевидцу погребальной церемонии, суздальские летописи сообщают о смерти Олега кратко и, очевидно, с чужих слов, причем, здесь опять же проявляется использование двух источников (см. 1.2). Забыв о том, что годы ПВЛ нужно увеличивать на единицу, составитель 1-го Владимирского свода внес показание ПВЛ в 6623 г., но при этом постмартовскую пасхально-юлианскую дату погребения Олега (*"месяца августа во 2-й день, в среду 11-й седмицы по Пятидесятнице"*) пересчитал в мартовскую (Р., МАк., Вск. и Вл. — 18.08, в Л. — явная описка 8.08); не вдаваясь в детали, он, кроме того, день погребения обозначил днем смерти князя. Затем, однако, в другом источнике в статье 6624 г. он нашел еще одно известие о смерти Олега (без дневной даты) и тоже внес его в свой свод.

⁵⁴ За этим разночтением скрывается примерно такая смешанная дата: *"В лето 6629, месяца января в 17-й день, во 2-ю среду по Богоявлению"*. Необычно совместились хронологические элементы в датировании этого события во Вл.: номер года здесь постмартовский (6629 г.), но календарное число — мартовское (18.01) **/XXX, 58/**.

⁵⁵ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 106, 182.

⁵⁶ При составлении таблицы использовались: 1) опорные даты, не вызывающие сомнений (№№ 1, 2, 14, 21, 24, 25, 28, 29); 2) последовательность изложения событий как в Ип.-Хл. (Пог.), так и в суздальских летописях (лишь событие № 2 есть только в Ип.-Хл., а № 11 — только в Л., но они включены в общий перечень, так как важны для установления относительной связи происшествий); 3) соображения об естественном ходе исторических событий; так, например, если Ярослав Святополчич бежал из Владимира-Волынского весной-летом

1118 г. (№ 12), то вокняжение в этом городе Романа Владимировича (№ 13) никак не могло быть раньше этого бегства, как о том повествуют Ип. и Хл. и т.д. Кстати, сведения таблицы показывают, что последовательность событий вернее отражается в суздальских списках, нежели в Ип.-Хл. (Пог.), что и неудивительно: их текст восходил к более "чистой" ипатьевской основе и отличался относительным единообразием хронологии. Не прав, поэтому, был Н.Г. Бережков (Указ. соч. С. 46–47), утверждавший, что Ип. здесь вернее передает ход событий.

⁵⁷ В суздальских летописях это событие отнесено к 6627 ультрамартовскому году и, кроме того, к 15.01; причину расхождения календарных дат см. 1.4.

⁵⁸ Интересно, что в 6622 г. Московского свода 1479 г. и Ерл. помещены те события, что в Ип.-Хл. разделены на 6622 и 6624 гг. (**Лурье Я.С.** Указ. соч. С. 153, прим. 85), что, видимо, подтверждает соединение 6622 г. ПВЛ с сентябрьским 6624 г.

⁵⁹ Исследователи, не признававшие сентябрьский стиль в русском летописании XI–XV вв., этот случай, вслед за М.П. Погодиным (Исследования, замечания и лекции... С. 109), весьма неубедительно объясняли желанием летописца не "дробить" описание полоцкого похода на две годичные статьи.

⁶⁰ В этом случае можно предполагать, что ошибка была двойной: кроме совмещения событий, разделенных годичным сроком, Ип.-Хл. еще и неверно определили год смерти митрополита. Это становится ясным из сопоставления с датой НВЛ (6628 г. **/XXX, 192/**), которая входит в группу древних сентябрьских записей (см. прим. 24); получается тогда, что Никифор умер в апреле 1120 г., а редактирование текста Ип.-Хл. привело к невольному созданию 6629 ультрамартовского года. Но почему тогда и в суздальских летописях проставлен такой же год? Не означает ли это того, что смерть произошла все же в 1121 г., а в НВЛ 6628 г. — постмартовский, что, кстати, может найти объяснение в истории развития времяисчисления Новгорода (см. 5.2)?

⁶¹ Необычно датировано это событие во Вл. Оно помещено в статье 6632 г. после смерти Василька и сопровождается такой датой: *"Того же мѣсяца августа"*; предыдущее известие действительно датировано 11.08, но очевидно, что это показание относится не к нему, а к пропущенному составителем Вл. известию о солнечном затмении (в Р.-МАк. — 11.08 и предшествует смерти Василька) **/I, 294–10; XXX, 58–"з"/**.

⁶² К таким же выводам относительно этих статей пришли Н.Г. Бережков (Указ. соч. С. 49, 155–156) и А.Г. Кузьмин (Начальные этапы... С. 71).

⁶³ **Рыбаков Б.А.** Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972. С. 22–24.

⁶⁴ К такого же рода ошибкам относится, видимо, и дата смерти Владимира Мономаха в Синодальном списке Вл. (9.05.6633 г.), хотя в другом списке и во всех остальных летописях указано 19.05 **/XXX, 58–30/**.

⁶⁵ **Шахматов А.А.** Предисловие к Начальному... С. 46; он же. *Нестор летописец*. С. 33–49; он же. *Повесть временных лет*. С. IV–V, VII–X, XXI–XXXIX; **Приселков М.Д.** История русского ле-

тописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 42–45; **Лихачев Д.С.** Русские летописи и их культурно-истори-

ческое значение. М.; Л., 1947. С. 176–180; **Алешковский М.Х.** Первая редакция... С. 15–27 и др.

Глава 2

¹ 6609 г., смерть Всеслава: Л.- 14.04, Ип.- 9.04, в Р.-МАк. без даты; 6612 г., смерть Вячеслава и поставление Никифора: Л.- 13.12 и 18.12, Ип.-Хл. - 13.2 и без даты, Р.-МАк. — известий нет /**I, 274, 280; II, 250, 256**/.

² Р.-МАк. выпускают два известия Ип.-Хл. (пострижение Евпраксии, солнечное затмение), второго нет и в Л. /**I, 281; II, 258**/.

³ **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 320, 390; **Степанов Н.В.** Календарно-хронологические факторы... С. 29. Переписчику Хл. календарные показания этого известия тоже показались ошибочными, и поэтому он их выпустил /**II, 250–36**/.

⁴ **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 136–137; Д.О. Святский вообще не рассматривал это летописное астрономическое известие, так как принял его за вымысел.

⁵ Этот день был отмечен в минеях и в святцах /**Срезневский, 1863, 11; ОЕ, 265**/.

⁶ В КПП была воспроизведена именно эта вторичная постмартовская дата /**ПЛДР XII, 498**/.

⁷ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 2. С. 215–216. Была известна, правда, еще и комета февраля 1105 г., однако срок пребывания на ночном небе кометы 1106 г., высчитанный М.Пенгрэ (7–25.03), больше соответствует летописному описанию: “Явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць” /**II, 257**/.

⁸ Там же. Кн. 1. С. 105.

⁹ **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 401, прим. 4.

¹⁰ Достоверность этого показания подтверждается тем, что дата 11.08 есть в Ерл. /**XXIII, 28**/ и Льв. /**XX, 102**/.

¹¹ Это заметили составители Ник., использовавшие в данном случае в качестве источника Ерл. и постаравшиеся исправить календарную несурязицу на свой манер: два последних известия 6610 г. в Ник. поменялись местами /**IX, 138**/.

Мнение А.Г. Кузьмина (Начальные этапы... С. 117–118; он же. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа: К вопросу о “Летописце старом Ростовском” // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 87–89) о том, что в ПВЛ (Ип.-Хл.) это и несколько других избыточных промонаховских известий попали относительно поздно из древнейшей Ростовской летописи (середина XII в.), уместно только тогда, если признать, что первоначально они были записаны именно в ростовском источнике. Поскольку же сами известия относятся к концу XI — началу XII в., более вероятна их первоначальная фиксация в “ультрамартовском” источнике переяславского происхождения (см. 5.5), который позже повлиял как на ПВЛ ипатьевского образца, так и на ростовский “Летописец”.

¹² В Ерм. эта ошибка была усугублена еще и тем, что цифру **Ѡ** (20) переписчик принял за **Ѣ** (2) /**II, прил., 20**/.

¹³ Ранее этот случай считался ошибкой летописца (**Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 34, 89; **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 402, прим. 1).

¹⁴ В последнем случае отмечается, правда, несовпадение географических указаний ПВМ и летописи, однако, можно предполагать, что заключению мира у Сакова предшествовало военное столкновение или переговоры русских и половцев на берегах Сулы.

¹⁵ Впервые на это обратил внимание Н.С. Арцыбашев (Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 57, прим. 342).

¹⁶ Противоречия очевидным фактам, М.Х. Алешковский (Первая редакция... С. 22; он же. Повесть временных лет. С. 19, 32–33) оба комплекса этой статьи считал мартовскими, ссылаясь при этом на то, что Д.О. Святский якобы подтвердил расчетами лунное затмение 5.02.1102 г.; однако у самого Д.О. Святского (Указ. соч. Кн. 1. С. 205) мы находим прямое опровержение такому доказательству и, кроме того, даже в этом случае дата 5.02.1102 г., помещенная в конце 6610 г. от С.М., должна быть признана ультрамартовской.

¹⁷ **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 242–244, 246, 247.

¹⁸ В Хл. и Пог.- 22.11 /**II, 257–6**/, что является очевидной ошибкой, так как этот день ни при каких условиях не мог быть воскресным.

¹⁹ Этот день в 6613 мартовском году не был воскресным, поэтому ясно, что первоначальная дата поставления Мины сохранилась в Ник. — 10.12 /**IX, 140**/.

По всей видимости, при переписке цифра **Ѣ** (10) с низко опущенным влево титлом была принята за **Ѣ** (13).

²⁰ Кстати, сентябрьские признаки в этом памятнике проявляются и в соседней статье: зимние известия 6612 г. (приход митрополита Никифора 6.12, смерть Вячеслава 13.12) отделены от предшествующих летних (брачные союзы русских княжон в июле-августе) и датированы, в отличие от других списков ПВЛ, 6613 г. /**XXX, 56**/ (см. также прим. 42).

²¹ **Татищев В.Н.** Указ. соч. Т. II. М.; Л., 1963. С. 124–125. Кстати, здесь тоже отмечается “сентябрьская” группировка событий 6612–6613 гг., близкая к их расположению во Вл. (см. прим. 20).

²² **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 2. С. 267–268.

²³ Ее объявляли и ошибкой (**Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 87–88), и опиской (**Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 320, 390), и даже результатом использования особой “древней александрийской Пасхалии” (**Горбачевский Н.И.** Указ. соч. С. VI).

²⁴ **Степанов Н.В.** К вопросу о календаре... С. 9.

²⁵ **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 249, 250, прим. 76.

²⁶ **Клосс Б.М.** Указ. соч. С. 143.

²⁷ **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 390.

²⁸ Совсем иная дата смоленской постройки (“в лѣто 6608, ...марта 7, на Средокрестье”) содержится в НЧЛ, Вл. и в так называемой Ростовской (Архивской III) летописи /IV, 138; VII, 17–“и”; XXX, 55/. По всей видимости, составитель праростовского источника свода 1448 г. перепутал две постройки богородичных храмов, сделанные Владимиром Мономахом: в Смоленске в мае 1109 г. (от этого события ростовский летописец взял антиохийский сентябрьский номер года, 6608) и в Переяславле-Русском на Средокрестье 28.02.1098 (6606) г. (отсюда была позаимствована пасхально-юлианская календарная дата); появлению такой ошибки способствовало то, что Смоленск в XI – начале XII в. входил в состав Переяславской епархии, чем и объясняется, кстати, именование Смоленской св. Богородицы в ПВЛ “епископской” церковью. Совмещение Средокрестья с днем 7.03 никак не возможно в 6608 г., тогда как в мартовском или сентябрьском 6606 г. Средокрестным можно назвать день 7.03 (вместо верного 28.02), если допустить, что здесь ростовский летописец совмещал два способа счета седмиц Великого поста (см. 4.5).

²⁹ Повесть временных лет. Ч. 2. С. 473–475.

³⁰ В Пог. явная описка: вместо 30-го (Ѡ) указано 1-е (Ѡ) число /II, 249–2/.

³¹ Дата “второго” съезда в Ник. 2.07 какому-либо объяснению не поддается. Может быть ее объяснит сведение В.Н. Татищева (Указ. соч. Т. II. С. 121) о том, что братья-князья съехались на съезд 30.06, а Давыд прибыл к месту сбора с опозданием 2.07; вероятно, в первоначальной записи было сказано о том, что Давыд приехал на четвертый день съезда, т.е. 13.08.1099 г., но от даты 30.06 это будет 2.07.

³² Соловьев С.М. История России... С. 380, 680, прим. 135.

³³ Составитель ипатьевской редакции объединил известия двух годов (6607 и 6608 гг.) и оба их обозначил 6607 номером. Редактирование было проведено небрежно, так как вслед за последней датой 6607 г. (12.06) была поставлена начальная дата 6608 г. (10.06); нарушение календарной последовательности заметил переписчик Хл., сначала скопировавший из протографа число 12.06, а затем его зачеркнувший /II, 248–55/.

³⁴ В Р.-МАК. этой даты нет, но зато другая имеет постмартовскую сокращенную форму: “Преставися Ростиславъ... мѣсяца октября 1” /I, 225–29, 30/.

³⁵ Текстологическую близость этих известий отмечали еще М.П. Погодин (Хронологический указатель... С. 79) и А.А. Шахматов (Предисловие к Начальному... С. 45), но разноречивой календарных датировок нам объяснить не удастся: Л. – 26.08.6601 г. и 28.7.6603 г.; Р.-МАК. – 26.08.6602 г. и без даты в 6603 г.; Ил.-Хл. – 16.08.6602 г. и 28.08.6603 г.; Вл. и Ник. – 26.08.6602 г. и 28.07.6603 г. /I, 226, 229–53; II, 217, 219; IX, 124–125; XXX, 51, 52/.

³⁶ Эту новацию первым отметил А.А. Шахматов (Обозрение... С. 94).

³⁷ Точность и первичность дат смерти и погребения Всеволода подтверждаются и записью о его погребении на столбе центрального нефа Киево-Софийского собора: “Въ Великий четвьрг <р>ака

положена бысть,... мѣсяца апрѣл<я> въ 14” /Высоцкий, 18/.

³⁸ В Хл. и Пог. номер индикта пропущен /II, 207–1/ и совсем не случайно. Составитель Хл. был не только переписчиком, но и внимательным читателем: заметив, что в этой части ПВЛ совмещаются мартовские (6601 г.) и ультрмартовские (6604 г.) обозначения индиктов, он, дабы не попасть впросак, решил вообще отказаться от их копирования.

³⁹ Лишь П.В. Хавский (О 1000-летию государства Российского. М., 1861. С. 39), вопреки очевидному, считал эту статью сентябрьской.

⁴⁰ В Л. нет 6602 номера года и первого его известия, поэтому все события оказываются продолжением 6601 г. /I, 226–“Ѡ”/. Механические пропуски лет характерны для этой части текста Л. /I, 164, 207–“ж”/.

⁴¹ В Эрмитажном списке (XVIII в.) Московского свода 1479 г. мир Святополка с половцами отнесен к 6609 г. (Лурье Я.С. Указ. соч. С. 153, прим. 85). Судя по тому, что в родственных списках такое показание не повторяется, мы можем считать его ошибкой переписчика, принявшего нечетко написанную в протографе последнюю цифру года Ѡ (2) за Ѡ (9). Ошибки такого рода, кстати, характерны для этого списка (Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 64–65).

⁴² Разграничение статей 6601 и 6602 гг. во Вл. проявляет древнейшую сентябрьскую основу этой части ПВЛ (см. о ней далее в тексте): все весенне-летние события отнесены здесь к 6601 г., а осеннее (смерть и погребение Ростислава) – к началу 6602 г., причем, оно выглядит тут первичнее и не содержит следов “постмартовского” редактирования (см. прим. 34): “Преставися Ростиславъ,... мѣсяца октября 1 день, а погребень бысть в 16 день” /XXX, 51/.

⁴³ Самое первое известие 6603 г. (нападение Лжедиогена с половцами на Фракию) не поддается точной хронологической интерпретации, так как, по сведениям Анны Комниной (Алексиада / Вступит. статья, перевод, комментарии Я.Н. Любарского. М., 1965. С. 266–272, 556, прим. 953, 653), это событие происходило в период 09.1094 г. – 08.1095 г.

⁴⁴ Беляев И.Д. Хронология Нестора... С. 34; он же. О хронологии П.В. Хавского. С. 155; Хавский П.В. О 1000-летию... С. 17, 20; он же. Хронология вообще... С. 45; он же. Ответ на шутку // СП. 1848. 12 февраля. № 34. С. 133; он же. [Из писем редактору. I] // ВСПГП. 1848. 1 марта. № 47; он же. Опыт исправления недостатков в русских летописях. М., 1862. С. V, прим. 2; Погодин М.П. Хронологический запрос П.В. Хавскому // Русская газета. 1859. 14 октября. № 41; он же. Хронологический указатель... С. 69–70; Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. X, 389, 401, прим. 2; Степанов Н.В. Таблицы для решения... С. 120; он же. К вопросу о календаре... С. 7; Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 228–229 и др.

⁴⁵ Во 2-й редакции “Истории российской” В.Н. Татищева (Указ. соч. Т. II. С. 102) гибель Итлара помечена Сыропустной неделей и 20.02. В этом случае можно было бы предполагать употребление 6603 византийско-болгарского года (09.1098 г. – 08.1099 г.), но, скорее всего, ис-

торик был введен в заблуждение Р., где дата 24.02 написана так: цифра **К** (20) помещена в строке, а **Д** (4) — над строкой под выносным знаком **/I, 228-53/**. Не случайно, в первой редакции у В.Н. Татищева (Указ. соч. Т. IV. М.; Л., 1965. С. 165) присутствовали обе даты — 20.02 и 24.02. В какой-то весьма древней редакции текста ПВЛ вынесение цифры **Д** (4) было, вероятно, одним из элементов графического оформления записей. Эта деталь полнее всего отразилась в протографе Вл. **/XXX, 11-“в”, 42-“а”, 45-“в”, 59-“б” и др./**, в том числе и в дате смерти Итляря **/XXX, 52-“б”/**. В Эрмитажном списке смерть Итляря ошибочно отнесена к 6611 г. (см. об этом прим. 41).

⁴⁶ Наш расчет опровергается, вроде бы, дальнейшими показаниями перечня НПЛ, где сказано о том, что после Давыда в Новгороде 20 лет княжил Мстислав **/НПЛ, 161, 470/**. Известно, что Мстислав покинул этот город 17.03.1117 г., или в 6625 мартовском году (табл. V-8), что заставляет относить изгнание Давыда с волховских берегов, самое раннее, к 1097 г. Учтем, однако, что перечень НПЛ, судя по его окончанию, составлялся в 60-70-е гг. XII в., когда в Новгороде господствовало уже мартовское счисление и, значит, расчет княжений велся по мартовской шкале лет; кроме того, новгородский компютист XII в. за последний год княжения Мстислава принял все же 6624 г., а не 6625 г., так как князь ушел из города в первые дни нового года. В этом случае изгнание Давыда будет приходиться на 6603 мартовский год, т.е., как мы и полагаем, на лето 1095 г. То, что расчет велся именно так, подтверждает известие Тв., где говорится, что Мстислав сидел в Новгороде 22 года (6625 - 6603 = 22) **/XV, 191/**. Упрощенный сравнительно-критический подход к содержанию перечней, не учитывающий того, что их показания “нивелировали” разнотипные времяисчислительные системы, приводит исследователей к тушковым ситуациям, когда невозможно состыковать различные части перечневых списков. См., например, по поводу княжений Давыда и Мстислава в Новгороде: **Янин В.Л.** Новгородские посадники. М., 1962. С. 50-52; **Алешковский М.Х.** Первая редакция... С. 31-32; **он же.** Повесть временных лет. С. 37-38, 115, прим. 7; **Кучкин В.А.** Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984. С. 66-67.

⁴⁷ **Арцыбашев Н.С.** Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 43, прим. 260, 45, прим. 275, 46, прим. 278; **Беляев И.Д.** Хронология Нестора... С. 25; **Ундольский В.М.** Исследование о значении Вруцелета... С. 60; **Погодин М.П.** Исследования, замечания и лекции... С. 83; **он же.** Хронологический указатель... С. 70-78, 80-81; **Ламбин Н.П.** Указ. соч. С. 155; **Шляков В.Н.** 850 лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // ЖМНП. Ч. IX. № 6. 1907. С. 386-387; **Шахматов А.А.** Предисловие к Начальному... С. 42, 45; **он же.** Повесть временных лет. С. XL, XLI, 289-290; **Степанов Н.В.** К вопросу о календаре... С. 8-9, 36; **он же.** Календарно-хронологические факторы... С. 60; **Бережков Н.Г.** Указ. соч. С. 16, 308, прим. 22; **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 163-164, 227-234; **он же.** Русские летописи... С. 75, 144 и др.

⁴⁸ В Л. — 30.05 **/I, 231-13/**, что, видимо, являлось дефектом переписки (в числе **ЛА** (31) была утеряна последняя цифра), так как в этом

известии “потеряно” и название города **/I, 231-“б”/**; эта же дата и в Ник. **/IX, 125/**, т.е. пропуск восходит, очевидно, к своду 1305 г.

⁴⁹ Исследователи, не признававшие ультрамартовский стиль, пробовали объяснить эту дату ошибкой летописца, который вместо июня записал, якобы, название месяца июля; в этом случае дата “в лето 6604, в 20 июня, в пяток” соответствовала бы мартовским счетным правилам. Сторонниками такой конъектуры были А.А. Шахматов, М.С. Грушевский, Н.Г. Бережков и др., но первым ее предложил еще Н.С. Арцыбашев (Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 43, прим. 260), принявший за основу показание Льв., которая так датировала половецкое нападение: “По 20 дни сего мѣсяца [т.е., все же, июля, так как предыдущее известие — смерть Тугорканя — датировано в ПВЛ 19.07, хотя во Льв. без даты и словами “сего же мѣсяца” связано с июньским окончанием осады Стародуба. — С.Ц.], въ пятокъ” **/XX, 97/**. Ясно, однако, что это показание в сравнении с записью ПВЛ вторично и ошибочно; даже если предполагать, что относительное показание “по 20 дни” было ориентировано не на дату смерти Тугорканя, а на дату его появления у Перемысла (31.05), то и тогда речь не может идти о “том же месяце”. Наверное, исправнее всего запись этой даты передает Вл.: “Того же мѣсяца июля 20 день”, хотя здесь и было сокращено предыдущее июльское известие **/XXX, 52/**.

⁵⁰ Нас не убеждает мнение А.В. Поппэ (К вопросу об ультрамартовском стиле в “Повести временных лет” // ИС. 1974. № 4. С. 175-178) о том, что заключительную дату статьи 6604 г. нужно переводить как “исходящую лету 6604, индикта 4, на полы <лету>” и, следовательно, отрицать использование в ней ультрамартовского стиля; тогда бы обычные индиктовые обозначения ПВЛ следовало бы понимать, как, например, “в лето 6601, индикта 1 <+> лето”. Кроме того, А.В. Поппэ совершенно игнорирует установленный еще М.П. Погодиным (Хронологический указатель... С. 70-81) факт совмещения в этой статье очевидно разновременных событий.

⁵¹ Это соединение произошло уже после 25.05.1113 г., так как в конце статьи 6605 г. говорится о смерти Давыда Игоревича **/I, 273; II, 248/** (см. 1.2), но еще до смерти главного героя повествования, Василька Ростиславича (08.1124 г. — 02.1125 г.; см. табл. V-30), так как в суздальских списках говорится: “И есть рана та Василкѣ и нынѣ” **/I, 261/**. Очевидно, вместе с тем, что это произошло еще до формирования первоначального ипатьевского текста, так как в Ип.-Хл. та же самая фраза о Васильке носит следы редактирования, проведенного уже после 1125 г.: “И бѣше знати рану ту на лици ему” **/II, 235/**. Таким образом, имеются все основания считать, что рассказ Василия включил в ПВЛ образца 1116 г. игумен Сильвестр.

⁵² У Нестора-агиографа, например, аналогичные слова имели вполне конкретную привязку к ночному времени (“нощи же суще, ... таче, ... отпѣти заутрню”, “и во едину ноць, спящую ей”, “и въ едину ноць, спящу ему”), тогда как в значении “однажды” употреблялось слово “день” (“прииде же въ единъ день”, “въ единъ же отъ дний”) **/ЖБГ, 10, 20-25/**.

⁵³ Об их различии см.: **Львов А.С.** Выражение понятия времени в "Повести временных лет" // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 34–35.

⁵⁴ Там также, как и в заключительных сюжетах 6605 г., кроме юлианских дат используются пасхальные датировки (6601, 6603 гг.), "протяженная" форма относительных датировок (6601, 6604 гг.), чередуются "наутрие" (6601, 6603 гг.) и "заутрие" (6603, 6604 гг.), слово "ночь" имеет свое привычное значение (6601, 6603 гг.) и пр.

⁵⁵ Этому не противоречит авторская приписка Сильвестра, где указаны 6624 номер года от С.М. (если признать его мартовским, то это ОЗ.1116 г. — ОЗ.1117 г.) и 9 индикт (ОЗ.1115 г. — ОЗ.1116 г.) /**I, 286/**.

⁵⁶ **Лурье Я.С.** Указ. соч. С. 153, прим. 83, 84, 154, прим. 87.

⁵⁷ С.А. Высоцкий считал, что этот мир был заключен 4.12, и полагался при этом на сведения надписи в южной внутренней галерее Киево-Софийского собора: "Мѣсяца декабря въ 4-е сътвориша миръ на Желани Святопылк, Володимиръ и Ольгъ" /**Высоцкий, 25, 32–34/**, однако, Желань находилась на противоположном от Городца берегу Днепра и к юго-западу от Киева, а в летописи вполне определенно говорилось о том, что от Городца Владимир Мономах и Святославичи намеревались идти "чрьсѣ ДиѢпръ на Святополка", т.е. сразу к Киеву /**I, 263–264; II, 237–238/**.

⁵⁸ **Татищев В.Н.** Указ. соч. Т. II. С. 81–82, 245, прим. 261 (он, все же, предпочел дату 20.02); **Карамзин Н.М.** Указ. соч. Т. II. С. 211–212, прим. 50; **Krug Ph.** Fragmente einer... S. 721; **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 385–386, 401, прим. 1 и др.

⁵⁹ **Куник А.А.** Заметка о годах смерти... С. 160–161; он же. Известны ли нам год и день...; **Шляков Н.В.** 850 лет... С. 362–400; он же. О "Поучении"... С. 112, прим. 23.

⁶⁰ **Степанов Н.В.** Таблицы для решения... С. 97–98, 113–117; **Рыбаков Б.А.** Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. 1959. № 4. С. 245–249; **Кузьмин А.Г.** Русские летописи... С. 63, 76; он же. Начальные этапы... С. 274–275. Сам Н.В. Степанов (Единицы счета времени... С. 22–23, 54), правда, позже стал считать 6562 г. ПВЛ сѣгса-мартовским (см. 4.3), что опровергается последовательным применением сентябрьского стиля в 6562–6575 гг. (см. ниже). Известно еще и мнение Н.П. Ламбина (Указ. соч. С. 119) об ультра-мартовской принадлежности этой даты.

⁶¹ См. об этом: **Куник А.А.** Известны ли нам год и день... С. 10; **Степанов Н.В.** Таблицы для решения... С. 116–117, прим. 1. Вполне возможно, что польский автор даже не сам вычислил дату 7.11 (день мученика Феодора Мелетинского, перепутанного с Феодором Тироном), а это сделал до него автор того источника, который отразился не только в сочинении Длугоша, но и в Синодальном списке № 239 (XVII в.), где смерть Ярослава датирована 7.11.6563 г. (**Шахматов А.А.** Разыскания... С. 671).

⁶² Наиболее полный перечень различных датировок этого события в поздних летописных памятниках см.: **Арцыбашев Н.С.** Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 22–23, прим. 120; **Куник А.А.** Известны ли нам год и день... С. 8–10, 15.

⁶³ Первым такое объяснение сделал В.Н. Татищев (Указ. соч. Т. II. С. 81–82, 245, прим. 261). Эта версия датировки полнее всего отразилась в надписи-граффити в Киевском Софийском соборе: "Въ лѣто 6562, мѣсяца фѢввари 20, усьпвние царя нашего въ въскрьсени<е> в... Феодора" (/**Высоцкий, 39–41/**, а также: **Рыбаков Б.А.** Запись о смерти... С. 245). Первичность пасхальной записи о смерти Ярослава признавали А.А. Куник (Известны ли нам год и день... С. 1–8, 26–27), А.А. Шахматов (Обозрение... С. 58) и Н.В. Степанов (Календарно-хронологические факторы... С. 28–29).

⁶⁴ В Л., Ил. и Хл. — 3.ОЗ /**I, 166–46; II, 156/**, что, вероятно, было ошибкой переписчика, принявшего цифру 1̇ (10) с низко опущенным вправо титлом за 1̇ (3) либо проявлением особого счета предпасхальных седмиц (см. 4.5). Возможно, однако, и то, что даты отражали два последовательных события, как это и описано В.Н. Татищевым (Указ. соч. Т. II. С. 84; Т. IV. С. 154): 3.ОЗ Ярославичи повстречали дружину Всеслава на Немизе, а битва произошла неделю спустя, хотя, допустимо и то, что В.Н. Татищев таким рассказом постарался согласовать хронологический разнобой своих источников.

⁶⁵ Н.В. Степанов (К вопросу о календаре... С. 33–34; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 60) усматривал здесь сѣгса-мартовское новогodie, но тогда битва и предшествующие ей события должны бы были относиться к 6574 г., а все остальные известия статьи к 6575 г.

⁶⁶ Первым на сентябрьские признаки этой статьи указал П.В. Хавский (Исследования исследования // СП. 1851. 10 марта. № 55. С. 220).

⁶⁷ Это было отмечено А.А. Шахматовым (Разыскания... С. 169–170, 453–454).

⁶⁸ Следы такого редактирования подробно были описаны М.Н. Тихомировым (Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв. // **Тихомиров М.Н.** Древняя Русь. М., 1975. С. 104) и А.Г. Кузьминым (Начальные этапы... С. 168, 190–191).

⁶⁹ **Татищев В.Н.** Указ. соч. Т. II. С. 85; Т. IV. С. 153, 154.

⁷⁰ В 6572 г. суздальских списков отсутствуют несколько известий о борьбе за тмутараканское княжение, что создает видимость большей исправности Ил.-Хл. /**I, 163/**, но это было следствием механического пробела в древнем протографе Л., Р. и МАк. Вторичность 6573 номера года подтверждается текстологическими наблюдениями. Например, в известии Ил.-Хл. о Всеславе отмечается несуразность: "В то же лѣто Всеславъ сѢде [?] рать почал" /**II, 153/** (в суздальских списках: "В се же лѣто Всеслав рать почал" /**I, 164/**), а в 6576 г. в противоречии с ходом описываемых событий говорится не о бегстве русских, а о бегстве половцев /**II, 156/** (в Л., Р. и МАк. верно: "И побѣгоша русьскыи князи" /**I, 167/**). Вл. также помещает весь сюжет о тмутараканской усобице в 6572 сентябрьский год, а потом пробует согласовать две хронологические версии: захват Новгорода Всеславом и Немизскую битву он относит к 6575 г., но тем же годом датирует и восстание в Киеве (в Синодальном списке этот номер года повторяется дважды, а в Чертковском события двух статей соединены словами "того же лѣта"), после чего, желая вернуться к первой линии датировки,

допускает очевидную натяжку: 6575 г. — вокняжение Всеслава в Киеве; 6576 г. — “Всеслав сѣде в Киевѣ 7 мѣсяць”; 6577 г. — возвращение в Киев Изяслава /**XXX, 47–18, 48**/. В Академическом XV (Никоновском) списке Ник. смерть Ростислава отнесена, кстати, не к 6574 г., а к 6573 г., как и в Р.-МАк. /**IX, 93–“л”**/. Вероятно, это механическое увеличение лет в каком-то варианте ПВЛ продолжалось и после 6577 г. Так, Тип. содержала датировки на одно обозначение больше годов родственной ей Холм.: изгнание Святополка Всеславом из Полоцка — 6579 и 6578 гг., распря Ярославичей — 6581 и 6580 гг. /**XXXIII, 36–26, 27**/.

⁷¹ Посольство с просьбой о посредничестве киевляне направили “къ Святославу и къ Всеволоду”, затем описываются переговоры, которые они вели с одним только Святославом, но после их окончания гонцов к Изяславу направил почему-то не только черниговский князь, но и его младший брат /**I, 173–174; II, 162–163**/.

⁷² Святский Д.О. Указ. соч. Кн. 1. С. 104.

⁷³ Там же. Кн. 2. С. 204.

⁷⁴ Категорически нельзя согласиться с мнением М.Х. Алешковского (Первая редакция... С. 30–31; он же. Повесть временных лет. С. 39–40), который, используя весьма сомнительную догадку А.А. Шахматова (Разыскания... С. 457; он же. Повесть временных лет. С. 231) о связи прорицания волхва (6579 г.) с киевскими событиями 6575–6576 (6576–6577) гг., пробовал представить хронологию этой части ПВЛ как результат произвольных расчетов летописцев, побуждаемых на то своими политическими пристрастиями. О невозможности использования относительных показаний 6579 г. для построения абсолютной хронологической шкалы уже неоднократно писалось (Соловьёв С.М. История России... С. 670–671, прим. 29; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 62–63). К этому только следует добавить, что изложение зловещего прорицания в статье 6579 г. и не предполагало какой-либо возможности его реализации; летописец сначала заметил, что волхву поверили лишь “невѣгласи”, “вѣрнии же смеяхуться”, а затем с удовлетворением констатировал исчезновение прорицателя “въ едину... ночь” /**I, 175; II, 164**/. Другие исследователи народные волнения в Ростовской земле и в Новгороде (6579 г. ПВЛ) пробовали датировать 1076 и 1078 гг., абсолютизируя при этом дендрохронологические показания (Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI века в “Повести временных лет” // ИС. 1979. № 2. С. 145–149; Фроянов Я.И. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 173–178), которые, однако, нельзя использовать для столь конкретной датировки.

⁷⁵ В суздальских списках — 2.05.6580 г. /**I, 182**/, что, конечно, могло быть следствием ошибки: К (20) было принято переписчиком за В (2), хотя более вероятным кажется объяснение А.А. Шахматова (Разыскания... С. 60–61, прим. 1), увидевшего здесь влияние на владими́ро-суздальских летописцев конца XII — начала XIII в. даты другого переноса этих же мощей (2.05.1115 г.; см. табл. V–1). Первичность ипатьевской даты подтверждается и ее присутствием в ЧБГ и СБГ /**ЖБГ, 22, 56**/. Сам А.А. Шахматов, правда, позже пересмотрел

свое мнение и непонятно почему датировку Ип.-Хл. стал считать ошибочной (Шахматов А.А. Обзорение... С. 99).

⁷⁶ Календарная дата смерти Феодосия присутствует в МЕ и в ряде служебных памятников XII–XIII вв. /**Биларский, 137**/. В этой же статье ПВЛ проявляются, кстати, и сопутствующие древнему ультрамартовскому слою признаки: превознесение роли Святослава, совмещение разновременных событий, использование специфических относительных датировок (“в си же времена”, “до сего дни”, “за 2 лѣтъ”, “на 3-ее лѣто”, “за 3 лѣта” /**I, 187–198; II, 177–189**/.). А.Г. Кузьмин (Начальные этапы... С. 234–235) также считал ультрамартовские артефакты 6582 г. относительно поздними, но, вслед за большинством исследователей, первичную летописную основу принимал за мартовскую, хотя еще П.В. Хавский (Замечания на статью о летосчислении П.Ф. Воробьева // СП. 1846. 19 сентября. № 210. С. 857; он же. Хронология вообще... С. 44; он же. О 1000-лети... С. 38–39), пусть и не совсем доказательно, утверждал возможность ее сентябрьской принадлежности. А.В. Поплаз (К вопросу... С. 178) критиковал вывод А.Г. Кузьмина, но при этом не допускал возможности совмещения здесь элементов двух систем учета времени.

⁷⁷ Этот день всегда занимал важное место в церковном календаре, так как был окончанием Петрова поста.

⁷⁸ Несколько иначе выглядит это известие в “Истории российской”: церковь была “свершена на четвертое лето нуля 11, по сем подписана чрез три лета” (Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 90), что в целом подтверждает наши выводы, так как роспись св. Богородицы в этом случае падает на 6589 или 6590 византийско-болгарские годы (т.е. на 1084–1085 гг.), и как раз к этим годам относит это событие и КПП (Кузьмин А.Г. Летописные источники посланий... С. 78).

⁷⁹ Юлианская дата — из новгородских летописей, где смерть Глеба датирована, как ясно из сравнения с ПВЛ, 6587 ультрамартовским годом /**НПЛ, 18, 201; IV, 134; V, 147**/. К такому же выводу на основании совсем иных соображений пришел и А.Г. Кузьмин (Начальные этапы... С. 236–237). Не прав был Н.С. Арцыбашев (Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 31, прим. 181), считавший, что Глеб удался в Заволочье еще за год до прихода в Новгород Святополка.

⁸⁰ Например, в 6586 г. при описании осады Чернигова Изяславом, Всеволодом и их сыновьями Ип.-Хл. допускают смысловое искажение: “Оле́г же и Бори́сь бяше́та в Черниговѣ” /**II, 192**/, хотя совершенно понятно, что их там в тот момент не было, и поэтому вернее выглядит чтение Р.-МАк.: “Оле́г же и Бори́сь не бя́ста” /**I, 201–“а”**/. Правда, Л. тоже повторяет тут ипатьевскую версию, но это было очевидной ошибкой Лаврентия, поскольку, например, в московской редакции свода 1305 г. говорится об отсутствии Олега и Бориса /**Тр., 161–1; XXX, 49**/.

⁸¹ Об этом см.: Лурье Я.С. Указ. соч. С. 85.

⁸² В списке Мациевича Уст. это событие датировано 6590 г., что является ошибкой, так как в этой части списка отмечается перебивка хронологических показаний /**XXXVII, 28, 67**/.

⁸³ Л.Н. Гумилев (Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 309) ошибочно считал греческий плен Олега длившимся четыре года, но, тем не менее, подтвердил дату его возвращения в Тмутаракань (1083 г.).

⁸⁴ Именно поэтому рассказ о смерти Ярополка оказался в Ип.-Хл. перемещенным в 6595 г. Такая же дата отразилась в СПЛ /V, 148/ и в зависимых от нее сводах. Необычная дата этого события отмечается в списке Царского СПЛ и в Русском Хронографе (6600 г.), что объясняется ошибочным расчетом (Шахматов А.А. Общерусские летописные своды... // ЖМНП. Ч. СССXXXI (сентябрь). 1900. С. 138; он же. Обозрение... С. 144).

⁸⁵ В древнерусских святцах 21.11 — праздник «Вънесения святой Богородицы въ святая святых» /Срезневский, 1863, 7; ОЕ, 2486/.

⁸⁶ Вл., который сохранил, с одной стороны, первоначальную мартовскую версию (здесь события 6597 г. не разделены на две статьи), через свой новгородский источник отразил все же сбивчивость свода 1448 г.: приход Янки (она ошибочно именуется «Яном») и Иоанна-скопца («митрополит Иона»), а также сообщение о смерти иерарха через год помещены в статью 6597 г., но сама эта смерть описана не в 6598 г., а в 6599 г. /XXX, 50/.

⁸⁷ В списке Царского СПЛ и в Русском Хронографе освящение церкви отнесено к 6607 г. (Шахматов А.А. Общерусские летописные своды... Ч. СССXXXI. С. 139; он же. Разыскания... С. 256–257); вероятно, эта необычная дата относится к той же группе, что и указанные выше датировки (см. прим. 41, 45 и 84), а так же и даты Уст.: 6601 г. — убийство Ярополка Изяславича (в ПВЛ 6594 г.), 6611 г. — смерть Всеволода (6601 г.), 6612 г. — «чудо» в Полоцке (6600 г.) /XXXVII, 28, 67/. Непонятны также и даты этой части текста Ник.: с

6598 г. Ник., вроде бы, начинает повторять поздние ультрамартовские вставки (приход Янки с Иоанном-скопцом — 6598 г.), но затем уже почему-то превышает показания ПВЛ на два года (деятельность Ефрема в Переяславле — 6599 г., перенесение Феодосия — 6601 г., чудеса в Полоцке — 6602 г. /IX, 116–118/), при этом сохраняя первоначальные хронологические элементы, например, 14 индикт в дате перезахоронения печерского игумена, который никак не увязывается с 6601 г.

⁸⁸ В Хл., как это уже не раз отмечалось (см. прим. 38), обозначение индикта пропущено /II, 203–9/. В Р.-МАк. дата приведена в искаженной форме: «В су(6) [?] 14 в четверг, ... индикта 14 л'бто» /I, 211–“и”/.

⁸⁹ Беляев И.Д. Хронология Нестора... С. 34; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... Т. I: Вступление. М., 1846. С. 488, прим. 53; Степанов Н.В. К вопросу о календаре... С. 7; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 29; Шляков Н.В. 850 лет... С. 377; Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 78.

⁹⁰ Хавский П.В. Хронология вообще... С. 44. А.Г. Кузьмин (Начальные этапы... С. 242) также считал, что здесь совмещены все три календарных стили, но не конкретизировал свой вывод.

⁹¹ Святский Д.О. Указ. соч. Кн. 1. С. 104.

⁹² Там же. С. 104; Кн. 2. С. 249; Погодин М.П. Хронологический указатель... С. 65.

⁹³ Шахматов А.А. Разыскания... С. 420–460; Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 82–93.

⁹⁴ Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 87–110.

⁹⁵ Он же. Индикты Начальной летописи. С. 311–313; Алешковский М.Х. Первая редакция... С. 38–39; он же. Повесть временных лет. С. 49–50.

Глава 3

¹ Установление этих дат всегда приписывалось академику И.-Ф. Кругу (Kritischer Versuch... S. 1–3), хотя еще задолго до него к этому открытию пришел Димитрий Ростовский (Диарий св. Димитрия. С. 4). Далее в этой главе все даты византийской истории приводятся по версии И.-Ф. Круга.

² Krug Ph. Beweis, das der Anfang... S. 129–141; Погодин М.П. Когда русскому государству исполнится тысяча лет? С. 56–57, 59; Kunik E.E. Probe einer neuen Ausgabe... № 24. Col. 379–384; Куник А.А. Замечания. С. 66–72; Хавский П.В. Успехи в русской истории // СП. 1852. 8 июня. № 151. С. 601; Срезневский И.И. Исследования о летописях новгородских // Известия ИАН по ОРЯС. Т. II. 1853. С. 73, 75; Bonnell E. Op. cit. S. 6–9; Шахматов А.А. Исходная точка летосчисления... С. 217–222; Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 258–263 и др.

³ Kruse F. Chronicon Noptmannorum, Wariagorum Russorum nec non Danorum, Norvegorum inde ab a. 777 usque ad a. 879. Dorpat, 1851. P. 217–218; Геденов С.А. Варяги и Русь: Историческое исследование. Ч. 1: Варяги. СПб., 1876. С. 560 (в этих исследованиях поход относился, правда, не к 860 г.); Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 162–169;

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в.. М., 1980. С. 48–49 и др.

⁴ Это впервые отметил еще А.А. Куник (Kritische Bemerkungen... 1-ster Beitrag. Col. 196, note 29, 224; он же. Замечания. С. 72–73).

⁵ Текст самого перевода ЛВ (без русского продолжения) в Новгородской Кормчей не является первичным (Пиотровская Е.К. К изучению Летописца вскоре константинопольского патриарха Никифора // ТОДРЛ. Т. XXIX. М.; Л., 1974. С. 170–174), но в интересующем нас фрагменте он повторяет первую нераспространенную редакцию ЛВ, самую близкую к греческому оригиналу.

⁶ Эта дата определяется тем, что последними князьями в перечне названы: по владимирской линии — Дмитрий Александрович, который только «нача в'бдати великое княжение» (в летописях это относится к 6786 г.), а по ростовской — Глеб Васильевич, прокняживший семь месяцев и умерший в том же 6786 г. /ЛВ, 319–320/. Примечательно, что и в Л. около этого года отмечается перебивка ростовских известий тверскими.

⁷ Сильвестровские черты в русской части ЛВ прослеживаются в виде специфичных лаврентьевско-радзивиловских деталей: так, по Л., Р., МАк. и

ЛВ, Ольга крестилась при императоре Иоанне, тогда как в Ил.-Хл. — при Константине /**I, 60; II, 49; ЛВ, 317**/ и т.д. С другой стороны, в ЛВ уже отмечаются следы ипатьевского редактирования в виде постмартовских артефактов, чем и отличалась редакция ПВЛ 1122–1123 гг. от редакции 1116 г.: так, начало княжения Всеволода в Киеве ориентировано на 6586 г. (“Ярославъ сѣде в Киеве лѣтъ 38 [т.е. в 6524–6562 гг. — С.Ц.],... Изяславъ, сынъ его, лѣтъ 24 [6562–6586 гг.],... Всеволодъ, сынъ его, сѣдѣ въ Киевѣ лѣтъ 15 [6586–6601 гг.]” /**ЛВ, 317**/), который был постмартовским (см. 2.3).

⁸ Это упущение восходит, очевидно, к греческому протооригиналу малых византийских хроник (X в.), так как оно есть, например, и в “Летописце вкратце от Адама” /**Изб. 1073, 266а**/; см. также: **Пиотровская Е.К.** Летописец вскоре константинопольского патриарха Никифора и Изборник Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 317–331.

⁹ Так, в МАк. указаны 430 лет от Авраама до исхода из Египта, пропущенные в Л., там же вернее, с точки зрения христианской хронологии, поставлено время от смерти Александра Македонского до Р.Х. (333 вместо 313 в Л.), есть число лет от Р.Х. до Константина Великого (318 лет) и пр. /**I, 17–36, 43, “з”, “ц”**/. В Р. текст хронологических расчетов вообще отсутствует /**I, 17–“б”; XXXVIII, 15**/.

¹⁰ **Погодин М.П.** Нестор: Историко-критические рассуждения о начале русских летописей. М., 1839. С. 93, 164; **Срезневский И.И.** Памятники X-го века до Владимира Святого // Исторические чтения о русском языке и словесности на заседаниях II-го Отделения ИАН 1854 и 1855 гг. СПб., 1855. С. 18–20; **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 7–8, 11–16; **Бестужев-Рюмин К.Н.** О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 35–37 и др.

¹¹ Наиболее близкий к нашему анализ перечня см.: **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 258–263, 275–280; он же. Русские летописи... С. 88–89.

¹² Это известие, правда, не сохранилось в дошедших до нас списках ипатьевской редакции ПВЛ, но оно было зафиксировано в своде 1448 г. (НЧЛ и СПЛ), испытывавшем “ипатьевское” влияние (**Шахматов А.А.** Предисловие к Начальному... С. 46; он же. Разыскания... С. 207–208, 669; он же. Повесть временных лет. С. IX–X, 396–397).

¹³ Это подтверждается и ЛВ (т.е. сокращенным текстом второй силвестровской редакции ПВЛ), где сказано, что после крещения Ольги (6463 г.) “Святославъ княжи лѣтъ 18” /**ЛВ, 317**/, т.е. в 6463–6480 гг.

¹⁴ Л. и МАк. искаженно обозначили количество лет “от первого лѣта Игорева до первого лѣта Святослава” — 13 и 83 /**I, 17–46**/, тогда как во всех остальных списках приведена безусловно верная цифра “лѣтъ 33”. Д.Н. Дубенский (Указ. соч. С. 8–11) считал цифру 13 более верной с исторической точки зрения, но мы должны признать, что она противоречит контексту древнейшего хронологического слоя перечня. Неубедительной представляется по этой причине и попытка А.А. Шахматова (Хронология... С. 469–470, 476) представить цифру 83 как количество лет от смерти Святослава до смерти Ярослава по счету, родственному начальной годичной шкале Ком.

¹⁵ На этот год указывает и вводная часть Вл.: “В лѣто 5500 родися Господь нашъ Иисусъ Христосъ... А от 7 сбора до начала Михайлов<а> царства лѣтъ 61 [7-й собор датирован 6296 г., т.е. 6296 г. + 61 = 6357 г. — С.Ц.]” /**XXX, 10–12**/ (см. также: **Муравьева Л.Л.** О “Повести временных лет” Владимирского летописца // СР. М., 1968. С. 334). В перечне Тв. совместились сразу несколько линий расчетов: воцарение Михаила отнесено к 6360 г. (поздняя и ошибочная антиохийская версия), от Р.Х. до Михаила высчитано 856 лет (ранняя и верная антиохийская версия), а от С.М. до Р.Х. определен интервал в 5505 лет (византийско-болгарская версия) /**XV, 2–3, 11, 28–29**/ (см. также прим. 20).

¹⁶ Самая близкая нашим историко-хронологическим выводам реконструкция этого источника была предложена М.Н. Тихомировым (Начало русской историографии // **Тихомиров М.Н.** Русское летописание. М., 1979. С. 57–66), поэтому вслед за ним мы будем именовать его далее “Сказанием о русских князьях”.

¹⁷ См. о нем: [**Горский А.В., Невоструев К.И.**] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания св. отцов. Ч. 1: Толкования Священного писания. М., 1857. С. 421–422; **Срезневский И.И.** Древние изображения св. князей Бориса и Глеба // Христианские древности и археология. Кн. 9. 1863. С. 50–52; **Златарский В.Н.** Болгарское летоисчисление // ИОРЯС ИАН. Т. XVII. Кн. 2. 1912. С. 50. Применение византийско-болгарской эры в этой части ПВЛ опровергает сомнения П.О. Карышковского (О мнимом болгарском источнике древнейших русских летописных сводов // Труды Одесского университета. 1954. Т. 144: Серия историческ. наук. Вып. 4. С. 175–182) и Э.Г. Зыкова (Известия о Болгарии в “Повести временных лет” и их источник // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969. С. 48–53) в существовании древнего болгарского источника и византийско-болгарского слоя ПВЛ, возражения против существования лунного счета у древних болгар (**Карасик А.** Древнейшая Болгарская летопись // ВИ. 1950. № 5. С. 114–118), а также мнение А.Г. Кузьмина (Начальные этапы... С. 288–289) о позднем (20-е гг. XII в.) включении болгарских материалов в русское летописание.

¹⁸ **Златарский В.Н.** Указ. соч. С. 52–56; он же. Имали ли ся българите свое летоброение? // Списание на Българската Академия на Науките. Кн. I: Клонъ историко-филолог. и философско-обществ. 1. София, 1911. С. 59–73.

¹⁹ **Шахматов А.А.** Хронология... С. 469.

²⁰ Так, погодный текст Р. начинается как раз с 6367 г. /**I, 19; XXXVIII, 15–16, “х”, “ц”**/, а в Тр. после рассказа об уплате дани полянами следовал такой текст: “Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изгнаша Варяги за море...” /**Тр., 57**/, т.е. 6367 г. опять же являлся пограничным. Всегда считалось, что здесь оканчивался какой-то технический пробел (утеря листа) в протографе этих списков, но почему же тогда он не отразился в прочих списках ПВЛ и почему текст Р. и Тр. аккуратно открывается самым началом статей, а не с середины фразы или слова, как это и бывает при механических пропусках? Тв., хотя и учел поздние варианты датировки начала Русской земли (6360 и

6362 гг.), тем не менее, рассказ о дани хазарам ставит в 6367 г. и тут же помечает: "Въ царство же Михаила царя начаса прозвати Русская земля, при немъ ходиша Русь на Царьгородъ" /**XV, 28–29**/. Вл., заимствуя дату начала Русской земли из источника типа свода 1448 г. (6362 г.), помещает сюда все не датированные точно события русской истории, а непосредственно погодное повествование начинается с 6367 г. /**XXX, 12–14**/. Ту же границу мы находим и в Уст., передававшей соединение какого-то оригинального и древнего варианта годичной разбивки "Сказания..." с хронологией ПВЛ: все события из вводной части ПВЛ сведены здесь в 6360 г. вместе с известием о начале правления Михаила, а основное повествование начинается с 6367 и 6370 гг. /**XXXVII, 17, 56**/. П. тоже, вроде бы, "начало Рустей земли" ведет от воцарения Михаила в 6360 г., но затем, оставя без продолжения заголовок "О крещении болгар", замечает: "Мы же на преднее возвратимся и скажем, что ся удеа в та лета", после чего здесь сразу же идет 6367 г. и варяжский сюжет /**XXXIV, 34–35**/. Выходит, что прав был А.А. Шахматов (Хронология... С. 478), предполагавший, что в каком-то источнике Тв. воцарение Михаила III относилось к 6367 г.; исследователь только не догадывался о том, что это была древнейшая редакция ПВЛ.

²¹ Искусственность разрыва 6367 и 6370 гг. ПВЛ была подмечена уже давно (**Kunik E.E.** Kritische Bemerkungen... 1-ster Beitrag. Col. 210, note 39; **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 336 и др.).

²² Наши выводы идут вразрез устоявшемуся мнению многих русских и советских ученых о том, что варяжский сюжет был относительно поздним включением в текст ПВЛ. Несмотря на обилие всевозможных дополнительных соображений и непомерный патристический пафос, с точки зрения текстологии это мнение может быть оценено как весьма спорное, и уж совсем невозможно отыскать для него какие-либо историко-хронологические основания. В самом деле, почему в XII в., когда погодная сетка ПВЛ носила почти современный вид, сюжет о призвании Рюрика был отнесен "проваряжским" редактором именно к 6367 и 6370 гг.? Вероятнее всего, варяжское сказание возникло еще в "долетописный" период и входило в единый цикл со сказаниями об Олеге, Игоре и Святославе, но только в XI в., когда стало создаваться летописное сочинение с названием ПВЛ, все эти сказания получили абсолютные годичные даты. Понятна и причина, по которой автор ПВЛ не включил Рюрика в хронологический перечень: варяжский сюжет отвечал на первый из вопросов, вынесенных им в заглавие ("откуда есть пошла Руская земля?"), а перечень княжений — на другой ("кто въ Киевѣ нача первѣѣ княжити?"), поэтому летописец и открыл его Олегом как первым киевским князем из рода Рюрика ("а от первого лѣта Михайлова [т.е. и от первого лета Рюрика. — С.П.] до первого лѣта Олгова, ... понелиже сѣде в Киевѣ", "умершу Рюрикови, предасть княжение свое Олгови, от рода ему суща" /**I, 17, 22; II, 13, 16**/).

²³ **Николаев В.Д.** Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // ВВ. Т. 42. М., 1981. С. 147–153; **Гумилев Л.Н.** Указ. соч. С. 178.

²⁴ **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 8–9; **Пархоменко В.А.** К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега // ИОРЯС ИАН. Т. XIX. Кн. 1. 1914. С. 220–236.

²⁵ **Златарский В.Н.** Болгарское летосчисление. С. 52–54.

²⁶ Текстологическая связь 6360 и 6374 гг. ПВЛ была отмечена уже давно: **Krug Ph.** Beweis, dass der Anfang... S. 138–144; **Соловьев С.М.** Несколько слов по поводу вопроса... С. 501 и др.

²⁷ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 2. С. 201–202. О причинах годичного расхождения этой летописной даты с показанием ХГА см.: **Шахматов А.А.** Хронология... С. 472; он же. Разыскания... С. 488, прим. 2.

²⁸ **Шлёцер А.-Л.** Указ. соч. Ч. II. С. 745–759; **Krug Ph.** Kritischer Versuch... S. 108–112; **Карамзин Н.М.** Указ. соч. Т. I. М., 1989. С. 259–260, прим. 317; **Срезневский И.И.** Договоры с греками // Известия ИАН по ОРЯС. Т. III. 1854. С. 260–269; **Перевощиков Д.М.** О летосчислении // Месяцеслов на 1855 год. СПб., [1854]. С. 251; **Хавский П.В.** Месяцесловы, календари и святцы... Кн. 1. С. 13; он же. О 1000-лети... С. 34–35; **Яковкин И.Н.** Указ. соч. С. 252–253; **Горбачевский Н.И.** Указ. соч. С. VI; **Шахматов А.А.** Хронология... С. 469; он же. Разыскания... С. 40, 390, 400; **Степанов Н.В.** К вопросу о календаре... С. 5; **Черепнин Л.В.** Русская хронология: Учебн. пособие. М., 1944. С. 89–90; **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 239, 290 и др.

²⁹ Приписать эту дату летописцу Василию, который использовал ультрамартовский счет, мы, однако, не можем, так как Василий предполагал смерть Олега не в 6420 г., а раньше (см. 3.1).

³⁰ Вывод А.А. Шахматова (Хронология... С. 469–472; он же. Разыскания... С. 106, 316–317) о текстологической связи договоров 6420 и 6415 гг. разделялся большинством исследователей ПВЛ, хотя существовали и возражения.

³¹ Примечательно здесь ошибка переписчика Р. Неправильно поняв указание сроков предложения ("6-ю мѣсяць, начень от марта мѣсяца до... октября"), он вместо цифры "6" вписал "1" /**I, 28–45**/, показав лишний раз, что для него март был первым месяцем года. Ошибка была не случайной, она свидетельствует о знакомстве летописца с особой формой датирования, например: "Въ 4-й же день 9-го мѣсяца" /**ХГА, 103**/, "десяты<й> день 1-го мѣсяца" /**СДЯ, II, 460а**/.

³² **Шахматов А.А.** Повесть временных лет. С. 28–29; **Ламанский В.И.** Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // ЖМНП. Ч. СССLIИ (май). 1904. С. 164–166.

³³ **Златарский В.Н.** Болгарское летосчисление... С. 58–59; он же. Имели ли ся болгарите... С. 75–78.

³⁴ **Шахматов А.А.** Хронология... С. 473–474; **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 286–287.

³⁵ В некоторых поздних памятниках смерть Игоря относилась к 950 г. (Диарий св. Димитрия. С. 4; **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 668), который мог быть получен от 6450 г., ошибочно принятого за антиохийский.

³⁶ В.Н. Златарский (Болгарское летосчисление... С. 59; он же. Имели ли ся болгарите... С. 76)

и в этой ошибке русского летописца усматривал влияние болгарской эры, что весьма сомнительно. Отметим также, что еще Д.Н. Дубенский (Указ. соч. С. 10–11) возражал против достоверности датирования похода русских 941 г. Нельзя, поэтому, согласиться с мнением Н.Я. Полового (Указ. соч. С. 138–147; он же. К вопросу о первом походе Игоря против Византии: Сравнительный анализ русских и византийских источников // ВВ. Т. XVIII. М., 1961. С. 85–105), который, во-первых, априорно признал достоверность даты 941 г., а “второй” поход на основании весьма спорных умозаключений отнес к 943 г.

³⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 43.

³⁸ О текстологической связи 6449 и 6452 гг. см.: Шахматов А.А. Хронология... С. 475; он же. Киевский Начальный свод 1095 года // А.А. Шахматов (1864–1920): Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 121.

³⁹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 221, прим. 120. См. также: Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 238–240.

⁴⁰ Срезневский И.И. Следы глаголицы в памятниках X-го века // Известия ИАН по ОРЯС. Т. VII. 1858. С. 348–352.

⁴¹ Первым это отметил А.А. Шахматов (Общерусские летописные своды... Ч. СССXXXII. С. 138; он же. Толковая Палея и русская летопись. СПб., 1904. С. 23–24, 53–54), но он ошибочно возводил хронологию ПВЛ и Палеи к киевскому Начальному своду 90-х гг. XI в. Пересмотр этой точки зрения с учетом выводов о позднем времени сложения текста Палеи см.: Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 60–61, 94–96; он же. Начальные этапы... С. 102–104.

⁴² Так, например, второе предложение книг здесь отнесено к 6405 г. (в Л., Р. и МАк. — 6406 г.), который назван 12 годом царствования Льва и Александра, т.е. за первый их год признается 6394 (6405 — 11), а не 6395 г. Начало правления Константина относится не к 6421 г., а к 6420 г. (6394 + 26 лет), начало Романа — не к 6428 г., а к 6427 г. (6420 г. + 7 лет), но смерть Игоря — к 27 году Романа, т.е. к 6453 г. (6427 г. + 26 лет), как и в Л., Р. и МАк. /ЛВ, 316–317/.

⁴³ [Димитрий (Туптало Д.)] Роспись митрополитов киевских... С. 55–56. Правда, в другом своем сочинении (Диарий св. Димитрия. С. 4) хронолог безоговорочно принял летописную дату.

⁴⁴ Достаточно полный обзор источников и громадной историографии этой проблемы см.: Савва В.И. Указ. соч. С. 1–28; Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 173–183; он же. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. Т. 42. М., 1981. С. 35–48.

⁴⁵ Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 87–88; он же. Начальные этапы... С. 269–270.

⁴⁶ В Ип.-Хл. сделано позднее редакционное исправление: “Цесарь Костянтинъ, сынъ Леонтовъ” /П, 49/.

⁴⁷ Недостаток знаний по византийской истории середины X в. хорошо прослеживается на примере ЛВ. Последнее его оригинальное, по сравнению с летописью, греческое известие относится к первому правлению Константина Багрянородного (“зять Романов”), а после того в передаче византийских сюжетов ЛВ целиком полагается на ПВЛ,

повторяя и даже усугубляя при этом характерные ее ошибки: поскольку в ПВЛ не было отмечено свержение Романа Лакапина, то и ЛВ искусственно приписал ему 36 лет царствования вместо 24 (6427 г. — 6463 г.); поскольку в статье 6463 г. в летописи впервые был упомянут Иоанн Цимисхий, составитель ЛВ решил, что в этом-то году он и сменил Романа на престоле (“Иванъ, рекомый Цемьский, царствова, ... от Адама лѣтъ 6463” /ЛВ, 316–317/).

⁴⁸ Это и определило попытку Ж.-П. Ариньона (Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ. Т. 41. М., 1980. С. 113–124) датировать крещение начальным годом правления Романа, что не имеет, кроме нескольких сомнительных умозаключений, никаких доказательств. Несостоятельность выводов Ж.-П. Ариньона достаточно убедительно выявил Г.Г. Литаврин (О датировке посольства... С. 177).

⁴⁹ Цит. по: Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини... С. 38.

⁵⁰ Вероятно, ему же принадлежала и вставка рассказа о четвертой мести Ольги древлянам (в “Сказании...”, судя по НПЛ, говорилось о трех способах мщения), а также позаимствованные из источников 70–80-х гг. XI в. интерполяционные примечания о киевской топографии в статье 6453 г. Не исключено, что вместе с антиохийскими Василием внес сюда и константинопольские элементы, которым он сам был привержен (см. 5.3, 4): так, например, Холм. и родственная ей Тип. оригинально датируют начало княжения Святослава (6451 г. вместо 6554 г. ПВЛ) и поездку Ольги в Новгород (6458 г. вместо 6455 г.) /XXXIII, 19, 20/, что походит на разницу византийско-болгарских и константинопольских лет.

⁵¹ Литаврин Г.Г. О датировке посольства... С. 173–183.

⁵² Исчерпывающий обзор источников и историографии по этому вопросу см.: Карышковский П.О. О хронологии... С. 127–138; он же. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. Т. VI. М., 1953. С. 36–71; Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 84–87; он же. Начальные этапы... С. 241, 268–271; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. С. 23–49, 97–101, 126, 131–160.

⁵³ Искусственность выделения годовых границ в статьях 6472–6480 гг. впервые отметил еще А.А. Шахматов (Разыскания... С. 130, прим. 16, 133). Иная годичная разбивка этих сюжетов в П. также выдает их первоначальный “полуслитный” вид /XXXIV, 43/.

⁵⁴ Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 849; Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 87; он же. Начальные этапы... С. 270.

⁵⁵ Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. С. 28–34.

⁵⁶ Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 87; он же. Начальные этапы... С. 270–271, 341.

⁵⁷ Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. С. 31.

⁵⁸ Шахматов А.А. Разыскания... С. 13–28, 133–161.

⁵⁹ Весьма спорен вывод О.М. Рапова (О дате принятия христианства князем Владимиром и киев-

лянами // ВИ. 1984. № 6. С. 44) о том, что Иаков использовал мартовский стиль; основанием для него явилось обнаружение мартовских элементов в СБГ, которые, как выяснится далее, Иакову не принадлежат. Не выдерживает критики и предположение О.М. Рапова о том, что крещение киевлян происходило в пятницу, да еще и в постный день (Там же. С. 44–46), так как это грубо противоречит христианской праздничной обрядности. Отказавшись от использования важных для изучения этой проблемы исследований В. Завитневича и Н.М. Левитского (см. прим. 22 “Введения”), О.М. Рапов пробует добиться идеальной синхронизации показаний ППКВ и ПВЛ, невозможность чего была доказана еще в XIX в. этими учеными. Наконец, здесь же псевдоним еще одного ученого 80-х гг. XIX в., писавшего на эту тему, “П.Л.” почему-то расшифрован как “Л[ебединцев] П.” (Там же. С. 36, прим. 7), хотя на самом деле он принадлежал П.А. Лашкареву (**Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. II. М., 1957. С. 320).

⁶⁰ То, что эта дата не была вымыслом автора ППКВ, доказывается ее присутствием в Уст. /XXXVII, 22, 61/; кстати, в Уст. и начало конфликта Ярополка с Олегом датировано ранее на два года (6481 г.), что также отражает первоначальную годовичную шкалу, причем, в списке Мациевича сначала был записан этот номер года, а потом, под влиянием другого источника, он был переправлен на 6483 г. /XXXVII, 22–3/.

⁶¹ Это подтверждается и тем, что в известиях 6481–6496 гг. ПВЛ мы обнаруживаем типичные для Василия хронологические, стилистические и литературные приемы (см. о них 2.2 и 5.3, 4): “в се же время” (6486 г.), “посемь” и “по сих” (6486, 6494, 6495 гг.), “наутрие” (6495 и 6496 гг.), особая форма осуждения языческих суеверий (6491 г. — “невѣголоси и погани”; 6496 г. — “от невѣгласа”; сравни с 6420 и 6579 гг.) и, наконец, многочисленные топографические пояснения к древним сюжетам (6485, 6496 гг.; сравни: прим. 50). РФ связана с предыдущим рассказом типичной фразой Василия (“посемь же прислаша грьци”), а ветхозаветная хронология передается иначе (“за 40 и за 6 лѣт”, “делаему ковчегу за 100 лѣт”, “поработиша племя его за 400 лѣт” и др.), но, тем не менее, со следами ее редактирования Василием (“посемь же дьяволь”, “плакастася по Авели лѣт 30” вместо ожидаемого “за 30 лѣт”). В статье 6495 г. мы опять находим редакторские элементы (“посемь”, “наутрия”), из чего следует, что РФ и рассказ о поисках веры вставил в ПВЛ, вероятнее всего, Василий. В курсунском сюжете 6496 г. отмечаются, однако, иные формы относительного датирования (“и за 3 лѣта”; “по крещени же” и “яко приде, повелѣ”, но не “посем”) и, кроме того, наблюдаются дополнения к “васильевским” неопределенным датам, отодвигающие их в середину фраз (“по Божью же устрою в се время разболѣся Володимерь очима”, “Володимерь же *посем* поемъ царицу [курсив мой. — С.П.]”), но заключающий эту статью рассказ о крещении Киева опять выдает руку Василия (“посем же Володимерь посла”, “наутрия же изиде Володимерь”); получается, что курсунский сюжет был в своде Василия, но его перестановка в 6496 г. была сделана позже.

⁶² **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 26.

⁶³ “Се бысть въ лѣто 6000 и 4000 и 90” /ЖБГ, 4–“з”/, но в позднейших вариантах сказания — 6495 г. Е.Е. Голубинский (Указ. соч. С. 119, прим. 2), А.А. Шахматов (Разыскания... С. 25, 70, прим. 1) и другие считали, что первоначальная цифра Нестора “СҀУЧЕ” (6495) каким-то переписчиком была прочитана как “СҀУЧ” е (6490-е), что подтверждало их версию о трактовке сведений ППКВ, но если отвлечься от нее и учесть старшинство списков, тогда следует признать обратный порядок появления искажения.

⁶⁴ **Лихачев Д.С.** Русские летописи... С. 62–76.

⁶⁵ Именно такой интервал чаще всего и употреблялся в древнерусской письменности XI–XVI вв. /УЧ, 190; XV, 1; XXX, 8 и др./.

⁶⁶ О различных древнерусских вариантах ветхозаветной хронологии см.: **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 2–7; **Степанов Н.В.** Заметка о хронологической статье... С. 144–149; он же. Летописец вскопе патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // ИОРЯС ИАН. Т. XVII. Кн. 2. 1912. С. 279–293; Кн. 3. С. 256–261 и др.

⁶⁷ Известна и иная годичная разбивка этих, а также “послекрещенских” событий, что подтверждает их первоначальную “слитную” группировку в своде Василия вокруг дат вокняжения Владимира и крещения /IV, 90; V, 72; IX, 57; XXIII, 14–16; XXX, 23, 37, 170; XXXIII, 25, 26–13; XXXIV, 56; XXXVII, 23, 24, 62, 64; НПЛ, 159–160/. См. также перечень вариантов датировки крещения Новгорода: **Рапов О.М.** О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого // ВМУ. 1988. № 3. С. 52.

⁶⁸ **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 25, 159, прим. 2.

⁶⁹ В Ник. те же события датированы 6501 г. /IX, 65/, что, вроде бы, свидетельствует о византийско-болгарской принадлежности этого года и константинопольской 6504 г. ПВЛ. Доверять Ник., однако, в этом случае не стоит, так как с 6481 по 6516 гг. здесь вставлено множество вымышленных известий, которые потеснили древние записи и привели к существенному искажению их хронологии (**Тихомиров М.Н.** Никоновская летопись // **Тихомиров М.Н.** Русское летописание. Прил., с. 337, 340–342; **Клосс Б.М.** Указ. соч. С. 182, 187–188). Механику появления даты Ник. поясняет Холм.: здесь события 6504 г. также помещены в 6501 г. и сразу вслед за 6500 г., т.е. при переписке были пропущены “пустые” 6502 и 6503 гг. (в родственных с Холм. списках они есть) /XXXIII, 29–16, 21/.

⁷⁰ Обе они — святочные (“бѣ бо въ тѣ день Преображенъ Господне”, “и възрацашеться Киеву на Успенъе святѣя Богородица” /I, 125; II, 109–110/), причем, первое из них имеет очевидные признаки вторичной редакционной обработки или записи по припоминаниям (“бѣ бо въ тѣ день”).

⁷¹ 6504 г. — “дний 8”, “паки”, “по вся лѣта”, “по вся недѣля”; 6505 г. — “за 3 дни”, “за 10 лѣт”, “утро”; 6522 г. — “от года до года”; 6523 и 6524 гг. — “заутреня”, “заутра”, “ныне”, “весь день”, “вчера”, “за 3 мѣсяци” и т.д. /I, 124–141; II, 109–128/, т.е. для этой части текста характерны продолженная форма относительного датирования и более близкое к церковно-служебному делению суток.

⁷² См. подробнее: **Завитневич В.З.** Указ. соч. С. 126–128. Можно также согласиться и с датой **О.М. Рапова** (О дате принятия... С. 43–44) — 04–05.990 г.

⁷³ Это, однако, не отрицает вывода **Е.Е. Голубинского** (Указ. соч. С. 105) о том, что сам Владимир крестился еще до похода на Корсунь.

⁷⁴ Относительная древность (но не достоверность!) этой версии подтверждается большей текстологической исправностью Ип.-Хл. по сравнению с суздальскими списками. Так, в Л. отразилась растерянность владими́ро-суздальского редактора конца XII в., пробовавшего согласовать обе силвестровские версии: из соединения 6497 и 6499 гг. у него получился... 6490 (!) г. (·≠SYЧ...·, а с последней цифрой он так и не определился), а из 6498 и 6500 гг. редактор захотел получить среднеарифметическое показание (т.е. 6499 г.), но опять же “глубокомысленные” хронологические поиски отвлекли его внимание от верного оформления записи (·≠SΘ· вместо задуманного ·≠SYЧΘ·). В свою очередь и Р.-МАк. содержат искажения первичного текста: “В лѣто 6498. Заложи [кто? — С.Ц.] Бѣлгородъ”, тогда как в Ип.-Хл. все излагается связно и без ошибок: “Въ лѣто 6497. Въ лѣто 6498. Въ лѣто 6499. По сем же [т.е. после похода на Корсунь, который первоначально был в 6498 г.] Володимѣрь... Въ лѣто 6500. Володимѣрь заложи градъ Бѣлгородъ” /**I, 121–22, 122–33, 34; II, 106**/.

⁷⁵ И опять текстология подтверждает историко-хронологический вывод, только, в отличие от предыдущего случая (см. прим. 74), в 6501 г. Ип.-Хл. и Р.-МАк. отмечают, как и должно быть, признаки вторичности по сравнению с 6500 г. Л., где так излагается сюжет о переговорах Владимира с “князем печенежским”: “Рече ему [Владимиру]: “Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь [этого слова нет в Р.-МАк.] ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за [этот характерный предлог в Р.-МАк. тоже пропущен] три лѣта”. **И разидостяся раз-но**. Володимѣрь же приде въ товары [курсив и вставки мои. — С.Ц.]...”, но в Ип.-Хл.: “Рече ему: “Пусты ты свой мужь, а я свой, да ся борета, да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта **и разидошася раздно**, аще ли нашъ мужь ударить вашимъ да воюемъ за три лѣта [здесь должны быть выделенные курсивом слова]. “Володимѣрь же пришедь в товары...” /**I, 122–48, 49; II, 107**/.

⁷⁶ **Krug Ph.** Fragmente einer... S. 720; **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 11–15; **Срезневский И.И.** Древние изображения... С. 49; **Левитский Н.М.** Указ. соч. С. 26–63; **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 29–97, 176–177, 495–507; он же. Повесть временных лет. С. LXVII–LXXXVII; **Кузьмин А.Г.** Русские летописи... С. 84–85; он же. Начальные этапы... С. 161, 272–274, 368–370; **Назаренко А.В.** Указ. соч. С. 13–19 и др.

⁷⁷ **Воронин Н.И.** “Анонимное” сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 11–56; **Ильин Н.Н.** Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа. М., 1957. С. 152–155, 166–169, 209.

⁷⁸ “Бѣ бо день недѣльный, ... мѣсяца июля въ 24 день” — “Бѣ же въ святую недѣлю, ... мѣсяца июля въ 24 день, прежде 9 каландъ августа”; “мѣсяца сентября въ 5 день” — “мѣсяца сентября въ 5

день, въ понедѣльник” (еще более поздняя форма: “мѣсяца сентября въ 5 день, въ понедѣльник, на память святаго пророка Захарии”); “Бѣ бо недѣля въ тѣ день и Успение святаыя Богородица” — “въ день суботный, и баше же и канонъ святаыя Богородица” /**ЖБГ, 10–11, 13, 24, 37, 43, 58**/.

⁷⁹ **Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 152–156; **Хорошев А.С.** Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 24–25, 29, 33–34.

⁸⁰ К примеру, **А.А. Шахматов** (Разыскания... С. 96–97, прим. 1) заметил, что древнерусский уточняющий элемент в дате смерти Бориса (“преже 9 каландъ августа”) мог быть позаимствован из службы св. Христины, чья память приходилась также на 24.07. Если согласиться с мнением **Н.И. Воронина** (см. прим. 77) о том, что окончательная редакция СБГ была составлена в Переяславле-Русском после 1115 г., тогда надо признать, что это произошло после утверждения в этом городе мартовского времяисчисления, так как 6523 год СБГ — мартовский; следовательно, это случилось не во времена епископа Лазаря, как считал **Н.И. Воронин**, а при его последователе Сильвестре, т.е. после 1.01.1118 г. (см. 5.5). Это подтверждает и постмартовская дата вокняжения Владимира Мономаха в Киеве, присутствующая в СБГ: “Въ лѣто 6600 и 21” /**ЖБГ, 64**/ (см. 1.3), т.е. летопись, повлиявшая на хронологию агиографического памятника, в Переяславле появилась не ранее 20-х гг. XII в.

⁸¹ То, что увеличение 6522 номера года было сделано Василием, а не позже, доказывается ППКВ (т.е. “досильвестровским” вариантом ПВЛ), где смерть Владимира уже датировалась 15.07.6523 г.

⁸² **Н.Г. Бережков** (Указ. соч. С. 225) и **А.Г. Кузьмин** (Начальные этапы... С. 241–242) считали даже, что такое разграничение преследовало цель создания сентябрьских признаков, так как после годовой границы говорилось о том, что противники “стояща мѣсяцъ 3 противу собѣ” и “бѣ бо уже в заморозъ”.

⁸³ **Шахматов А.А.** Предисловие к Начальному... С. 30, 35.

⁸⁴ Относительная древность такого расположения артефактов подтверждается и другими новгородскими памятниками /**IV, 106–107; V, 87–88**/, и летописями, использовавшими новгородские источники /**IX, 74–75; XXX, 42**/.

⁸⁵ Кроме “византийско-болгарского” источника Василий использовал Киево-Печерский свод 1073–1075 гг. и черниговскую княжескую летопись Святославичей (см. главы 2 и 5). Откуда же он почерпнул эти подробные рассказы, которые уже были соединены вместе? Скорее всего, это был киевский источник, потому что в статье 6524 г. ПВЛ встречается особая форма записи хронологических показаний (“бѣ бо уже в заморозъ”), аналогии которой находятся и в первых календарных датах свода Василия, позаимствованных из того же источника (см. прим. 70), и в рассказе свода 1073–1075 гг. о восстании в Киеве (6575 г. — “въ день бо Въздвигенья”; см. 2.3), и у печерского агиографа Нестора в ЧБГ (“бѣ бо уже день недѣльный”, “бѣ бо уже время зимно”, “бѣ бо недѣля” /**ЖБГ, 10, 18, 24**/).

⁸⁶ Теперь становится понятным и вызывавшее недоверие историков сведение “Хроники” Титмара Мерзебургского о том, что в последнее время жизни

Владимира Святополк сидел в заточении и сразу после смерти отца бежал из Киева в Польшу (**Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 83, 104). Действительно, в конце 1017 г. началась русско-польская война (исследователи всегда считали, что ее вел Ярослав, но у Титмара — “*Rusorum regum*” без имени) и пропольская деятельность Святополка могла вызвать гнев Владимира. Кстати, в Уст. при описании смерти Владимира в 6523 г. ни слова не говорилось о его споре с Ярославом /**XXXVII, 25–26, 64–65**/.

⁸⁷ Именно так и преподносит его Эйдмундова сага (**Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 157–165; **Хорошев А.С.** Указ. соч. С. 26–32).

⁸⁸ Календарные даты из “Хроники” Титмара (**Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 106). Уст. подтверждает их сведением о том, что “Боляслав княжил в Киеве месяц и день” /**XXXVII, 27, 66**/.

⁸⁹ Так, например, реальные обстоятельства Любечской битвы (6524 византийско-болгарский год) в этой версии приняли форму полуполюгендарного сказания о битве на Альте; место для “новой” битвы было выбрано не случайно, так как здесь была построена позже первая церковь Бориса и Глеба. Описанное здесь же бегство Святополка, как выяснил недавно И.Н. Данилевский (Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 88), является переложением одного из библейских мотивов. Интересно, что Уст., которая в этих статьях содержит оригинальные и достоверные сообщения (см. прим. 86, 88), описывает 6527 г. без какой-либо битвы, а бегство и гибель Святополка приписывает молитвам Ярослава о душах убиенных братьев /**XXXVII, 27, 66–67**/.

⁹⁰ Догадки о дублировке в ПВЛ некоторых из этих известий осторожно высказывались и раньше (**Шахматов А.А.** Разыскания... С. 84, 475, 498–503; **Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 132–133, 152; **Королюк В.Д.** Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 236–239), но отсутствие историко-хронологического обоснования делало их неубедительными и открытыми для критики. Интересно, что и некоторые позднейшие летописцы все события, связанные с приходом к власти Ярослава, помещали целиком в 6524 г.: так, например, поступил составитель Вологодской летописи (правда, противореча сам себе, он еще раз сообщил о вокняжении Ярослава в 6527 г.) /**XXXVII, 162**/; в русском продолжении ЛВ (Владимиرو-Ростовская летопись конца XIII в.) примерно также вокняжение Ярослава дважды ориентировалось на 6524 г. (“крестися Володимиръ... от Адама лѣтъ 6496, жинь по крещении лѣтъ 28” и “Ярославъ седе Киевѣ лѣтъ 38”, т.е. 6496 г. + 28 лет = 6524 г. и 6562 г. – 38 лет = 6524 г.; но тут же: “Святополкъ сѣдѣ Киевѣ 3 лѣтъ”, т.е. начало княжения Ярослава подразумевалось уже в 6527 г.) /**ЛВ, 317**/.

⁹¹ То же самое, но без текста Русской Правды, находим и в 6528 г. Ник. /**IX, 77**/.

⁹² Именно так в П.: выдача гривен новгородцам и гнев Ярослава на Коснятина заключают статью 6527 г. /**XXXIV, 61**/.

⁹³ В П. отразилась и версия ПВЛ, когда одно из известий 6542 г. (нашествие печенегов) помещено, все же, в 6544 г.

⁹⁴ Сгоревшие церкви подразумевают здесь нападение печенегов на Киев летом 1017 г., описан-

ное Титмаром (**Ильин Н.Н.** Указ. соч. С. 117, 121; **Назаренко А.В.** Указ. соч. С. 18, прим. 27). Победу над печенегами все летописи согласно приписывают Ярославу, и поэтому мы можем считать, что в Киев из Новгорода он перешел еще за год до смерти Владимира, т.е. летом 1017 г. и отличился в обороне города от кочевников. Наиболее полная версия статьи 6625 г. передается в Ник. /**IX, 75**/.

⁹⁵ Особо показательна НПЛ, которая в части 6522–6528 гг. содержит только те известия, которые мы признали византийско-болгарскими (6522 г. — болезнь Владимира, 6523 г. — его смерть и гибель Бориса и Глеба, 6524 г. — Любечская битва) и выпускает поздние константинопольские сообщения (6525 г. — приход Ярослава в Киев, 6526 г. — захват Киева Болеславом и Святополком, 6527 г. — битва на Альте, 6528 г. — выдача грамоты) /**НПЛ, 15, 169–170**/.

⁹⁶ 6546 г.: “Приидѣ въсиѣ Ярославъ къ Киеву, и на зиму ходи на ятвягы”; 6551 г.: “Паки на весну посла князь велики Ярослав сына своего Владимира на греки... Той же осени...”; 6552 г.: “Ходи Ярослав на литву, а на весну заложи Новгородъ [курсив мой. — С.Ц.]” /**IV, 114, 116; V, 127–129**/.

⁹⁷ Также было и в хронике Яна Длугоша (**Шахматов А.А.** Разыскания... С. 349, прим. 1). В своде 1448 г. совместились варианты дат ПВЛ и П., т.е. о приходе Мстислава из Тмутаракани говорилось трижды (в 6531 г. и два раза в 6532 г.) /**IV, 111; V, 124**/.

⁹⁸ НПЛ, казалось бы, неукоснительно следует в этой части хронологии ПВЛ, однако на страницах Син. мы встречаем свидетельство того, что один из его средневековых новгородских читателей был знаком с противоречивой константинопольской датировкой событий 20-х гг. XI в.: около “пустого” 6531 г. (≠ **ФЛА**) другим почерком была приписана цифра 2 (В), т.е. делался намек на исправление годового числа; чуть далее такая же правка сопровождается и 6533 г. (≠ **ФЛГ**), рядом с которым приписано **ФЛ** (далее неразборчивая цифра, но, скорее всего, Д), т.е. <6>534 г. В академическом издании НПЛ последняя поправка отнесена к 6534 г. /**НПЛ, 16–1**/, но в тексте оригинала она, несомненно, сопутствует 6533 г. (Die Erste Novgoroder Chronik, nach ihrer ältesten Redaction (Synodalhandschrift), 1016–1333/1352. Leipzig, 1971. Л. 2).

⁹⁹ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 2. С. 214.

¹⁰⁰ Не случайно, с 6529 г. после небольшого перерыва мы опять встречаем характерные для Василия литературно-хронологические приемы: 6529 г. — “въ 7 день”; 6530 г. — “в си же времена” и сведения о тмутараканской топографии; 6532 г. — тема волхования; 6538 г. — “в се же время”; 6544 г. — “посемь” и “в се же время” и т.д.

¹⁰¹ В этом случае становится понятным и наличие в мартовских статьях 6526 и 6527 гг. текстологических заимствований из описания событий 70-х гг. XI в. (см. об этом: **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 439, 440, прим. 2): они были сделаны Сильвестром из редактируемого им свода Василия.

¹⁰² **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 262–263; **Королюк В.Д.** Указ. соч. С. 280–282; **Кузьмин А.Г.** Русские летописи... С. 80; он же. Начальные этапы... С. 133, 249. То, что антиохийское известие попало в ПВЛ через руки Василия, доказы-

вается типичной для него формой записи хронологических элементов: **“В се же время** умре Болеславъ Великий в лясѣх [курсив мой. — С.Ц.]” /**I, 150; II, 137**/. О.М. Рапов (О датировке народных восстаний... С. 137–139) увидел антиохийские признаки и в статье 6532 г., что, однако, представляется весьма спорным выводом.

¹⁰³ См. подробнее: Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 254–257.

¹⁰⁴ Янин В.Л. Указ. соч. С. 47–56; Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 158–159.

¹⁰⁵ Дубенский Д.Н. Указ. соч. С. 11–13; Левитский Н.М. Указ. соч. С. 41; Шахматов А.А.

Разыскания... С. 178, 497–498; он же. Обзорение... С. 101 и др.

¹⁰⁶ См. об этом: Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 275–276. Ошибочный 76-летний расчет был сделан Василием, который, с одной стороны, знал сентябрьскую дату смерти Ярослава, с другой, женитьбу Владимира на Рогнеде (матери Ярослава) относил к 6486 г. (6562 г. – 6486 г. = 76 лет).

¹⁰⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 82.

¹⁰⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 159–162; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 58.

Глава 4

¹ Елагин И.П. Опыт повествования о России. Кн. I. М., 1803. С. 221–222.

² Скотт В. Сочинения. В 8-ми т. Т.3. М., 1990. С. 171.

³ Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. XLІ. Кн. 3. 1901. С. 1–60.

⁴ ПВЛ, 6583 г.: “Почата бысть церкви Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ... и кончана бысть на третье лѣто” /**I, 198; II, 189**/. СБГ: “Малу же времени минувъшу, и Святополку преставивъшюся на второе лѣто по устроение церкви тоя” /**ЖБГ, 64**/. Ком.: “Сынъ Володимировъ [надо “Всеволодов”. — С.Ц.] Мономахъ, правнукъ великого князя Володимера,... созда первую церковь святого Спаса за 50 лѣт до Богородичина ставления. Потомъ... сынъ Мономахъ Юрьи Долгая Рука... постави другую церковь каменну святого Георгия, за 30 лѣт до Богородичина ставления... Князь великий Андрей Юрьевичъ... створи ту многу церкви,... и потомъ минуло 11 лѣт” /**НПЛ, 467**/.

⁵ ПВЛ, 6551 г.: “По трехъ же лѣтѣхъ [после похода русских на Византию. — С.Ц.], миру бывши, пущенъ бысть Вышата в Русь” /**I, 154; II, 142**/. 6605 г.: “А на 2-е лѣто [после захвата Давидом Владимира-Волынского. — С.Ц.] Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича и не даша ему Володимера” /**I, 273; II, 248**/. ЛВ: “Въ 5 лѣто княжения Юрьева явишася татарове... и князий русьскихъ избиша на Калцѣхъ. В 15 лѣто княжения Юрьева [ошибка переписчика, так как имелся в виду 6746 г., 15 год от Калкской битвы. — С.Ц.], а от Адама лѣто 6746, татарове плѣниша землю Суждальскую” /**ЛВ, 319**/. НВЛ: “Поставленъ бысть архиепископъ Иванъ Новугороду Суздальщины [т.е. нападения суздальцев на Новгород. — С.Ц.] за 4 лѣта” /**XXX, 197**/. Ком.: “Турлаковѣ рати безъ трехъ 100 лѣтъ минуло, коли Володимѣръ взяли” /**НПЛ, 466**/.

⁶ ПВЛ, 6571 г.: “Иде Волховъ вспять дний 5, се же знаменье не добро бысть: на 4-е бо лѣто пожеже Всеславъ градъ” /**I, 163; II, 152**/. 6579 г.: “Яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять” /**I, 175; II, 164**/.

⁷ ПВЛ, 6567 г.: “Сидѣ бо [Судислав в “порубе”. — С.Ц.] лѣт 20 и 4” /**I, 162; II, 151**/. СБГ: “И яко съкончашася дньи Володимеру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении” /**ЖБГ, 28**/. КПП: “Блаженный же князь Святоша по том

[после смерти Петра. — С.Ц.] пребысть лѣт 30, не исходя из монастыря”, “скончася [Моисей Угрин. — С.Ц.] о Господѣ въ добрѣ исповѣдании, пребывъ в монастыри лѣт 10, а въ пленении страдавъ въ узехъ 5 лѣт, 6-е лѣто за чистоту” /**ПЛДР XII, 504, 552**/. Прилуцкий Пролог (XIV–XV вв.): “Окончанѣи бывши церкви в лѣто 6580 от начала миру, а по убьении Мину 90 лѣт безъ трий” /**СДЯ, I, 154a**/.

⁸ Берестяная грамота № 526: “И на погошахъ 9 кунъ семѣѣ [т.е. через 7 лет. — С.Ц.] гривнѣ, и Дубровнѣ на Хрипанѣ 19 третѣѣ гривнѣ” /**НГБ, 124–125**/. грамота № 246: “Како ты у мене и чыстье дрѣво възѣмъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лѣто” /**СДЯ, II, 2876, 4526; СДЯ, III, 81a**/.

⁹ Яркий пример того, как устный рассказ с “династическим” счетом лет деформировался в повествование с неопределенной хронологией, представляет ЖФП. Биографические сведения о Феодосии “отъ уны вьрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру” попали к Нестору, преломившись через два этапа пересказа (“мати же его съповѣда единому от братия, именъмъ Феодору..., азъ же от него вся си слышавъ и въписахъ”), т.е. просуществовав в устной форме около 50 лет, после чего стали содержать в себе наряду с точнейшими относительными показаниями (“сущю же тѣгда божественому Феодосию 13 лѣт”, “сице же пребысть двѣ надесяте лѣтѣ или боле”, “по лѣтѣ же единомъ”, “яко прежде сихъ 4 лѣт”) многочисленные абстрактные датировки (“таче”, “потомъ же”, “въ то же время”, “по сихъ же”, “по дньхъ мнозѣхъ”, “по времени нѣкоторѣмъ”, “лѣта многа” и пр.) /**ПЛДР XI–н. XII, 308–332**/.

¹⁰ Так, к примеру, вычислено показание перечня ПВЛ “от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60” /**I, 18; II, 13**/, хотя на самом деле между 19.02.1054(6562) г. и 16.04.1114(6622) г. (см. о датах 1.2 и 2.3) прошло 60 лет и 2 месяца. См. об этом способе округления также: Дубенский Д.Н. Указ. соч. С. 6; Шахматов А.А. О Начальном киевском летописном своде. М., 1897. С. 42; Алешковский М.Х. Повесть временных лет. С. 115, прим. 7.

¹¹ Из всех ее составителей наибольшего “совершенства” в этом достиг летописец, использовавший в качестве источника ЛВ и сумевший два месяца правления византийского императора Ставракия (26.07 – 2.10.811 г.) “дотянуть” до целого года в

своих относительных расчетах (см. 3.1). Так же было вычислено и показание 6601 г. ПВЛ о том, что Всеволод Ярославич "княживъ лѣтъ 15 Киевѣ" /**I, 217; II, 208**/, хотя между 3.10.6587 г. (смерть Изяслава) и 13.04.6601 г. (смерть Всеволода; обе даты мартовские, см. 2.2, 3) прошло только 14 мартовских лет и 1,5 месяца.

¹² В литературе уже отмечалась эта особенность древнерусского счета лет: **Соболевский А.И.** В каком году крестился св. Владимир? С. 399; **Левитский Н.М.** Указ. соч. С. 108–115; **Шахматов А.А.** О Начальном киевском... С. 29, 43; **Степанов Н.В.** Единицы счета времени... С. 11–12; **Зубов В.П.** Примечания к "Наставлению, как человеку познать счисление лет" Кирика Новгородца // ИМИ. Вып. VI. М., 1953. С. 195, прим. 10 и др. В конце XIII в. переписчик РК довольно ярко представил этот счет на страницах книги, называя его "внутренним": "30 лѣтъ [т.е. полных 30 лет, более 30 лет. — С.Ц.] дръжанъ есть без поминания, да держитъся, аще же вънутрь 30 лѣтъ въспоманеться о немъ, да судятъся" и др. /**СДЯ, II, 1036, 188а, 370б; СДЯ, III, 139а**/.

¹³ **Болотов В.В.** Следы древних месяцесловов поместных церквей // ХЧ. 1893. Вып. 1. С. 196–197.

¹⁴ Так, в ПВЛ от начала 6500-х гг. Мироздания, т.е. от того момента, когда в летописи начинают встречаться датировки современников событий, первичные константинопольские номера годовых статей составляют более 60% датировок, а на долю других эр летосчисления приходится менее 10% (около 30% датировок непонятны или представляют собой "пустые" статьи, которые, как мы знаем, появились в процессе "константинопольского" редактирования текста).

¹⁵ К 1.09 начало индикта относилось во многих древнерусских памятниках /**ОЕ, 210г; Изб. 1073, 249а; Билярский, 111; Срезневский, 1863, 3; УЧ, 178**/ . В 6644 г. НПЛ известия от мая до июля датированы 14 индиктом, а с сентября до декабря уже 15 /**НПЛ, 24**/, что также указывает на сентябрьское начало индиктов.

¹⁶ **Степанов Н.В.** Календарно-хронологический справочник. С. 10; **Кузьмин А.Г.** Индикты Начальной летописи. С. 307.

¹⁷ А.Г. Кузьмин (Индикты Начальной летописи. С. 305–313) даже приписывал Сильвестру все без исключения индиктовые показания ПВЛ, что, конечно же, неверно. Позже он пересмотрел этот вывод (он же. Начальные этапы... С. 235, 288).

¹⁸ **Степанов Н.В.** Летописец вскоре... Кн. 3. С. 290. Примерно то же наблюдается и в Изб. 1073 г., где к антиохийским номерам лет в биографических евангельских сведениях об Иисусе Христе приписаны сентябрьские константинопольские термины: "Бѣаше же тѣгда 5500 лѣто, ... лѣто же бѣ Слъньцо убо 13, Лунѣ же 10... Въ 5533 <лѣто>, лѣто же бѣ Слъньцо убо 14, Лунѣ же 1" /**Изб. 1073, 2486-в**/.

¹⁹ **Кузьмин А.Г.** Начальные этапы... С. 253–257, 261–263, 294–295.

²⁰ **Златарский В.Н.** Имели ли ся болгарите... С. 73–75, 77, 79–80; он же. Болгарское летосчисление. С. 50–56, 58–59.

²¹ **Святский Д.О.** Указ. соч. Кн. 1. С. 104; Кн. 2. С. 249.

²² **Шляков И.В.** 850 лет... С. 391–397. Что касается Следованной Псалтири, то в ее новозаветных датировках довольно сложно переплелись и византийско-болгарские, и константинопольские, и антиохийские времяисчислительные элементы. Это обстоятельство породило множество в разной степени удачных попыток разобраться в ее хронологических показаниях: **Штейнгель В.И.** Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля. СПб., 1819. С. 345–368; **Хавский П.В.** Месяцесловы, календари и святцы... Кн. 1. С. 4–5; он же. Древняя новость // СП. 1846. 6 июня. № 125. С. 500; он же. Примечания на русские хронологические вычисления XII века // ЧОИДР. 1847. № 6. С. 34–35; **Лалош М.Н.** Сравнительный календарь древних и новых народов. СПб., 1869. С. 225–231; **Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.** Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 72–73.

²³ Некоторые исследователи ошибочно именовали ее "александрійской". Действительно, в IV–V вв. у александрийских христиан появились две эры летосчисления (эры Панодора и Анниана), возникшие на основе антиохийской и формально следовавшие интервалу в 5500 лет, но фактически ориентированные на иное число лет от С.М. до Р.Х. (**Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 5–6; **Степанов Н.В.** Календарно-хронологический справочник. С. 20–22).

²⁴ **Палладий (Юрьев П.)** Краткая хронология или показание лет от начала мира по 1778 год по Рождестве Христове. М., 1777. С. 15–18.

²⁵ См. об этом: **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 5, прим. 1.

²⁶ Именно так она употреблялась в церковно-служебных русских книгах XVI–XVII вв. (**Сопиков В.С.** Опыт российской библиографии. Ч. 1: Книги церковно-славянской печати. СПб., 1813. С. XXXII, XXXVI; **Хавский П.В.** Месяцесловы, календари и святцы... Кн. 4. С. 16–17; **Соболевский А.И.** Славяно-русская палеография. С. 48 и др.), хотя сами эти книги неизменно следовали константинопольскому хронологическому канону. Также можно объяснить ее присутствие в русских хронографических сочинениях XIII–XV вв. (**Истомин К.К.** К вопросу о редакциях Толковой Палей // ИОРЯС ИАН. Т. XVIII. Кн. 1. 1913. С. 92, 148–151; **Творогов О.В.** Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 69–73, 290–291 и многие др.). Кстати, и на примере более ранних источников можно отметить ритуальное отношение к антиохийской хронологии: так, все переписчики ПВЛ, начиная с Василия и Сильвестра, безошибочно копировали показание РФ ("в сего же [Ирода. — С.Ц.] власть, въ лѣто 5500, послан бысть Гавриль... къ девицѣ Марьи" /**I, 102; II, 89**/), нисколько не озабочен тем, что оно входило в противоречие с их представлениями о времени Р.Х., и только Лаврентий в 1377 г. засомневался в этом показании и после цифры ≠ 5500 (5500) оставил место для вписания единиц /**I, 102—"л"**/; в Изб. 1073 г. антиохийские даты Р.Х. (25.03.5500 г.), Крещения (6.01.5530 г.) и Воскресения Христова (первый день александрийского месяца фармути и 27.03.5533 г.) находятся по соседству с версией о Воскресении Иисуса 25.03.5534 г. (Р.Х. тогда будет

в 5501 г.) и даже с датой Р.Х. в 6000 г. /Изб. 1073, 247в, 248а-в, 249г, 250а/.

²⁷ В статье Изб. 1073 г. "Исухиево отъ того, еже о Христовѣ рождени" эта эра рассматривается, правда, в искаженной форме, как разновидность другой (6000 лет от С.М. до крестной смерти Иисуса): "Лѣта отъ Създания Миру до Христова Рождения [надо "распятия". — С.Ц.] 6000 събираетъ бо ся: отъ Адама до... цесарства Аугустова [надо "до Р.Х."] лѣтъ 5967... Въ четвертьтодесятое бо и въторое лѣто цѣсарства Аугустова... родися Господь нашъ" /Изб. 1073, 250а/; см. также: Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Кн. 10. Одесса, 1912. С. 3.

²⁸ Лурье Я.С. Изучение русского летописания // ВИД: I. Л., 1968. С. 30.

²⁹ Степанов Н.В. Летописец вскоре... Кн. 3. С. 256–260.

³⁰ Конечно же, ошибался И.И. Срезневский (Памятники X-го века... С. 17–18), возводя "пустые" годы к историческим записям в пасхальных таблицах. Впрочем, он же сам (Исследования о летописях новгородских. С. 75) высказывал и мнение о роли "династического" счета в их появлении.

³¹ Степанов Н.В. Единичи счета времени... С. 32–49; он же. Заметка о хронологической статье... С. 129–150; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 4–8; Пашков А.М., Симонов Р.А. Кирик Новгородец в письмах Н.В. Степанова к А.А. Шахматову // ИАИ. Вып. XIX. М., 1987. С. 316–317.

³² См. также: Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси // ИАИ. Вып. VII. М., 1961. С. 76–86. Этот вывод не исключает, а только обобщает мнения о лунном (Прозоровский Д.И. О славяно-русском дохристианском счислении времени // Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. Т. III. М., 1897. С. 201–217) или солнечном (Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 10, 298, 318–328) устройстве языческого календаря. Современная этнографическая наука также утверждает смешанное лунно-солнечное устройство восточнославянского календаря (Шаур В. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология: 1971. М., 1973. С. 92–98; Гусев Е.В. О реконструкции праславянского календаря: К проблеме этногенеза славян // Советская этнография. 1978. № 6. С. 132–143; он же. Народные знания славян // ЭВС. М., 1987. С. 485).

³³ Кстати, заслугу этого открытия следует отдать предшественникам Н.В. Степанова: Татищев В.Н. Указ. соч. Т. I. С. 126; Болтин И.Н. Указ. соч. С. 195. Мнение Е.В. Гусева (О реконструкции... С. 139–141) и некоторых других исследователей о начале языческого года зимой не подтверждается фактами проявления январского новогодия в летописном времяисчислении.

³⁴ Подвижные сезоны отмечались и в устном народном календаре восточных славян (Гусев Е.В. О реконструкции... С. 139–140; он же. Народные знания... С. 485).

³⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. I. С. 70, 222, прим. 159. Кроме того, в разрозненном виде они упоминаются в трех источниках XI–XII вв.: в ОЕ январь назван "просинцем", а август "заревом" /ОЕ, 256в, 283а/, в 6605 г. ПВЛ указывается

"мѣсяць грудень, рекше ноябрь", /I, 260; II, 236/ и, наконец, в Стихираре середины XII в. находим названия "сечень", "сухий", "брѣзнь", "травен", "зарев" и "студеный" (Гусев В.Е. О реконструкции... С. 133, табл. 1, 141–142). Названия месяцам давались по метеорологическим признакам и по хозяйственной деятельности (Святский Д.О. Очерки истории... С. 93–97).

³⁶ Так же считал и Н.В. Степанов, но он же противоречил сам себе, утверждая, что языческий год (т.е. и первый его месяц и, естественно, все остальные месяцы) начинался с первого весеннего полнолуния.

³⁷ Святский Д.О. Очерки истории... С. 93.

³⁸ Так, мы знаем, что Всеслав Брючиславич княжил в Киеве с 15.09.1066 г. по 2.05.1067 г. (см. 2.3), т.е. 7 месяцев и 17 дней, но ПВЛ определяет этот срок в 7 месяцев ровно /I, 173; II, 161/; комета 7–25.03.1106 г., по наблюдению летописца, "стоя мѣсяць" (см. прим. 7 к главе 2); черниговский игумен Даниил округлил время своего пребывания в Святой Земле до 16 месяцев /ПЛДР XII, 28/ и пр.

³⁹ ПВЛ, 6494 г.: "А в 3-й день воскреснути" /I, 87, 103, 104; II, 74, 90–91/, т.е. день Воскресения Христова называется третьим от пятницы, когда он был распят (то же в ЧБГ: "Самъ же въ третий день въскресе от мертвыхъ" /ЖБГ, 3/); в 6604 г. говорится о том, что после военных сборов в субботу и воскресенье Олег и Мстислав "стояста противу собѣ 4 дни" на Клязьме, а потом рассказывается о приходе Вячеслава "в четвергъ" /I, 238–239; II, 229/, т.е. день окончания сборов (воскресение) входил в отсчет четырех дней противостояния княжеских дружин; ХИД: "Ту же [в доме Иоанна. — С.Ц.] и Фому увѣрилъ есть въ 8-й день" /ПЛДР XII, 56/, т.е. Фомина неделя отсчитана "включающим" счетом от Пасхи, что, кстати, не совпадает с евангельской версией (Иоанн, 20.26), где говорится об уверовании Фомы "после восьми дней" (т.е. на девятый день от дня распятия, высчитано обычным путем); КПП: "И в ту ночь, моляшуся ему,... въ другую же ночь, тако же помолвися,... въ третий же день, ставше на мѣстѣ том, помольшеся" /ПЛДР XII, 420/. РК, один из самых характерных памятников с таким счетом (см. прим. 12), месяцы и дни исчисляет также, как годы: "Вънутрь трий мѣсяць епископомъ да створяють поставление", "прѣже вчерашнего и третьяго дне" /СДЯ, I, 357а; СДЯ, II, 188а; СДЯ, III, 348б/. Иной способ отсчета обозначался предложениями "боле", "вяще", "по" и др.

⁴⁰ Если бы Кирик попробовал рассчитать даты пасхальных полнолуний по этой схеме, его поджидало бы глубокое разочарование, так как они не совпали бы с датами сиро-византийского цикла, который он практически использовал. По древнерусской версии, в 19 годах насчитывалось бы всего 6929 дней; если Кирик придерживался таких расчетов, тогда ему невозможно приписывать разделы УЧ о "дробных часах", автор которых исходил из того, что в 235 лунных месяцах или в 19 солнечных годах было 6940 дней (Зубов В.П. Кирик Новгородец и древнерусское деление часа // ИМИ. Вып. VI. М., 1953. С. 196–197). Такой вывод совпадает с мнением А.М. Пашкова и Р.А. Симонова (Указ. соч. С. 322–323) о невозможности примене-

ния на Руси в XI–XII вв. бесконечных лятеричных дробей. По всей видимости, главы о “дробных часах” являлись поздним дополнением в текст УЧ; не случайно же их нет в Румянцевском списке УЧ (копия XIX в. с утраченного Софийского списка XV–XVI вв.), который был ближе к архетипному тексту произведения нежели Погодинский список XVI в., содержащий эти главы (см. об этом: **Симон Р.А.** Математическая мысль Древней Руси. М., 1977. С. 96–108; **он же.** Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 32–40).

⁴¹ Д.О. Святский (Очерки истории... С. 97) предполагал, что 13 месяц вставлялся в конец языческого года, потому что для обозначения февраля восточные славяне использовали два названия — “сечень” и “снежень”. По мнению В.Е. Гусева (О реконструкции... С. 132–143), эмболистический месяц вставлялся в разные части годов в зависимости от величины их расхождения с природными факторами. И.Н. Данилевский (Лунно-солнечный календарь Древней Руси // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 128), основываясь на показаниях Лунника ПТ, предполагал, что вставные месяцы назывались “луной”, что весьма сомнительно. Помимо того, что связывать этот Лунник с языческим календарем вообще неуместно (см. 4.4), ясно, что здесь все лунные месяцы (“луны”) сопровождались названиями юлианских месяцев, совпадающих с окончанием “лун”: например, лунный месяц с 21.12 по 19.01 назывался “январской луной”, с 20.01 по 17.02 — “февральской луной” и т.д. В тех же случаях, когда “луна” не распределялась между двумя “книжными” месяцами, а целиком входила в пределы какого-то одного из них, ей и присваивалось название “луна” без юлианского дополнения; например, в пятом Круге Луны “июльская луна” приходилась на 2.06–1.07, а следующая лунация (2.07–31.07) такого названия уже не имела и была просто “луной” /**ПТ, 25(50)**/.

⁴² В источниках XI–XII вв. известны лишь три таких случая: в Изб. 1073 г. (“роди бо ся Богъ нашъ Исусъ Христосъ [декабря. — С.Ц.] въ... 25... еже есть прѣжде 8 каландъ иенуаре” /**Изб. 1073, 247в**/), в СБГ (“мѣсяца июля въ 24 день, преже 9 каландъ августа” /**ЖБГ, 37**/) и в статье 6644 г. Син. (“мѣсяца июля въ 19, преже 14 каланда августа” /**НПЛ, 34**/). Позже, в XIII–XV вв., число таких случаев увеличивается, что было связано с появлением переводных сочинений (Кормчая, “Великого книжника антиохийского о каландах, нонах и идах возглашение” и др.), содержавших древнеримский дневной счет, но декоративный характер этих хронологических элементов сохранился (**Щапов Я.Н.** Древнеримский календарь на Руси // ВЕДС. М., 1978. С. 336–345; **он же.** Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 157–183); римские элементы встречаются в это время даже в берестяных грамотах /**НГБ, 83**/.

⁴³ Именно так у Кирика: “Вѣсто да есть, яко въ единомъ лѣтѣ книжныхъ мѣсяцевъ 12” /**УЧ, 184**/, также и в Луннике ПТ: “<Г>енварская Луна настанеть... книжнаго декабря въ 21, а кончается книжнаго генваря въ 19” /**ПТ, 23(45)**/.

⁴⁴ Именно в таком значении славянские названия месяцев употреблялись в Прологах XIII–XIV вв. /**СДЯ, I, 926, 155а; СДЯ, II, 396а, 453а;**

СДЯ, IV, 145а, 150а и др. / и в месяцесловах XV–XVI вв. (**Хавский П.В.** Месяцесловы, календари и святцы... Кн. 4. С. 2–15; **Щапов Я.Н.** Календарь в псковских рукописях... С. 159, 171–183).

⁴⁵ “Тако и весна от того первосозданного мѣсяца Марта начинается... И вселѣтная времена 4 по 3-мъ же мѣсяцемъ имуще чтуться, изглаголется чисмя ихъ: весна, жатва [употреблялось в значении “лето” только в переводной литературе. — С.Ц.], осень, зима” /**ХГА, 102**/; “первыя же мѣсяця съблюдаютъ входа обрацѣнью рекше мартъ, июнь, сентябрь, декабрь, ими же прѣвращенье чегыремъ временемъ нарицається” /**СДЯ, I, 4966; СДЯ, II, 453а**/ и др.

⁴⁶ **Шахматов А.А.** Разыскания... С. 245.

⁴⁷ ПВЛ, 6605 г.: “И наставши веснѣ, приде Володаръ и Василько на Давыда...” и далее следует детальное описание осады Владимира-Волынского /**I, 267; II, 241**/; запись переписчика Постной и Цветной Триоди (XII в.): “Съконъчашася книгы сия мѣсяца генвья 22, святого апостола Тимофея, зиме” /**СДЯ, I, 90а; СДЯ, III, 381а**/; Син.: “А на осень уби морозъ вьрьшь всю и озимицѣ, и бы голодъ, и цересь зиму рѣжи осминка по полугривнѣ” /**НПЛ, 21**/.

⁴⁸ Надписи XI — начала XII в. в Киево-Софийском соборе: “Мѣсяца априля въ 9 день поставлено бысть владыко”, “мѣсяца августа въ 22 преставися рабъ божий Лука епископъ блаженный Бѣлогородскый” /**Высоцкий, 38, 45**/; запись в октябрьской минее (1096 г.): “Акиме писале въ лѣто 6604, мѣсяца марта въ 23” (**Жуковская Л.П.** Загадка записи Изборника Святослава // ДЛЯ. М., 1987. С. 57).

⁴⁹ Например, составитель Переяславо-Суздальского свода начала XIII в. (источник Р. и МАК.) систематически выбрасывал из текста Владимиро-Суздальских летописей святочные и пасхальные артефакты (**Лурье Я.С.** О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД: XVIII. Л., 1987. С. 72–73).

⁵⁰ **Шахматов А.А.** О Начальном киевском... С. 7. Впрочем, бывает и так, что безупречное, на первый взгляд, обрамление юлианской даты церковными элементами скрывает ее редакционное искажение. В списках “особой” редакции “Жития Александра Невского” дата погребения князя (“месяца ноября в 20 день, на память святого отца <нашего> Григорья Декаполита”) противоречит общепринятой (23.11, память св. Амфилохия, епископа Иконийского); причиной ошибки было то, что составитель архетипного текста этой редакции, читая источник, цифру “КГ” (23) прочел как “К г” или, что вернее, “К е” (20-е), а потом по святцам определил, что 20.11 — день преподобного Григория (**Лихачев Д.С.** Текстология. С. 61–62).

⁵¹ ПВЛ, 6504 г.: “Бѣ бо въ тѣ день Преображение Господне... И въвращаеться Киеву на Успене святыхъ Богородица”; 6615 г.: “Приде в Печерскый монастырь... на Успене святыхъ Богородица” /**I, 125, 282; II, 109, 110, 258**/; ЖФП: “Бывъшю не нѣколи дѣни святого и великаго Дмитрия, въ нѣ же Христа ради мучению коньць приять”, “се бо приспѣвшю нѣколи празднику Усыпения прѣсвятыхъ Богородица” /**ПЛДР XI–н. XII, 364, 366**/; ЧБГ: “Бывшю убо... дѣни праздничному святого Николы”; СБГ: “Въ день святого

Николы" /ЖБГ, 23, 58/; ПВМ: "На Госпожинъ день идохом к Бѣлѣ Вежи", "и вышли мы на святого Бориса день" /I, 248, 249/; ХИД: "Исходит персть святой из гроба того на память его [т.е. в день памяти Иоанна Богослова. — С.Ц.]", "в самы Водокрещеный праздиикъ быхом на Иорданѣ" /ПЛДР XII, 28, 54/; договорная грамота новгородцев с Ярославом Ярославичем (1264–1265 гг.): "А куда пошл<о> судии твоему ездити по волости, еха<ти и>мъ межень по Петровѣ <д>ни" /ГВНП, 11/ и др.

⁵² ПВЛ, 6599 г.: все недельные показания в рассказе о переносе мощей Феодосия ("7 дний", "въ вторник", "въ день четвертъкъ") ориентированы на Успение Богородицы; 6619 г.: "И кануть святой Богородицы поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города..." и далее указаны еще среда и четверг /I, 209–211; II, 200–203, 268/; ЧБГ: "Бѣ бо недѣля въ тѣ день и Успение святая Богородица"; СБГ: "Въ день суботный, и бѣше же и канонъ святая Богородица" /ЖБГ, 24, 58/; грамота князя Всеволода Мстиславича Новгородской церкви св. Иоанна Предтечи (30-е гг. XII в.): "А праздиикъ Рокство святого великого Ивана почестъ творить... А пѣтъ въ праздиикъ обѣдняя владыцѣ, а на завѣтрѣ архимандриту святого Георгия, а на 3 день игумену святѣй Богородици" /ДКУ, 162/; новгородская берестяная грамота № 417 (конец XIII в.): "Приѣхавъ и<з> Заволоцѣ, носилѣ серебро Климиѣ съ племенѣмъ на завѣтрѣ по Петрове дни" /НГБ, 22/ и др.

⁵³ ПВЛ, 6600 г.: "От Филипова дне до Мясопуста" /I, 215; II, 206/; НПЛ: "От <недели> всѣхъ святыхъ до Госпожина дни" /НПЛ, 41/; "Пандекты" Никона Черногорца (Чудовский список XIV в.): "И от Р<о>жества до Крещенья" /СДЯ, III, 189а/.

⁵⁴ Гусев В.Е. Народные знания... С. 486–487.

⁵⁵ Стихирарь (1156–1163 гг.): "Мѣсяца септября въ 13 день, на канон Въздвижения" /СДЯ, II, 436/; Синодальный список Устава (конец XII — начало XIII в.): "А на Просвѣщение до 13 генваря мѣсяца, въныгда праздиикъ коньячется", "егда праздиикъ [Воздвижение Креста. — С.Ц.] доконьячется" /СДЯ, II, 175а; СДЯ, III, 40а/ и др.

⁵⁶ Так, например, в святцах ОЕ только в ноябре не заполнены именами святых 13 дней месяца, а в Добролюбовом Евангелии-апракос (1164 г.) намеренно указаны "нарочитые только праздники" (Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842. С. 171).

⁵⁷ Например, в КЕ: "Лъженаписаная отъ нѣкихъ церковныхъ врагъ мученчская словеса... огню прѣдаяти" /КЕ, 184, 6–13/; РК: "Иже от елинь сложенная мученья святыхъ, въ церковь да не вносятся", "еже лживыя еретичския мученики почитаютъ, да будетъ проклятъ" /СДЯ, II, 186а, 414б/.

⁵⁸ Петров А.Н. Чествование свв. славянских апостолов Кирилла и Мефодия в древнерусской церкви (по служебным минеям и месяцесловам до 1862 года) // ХЧ. 1893. Вып. 3. С. 537–539.

⁵⁹ Розов Н.Н. Остромирово Евангелие-апракос 1056–1057 годов — старейший памятник славянской письменности и искусства Древней Руси // ОЕ. Прил., с. 10.

⁶⁰ Так, уже первые русские составители месяцесловов, новгородцы Григорий и Алексей, создавшие ОЕ и МЕ, компилировали в своей работе несколько славянских и греческих святцев, служебные минеи и прочие источники /Буларский, 111/, а древнерусский переписчик XII в. византийского минейного Торжественника пополнял его оригинальными русскими материалами /Торж., 11/. Особенности редакционной работы над святцами и примеры появившихся в ее ходе казуистических искажений хорошо были описаны В.В. Болотовым (Указ. соч. С. 203–206).

⁶¹ К примеру, М.П. Погодин (Древняя русская история... Т. II. М., 1872. С. 950) заметил, что в святцах ОЕ под 6.09 вместо мученика Евдоксия помещено имя Евдоксии, чья память на самом деле празднуется 31.01.

⁶² Развитие древнерусской агиологической письменности до сих пор остается для нас загадочным. Энциклопедические работы Сергия (Полный месяцеслов Востока. Т. I–II. Владимир, 1901) не могут заменить детальной сравнительно-текстологической характеристики происхождения и состава древнерусских месяцесловов; кроме того, как было замечено В.В. Болотовым (Указ. соч. С. 177–178), они описывают "полный месяцеслов константинопольской церкви, но не других".

⁶³ Просто поразительным было, к примеру, "домышление" составителей Ник. Редактируя текст одного из своих источников, который в статье 6563 г. рассказывал о казни клеветника Дудики "на Кузьму и Дамиана", т.е. в один из дней поминовения этих святых и бессеребренников — 1.07, 17.10 или 1.11, "соавторы" Ник. (переписчики митрополитского скриптория!) Кузьму и Дамиана сделали "злыми друзьями" и "лукавыми советниками" новгородца-клеветника /IX, 91/. Не менее поразительно и то, что этот грубый вымысел воспринял и повторил Н.М. Карамзин (Указ. соч. Т. II. С. 233–234, прим. 114), который в своем сочинении осуществлял, вроде бы, последовательное и безжалостное обличение "вставок бессмысленных переписчиков" Ник. Подделку разоблачил А.А. Шахматов (Общерусские летописные своды... Ч. СССРXII. С. 182; он же. Разыскания... С. 245).

⁶⁴ Слово "неделя" в XI–XII вв. чаще всего обозначало воскресные дни семидневок, но иногда оно распространялось и на 6 остальных прилегающих к ним дней. Слово "воскресение" в значении дня семидневки стало применяться, видимо, с XIII–XIV вв.: 6754 г. Ип. — "во день воскресения, рекше недѣля" /II, 811/; Хлебниковский сборник (XIV в.) — "въскрсьения бо есть день недѣля нарицается" /СДЯ, III, 134а/. Пример, подобраный А.С. Львовым (Указ. соч. С. 29) из ПВЛ, подтверждающий, якобы, древнее употребление слова "воскресение" в значении дня недели ("и дошедъ Велика дне, Воскресенья по обычаю празднова свѣтло" /I, 186; II, 176/), неудачен, так как здесь речь идет как раз о пасхальном праздновании, а не о рядовом дне семидневки.

⁶⁵ Шляков В.Н. 850 лет... С. 391–395. Заметим также, что и в основной части ОЕ переписчик Григорий отметил новый год 23.09: от Пятидесятницы он насчитал 17 недель, затем начал новый счет: "Субота 1, начатъкъ новуому лѣту... Недѣля 1 новуому лѣту... Субота 2 новуому лету..." и т.д. до

недели о блудном сыне /**ОЕ**, 86в-117г/; “недѣля 2 новому лѣту” сопровождалась не положенным ей чтением, а 54-м зачалом из Евангелия от Луки, которое читается на день Покрова Богородицы (1.10) /**ОЕ**, 91г/, следовательно, “субота 1, начатъкъ новому лѣту” будет приходиться как раз на 23.09.

⁶⁶ Болотов В.В. Указ. соч. С. 196, прим. 9а.

⁶⁷ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... Т. III: Норманский период. М., 1846. С. 345; **Соболевский А.И.** Славяно-русская палеография: Курс первый. СПб., 1901. С. 18-19.

⁶⁸ Например, в Троице-Сергиевском сборнике слов и поучений (конец XII — начало XIII в.): “Аще калутерь, боля, былие пить ли тѣло свое мажеть,... да комъкаеть от Пасхы до Пасхы” /**СДЯ**, I, 336б/. Это, вероятно, и дало повод В.Н. Татищеву (Указ. соч. Т. I. С. 126) ошибочно утверждать, что летописцы времен Нестора днем новогодия считали Пасху.

⁶⁹ Не случайно, поэтому, русский мартовский календарный стиль многими исследователями выводился из болгарской хронологической традиции: **Дубенский Д.Н.** Указ. соч. С. 14-15; **Срезневский И.И.** Древние изображения... С. 52-53, прим.; **Соболевский А.И.** Славяно-русская палеография: Курс второй. С. 51 и др.

⁷⁰ Например: **Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 391; **Гусев Е.В.** Народные знания... С. 485.

⁷¹ К такому же выводу склонялись в свое время Н.В. Степанов (Единицы счета времени... С. 65, прим. 1; он же. Календарно-хронологический справочник. С. 22) и Н.Г. Бережков (Указ. соч. С. 33).

⁷² Еще в середине XIX в. П.В. Хавский отметил многие из описанных здесь преимуществ ультрамартовского стиля перед мартовским в применении к сентябрьской Пасхалии (см. прим. 29 “Введения”). Он даже предложил своим современникам вести пасхальные расчеты по таблицам, выстроенным по ультрамартовской (по терминологии П.В. Хавского, “перво-мартовской”) схеме (**Хавский П.В.** Хронологические таблицы. Кн. 1. С. 1-56; Кн. 2. С. 1-75); однако для того времени, когда русская Пасхалия уже окончательно “окрасилась” в мартовские “цвета”, труд П.В. Хавского был практически бесполезен и поэтому вызвал лишь непонимание и насмешки. Сейчас нам становится понятным, что московский хронолог-любитель первым установил, хотя и не совсем осознанно, связь древнерусского ультрамартовского стиля с канонической сентябрьской Пасхалией.

⁷³ **Степанов Н.В.** Единицы счета времени... С. 1-74; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 1-74; он же. К вопросу о календаре... С. 1-40.

⁷⁴ Здесь у исследователя не было устойчивой точки зрения: по иным его версиям, ранний вариант новогодия относился ко второй неделе поста или же к полнолунью перед постом.

⁷⁵ См. расшифровку артефактов 6562, 6575, 6603, 6604 и 6629 гг. ПВЛ в предыдущих главах; два других примера, относящиеся к ПВЛ (дата 4.03 в конце статьи 6611 г.; граница между 6618 и 6619 гг. Ин.-Хл.), мы разберем чуть позже. Еще один пример (6632 г. Л.) можно признать надуманным, так как здесь сѣса-мартовский год Н.В. Степанов устанавливает из весьма странного умозаключения: ле-

тописец, описывая солнечное затмение 28.02, ни слова не сказал о том, что оно произошло в последний день года, значит год оканчивался позже. Нельзя признать сѣса-мартовской и дату пожара в Новгородской св. Софии в Син. (15.03.6553 г., суббота) и в Ком. (4.03.6557 г., суббота; об этих датах см. 5.2). Наконец, отнесение к сѣса-мартовским двух других дат НПЛ (23.10.6577 г., пятница; 23.01.6639 г., суббота) следует признать недоразумением, так как никаких оснований для подобного вывода не имеется. Из всех летописных датировок второй половины XI — начала XII в., выбранных Н.В. Степановым, его гипотезу подтверждает, вроде бы, только одна, из Син.: “В лѣто 6645, настанучю въ 7 марта, индикта лѣту 15” /**НПЛ**, 24/, так как 7.03 в 6645 мартовском году приходилось на вторую неделю Великого поста, но и здесь возникают сомнения. Так, очевидно, что грамматически датирующая запись Син. выглядит неуклюжей, а более верное чтение содержится в Ком.: “В лѣто 6645, настанучю мѣсяца марта, въ 7...” /**НПЛ**, 209/, что, кстати, напоминает другое чтение НПЛ из статьи 6644 г. (“томъ же лѣтѣ, наставъшю индикта 15,... мѣсяца сентября” /**НПЛ**, 24/); при таком прочтении дата 6645 г. тоже вряд ли может считаться сѣса-мартовской.

⁷⁶ “Единъ канонъ посту дати бываеть” /**Изб.** 1076, 628/; “и се яко по вьсея вьселенныя церквамъ единому послѣдующе чину постъ творити” /**КЕ**, 180, 23-25/.

⁷⁷ Показательно, например, большое внимание к посту в **Изб.** 1076 г., причем, многие из его разделов имели целью объяснить русским читателям элементарные нормы: “Ни черезъ 4 дни пости ся, ни чересъ 5,... ни чресъ день, но по вся дни и по малу” /**Изб.** 1076, 628/. Сохранились даже целые сборники произведений о посте, например, Троице-Сергиевский сборник XIV в. поучений Иоанна Златоуста и других отцов /**СДЯ**, I, 65/.

⁷⁸ Так, в Троице-Сергиевской редакции (XVI в.) Устава князя Владимира (XI-XII вв.) полагаются “управа, и разсуды, и суды церковныя” для “ни во что же полагающих Великий пост,... не постящихся в Великую субботу и прочим повелѣнным постом ругающимся” /**ДКУ**, 77/.

⁷⁹ “Въ вся святѣя 40 дньи поста, разнѣ субботы и недѣля, и святого Благовѣщення дне, да не будетъ литургия, тѣмко прѣжесвященная” /**КЕ**, 178, 17-23/; “не подобаеть въ Великий постъ ни брака, ни памяти мертвымъ, ни иног коего пира творити” /**СДЯ**, I, 304а/.

⁸⁰ Например: “Въ вьсь постъ ни единому же от мнихъ не подобаеть мытися, еще не ключитъся бо- леть” /**СДЯ**, I, 284а/.

⁸¹ “Гражданское летосчисление в памятниках древнерусской письменности велось до 1700 г. от Р.Х. по методам церковного времяисчисления” (**Степанов Н.В.** Таблицы для решения... С. 88).

⁸² Он же. Календарно-хронологические факторы... С. 52.

⁸³ Краткая редакция “Русской Правды” (XI-XII вв.): “Виринику взяти 7 вѣдоръ солоду на недѣлю,... а въ среду рѣзану, а в пятницу также,... то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю;... до недѣли же виру сберут вириници” /**НПЛ**, 179-180/; Устав князя Владимира (XI-XII вв.): “Ис торгу 10-тую недѣлю, из домов на всякое лѣто 10-е всякого ста-

да" /ДКУ, 15/; Жалованная грамота Мстислава Владимировича (около 1130 г.): "А язъ далъ рукою своею и осеннее полудие" /ГВНП, 140/; договор Ярослава Ярославича с Новгородом (1270 г.): "А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму, а лѣтъ, княже, ездити на Озвато... А в Ладогу, княже, ездити на третее лѣто" /ГВНП, 12/.

⁸⁴ **Погодин М.П.** Древняя русская история... Т. II. С. 960.

⁸⁵ "Который епископъ, ли поп, ли диаконъ святыи день Пасхы преже веснянаго равноденства съ иудеи сътворить, да извържется... Вся въ Никейскѣмъ съборѣ заповѣданая въсѣмъ намъ годѣ естъ" /КЕ, 63, 9-12, 308, 6-8/.

⁸⁶ **Степанов Н.В.** Заметка о хронологической статье... С. 129-150; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 1-71 и др.

⁸⁷ Например: "Святую Пасху обрѣтаемъ в недѣлю, бывающую по 4-х же на 10 днехъ Лунѣ сего мѣсяца Марта" /ХГА, 102/.

⁸⁸ "Яко жидове по лунному течению години чутъ от години до години, день единъ на 10 излише являютъ, ихже и мы устремление или множество нарицаемъ, ибо лунное течение за дней 29 и часовъ 6 скончается, также и чутые дни 354 творять от года до года... Ти бо лунному течению години чутъ, ... мѣсяць естъ в нихъ дней имый 29 и полъ, якоже солнечному кругу сущю 363 [ошибочно вместо 365. — С.Ц.], лунному же 354, яко, солнечныя години преимаютъ дней 11 луннѣй же годинѣ" /ХГА, 212, 214/; "въ единомъ лѣтѣ книжныхъ мѣсяцевъ 12, а небесныхъ Лунъ исходить 12, а 13 Лунѣ исходить 11 день и в томъ на четвертое лѣто пребудеть Луна 13" /УЧ, 184-186/. О том же говорилось в Изб. 1073 г. /Изб. 1073, 2496-2/.

⁸⁹ На этом основании П.В. Хавский (Древняя новостъ. С. 500; он же. Примечания на русские хронологические вычисления... С. 31; он же. Хронологические таблицы. Кн. 1. С. [1] и др.) почему-то считал, что на Руси употреблялся древнеримский январский календарный стиль.

⁹⁰ О них см.: **Лапшин В.И.** Лунное течение и разные способы определения Пасхи православной и западной. СПб., 1879. С. V-VI, 23-29, табл. 8-10, 12-15; **Степанов Н.В.** К вопросу о летописном счислении часов: Исследование таблицы лунного течения // ЖМНП. Ч. XXI. № 6 (июнь). 1909. С. 213-273; он же. Исследование "Лунного течения" // ЧОИДР. 1913. Кн. 2 (245). С. 1-56. Недавно А.Н. Зелинский (Указ. соч. С. 68-70, 93-95) повторил устаревшее мнение о применении на Руси Пасхалии, построенной по циклу Калиппа, убедительно опровергнутое в указанных здесь работах Н.В. Степанова. В общих чертах связь расчетов Кирика и Лунника ПТ уже отмечалась (**Пентковский А.М.** Календарные понятия в Изборнике Святослава 1073 года и их наименования // ДЛЯ. М., 1987. С. 76).

⁹¹ **Степанов Н.В.** Заметка о хронологической статье... С. 139; он же. Календарно-хронологический справочник. С. 7-9. Правда, тут же Н.В. Степанов допускал ошибки, утверждая, что Фемелион отличался двумя единицами от русских Оснований и что он был только начальной формой древнерусского лунного счета, а потом его сменили Основания и Эпакты, но все же эти рассуждения намного

ближе к истине, чем мнение степановского оппонента Д.А. Лебедева (Послесловие редактора // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260). С. 301) и современного пасхалиста А.Н. Зелинского (Указ. соч. С. 93) о применении в русской Пасхалии alexandрийских Золотых Чисел и лунных Эпакт, отсчет которых велся с первого дня alexandрийского месяца "тот" (29.08). Ошибочной кажется и попытка И.Н. Данилевского (Лунно-солнечный календарь... С. 122-132) представить сиро-византийский январский 19-летний цикл оригинальным древнерусским языческим календарем.

⁹² "Фемелион, или Основание естъ число, показывающее сколько дней имеет новорожденная Луна в 1 день месяца марта" (**Ириней (Фальковский И.Я.)** Сокращение церковной хронологии, называемой просто наукой о Пасхалии. М., 1797. С. 8). То же самое см.: **Мефодий (Смирнов)**. Указ. соч. С. 33.

⁹³ При реконструкции учитывалось то, что в списках ПТ числа Лунника были искажены перепиской. Так, например, "январская луна" шестого Круга Луны в Коломенском списке обозначена 27.12-24.01, т.е. Фемелион этого года должен равняться 5, что противоречит 19-летней цикличности; верное же показание сохранил Силинский список (26.12-24.01) /ПТ, 25(50)-16/. Иногда корректировка данных Лунника требует более тщательной проверки: так, во всех списках ПТ Фемелион девятого Круга Луны равен 8 (24.12-21.01), но с учетом величины предыдущих лунаций (25.10-23.11, 24.11-22.12) получается, что "январская луна" в этом году должна начинаться 23.12, т.е. Фемелион будет равен 9 /ПТ, 28(54)/ и т.д.

⁹⁴ Этот месяц назван среди прочих в Изб. 1073 г. в главе "Иоана Дамаскина о македонскихъ мѣсяцехъ отъ церковнаго прѣдания" /Изб. 1073, 250в-251в/, но вряд ли древнерусские хронологи знали о его связи с началом отсчета Кругов Солнца.

⁹⁵ **Степанов Н.В.** Заметка о хронологической статье... С. 138-139; **Симонов Р.А.** Кирик Новгородец — ученый... С. 76-88; **Климишин И.А.** Календарь и хронология. М., 1985. С. 247-276.

⁹⁶ Именно поэтому важно возразить В.П. Зубову (Примечания к "Наставлению"... С. 194), считавшему, что трактовка УЧ не зависит от учета применения в нем какого-либо календарного стиля, а также А.Н. Зелинскому (Указ. соч. С. 110, прим. 73), утверждавшему, что до конца XV в. русский пасхальный год совпадал с гражданским (?) мартовским годом.

⁹⁷ Ряд соображений позволили Н.В. Степанову (Заметка о хронологической статье... С. 138-139; он же. Календарно-хронологический справочник. С. 3-4) и Д.А. Лебедеву (Указ. соч. С. 300) посчитать, что Вруцелето появилось в русской Пасхалии не ранее XIV в.

⁹⁸ Невероятность этого предположения отметил еще Д.А. Лебедев (Указ. соч. С. 299-300), справедливо указавший на то, что все средневековые пасхалисты, употреблявшие Регуляры (аноним 1079 г., Матфей Властарь, Исаак Акгир и др.), применяли, в отличие от Кирика, мартовский пасхальный год.

⁹⁹ Это уже отмечали В.В. Бобынин (Состояние математических знаний в России до XVI века //

ЖМНП. Ч. ССXXXII. № 4 (апрель). 1884. С. 189) и Н.В. Степанов (Заметка о хронологической статье... С. 131–132). В этом нет ничего удивительного, так как и в переводной литературе XI–XII вв. не встречалось удовлетворительного описания високосного цикла. Например, в таком важном и информативном хронологическом “пособии”, каким была для славянского мира ХГА, високос упоминался вскользь при описании заслуг Юлиа Цезаря: “Царствова Иулий Цесарь,... то законъ ромьскый дасть, индикты и вускта обрете и мѣсяца Иулия нарече” /ХГА, 205/.

¹⁰⁰ Ундольский В.М. Исследование о значении Вруцелета... С. 58.

¹⁰¹ РК: “Яко да цѣлу ночь [с субботы на воскресенье. — С.Ц.] и день тържествуемъ Господне Вскресение... О времени убо Вскрѣсенія Господа нашего... Матфѣй убо рече: “Поздѣ въ субботу, еже являеть глубокою ноци” /СДЯ, I, 4026; СДЯ, II, 71a, 332a/. Этот порядок употреблялся и в “бытовой” письменности: “Приспѣвши же ноци Вскресения Христова” /ПЛДР XII, 540/.

¹⁰² Интересным отголоском значения древнерусской “индикты” был вывод одного из первых наших светских пасхалистов, декабриста В.И. Штейнгеля (Указ. соч. С. 103–115) о том, что Вруцелето показывает день седмицы следующего сентябрьского года. Это отчасти резонное мнение подверглось в свое время резкой критике: Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности // ЖМНП. Ч. LXII. 1849. С. 202; он же. Месяцословы, календари и святцы... Кн. 1. С. 6; Ундольский В.М. Исследование о значении Вруцелета... С. 44, 49; Яковкин И.Н. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁰³ Это противоречит мнению многих исследователей: Погодин М.П. Древняя русская история... Т. II. С. 960–961; Ундольский В.М. Альманах. Индиктион, Круг Миротворный. С. 1, 15; Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье... С. 140–141; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 23, 25 и др.

¹⁰⁴ Однако сам 532-летний цикл (“Великий Круг”), как ясно из сведений Кирика /УЧ, 184/, был известен. Отметим, что его математический смысл (19 лет х 28 лет) Кирик не описал, т.е. о Великом Круге он знал, скорее, как эрудит, а не как пасхалист-практик. Н.В. Степанов (Заметка о хронологической статье... С. 140) считал, что только с помощью таблицы Великого Индиктиона Кирик мог определить следующее совмещение 8 Круга Солнца и 13 Круга Луны через 248 лет после 6644 г.; однако эти расчеты новгородец мог осуществить своим обычным методом, последовательно прикладывая числа 28 и 19 к 6644 номеру года. Если бы в Новгородском Антониевом монастыре в 30-е гг. XII в. применялась таблица Великого Индиктиона, тогда зачем, спрашивается, вообще были нужны монастырскому домоистику столь обширные хронологические знания?

¹⁰⁵ О существовании Пасхалии Зрячей в XII в. писал Н.В. Шляков (850 лет... С. 384–385).

¹⁰⁶ Пантелеймоновский Пролог (1307 г.): “Въ лѣто 6815,... а Солнцу 4-го перьста лѣто” (Ундольский В.М. Исследование о значении Вруцелета... С. 58; Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1928. С. 220, прим. 2).

¹⁰⁷ Одну из древних ее редакций описал священник В. Петров (Рука Богословля, или наука изъяснения о Пасхалии. М., 1787. С. 45–143; см. также: Климишин И.А. Указ. соч. С. 263–274), другую — в кратком виде священник И.П. Алексеев (Краткое руководство к удобному познанию знаков. М., 1787. С. 81–99), а в подробном — первый преподаватель Пасхалии в российских духовных учебных заведениях, архиепископ рязанский Симон (Пасхалии Зрячей для выкладки ручной показание в чертежах обеих рук // Зырин Н.В. Указ. соч. С. 86–147). Все прочие описания ручной Пасхалии ([Скворцов И.] Русская ручная Пасхалия. Киев, 1836; Рука Дамаскина, из тьмы забвения изъятая. Львов, 1856; Яковкин И.Н. Указ. соч. С. 349–432) содержат много авторских дополнений и поправок.

¹⁰⁸ Если же еще признать за Кириком авторство летописной статьи 6644 г. НПЛ, то можно сделать несомненный вывод о том, что в руках у него был какой-то Лунник: “Въ то же лѣто приде Новгороду князь Святославъ Олговиць... мѣсяца июля въ 19,... а Луне небеснѣй въ 19 день” /НПЛ, 24, 209/. Однако причастность автора УЧ к составлению летописи, впервые предположенная А.А. Шахматовым, подвергается ныне вполне обоснованным сомнениям (Симонов Р.А. Кирик Новгородец — ученый... С. 17–18; Щапов Я.Н. Древнеримский календарь... С. 339); к этому можно добавить, что в статье 6644 г. применялся мартовский календарный стиль, тогда как в УЧ — сентябрьский.

¹⁰⁹ Именно так в Кормчих XIII в.: в КЕ помещена целая глава “О възвѣщании дьне Пасхы въ днь съборный”, представляющая собой выдержки из правил Карфагенского собора /КЕ, 374, 19–378, 4/; “день святыя Пасхы възвѣщати на съборѣ, иже бывать по вся лѣта... преже десяти каландъ сентября, се же естъ 21 авгоста” /СДЯ, I, 72a; СДЯ, II, 30a; СДЯ, III, 4006/.

¹¹⁰ С учетом того, что здесь в ПВЛ отмечается ультрамартовский хронологический пласт (см. 2.3), ясно, что в 6596 ультрамартовском году (03.1087 г. — 02.1088 г.) один из “михайловых дней” — день Михаила-исповедника (23.05) — был воскресным.

¹¹¹ Похороны Изяслава (октябрь 6586 г.) обслуживали в Киеве “попове и черноризци” /I, 202–203; II, 193–194/, похороны его сына Ярополка (5.12.6596 г.) — “митрополить Иоан с черноризци и с прозвутеры” /I, 206; II, 198/, а посредничать в заключении Городецкого мира зимой 6605 г. митрополиту вообще пришлось в одиночку /I, 263–264; II, 237–238/.

¹¹² Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 22–32; он же. Календарно-хронологические факторы... С. 26–37.

¹¹³ Современное церковное название седминок (“седмицы” или “седмерицы”) в XI–XII вв. использовалось редко и чаще всего в переводной литературе.

¹¹⁴ Например, они упоминаются в заглавиях поучений Иоанна Златоуста в “Лествице” по Румянцевскому списку XIII в. (Востоков А.Х. Указ. соч. С. 610), в ЗЦ и в Троицком сборнике (конец XIV в.) /ЗЦ, 47; СДЯ, I, 65/.

¹¹⁵ Так, в списке Студийского Устава (конец XII — начало XIII в.) названия “Мясопус” и “Сыр-

ная недѣля” использовались и для обозначения воскресных дней, и для именования включающих их седмиц /СДЯ, II, 586, 284а; СДЯ, III, 394а; СДЯ, IV, 123а/.

¹¹⁶ Также и в проложном варианте сказания о Феодосии (Прилуцкий Пролог XIV–XV вв.): “Имяше же обычай Феодосий: въ дни Великаго поста входяше в пещеру Масленую недѣлю” /СДЯ, II, 451а; СДЯ, III, 304а/.

¹¹⁷ Другой вариант перевода несторовской фразы, сделанный О.В. Твороговым (“всегда после Мясопуста”; Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 107), точнее передает ее истинное содержание.

¹¹⁸ Еще в XVI в. бывшие в России иностранцы отмечали, что прежде здесь Масленица праздновалась 14 дней ([Снегирев И.М.] Указ. соч. С. 119; Калинин И.П. Указ. соч. С. 170), что подтверждает “спайку” Мясопустной и Сыропустной седмиц в единое “предпостное” празднование.

¹¹⁹ Это обстоятельство, видимо, повлияло на появление слов “въ 6 недѣль поста” в начале рассказа Ип.-Хл. о походе 6619 г., что было своеобразным резюме дальнейшего повествования, а не датой прихода русских к Дону (“и оттудѣ приидоша многи рѣки въ 6 недѣль поста [это согласуется с последним эпизодом похода 26.03–27.03. — С.Ц.], и придоша к Доюви въ вторникъ” /II, 266–41/). Таким образом, Ип.-Хл. имели в виду совершенно иное событие, нежели сообщение Вск.: “В 5-ю же недѣлю поста приидоша к Доюви” /VII, 22/, в связи с чем нет смысла искать календарное противоречие в сведениях этих памятников (например: Кудряшов В.К. Указ. соч. С. 112–114).

¹²⁰ “Ветхозаветная седмица” была зафиксирована и в РФ (6494г.ПВЛ): “Въ 7-й же день почи Богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота” /I, 88; II, 75/.

¹²¹ Именно так понимается “Вербница” в одном из слов Кирилла Туровского (XII в.) /Сухомлинов, 3/.

¹²² Также и в Паремейнике 1271 г., где упоминается “вторник Вербная недѣли” /СДЯ, II, 228а–6/.

¹²³ В структуре современного пасхального года Вербной называется шестая седмица поста, хотя ее воскресный день такого названия не носит, впрочем, как и пятое воскресение поста; в этом усматривается совмещение обеих линий древнерусского великопостного счета (так же и в ЗЦ, где после поучений Иоанна Златоуста, посвященных пяти воскресениям поста, следует “Слово на Вербницы”, не связанное с воскресением /ЗЦ, 48/). Цветная неделя, как шестая неделя поста, упоминается и в церковномонастырском Уставе /СДЯ, III, 176а/, в ОЕ /ОЕ, 1406/ и в Вск. в рассказе о походе русских к Дону в 6620 г. /VII, 22/.

¹²⁴ Мюмина М.А. Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 31, 33.

¹²⁵ Именно так описывал Великий пост киевонечерский летописец 70-х гг. XI в.: “Богъ далъ есть намъ 40 дний сию на очищенье души, се бо есть десятина, даема от тѣла Богу дний; бо есть от года до года 300, и 60, и 5, а от сихъ дний десятый день въздаяти Богови десятину, еже есть постъ 40-тний... Постъ дний начинаем от первого понедѣльника наставше Феодоровой недѣли, кончается же ся в

пяткоу Лазаревъ; а Страстная недѣля уставлена есть поститися страстий ради Господень” /I, 184–186; II, 174–176/; также в Изб. 1076 г.: “И Христосъ алка 40 дний, намъ образъ... показая” /Изб. 1076, 622/.

¹²⁶ Например, в Троице-Сергиевском сборнике (конец XIV в.): “Яко же начасте от первого дни поститися, тако и до Воскресенья Господня доидѣте”, также и в ЗЦ: “Вся жи си 7 недѣль десятина суть божия”, “рече блаженный апостолъ: “...7 недѣль есть поста святого, честиѣиши же всѣхъ есть 7-я недѣля” /СДЯ, II, 71а; СДЯ, III, 2996/. Кормчая предусматривала даже специальные меры для “стирания” границы между двумя частями поста: “Не подобаетъ въ четырнадцатый постъ въ послѣднюю недѣлю [т.е. на шестой седмице поста. — С.Ц.] въ четвертъкъ [т.е. перед пятницей и перед Лазаревой субботой] раздрушати постъ, ... но подобаетъ всю недѣлю [от пятницы шестой седмицы до Страстной Субботы] поститися сукходущимъ” /КЕ, 276, 15–20/.

¹²⁷ Лишь в ОЕ был зафиксирован иной порядок счета, продолжающий предпасхальный, что, видимо, объясняется его наличием в протографе памятника: начав апракос с пасхальных чтений, Григорий затем отметил понедельник — субботу “свѣтлыя недѣль”, а после них — “1 недѣлю по Пасцѣ”; но дойдя до следующего воскресения, которое ему следовало бы вслед за протографом обозначить “вторым по Пасхе”, он увидел, наконец, что это расписание не соответствует общепринятым правилам именовать “неделю Мироносиц” третьим послепасхальным воскресением и потому после “суботы 2 недѣль” записал: “Недѣля 3, въ нуже бываетъ память... прѣславнымъ мироносицамъ” /ОЕ, 2а–176/, вообще не упомянув второй недели по Пасхе.

¹²⁸ “Слово о слепце” относилось Кириллом к шестой неделе (воскресению) по Пасхе, следующему после нее четвергу (но опять же на шестой неделе-седмиче) посвящалось “Слово на Вознесение Господне”, но наступающий затем воскресный день (“святыхъ отецъ”) туровский епископ уже не относил к шестой неделе и поэтому сопроводил его особым поучением /Сухомлинов, 43, 50, 57/.

¹²⁹ Лобковский Пролог (вторая половина XIII в.): “Въ първый день вторыя недѣли по Възнесении Господа нашего Иисуса Христа” /СДЯ, II, 90а/; “Пандекты” Никона Черногорца (список XIV в.): “Въ вторый день вторыя недѣли <по> Възнесенъ<и> Господа нашего Иисуса Христа” /СДЯ, II, 227а/.

¹³⁰ Синодальный список Студийского Устава (конец XII — начало XIII в.): “Тако же и въ Великую недѣлю и въ прочая дни до Възнесения поеться... А на Възнесение “Спаси ны, Сыне Божий”... и бываетъ до 3 [т.е. “до третьего дня”, но это ошибочно вместо “до шестого дня”, так как этот отпуст употребляется в службе до Отдания Вознесения в пятницу следующей седмицы. — С.Ц.] 7 недѣли пятидесятныя, егда праздникъ докончается” /СДЯ, III, 40а/.

¹³¹ Снегирев И.М. О древнем и новом Семике // Московский вестник. 1829. Ч. 5. С. 164–186; Хахский П.В. Семика // СП. 1848. 22 мая. № 113. С. 449.

¹³² Например, в Троице-Сергиевском сборнике слов и поучений (конец XII — начало XIII в.) “ру-

сальным" называется понедельник после Троицина дня: "И по съшествии Святаго Духа, рекше по Русалихъ" /СДЯ, I, 906-91a/. Нестабильное положение Семика и Русальной недели по отношению к дням пасхального цикла, а так же особую роль Вознесения в народных празднованиях подтверждают и этнографические материалы (Калинский И.П. Указ. соч. С. 188-193; Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 394; Соколова В.К. Указ. соч. С. 387, 389, 391).

¹³³ В том же сборнике (см. прим. 132): "И по съшествии Святаго Духа... тако же недѣлю прѣйти, славяще пресвятую Троицу до дне всехъ святыхъ [т.е. под "неделей" подразумеваются дни от понедельника после Пятидесятницы до воскресения всех святых. — С.Ц.] и отътолѣ държати по Уставу отъчесту по Петрова апостола дне". Противоречивые даты окончания строительства Печерской церкви св. Богородицы в Л.(11.07) и Р.-МАК. (3.07) в

Глава 5

¹ Вот почему некоторые исследователи возводили древнерусский летописный жанр к записям в пасхальных таблицах (Срезневский И.И. Памятники X-го века... С. 17-18; Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 86 и др.).

² Шахматов А.А. Разыскания... С. 529; Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 82-85; Алешковский М.Х. К типологии текстов... С. 133-158.

³ Куник А.А. Известны ли нам год и день... С. 20-24; Шахматов А.А. Разыскания... С. 162-164, 186-187, 407.

⁴ В ПВЛ в 6583-6597 гг. отмечается пробел в сентябрьском слое (табл. XV-1), который отражает редакционную обработку и продолжение свода 1073-1075 гг. за пределами Киева. В этом интервале встречаются лишь два сообщения о монастыре (6583 г. — византийско-болгарское известие об окончании строительства церкви св. Богородицы; 6596 г. — краткое и отстраненное сообщение о смерти игумена Никона), которые нельзя признать печерскими по происхождению. В статьях 6597, 6599 и 6604 гг. печерская летописная основа представлена в обработке посторонних редакторов с весьма существенными искажениями. По сути дела, главным источником для построения выводов об этом периоде является ЖФП.

⁵ О дате пострижения Святоши из КПП см. прим. 6 к главе 2.

⁶ 6614 г. — погребение Яна Вышатича "въ Печерском монастыри"; 6615 г. — визит Святополка в монастырь; 6616 г. — сооружение монастырской трапезницы и внесение имени Феодосия в Синодик; 6617 г. — погребение Евпраксии Всеволодовны "в Печерском монастырѣ у дверей"; 6618 г. — "знамень в Печерстеѣм монастыре"; 6620 г. — подробнейший рассказ о поставлении печерского игумена на черниговскую кафедру и о выборах нового игумена (см. главы 1 и 2). Первое после 6604 г. "непостмартовское" печерское известие относится лишь к 6634 г. (смерть игумена Прохора).

⁷ В сложносоставной статье 6621 г. (см. 1.3) первоначально, вероятно, также присутствовали постмартовские пасхальные элементы, которые были

статье 6583 г. ПВЛ подразумевали седьмую неделю (воскресение) после Пятидесятницы, высчитанную для годов различных эр (см. 2.3), но, как раз, подобным способом определения дней недели.

¹³⁴ [Горский А.В., Невоструев К.И.] Указ. соч. Отд. I: Священное писание. М., 1855. С. 215, 218; Невоструев К.И. Описание Евангелия, писанного для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века // ИОРЯС ИАН. Т. IX. Вып. 2. 1860. Стб. 70, прим. 3; Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 29.

¹³⁵ Симонов Р.А. Кирик Новгородец — ученый... С. 9, 10, табл. 1. Скорее всего, сам Кирик использовал пентикостно-триодную схему счета, так как софийско-румянцевский текст был ближе к протооригиналу УЧ.

¹³⁶ В ОЕ с 23.09 начинается новый отсчет седмицевок; объяснение см. 4.3 и прим. 65.

искажены редактором конца 20-х гг. XII в., что ясно из наличия здесь типичной для него "декадной" формы записи ("в семы на 10 день"; см. 1.4). В таком случае, сообщение "Володимерь Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю" /I, 276/ представляет собой остаток пасхальной даты (чуть раньше здесь же: "По семь бо приспѣ праздникъ Пасхы,... и по празницѣ разболися князь"), которая первоначально выглядела примерно так: "В 4-ю неделю (воскресение) по Пасхе, месяца апреля в 19-й день".

⁸ Очевидные следы "постмартовской" редакторской работы над мартовскими показаниями Сильвестра, а также над ультрамартовскими датировками Василия, вошедшими в Выдубицкий свод 1116 г., есть в статьях 6583, 6605 и 6608 гг. ПВЛ.

⁹ Для оценки кругозора составителей Киево-Печерского свода начала 20-х гг. XII в. достаточно сравнить краткое и невразумительное постмартовское сообщение 6618 г. о донском походе с подробным мартовским рассказом 6619 г. Ип.-Хл. (см. 1.2).

¹⁰ В 6620 постмартовском году такое опережение прослеживается и в январской дате поставления Феоктиста (см. 1.2), а это значит, что обратный (и иногда ошибочный) отсчет седмичных дней и юлианских чисел от предстоящей Пасхи киево-печерские хронологи доводили не только до начала недели мытаря и фарисея, как в Триоди, но и до дня Крещения или даже до дня Р.Х.

¹¹ Так, например, в статьях 6681-6691 гг. Ип., имевших киево-печерское происхождение, отмечается годичное отставание от мартовского счета, а в известиях летописного свода выдубицкого игумена Моисея (1198 г.) наблюдаются мартовские признаки (Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 24, 206-208; Рыбаков Б.А. Русские летописцы... С. 36-60, 172-174).

¹² Достоверность этой грамоты подвергается сомнению, но поводом для этого было, как раз, неверное, якобы, сочетание хронологических элементов в ее дате /ДКУ, 173/; если даже допустить, что ее текст формировался на протяжении XIV-XVI вв., то и тогда можно предполагать, что дата реально отражала один из этапов создания

текста, также, как, например, дата Псковской судной грамоты.

¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II. С. 209, прим. 45; Срезневский И.И. Исследования о летописях новгородских. С. 24; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции... Т. IV. С. 134; Куник А.А. Известны ли нам год и день... С. 21, прим. 1; Шахматов А.А. О Начальном киевском... С. 24, 31–32, 35–36; он же. Разыскания... С. 218; Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 45, 53.

¹⁴ Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 378–379.

¹⁵ Шахматов А.А. О Начальном киевском... С. 31–33; он же. Общерусские летописные своды... Ч. СССРХХII. С. 184–188; он же. Разыскания... С. 170–257; он же. Обзорение... С. 129–131; он же. Киевский Начальный свод... С. 126–130. В свете всего сказанного о хронологических элементах этого памятника нам кажется невозможным представить его как произведение светского “посадничьего” летописания (см. об этом: Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 193–206).

¹⁶ Такое объяснение принял и А.А. Шахматов (О Начальном киевском... С. 36).

¹⁷ Такое замещение одного известия другим отразилось в младшем изводе НПЛ, в НЧЛ и СПЛ /НПЛ, 181; IV, 116; V, 129/, но древнейший новгородский текст (Син.) сохранил под этим годом сообщение о пожаре.

¹⁸ В поздней новгородской летописной традиции (НЧЛ-СПЛ, Тв.) этому прозвищу по ошибке, а может и намеренно, была дана облагороженная форма (“Жирыта”), однако, перечень Ком. и НВЛ не оставляют сомнений в том, что в древних новгородских летописях, так же, как и в ПВЛ, Лука назывался “Жидятой” /I, 150; II, 138; НПЛ, 473; XXX, 197/. Догадка Б.А. Рыбакова (Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 44, прим. 15) о том, что прозвище Луки произошло от его мирского имени Жидислав, требует аналогий из древнерусской церковной практики.

¹⁹ Именно в таком значении употреблялся этот термин в русском богословии XV в. (Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 136–140).

²⁰ Списки младшего извода НПЛ передают южнорусскую редакцию этого сообщения, более лаконичную и отстраненную: “Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ, Полочьскъ и зая Новъгородъ” /I, 166; II, 156; НПЛ, 186/. Местное происхождение известия Син. признавал и А.А. Шахматов (О Начальном киевском ... С. 220).

²¹ В таком случае получает объяснение непонятная до сих пор последовательность событий во время новгородского княжения Всеволода Мстиславича: 6633 константинопольский год (ОЗ.1125 г. – ОЗ.1126 г.) – “посадиша на столѣ Всѣволода новгородци”; 6640 год той же эры (ОЗ.1132 г. – ОЗ.1133 г.), после 14.04.1132 г. – “выгониша князя Всѣволода из города”; 6636 год византийско-болгарской эры (ОЗ.1131 г. – ОЗ.1132 г.), т.е. летом 1132 г. – “въдаша посадничество Новѣгородѣ Завиду Дмитровици; ...Завидъ, посадникъ новгородскый, умре, Дмитровицъ”; 6637 год той же эры (ОЗ.1132 г. – ОЗ.1133 г.) или 6640 константинопольский год, т.е. осень 1132 г. – “въниде ис

Киева Даниль посадничить Новугороду”, что было бы совершенно невозможным при наличии здесь киевского князя-наместника /НПЛ, 21–23, 205, 206–46, 207/.

²² Характерно все же и то, с какой тщательностью новгородским редактором начала XII в. архаичные хронологические элементы были упрятаны в сентябрьскую “оболочку”: для этого в начало статьи 6605 г. было помещено мартовское известие об ослеплении Василька, а “Великое говение” было отнесено к “зиме”.

²³ См. о нем: Лихачев Д.С. “Софийский временник” и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 174–180.

²⁴ Щапов Я.Н. Государство и церковь... С. 56–60.

²⁵ Нового князя на тмутараканский стол Никон пошел просить у Святослава, поэтому все исследователи датировали его визит в Киев и последующее вслед за ним возвращение Никона в Печерский монастырь не ранее 1072 г., т.е. относили его к тому времени, когда Святослав стал киевским князем. Возможен, однако, и иной взгляд на эти события: Никон обратился к Святославу еще в период его черниговского княжения, поскольку Тмутаракань считалась законным владением черниговских князей; в таком случае выходит, что свою родную обитель печерский изгнанник посетил мимоходом по дороге в Чернигов во второй половине 60-х гг. XI в.

²⁶ Шахматов А.А. Разыскания... С. 420–460.

²⁷ Сказанное, однако, не означает того, что Никон не мог быть составителем свода 1073–1075 гг., как решительно заявил М.Х. Алешковский (Повесть временных лет. С. 121, прим. 8).

²⁸ Кузьмин А.Г. Летописные источники посланий... С. 82.

²⁹ Скржинская Е.И. Греческая надпись из Тмутаракани // ВВ. Т. XVIII. М., 1961. С. 75, 78.

³⁰ Этот факт, тщательно заретушированный позднейшими летописцами, был восстановлен А.В. Кузой (Кто был наследником Остромира в Новгороде? // СР. М., 1968. С. 298–304). Я.И. Фроянов (Указ. соч. С. 168–170) считает, что если Ростислав и княжил когда-нибудь в Новгороде, то это было в 1052–1054 гг.; при этом он привычно обвиняет летописи в объединении под одним годом разновременных событий (“подобные приемы летописца не являются тайной для современного исследователя”), что, конечно, весьма удобно для подтверждения умозрительных предположений, но, по сути, выдает отсутствие у автора должных текстологических и хронологических оснований для такого вывода.

³¹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 289–340; Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 198–199.

³² Выделению новгородо-тмутараканского этапа в развитии летописания XI в. может способствовать и такой вполне определенный вывод, возникший в ходе изучения устных преданий, вошедших в состав ПВЛ: “Новгородские по своему происхождению известия Повести временных лет тесно связаны с киевскими известиями, с одной стороны, и тмутараканскими – с другой” (Лихачев Д.С. “Устные летописи” в составе Повести временных лет // Лихачев Д.С. Исследования... С. 119).

³³ Шахматов А.А. Разыскания... С. 351.

³⁴ Этот же Владимиро-Волынский свод второй половины 20-х гг. XII в. в поздней западно-русской обработке использовали, вероятно, в своих сочинениях Ян Длугош и В.Н. Татищев (см. подробнее: Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 78–83), у которых избыточные галицко-волыньские известия заканчивались, как и сентябрьский слой ПВЛ (Ип.-Хл.), концом 20-х гг. XII в. Нельзя согласиться лишь с тем, что этот свод называется исследователями “Перемышльским” и приписывается Василию.

³⁵ Кстати, это обстоятельство позволяет нам уточнить датировку Перемышльского свода Василия: он появился не позднее 1113 г. (см. 2.2), но и не ранее 1109 г. По всей видимости, свод Василия занимает то место в русском летописании, что раньше отводилось “первой” или “несторовской” редакции ПВЛ.

Заключение

¹ Иногда агрессивное отношение к “звездозаконию” распространялось даже и на общепринятую хронологическую практику; так, переписчик Софийского сборника (конец XIV в.), скопировав определение “языкомудрьцев” из Кормчей, отнес к ним и тех, кто вел “заскопия [наблюдения. — С.Ц.] дний и лѣтъ” /СДЯ, II, 464б; СДЯ, III, 345а/.

² Например: “Краткие календарные сведения Изборника Святослава 1073 г. не получили широкого распространения в древнерусской традиции и, соответственно, не отразились в реальной практике календарных вычислений” (Пентковский А.М. Указ. соч. С. 77). Примерно также и о трудах “классика” христианской хронологии Евсевия Памфила на Руси знали только понаслышке /ИЗБ. 1073, 247г; ХГА, 51, 102/.

³ Мурьянов М.Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 61.

⁴ Показательно то, что к середине XII в. в княжеской деловой письменности одним из элементов датирования становится индикт; например, в грамотах Святослава Ольговича (1136–1137 гг.) и Ростислава Мстиславича (1150–1151 гг.) /ДКУ, 146, 148/.

⁵ Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 98.

⁶ Иллюстрацией к сказанному может быть противоречие в датировке похода русских князей на Сутень Владимиром Мономахом (апрель 1107 г.;

³⁶ Так, из **Переяславля** заключать мир с поляками Мономах вышел “по Велицѣ дни”; после четырех месяцев польского похода и рождения Мстислава в Новгороде (этих деталей нет в ПВЛ) князь весной в очередной раз приходит в **Переяславль**; подробно описанная битва у Белой Вежи “на Госпожинѣ день” происходила в период **переяславского** “сидения” Владимира, как и его бедствия с дружиной “3 лѣта и 3 зимы”, и замирение с Аепой “по Рожѣстве”; в другой раз “3 зимы” упоминаются перед приходом князя в **Смоленск**; из Чернигова “на святого Бориса день” автор ПВМ уходит опять же в **Переяславль**; наконец, второе указание “Великого дня” связано с переходом князя из **Смоленска в Переяславль**.

³⁷ Приселков М.Д. Лаврентьевская летопись. С. 92–93.

см. 1.1) и летописцем Василием (апрель 1106 г.; см. 5.3). Кто в данном случае был ближе к истине: сам участник этого похода, но описывавший его много лет спустя и не связанный обязательствами точности, или же “книжник”, трудившийся над погодной хроникой в то самое время, когда состоялся поход, но получивший информацию о нем из чужих рук?

⁷ Так, без сомнения, следует “передатировать” такие события, как поход на Хазарию Святослава Игоревича — конец 968 г. — 969 г. (ранее он датировался 965 г.), вокняжение в Киеве Владимира Святославича — 980–981 гг. (976 г.), смерть Владимира и вокняжение Ярослава Мудрого — 15.07.1018 г. (1015 г.), Киевское восстание — 14–15.09.1066 г. (1068 г.), Сновская битва — 1.11.1067 г. (1068 г.), Кулячская битва — начало марта 1096 г. (1097 г.), княжеский съезд в Увечицах — август 1099 г. (1100 г.), смерть Святополка Изяславича и вокняжение в Киеве Владимира Мономаха — апрель 1114 г. (1113 г.) и др., а даты других событий принять как весьма вероятные: походы русских на Константинополь — 904 г. (907 г. и 911 г.) и 944 г. (941 г.), крещение Ольги — 963 г. (955 или 957 гг.), смерть Ольги — 11.07.977 г. (969 г.), крещение Руси — 991 г. (988 г.) и др.

ИСТОЧНИКИ

- I** — ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
- II** — ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.
- IV** — ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.
- V** — ПСРЛ. Т. V: Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.
- VII** — ПСРЛ. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
- IX** — ПСРЛ. Т. IX: Патриаршая, или Никоновская летопись. М., 1965.

- XV** — ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 1965.
- XX** — ПСРЛ. Т. XX. 1-я пол.: Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.
- XXIII** — ПСРЛ. Т. XXIII: Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- XXX** — ПСРЛ. Т. XXX: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
- XXXIII** — ПСРЛ. Т. XXXIII: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.

- XXXIV** — ПСРЛ. Т. XXXIV: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
- XXXVII** — ПСРЛ. Т. XXXVII: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- XXXVIII** — ПСРЛ. Т. XXXVIII: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Биларский** — Биларский П.С. Состав и месяцеслов Мстислава списка Евангелия: Извлечено из соч. проф. К.И. Невоструева // ИОРЯС ИАН. Т. X. Вып. 2. 1861. Стб. 110–137.
- Высоцкий** — Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
- ГВНП** — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская; Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Густ.** — ПСРЛ. Т. II: III. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. Прибавление к Ипатьевской летописи. С. 229–373.
- ДКУ** — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976.
- ЖБГ** — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приг. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
- ЗЦ** — Филарет. Содержание рукописи “Златая цепь”, принадлежащей к началу XIV в. и хранящейся в 6-ке Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1846. № 2. С. 45–48.
- Изб. 1073** — Изборник Святослава 1073 года. М., 1983.
- Изб. 1076** — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянова, Г.Ф. Нефедов; Под ред. С.И. Коткова. М., 1965. С. 149–701.
- КЕ** — Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований / Труд В.П. Бенешевича. Т. I. Вып. 1, 2. СПб., 1906.
- ЛВ** — Степанов Н.В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // ИОРЯС ИАН. Т. XVII. Кн. 3. 1912. С. 292–320.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ — “Археографический ежегодник”; **Ак.** — Академический список XV в. **НПЛ** /издание: **НПЛ, 103–427, прим.** /; **ВВ** — “Византийский временник”; **ВЕДС** — “Восточная Европа в древности и средневековье”: Сб. статей; **ВИ** — “Вопросы истории”; **ВИД** — “Вспомогат. историческ. дисциплины”; **ВИД 1994 г.** — “Вспомогат. историческ. дисциплины: Высшая школа, исследов. деят-ть, обществ. организации” (Тезисы докл. и сообщ. научн. конфер.); **Вл.** — Владимирский летописец XVI в. /**XXX, 7–146** /; **ВМГП** — “Ведомости Московск. ун-та”: Серия 8. “История”; **ВОИДР** — “Временник Императорск. Московск. Общ-ва истории и древностей российских при Московск. ун-те”; **Вск.** — Воскресенская летопись XVI в. /**VII** /; **ВСПГП** — “Ведомости Санкт-Петербургск. городск.

- НГБ** — Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962–1976 годов. М., 1978.
- НПЛ** — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ОЕ** — Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. М.; Л., 1988.
- ПЛДР XI–н. XII** — Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы, XI–начало XII в. М., 1978.
- ПЛДР XII** — Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.
- ППКВ** — Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 21–22.
- ПТ** — Паля Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. Вып. 1. М., 1892.
- СДЯ** — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–IV. М., 1988–1991.
- Срезневский** — Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
- Срезневский, 1863** — Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. // Христианские древности и археология. Кн. 7. 1863. С. 2–20.
- Сухомлинов** — Сухомлинов М.И. Рукописи графа А.С. Уварова. Т. II. СПб., 1882.
- Торж.** — Черторицкая Т.В. К вопросу о литературной истории древнерусского минеинного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 9–11.
- Тр.** — Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- УЧ** — Учение им же ведати человеку числа всех лет // ИМИ. Вып. VI. М., 1953. С. 174–191.
- ХГА** — Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследования и словарь. Т. I.: Текст. Пг., 1920.

полиции”; **Густ.** — Густынская летопись XVII в. /**Густ.** /; **ДЛЯ** — “Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому”: Сб. статей; **Ерл.** — Ермолинская летопись XV в. /**XXIII** /; **Ерм.** — Ермолаевский список XVII в. ПВЛ /**II, прил.** /; **ЖМНП** — “Журнал министерства народн. просвещения”; **ЖФП** — “Житие Феодосия Печерского” кон. XI в. (Успенский список XII в.) /**ПЛДР XI–н. XII, 278–303** /; **ЗЦ** — “Златая цепь” (Троице-Сергиевский список кон. XIV в.) /**ЗЦ** /; **ИАИ** — “Историко-астрономические исследования”; **ИАН** — Императорск. Академия Наук; **Изб.** — Изборники 1073 г. и 1076 гг. /**Изб. 1073**; **Изб. 1076** /**ИОРЯС ИАН** — “Известия Отделения русского языка и словесности ИАН”; **Ип.** — Ипатьевский список кон. XIV – начала XV в. ПВЛ /**II** /; **ИС** — “История СССР”;

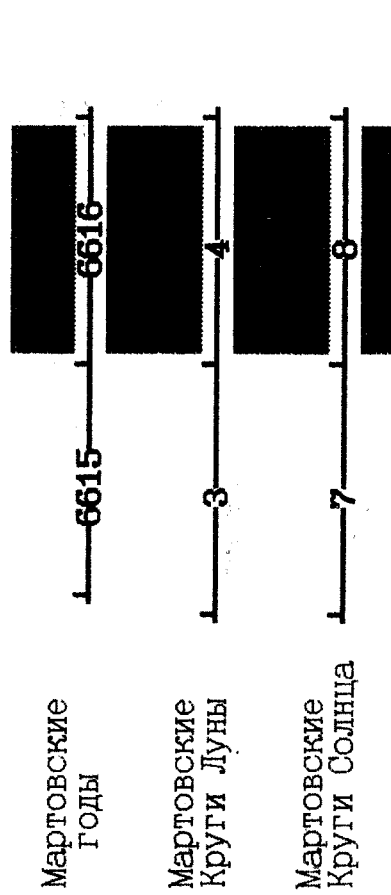
КЕ — Кормчая Ефремовской редакции (Синодальный список XII в.) /КЕ/; Ком. — Комиссионный список XV в. НПЛ /НПЛ, 103–427, 465–509/; КПП — Киево-Печерский Патерик XIII в. (2-я Кассиановская редакция 60-х гг. XV в.) /ПЛДР XII, 406–621/; Кр. — Краковский список XVIII в. ПВЛ /II, прил./; Л. — Лаврентьевский список 1377 г. ПВЛ /I/; ЛВ — славяно-русский перевод “Летописца вскоре” X–XI вв. (список Новгородской Кормчей 1280 г.) /ЛВ/; Льв. — Львовская летопись XVI в. /XX/; МАК. — Московско-Академический список XVI в. ПВЛ /I, прим./; МВ — “Московск. ведомости”; МГВ — “Московск. губернские ведомости”; МЕ — Мстиславо-Евангелие-апракос 1095–1117 гг. /Биларский/; НВЛ — Новгородская 2-я летопись кон. XVI в. /XXX, 145–205/; Ник. — Никоновская летопись 30-х гг. XVI в. /IX/; НПЛ — Новгородская 1-я летопись /НПЛ/; НЧЛ — Новгородская 4-я летопись XV в. /IV/; ОЕ — Остромирово Евангелие-апракос 1056–1057 гг. /ОЕ/; ОЗ — “Отечественные записки”; ОРЯС — Отделение русского языка и словесности ИАН; П. — Пискаревский летописец 1-й пол. XVII в. /XXXIV, 31–220/; ПВЛ — “Повесть временных лет”; ПВМ — “Поучение Владимира Мономаха” 1117–1125 гг. (Лаврентьевский список 1377 г.) /I, 240–255/; Пог. — Погодинский список XVI в. ПВЛ /II, прим./; ППКВ — “Память и похвала князю Владимиру” нач. XII в. (списки XV–XVI вв.) /ППКВ/; ПСРЛ — “Полное собрание русских летописей”; ПТ — Палея Толковая (Троице-Сергиевский список 1406 г.) /ПТ/; Р. — Радзивилловский список XV в. ПВЛ /I, прим./; XXXVIII/; РК — Рязанская Кормчая (1284 г.)

/СДЯ, I–IV/; РФ — “Речь философа” /I, 86–104/; II, 73–91/; СБГ — “Сказание о Борисе и Глебе” нач. XII в. (Успенский список XII в.) /ЖБГ, 27–66/; Сип. — Синодальный список XIII–XIV вв. НПЛ /НПЛ, 15–100/; СП — “Северная пчела”; СПЛ — Софийская 1-я летопись XV в. /V/; СР — “Славяне и Русь”: Сб. статей; Тв. — Тверской летописный сборник нач. XV в. /XV/; Тип. — Типографская летопись XVI в. /XXXIII, прим./; ТОДРЛ — “Труды Отдела древней русской лит-ры Инст-та русск. лит-ры (Пушкинский дом) АН СССР”; Толст. — Толстовский список XVIII в. НПЛ /НПЛ, 103–427, прим./; Торж. — минейный Торжественник XII в. /Торж./; Тр. — Троицкая летопись нач. XV в. /Тр./; Уст. — Устюжская летопись XVI в. /XXXVII, 17–103/; УЧ — “Учение о числах” 1136 г. (Погодинский список XVI в.) /УЧ/; ХГА — славяно-русский перевод “Хроники Георгия Амартола” X–XI вв. (списки XIII–XIV вв.) /ХГА/; ХИД — “Хождение игумена Даниила” нач. XII в. (списки XIII–XVI вв.) /ПЛДР XII, 24–115/; Хл. — Хлебниковский список XVI в. ПВЛ /II, прим./; Холм. — Холмогорская летопись сер. XVI в. /XXXIII, 10–147/; ХЧ — “Христианское чтение”; ЧБГ — “Чтение о Борисе и Глебе” кон. XI в. (Сильвестровский список XIV в.) /ЖБГ, 1–26/; ЭВС — “Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры”; ЧОИДР — “Чтения в Императорск. Московск. Общ-ве истории и древностей российских при Московск. ун-те”; ВСНР AIS — “Bulletin de la Classe historico-philologique de l’Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg”; FAGR — “Forschungen in der älteren Geschichte Russlands: Von Philipp Krug”.

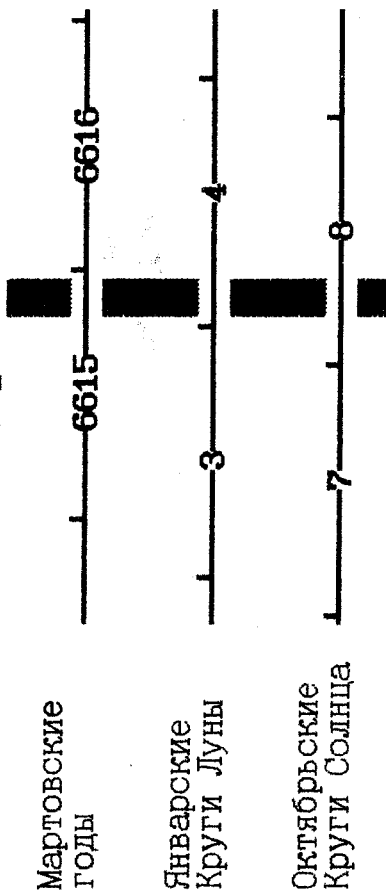
Новгородская 1-я летопись	6617	6618	6619	6620	6621	6622				
Лаврентьевская летопись		6616	6617	6620 6619 6618	6620	6621	6622			
Ипатьевская летопись		6616	6617	6618	6619	6620	6621			
Годы эры от Р.Х.	1109	1110	1111	1112	1113	1114	9, 10	11		
	1	2	3	4	5	6	7	8		

ТАБЛИЦА 1.
Синхронизация датировок Новгородской 1-й,
Лаврентьевской и Ипатьевской летописей:

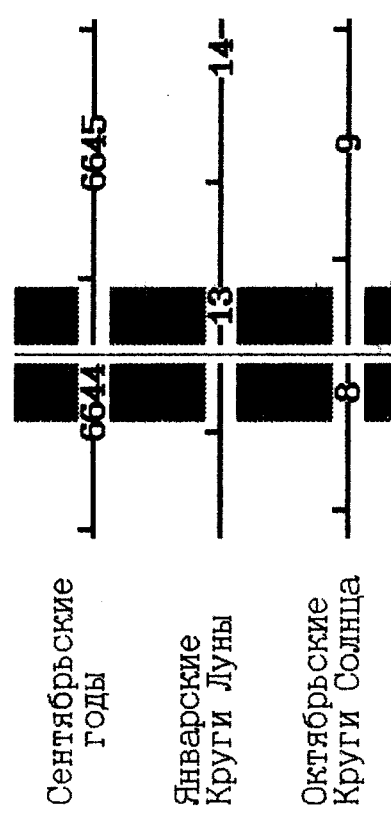
- 1 - "великая вода"; 2 - окончание трапезницы; 3 - закладка церкви св. Михаила (11.07);
4 - поход на половцев (февраль-март); 5 - смерть епископа Иоанна (23.11);
6 - поход и свадьба Ярослава (май-июнь); 7 - смерть Давыда (25.05); 8 - смерть Янки;
9 - поставление Феоктиста (12.01); 10 - выборы Прохора (9.02); 11 - смерть Святополка
и начало княжения Владимира

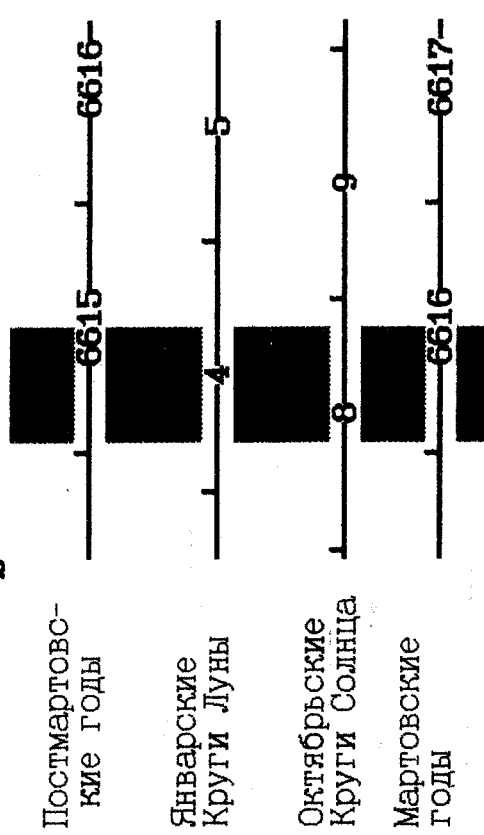
1

3

2

4

ТАБЛИЦА II.
Совмещение церковно-пасхальных терминов и лет от Сотворения Мира:

- 1 - по правилам XVI-XX вв.; 2 - по "Учению о числах" Кирика;
3 - по версии Н.В. Степанова; 4 - с учетом постмартовского времяисчисления

	5 февраля	16 февраля
Сентябрьские годы	—6614—	—6615—
Ультрамартовские годы	—6615—	—6616—
Постмартовские годы	—6613—	—6614—
Годы эры от Р.Х.	—1106—	—1107—
		—1108—
		—1109—

1

Первоначальная постмартовская запись
6615 год (03.1108 г.-02.1109 г.):
"в лето 6615, вторник седмицы о блуд-
ном сыне, 15 февраля, перед зорями в
ночи"

Перяславо-Суздальский
свод (начало XIII в.)
6615 ультрамартовский год
(03.1106 г.-02.1107 г.):
"в лето 6615, 5 февраля, перед
зорями в ночи"

Ипатьевская летопись
"в лето 6615, 15 февраля"

Новгородские летописи
"в лето 6615, 5 февраля"

Лаврашевское Евангелие
"в лето 6615, 5 февраля, 3 часа ночи"

2

Первоначальная сентябрьская запись
6617 год (09.1108 г.-08.1109 г.):
"в лето 6617, 15(16) февраля"

Новгородская 2-я летопись
"в лето 6617, 2 февраля"

ТАБЛИЦА III.

Трансформация даты землетрясения в древнерусских летописных текстах:

- 1 - трансформация пасхальной даты в различных системах времяисчисления;
- 2 - трансформация начальных дат в южнорусском и новгородском летописании

Источник с мартовскими годами
6621 г.: солнечное затмение 19.03

Источник с постмартовскими годами
("раннеипатевская" редакция ПВЛ)

6621 г.: солнечное затмение 8.03(?)

омерть Святополка 16.04

вокняжение Владимира

вокняжение Святослава в

Переяславле

смерть игуменъи 14.09

свадьба Романа

поставление Даниила

поставление Никиты

6622 г.: смерть Святослава 16.03

Редакция ПВЛ 1122-1123 гг.

Источник с сентябрьскими
годами

6623 г.: свадьба Романа 11.09

закладка церкви св. Николы

вокняжение Ярополка в

Переяславле после 16.03

Ипатьевская редакция ПВЛ (кон. 20-х гг. XII в.)

6621 г.: солнечное затмение 19.03

лунное (солнечное) затмение 8.03(?)

смерть Святополка 16.04

вокняжение Владимира

вокняжение Святослава

смерть игуменъи 14.09

свадьба Романа **11.09**

закладка церкви св. Николы

вокняжение Ярополка в Переяславле

поставление Даниила

поставление Никиты

6622 г.: смерть Святослава 16.03

Владими́ро-Суздальские своды
конца XII - начала XIII в.

ТАБЛИЦА IV.

Формирование летописных статей 6621 и 6622 гг. Ипатьевской летописи

И п а т ь е в с к а я л е т о п и с ь											
6624			6625			6626			6627		

5-постройка Желни (весна-08.1116 г.); 6-смерть Льва (15.08.1116 г.); 7-поход на Дон и свадьба Ярополка (15.08-1.09.1116 г.); 8-переход Мстислава в Белгород (17.03 [дата из НПЛ].1117 г.); 9-осада Владимира-Волынского (весна-лето 1117 г., 60 дней); 10-смерть епископа Лазаря в Переяславле (16.09.1117 г.); 11-поставление Сильвестра (1.01.1118 г.); 12-бегство Ярослава из Владимира и 13-вояжение там Романа (03-08.1118 г.); 14-смерть Алексея Комнина (15.08.1118 г.); 15-смерть Романа (15.01.1119 г.); 16-смерть Глеба (13.09.1119 г.); 17-вояжение Андрея во Владимир (после 13.09.1119 г.); 18-поход на болгар (09.1119 г.-1.09.1120 г.); 19-бегство торков и берендеев из Руси (1.09.1120 г.-04.1121 г.); 20-смерть митрополита Никифора (04.1121 г.); 21-солнечное и лунное затмение (10 и 24.03.1122 г.); 22-приход митрополита Никиты и 23-смерть епископа Амфилохия, землетрясение, захват Володаря поляками (24.03.1122 г.-17.01.1123 г.; в хронике XV в. Яна Длугоша захват в 1122 г.); 24-смерть жены Мстислава (17.01.1123 г.); 25-смерть епископа Сильвестра (12.04.1123 г.); 26-смерть епископа Феоктиста (6.08.1123 г.); 27-смерть Ярослава (08.1123 г.-05.1124 г.); 28-падение церкви в Переяславле (10.05.1124 г.); 29-пожар в Киеве (23-24.06) и солнечное затмение (11.08.1124 г.); 30-смерть Василька (08.1124 г.-02.1125 г.); 31-смерть вдовы Святополка (28.02.1125 г.)

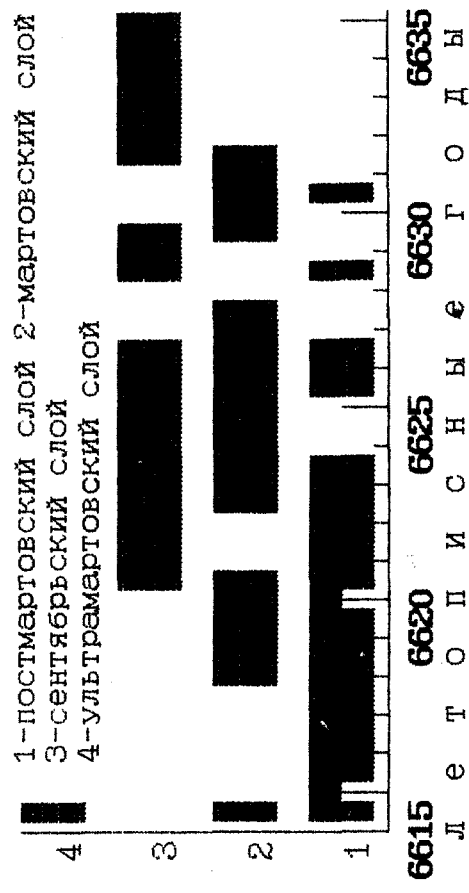

ТАБЛИЦА VII.
Расположение различных хронологических слоев в заключительной части "Повести временных лет"

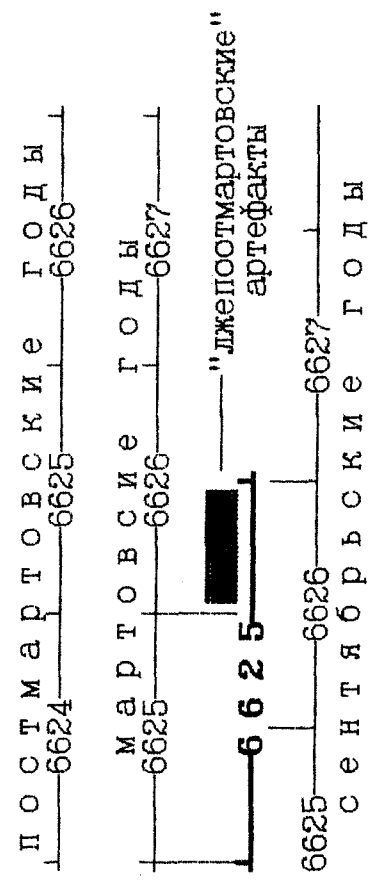

ТАБЛИЦА VI.
Образование "лжепостмартовских" показаний в тексте "Повести временных лет"

Последователные известия "Поучения"	Известия "Повести временных лет"	Даты от С.М. по ПВЛ и ПВЛ	Даты от Р.Х.
"...И Смолинску идох, о Давыдом смирившеся..."	"В лѣто 6608Братъя створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимиръ, Давыдъ, мѣсяца августа "	08.6608 г. -09.6609 г.	08.1099 г.-09.1100 г.
"...Паки идохом другое с Вороницѣ..."	"В лѣто 6609 ...И прислаша половци слы от всѣх князей... и створиша миръ с половци... мѣсяца сентября въ 15 день ..."	09.6609 г.	09.1100 г.
"... Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣвичи, идохом противу имъ на Сулу..."		12-02.6609 г. 12.6610 г.-	12.1100 г.-02.1101 г.
"...И потомъ паки идохом к Ростову на зиму ..."		-02.6612 г.	12.1101 г.-12.1104 г.
"...И по 3 зимы ходихом Смолинску..."		03-12.6613 г.	03-12.1104 г.
"...И-Смолинська идох Ростову..."	"В лѣто 6613 [в конце года] Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ ..."	01-02.6613 г.	01-02.1105 г.
"...И потомъ по Боняцѣ же гонихом за Росѣ..."	"В лѣто 6614 [в начале года] Воеваша половци около Зарѣчьска [далее дата 24.06]..."	03-06.6614 г.	03-06.1105 г.
"...И на зиму Смолинску идохъ..."		12-02.6614 г.	12.1105 г.-02.1106 г.
"...И-Смолинска по Велицѣ дни выдох..."	"В лѣто 6615 [в начале года] Проставися Володимиръ, мѣсяца мая въ 7 день ..."	25.03-7.05.6615 г. 7.05.6615 г.	25.03-7.05.1106 г. 7.05.1106 г.
"...И Гюргева мати умре"			

ТАБЛИЦА VIII.
Синхронизация известий "Поучения Владимира Мономаха"
и "Повести временных лет"

Радзивиловский и Московско-Академи- ческий списки	Ипатьевский и Хлеб- никовский списки	Лаврентьевский список	Новгородская 1-я летопись	Владимирский летописец
6613 г. Поставление Амфило- хия	6613 г. Поставление Амфило- хия 27 августа	6613 г. Поставление Амфило- хия 27 августа	6613 г. Поставление Лазаря	6613 г. Поставление Амфило- хия 27 августа
Поставление Ла- заря	Поставление Лазаря 12 ноября	Поставление Лазаря 12 ноября	Поставление Мины	6614 г. Поставление Лазаря 12 ноября
Поставление Мины	Поставление Мины < 10 > декабря	Поставление Мины < 10 > декабря	Поставление Амфилохия	Поставление Мины < 10 > декабря

ТАБЛИЦА X.
Сопоставление известных летописных статей 6613-6614 гг.
"Повести временных лет", Новгородской 1-й летописи и
Владимирского летописца

Годы эры от Р.Х.		1 0 9 7			1 0 9 8			1 0 9 9		
Известия непогод-ного рассказа статьи 6605 г.		1	2	3	4	5	6	7	8	9 10 11
Ультрамартовские даты								6 6 0 8		
Сентябрьские даты				6 6 0 6				6 6 0 7		
Мартовские даты		6 6 0 5				6 6 0 6 (СИЛ, Ерл.)		6 6 0 7 (СИЛ, Ерл.)		
Постмартовские даты						6 6 0 5				

ТАБЛИЦА XI.
Синхронизация известий 6605 г. "Повести временных лет" с абсолютными летописными датами:

- 1 - княжеский съезд в Любиче; 2 - арест и ослепление Василька (ноябрь); 3 - поход Владимира и Святославичей на Киев и заключение Городецкого мира; 4 - "приближися постъ Великий" (февраль); 5 - "приходящу Велику дни" (28.03), поход Давыда на Бужск и освобождение Василька; 6 - уход Святополка из Киева в Брест и переговоры с поляками; 7 - "наставши весне" Ростиславичи и Святополк осаждают Владимир 7 недель, казнь клеветиков, уход Ростиславичей, Давид бежит в Польшу в "Великую субботу" (9.04); 8 - борьба Святополка и венгров с Давидом, Ростиславичами и Боняком, битва на Вагре; 9 - борьба Давыда за Владимир, смерть Мстислава (12.06); 10 - Святоша и Путьга выгоняют Давыда из Владимира (5.08); 11 - начало съезда в Уветичах (10.08)

Годы эры от Р.Х.	1 0 7 5	1 0 7 6	1 0 7 7	1 0 7 8	1 0 7 9
------------------	---------	---------	---------	---------	---------

Последовательные известия
"Поучения Владимира Моно-
маха" с дополнениями ле-
тописи

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Ультрамартовские даты ПВЛ	6 5 8 4	6 5 8 5	6 5 8 6	6 5 8 7	6 5 8 8
Сентябрьские даты ПВЛ	6 5 8 3	6 5 8 4	6 5 8 5	6 5 8 6	6 5 8 7
Мартовские даты ПВЛ	6 5 8 3	6 5 8 4	6 5 8 5	6 5 8 6	6 5 8 7
Постмартовские даты ПВЛ	6 5 8 2	6 5 8 3	6 5 8 4	6 5 8 5	6 5 8 6

ТАБЛИЦА XIII.
Синхронизация известий "Поучении Владимира Мономаха" с
датировками "Повести временных лет":

1 - выход Владимира "по Велицѣ дни" (5.04) из Переяславля; 2 - "на лѣто" уход во Владимир; 3 - поход в Польшу (после "лѣта"?); 4 - рождение Мстислава; 5 - приход Владимира в Туров; 6 - переход "на весну" в Переяславль; 7 - переход в Туров; 8 - смерть Святослава (27.12); 9 - "той же зимы" переход в Новгород; 10 - "на весну" приход в Новгород в помощь Глебу; 11 - "на лѣто" поход со Всеволодом на Полоцк; 12 - "на другую зиму" поход со Святополком на Полоцк; 13 - смерть Глеба (30.05); 14 - приход Владимира в Чернигов, а Святополка в Новгород; 15 - приход Владимира "къ отцу" (т.е. в Чернигов, после Волинского мира 15.07); 16 - приезд Олега в Чернигов на похороны Глеба 23.07; 17 - бегство Олега из Чернигова (10.04); 18 - битва на Сажиче (25.08), приход Владимира в Переяславль к отцу, "с полку пришедше" (т.е. после битвы); 19 - "том же лѣтѣ" битва с Борисом и Олегом на Нежатиной ниве (3.10)

Д а т ы

Софийско-новгородские

постмартовские

летописные своды

ультрамартовские

"Киевский летописец"

мартовские

6 5 8 5	6 5 8 6	6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1
6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1	6 5 9 2	6 5 9 3
6 5 8 6	6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1	6 5 9 2

Л е т о п и с н ы е
и з в е с т и я

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

"Повесть временных

лет"

6 5 8 5	6 5 8 6	6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1
6 5 8 6	6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1	6 5 9 2
6 5 8 7	6 5 8 8	6 5 8 9	6 5 9 0	6 5 9 1	6 5 9 2	6 5 9 3

ТАБЛИЦА XIV.
Синхронизация известных "Повести временных лет", Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей:

1 - смерть Глеба (30.05); 2 - вокняжение Святополка в Новгороде; 3 - приход из Польши Изяслава; 4 - бегство Олега из Чернигова в Тмутаракань; 5 - вокняжение Всеволода в Киеве; 6 - смерть Романа 2.08 и пленение Олега; 7 - освящение Киево-Печерской церкви св.Богородицы; 8 - смерть митрополита Иоанна-"книжника"; 9 - приход Янки с митрополитом Иоанном-скопцом; 10 - смерть митрополита Иоанна-скопца

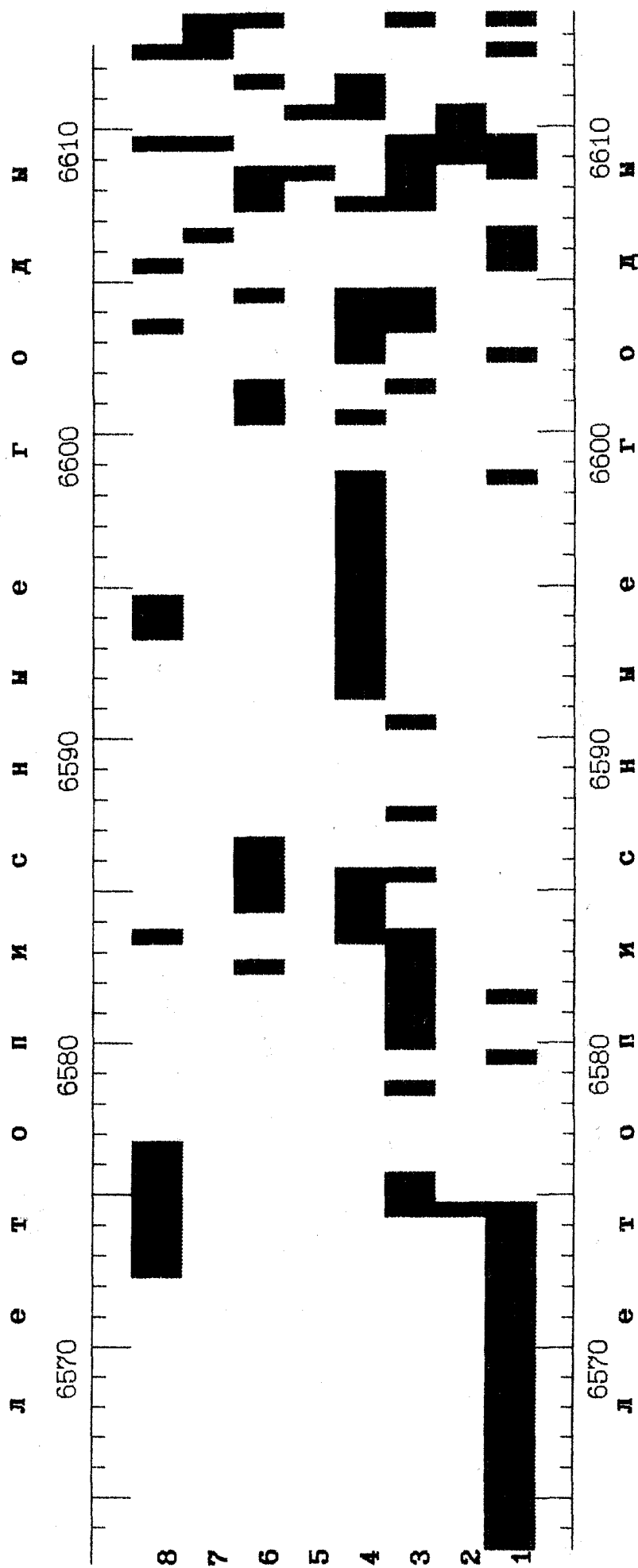

ТАБЛИЦА XV.
Расположение различных хронологических слоев в средней части "Повести временных лет":

1 - константинопольский сентябрьский слой; 2 - византийско-болгарский ультрамартовский (?) слой; 3 - древний константинопольский ультрамартовский слой; 4 - древний константинопольский мартовский слой; 5 - антиохийский ультрамартовский (?) слой; 6 - константинопольский постмартовский слой; 7 - поздний константинопольский мартовский слой; 8 - поздний константинопольский ультрамартовский слой

Г О Д М
константино-
польские:

	1	9	11	12	13
сентябрьские	— 6525 —	6527 — 6528 —	6531 — 6532 —	6533 — 6534 —	6535 — 6536 —
мартовские	6524 — 6525 —	6526 — 6527 — 6528 —	6530 — 6531 — 6532 —	6533 — 6534 —	6535 — 6536 —
византийско-болгарские	— 6521 —	6522 — 6523 —	6527 — 6528 —	6529 — 6530 —	6531 — 6532 —
сентябрьские		1 6523 —			
		2 3 4 5 6 7 8 9 10			

константино-
польские:

	14	15	17	18	19	20
сентябрьские	— 6541 —	6542 — 6543 — 6544 —	6545 — 6546 —	6551 — 6552 —	6553 — 6554 —	6558 — 6559 —
мартовские	6540 — 6541 —	6542 — 6543 — 6544 —	6545 — 6546 —	6551 — 6552 —	6553 — 6554 —	6557 — 6558 —
византийско-болгарские	— 6537 —	6538 — 6539 — 6540 —	6541 — 6542 —	6547 — 6548 —	6549 — 6550 —	6553 — 6554 —
сентябрьские						

Синхронизация датировок известных 6522-6558 гг. различных летописных памятников:
ТАБЛИЦА XVI.

1-переход Ярослава на княжение из Новгорода в Киев; 2-смерть Владимира (15.07); 3-убийство Бориса; 4-захват Киева Святополком и Волеславом (14.08); 5-убийство Глеба; 6-конфликт Ярослава с новгородцами; 7-Любечская битва (ноябрь-декабрь); 8-выдача новгородцам Русской Правды; 9-нападение Брячислава на Новгород; 10-поход Ярослава к Берестям; 11-нападение Мстислава на Киев; 12-рождение Изяслава; 13-появление кометы; 14-смерть Евстафия; 15-похвала Ярославу; 16-смерть Мстислава, вокняжение Владимира в Новгороде, начало епископства Луки, нападение печенегов, заточение Судислава; 17-поход Ярослава на литву; 18-основание св.Софии в Новгороде; 19-пожар в новгородской св.Софии (4.03); 20-смерть жены Ярослава (14.02)

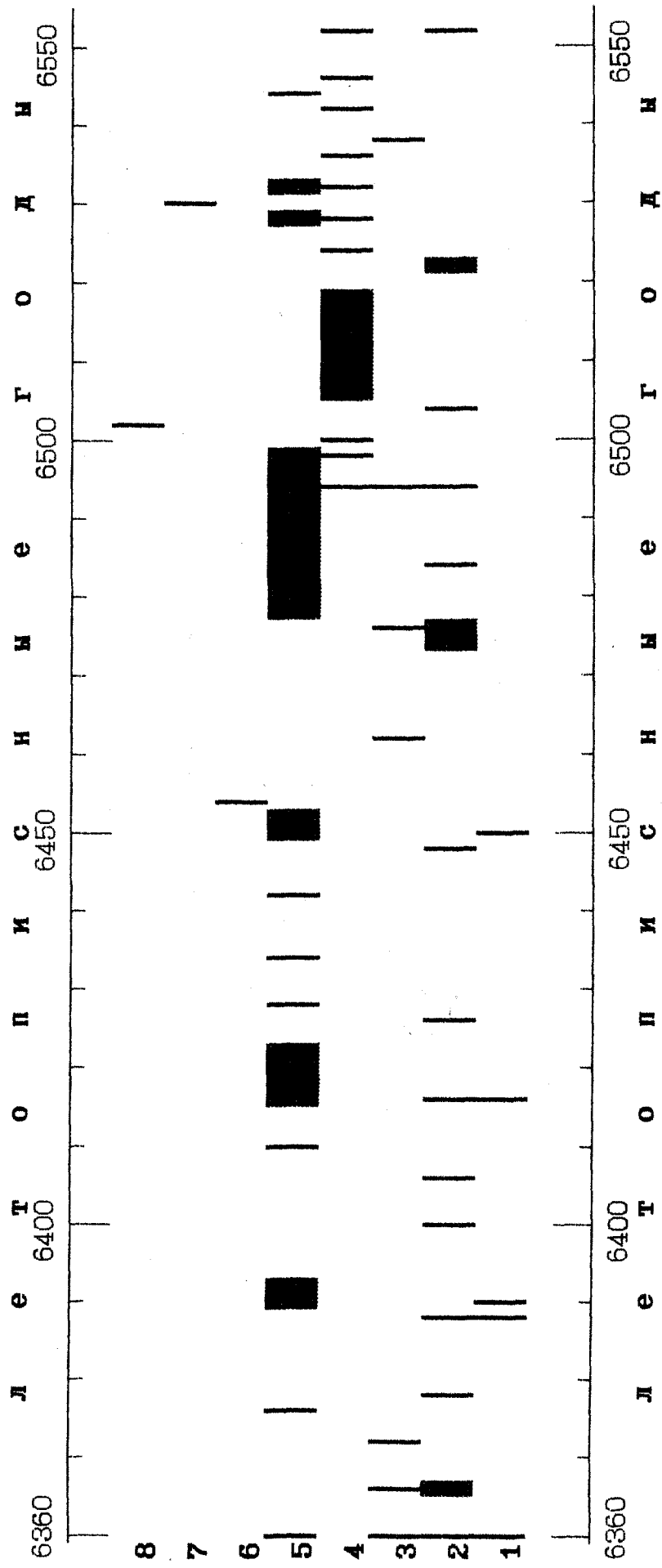

ТАБЛИЦА XXVII.
Расположение различных хронологических слоев
в начальной части "Повести временных лет":

1-слой относительного "династического" летоисчисления; 2-византийско-болгарский сентябрьский слой; 3-антиохийский (ультрамартовский ?) слой; 4-константинопольский сентябрьский слой; 5-константинопольский мартовский слой; 6-константинопольский постмартовский слой; 7-ранний константинопольский ультрамартовский слой; 8-поздний константинопольский ультрамартовский слой

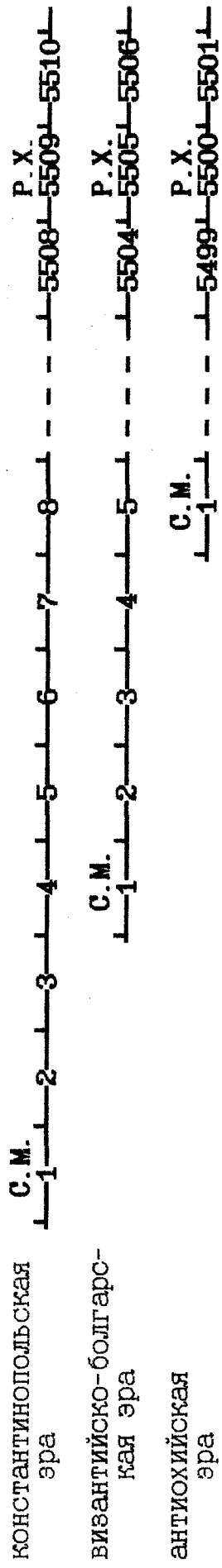

ТАБЛИЦА XVIII.
Синхронизация древнерусских эр летоисчисления

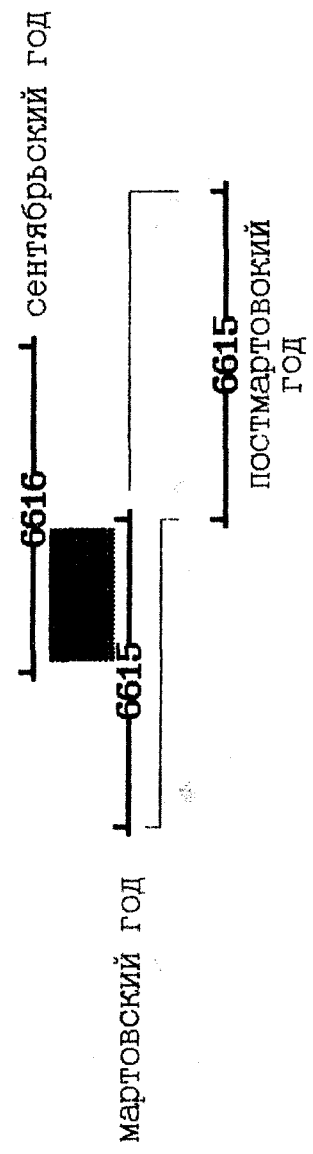

ТАБЛИЦА XIX.
Образование киево-печерского постмартовского
времени исчисления

И з в е с т и я и д а т ы "П о в е с т и в р е м е н н ы х л е т"	Н а ч а л о Великого поста	1-я неделя (воскресение) поста
3.02.6573 ультрамартовского года - смерть Ростислава, в конце года	7 марта 1065 г.	13 марта 1065 г.
10.03.6574 ультрамартовского года - битва на Немизе, в начале года	17 февраля 1102 г.	23 февраля 1102 г.
7.02.6610 ультрамартовского года - солнечное затмение, в конце года [7.02.1106 г. по византийско-болгарской эре]	28 февраля 1104 г.	6 марта 1104 г.
4.03.6611 мартовского года - поражение Ярославля, в конце года	6 февраля 1106 г. [с учетом 29 февраля]	12 февраля 1106 г.
4-6.02.6612 постмартовского года - солнечное затмение [5.02.1106 г.], в конце года	13 февраля 1111 г.	19 февраля 1111 г.
26.02.6619 мартовского года - поход на Дон, в начале года	4 марта 1112 г.	10 марта 1112 г.
11.02.6618 постмартовского года - "знамение" в Киево-Печерском монастыре, в конце года	17 февраля 1113 г.	23 февраля 1113 г.
19.03.6621 мартовского года - солнечное затмение [19.03.1113 г.], в начале года	10 февраля 1114 г. [с учетом 29 февраля]	16 февраля 1114 г.
9.02.6620 постмартовского года - поставление Прохора, в конце года	1 марта 1115 г.	7 марта 1115 г.
6621 постмартовский год - лунное затмение [солнечное затмение 8.03.1114 г.], в начале года		
16.03.6622 постмартовского года - смерть Святослава, в начале года		

ТАБЛИЦА XX.
Определение даты новогодия весенних календарных
стилей "Повести временных лет"

Номер Круга Луны	Основание (Фемелион) возраст Луны на 1.01	Возраст Луны на 22.03 (Эпакта)	Законная Пасха (пасхальное полнолуние, ночное время)
1	11	3	2 - 3 апреля
2	22	14	22 - 23 марта
3	3	25	10 - 11 апреля
4	14	6	30 - 31 марта
5	25	17	18 - 19 апреля
6	6	28	7 - 8 апреля
7	17	9	27 - 28 марта
8	28	20	15 - 16 апреля
9	9	1	4 - 5 апреля
10	20	12	24 - 25 марта
11	1	23	12 - 13 марта
12	12	4	1 - 2 апреля
13	24	15	21 - 22 марта
14	5	26	9 - 10 апреля
15	16	7	29 - 30 марта
16	27	18	17 - 18 апреля
17	8	0(30)	5 - 6 апреля
18	19	11	25 - 26 марта
19	0(30)	22	13 - 14 апреля

ТАБЛИЦА XXI.
Древнерусский 19-летний лунно-пасхальный
цикл (по данным Толковой Псалтири)

ОГЛАВЛЕНИЕ :

Введение	3
1. История изучения хронологии Начальной летописи	3
2. Методика изучения древнерусской хронологии	8
Глава 1. Анализ хронологических показаний летописных статей 6615–6633 гг. “Повести временных лет”	12
1.1. Расслоение хронологических артефактов летописной статьи 6615 г.	12
1.2. Характеристика хронологических артефактов 6616–6620 гг.	16
1.3. Хронологический анализ заключительной части источника (6621–6633 гг.)	19
1.4. Формальный анализ хронологических артефактов 6615–6633 гг.	22
Глава 2. Хронологический анализ средней части “Повести временных лет” (6562–6614 гг.) ..	25
2.1. Расслоение хронологических артефактов 6607–6614 гг.	25
2.2. “Доипатьевские” хронологические артефакты 6601–6607 гг. и их позднее редактирование	29
2.3. Хронологические слои известий эпохи Ярославичей (6562–6600 гг.)	33
Глава 3. Историко-хронологическая характеристика начальной части “Повести временных лет” (6360–6561 гг.)	40
3.1. Состав хронологического перечня (статья 6360 г.)	40
3.2. Хронологические слои в летописных статьях 6360–6480 гг.	42
3.3. Нелетописные источники и хронологические слои статей 6481–6561 гг.	48
Глава 4. Древнерусское времяисчисление в эпоху создания “Повести временных лет”	55
4.1. Древнерусское летосчисление	55
4.2. Древнерусские календарные системы	60
4.3. Календарные стили Древней Руси	65
4.4. Древнерусская Пасхалия	69
4.5. Структура древнерусского пасхального года	73
Глава 5. Конкретно-историческая характеристика времяисчислительных систем Древней Руси в XI–начале XII в.	77
5.1. Официальное времяисчисление Киевской митрополии и киевский монастырский счет времени	77
5.2. Времяисчисление Новгорода	81
5.3. Проблема историко-географической атрибуции византийско-болгарской системы времяисчисления	84
5.4. Времяисчисление Западной Руси	88
5.5. Времяисчисление Переяславля-Русского	90
Заключение	93
Примечания	96
Источники	125
Сокращения	126
Таблицы	128

Научное издание

ЦЫБ Сергей Васильевич

ДРЕВНЕРУССКОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ В “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ”

Монография

Редактор Л.И. Базина

Корректор А.Е. Россинская

Компьютерный набор Д.В. Колдаков

Подписано в печать 17.04.95. Формат 60х84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 15,3. Тираж 300 экз. Заказ 835.

Типография издательства Алтайского государственного университета:
Барнаул, ул. Димитрова, 66